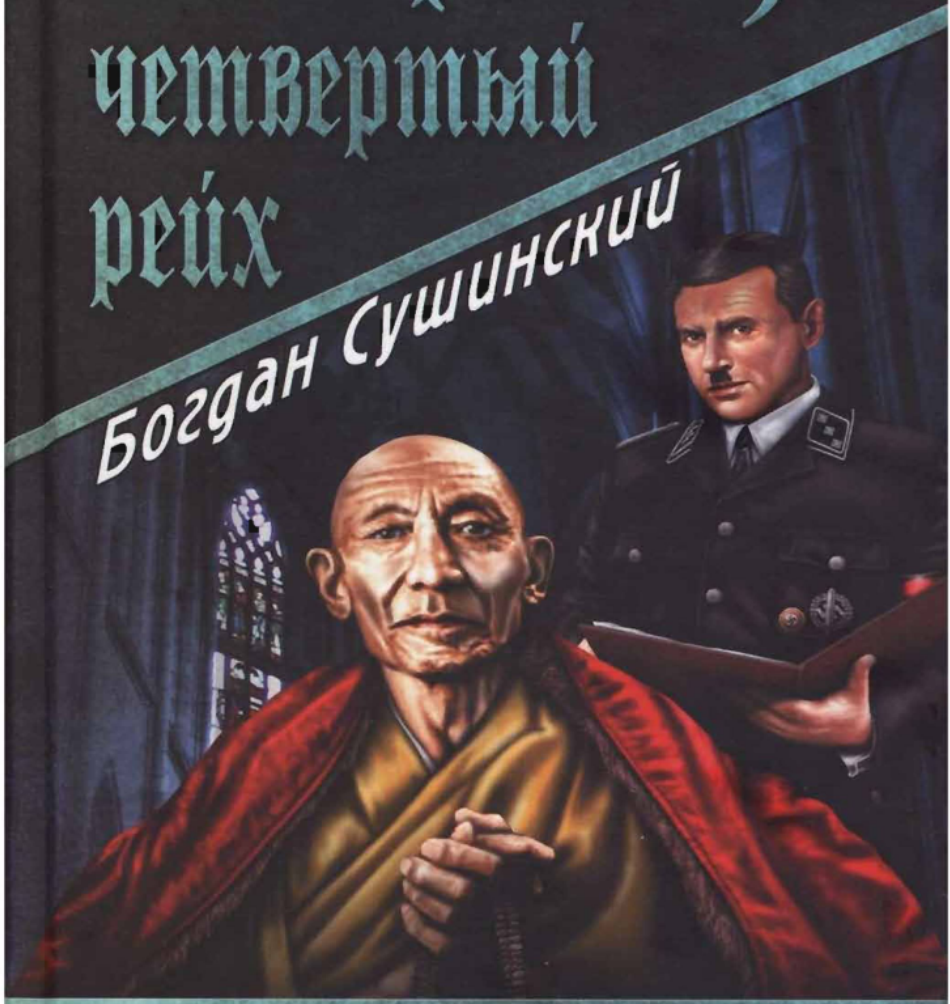
Антарктида: четвертый рейх

Богдан Сушинский



Секретный фарватер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новый военно-приключенческий роман-версия «Антарктида-Четвертый рейх» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени Александра Дюма (1993 год) Богдана Сушинского посвящен событиям 1939-1943 годов.

В основу сюжета положены исторические факты, связанные с версией о закладке таинственной военной базы германских войск в Антарктиде, о создании там Четвертого рейха, именуемого в романе Рейх-Атлантидой, который, по некоторым данным, существует и поныне; и о создании германскими учеными «летающих тарелок». Сотворение этой Рейх-Атлантиды проходило под патронатом личного агента фюрера по особым поручениям Отто Скорцени.

- Богдан Сушинский
  -
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9
  - 10.
  - 11.
  - 12.
  - 13.
  - 14
  - 15.
  - 16.
  - 17.
  - 18.
  - 19.
  - 20.
  - 21.
  - 22.
  - 23.
  - 24.
  - 25.
  - 26.

- 27.
- 28.
- 29.
- 30.
- 31.
- 32.
- 234
- 34.
- 35.
- 36.
- 37.
- 38
- 39.
- 40.
- 41.
- 42.
- 43.
- 44.
- 45.
- 46.
- 47.
- 48.
- 49
- 50.
- 51.
- 52.
- 53.
- 54
- 55.
- 56.
- 57.
- 58.
- 59.
- 60.
- 61.
- 62.
- 63.
- 64.
- 65.
- 66.
- 67.
- 68
- 69.

Богдан Сушинский

АНТАРКТИДА:Четвертый рейх

Москва «Вече» 2008

1.

Замок Викингбург, одиноко возвышавшийся на Хладной оконечности скалистого мыса, казался мрачным и призрачно нелюдимым. И трудно было поверить, что когда-то у стен его раздавался призывный клич боевьх труб, а звон мечей поминально растворялся в стенаниях отчаявшихся защитников и проклятиях воинствующих пришельцев.

Еще недавно большая часть Викингбурга покоилась в замшелых руинах, но буквально месяц назад, возрожденный из небытия трудом сотен военнопленных, замок превратился в северную, резиденцию главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала Карла Деница и пристанище Арктического отдела Главного управления имперской безопасности[1]. Того особого, абсолютно засекреченного отдела, чья деятельность оставалась тайной даже для большинства подчиненных обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера.

И только очень узкий круг лиц знал, что и Арктический отдел, подчинявшийся теперь уже непосредственно Отделу диверсий Управления зарубежной разведки СД во главе с Отто Скорцени, и северная резиденция гросс-адмирала Деница – служили всего лишь прикрытием той организации, которая стала истинным хозяином замка. А все дело в том, что с недавних пор в замке Викингбург обосновался секретный штаб соединения подводных лодок «Конвой фюрера», одновременно являвшийся и штабом операции «Рейх-Атлантида».

Что же касается Арктического отдела, то деятельность его действительно была строго засекречена, однако люди его, во главе с оберштурмбаннфюрером СС Николасом Лигвицем, занимались всего лишь обеспечением безопасности тех, кто. ведал поставками вооружения, продовольствия и всего прочего, что необходимо было для жизнеобеспечения «Базы-211». Не обладая никакой существенной информацией о подземном рейхе, они, в то же время, должны были делать все возможное, чтобы в рядах поставщиков не завелось вражеских агентов и предателей. А если же таковые объявятся, то чтобы они тоже не получили никакого представления о том, где именно, в какой части Антарктиды, «База-211» расположена и что она из себя в действительности представляет.

– Так вы уже видите их, мой гросс-адмирал? – уловил Де-ниц у себя за спиной прерывистое, с удушливой хрипотцой дыхание адъютанта Фридриха Наубе. Обычно так дышали моряки, значительную часть жизни своей проведшие в пропитанном потом

и страхом чреве субмарины, и именно по этому дыханию Деницу не раз удавалось выуживать отставных субмаринников среди прочего портового люда.

– Разве они уже подходят к бухте? – поежился на холодном октябрьском ветру главком Кригсмарине.

– Подходят, мой гросс-адмирал. Субмарина коммодора Вилли Штауфа достигла Косы Утопленников и готовится к всплытию.

– Сколько их?

– Две «волчьи стаи», мой гросс-адмирал.

– Значит, еще две «волчьи стаи»…- едва заметно кивнул Дениц, величественно вскинув худощавый, под эспаньолку, заостренный подбородок.

Ему нравилось, что адъютант называет отряды подлодок именно так, как предпочитал называть он сам, – «волчьими стаями», а сами подлодки именовались в его штабе «серыми волками». И ничего, что его предшественник, гросс-адмирал Эрих Редер[2], терпеть не мог подобных определений, на корню пресекая всякое вольномыслие, всякое отступление от устава и общепринятой терминологии.[3] Несмотря на его полнейшее невосприятие, Дениц упорно настаивал, чтобы против англо-американских конвоев подводники его действовали постоянными отрядами в пять субмарин, предпочитая называть эти отряды «волчьими стаями». Причем от капитанов он и в самом деле требовал знания повадок вышедшей на охоту волчьей стаи.

– Да, еще две, мой гросс-адмирал, – подтвердил Наубе, зная, как это важно сейчас для Деница – осознавать, что три «стаи» уже вернулись от берегов Антарктиды.

– Не исключено, что завтра фюрер тоже прибудет в «Викингбург», чтобы лично выслушать доклад коммодора Вилли Штауфа об очередной экспедиции в Новую Швабию [4].

– И вы доложите ему, что три наши стаи не потеряли ни одной субмарины. По крайней мере, из тех, которым приказано прибыть в рейх. Тем, что рейдируют сейчас у берегов Антарктиды, конечно же, приходится сложнее [5] .

Услышав это, Дениц покряхтел и сипловатым голосом субмаринника произнес:

– Вот только докладывать ему по поводу Новой Швабии становится почему-то все труднее. Почему-то…

– Может быть, потому, – приподнялся на носках Фридрих Наубе (он всегда приподнимался так, когда хотел сообщить что-то важное: возможно, считал, что для такого сообщения его небольшого росточка субмаринника недостаточно) – что, потеряв надежду сохранить рейх в Германии, он точно так же теряет надежду на то, что удастся создать новый рейх в Антарктиде.

– Смелое предположение, капитан-лейтенант, смелое. Когда в СД решат, что вас пора вздернуть, наблюдать за казнью я буду с чувством гордости за своего адъютанта. Как вам такая шутка, мой капитан-лейтенант?

– Главное, что вы будете присутствовать при этом, – кротко ответил Наубе, и по тому, как чувственно взглотнул он подступивший к горлу комок, гросс-адмирал понял, что сказано это искренне.

Искренность и преданность – вот то, что пятидесятидвухлетний гросс-адмирал ценил в этом офицере-субмариннике, с которым судьба свела его еще в июне 1935 года. В том июне, когда Гитлер назначил его, недавно произведенного во фрегаттен-капитаны и в недалеком прошлом командира легкого крейсера «Эмден» [6], на неизвестную доселе во флоте должность – фюрер подводных лодок[7], вступив в которую, Дениц принял командование 1-й подводной флотилией рейха.

Со временем он сменил много всяких флотских должностей и чинов, но неизменно считал себя именно тем, кем пожелал видеть его вождь нации, – фюрером подводного флота.

Это сейчас наличие большой стаи субмарин воспринимается в рейхе как нечто само собой разумеющееся; а тогда, в феврале 1935-го, Гитлеру понадобилось немало мужества и политической воли, чтобы, вопреки статьям Версальского договора, отдать приказ об их строительстве и при этом открыто заявить, что он намерен создать полноценный подводный флот. И пусть его 1-я флотилия, насчитывала всего одиннадцать небольших субмарин, но и это уже было вызовом всей германофобствующей Европе. Вот именно, германофобствую-щей!…

Да, якорь им всем в брюхо, это было вызовом, – сипловато пробасил Дениц, вслух подытоживая свою мысленную экспедицию в прошлое,

– Пусть даже вызовом! – не раздумывая, поддержал его Фридрих Наубе, – Само существование рейха – уже вызов. Всем, кто не способен воспринять наше величие.

Дениц слегка поморщился: он не любил, когда вторгались в его «блуждания по собственному одиночеству», даже если это вторжение совершал тот, кому это было простительно. Впрочем, большую часть того пути, который предшествовал его коронации в гросс-адмиралы, они с Фридрихом прошли вместе. И кто знает: возможно, этот некогда несостоявшийся фейерверкер теперь уже действительно способен угадывать сам ход его мыслей?

– Вы помните, как мы познакомились, Наубе? – спросил он, все еще стоя спиной к адъютанту.

– Помню. Новы никогда не спрашивали об этом, мой гросс-

адмирал.

– Вы служили тогда артиллеристом на этой ржавой посудине, именуемой крейсером «Нимфе».

– На котором вы когда-то были штурманом. Что же,касается меня, то, если позволите уточнить, мой гросс-адмирал, я предстал перед вами всего лишь заряжающим дальнобойного орудия, с трудом дослужившись до обер-фейерверкера [8].

– Все же какой-никакой обер.

– Но даже оттуда меня пытались списать, поскольку для столь тяжелых снарядов я оказался слишком малого веса.

– А главное, никогда не отличались дисциплинированностью. Ваш послужной список…

– …Вы же, мой гросс-адмирал, взошли на борт, – бесцеремонно перебил его Наубе, – чтобы поинтересоваться, остался ли на нем кто-либо из офицеров, с которыми вам пришлось «держать волну» в 1928-м.

– Именно так мы, старые моряки, и говорили: «держать, волну», – простил ему нарушение субординации гросс-адмирал. – Для всякого молодого моремана высшей похвалой было: «Наконец-то ты держишь волну, парень!»

– А ведь со смыслом сказано, – с романтической грустинкой старого моряка произнес капитан-лейтенант.

– Да, так что там было дальше? – суховато вернул его к действительности главком Кригсмарине, не желая становиться свидетелем мнимого перевоплощения Наубе в морского волка.

Адъютант давно смирился со странной привычкой гросс-адмирала – возрождать собственные воспоминания устами тех людей, с которыми его некогда сводила судьба. При этом главнокомандующий Кригсмарине сильно огорчался, когда заставал своего собеседника врасплох и открывал для себя, что тот не в состоянии вспомнить какие-то детали давних событий, какие-то интересные подробности, которые сам он, Карл Дениц, прекрасно помнил, никогда не упуская случая как можно убедительнее продемонстрировать свойства своей памяти. Причем, делал это в иронически-назидательном тоне.

– Узнав, что капитан цур зее [9] полон решимости распрощаться со мной, списав в береговую артиллерию, вы заявили, что ведет он себя не по-флотски, потому что такие, как я, «могучие не телом, а духом германским» парни нужны сейчас подводному флоту.

– И сказано это было о вас, капитан-лейтенант, о тогда еще простом обер-фейерверкере. Могу сожалеть, что не нашлось человека, который бы сказал такие же слова обо мне, Я бы помнил их всю жизнь.

– Я тоже помню.

– А в те дни своих будущих подводников я собирал по всему надводному флоту, по береговым батареям, пехотным частям и даже частям СА [10]. Для многих из них это стало определением всей их дальнейшей судьбы. Многие стали офицерами, некоторые давно командуют кораблями или служат в штабах. соединений, – гросс-адмирал покряхтел, давая понять, что адъютант может продолжить свой рассказ, и Наубе тотчас же напомнил ему:

– …А затем вы приказали своему адъютанту отвести меня к машине, чем очень обрадовали и командира крейсера, и явно невзлюбившего меня старшего артиллерийского офицера.

Капитан-лейтенант Наубе пытался сказать еще что-то, но, увидев перед собою поднятую вверх руку – что всегда означало одно и то же: «Не отвлекать!», – запнулся на полуслове.

2.

Январь 1939 года.
Антарктика.
Борт германского авианосца «Швабенланд».

Сообщение, которого барон фон Риттер так долго и с нетерпением ждал, поступило на рассвете

– Господин капитан цур зее! – услышал он в телефонной трубке взволнованный голос вахтенного офицера! – Прямо по курсу – ледяное поле! Предполагаю, входим в зону пакового льда.

– «Предполагаю»! – проворчал капитан «Швабенланда», мгновенно стряхивая с себя остатки предутренней полудремы и поспешно одеваясь. Вот уже третью ночь подряд капитана изматывала бессонница: на мостике он грезил постелью, а, возвращаясь в свою каюту, впадал в то состояние, которое можно было характеризовать как полусонное-полуидиотское [11], – Здесь уже и предполагать нечего: подходим к шельфовым ледникам Антарктиды. И прямо по курсу у нас – Берег Принцессы Астрид.

Прежде чем подняться на капитанский мостик, Альфред фон Риттер вышел на нижнюю палубу и остановился на открытой ее части, у самого бака. Льды Антарктики он, старый полярник, хотел видеть не через стекло капитанского мостика

и окуляры бинокля, а вот так, почти на расстоянии вытянутой руки. В Антарктике он никогда раньше не был, и сейчас он хотел ощутить, воспринять ее всю, все ее естество: ее тишину, силу порывов ее ветра, красоту и озоновый запад прибрежья, леденящий душу холод ее континентального дыхания.

Судьбу полярника он, сын морского офицера и геолог по образованию, избрал, еще будучи студентом университета, когда во время летних каникул отправился в свою первую международную экспедицию на север Канады, на остров Эллеф-Рингнес. Затем были остров Принс-Патрик и мыс Колумбия на крайнем севере канадского острова Элсмир, а уже после окончания мореходной школы последовала зимовка на метеостанции, расположенной на гренландском мысе Моррис-Джесеп, которая едва не завершилась для него трагически. Вместе с таким же авантюристом, как и он сам, франко-канадцем Мишелем Олленом, они, вопреки решительному протесту начальника станции, отправились в поход к Северному полюсу, к которому от мыса Моррис-Джесеп действительно рукой подать.

Конечно же, это была чистейшей воды авантюра двух недоученных студентов, которые волею судеб оказались на метеостанции рядом с профессиональными метеорологами-

полярниками. Специально к этой экспедиции они не готовились, она нигде не была зарегистрирована, рации для них тоже не нашлось, а посему рассчитывать на спасение не приходилось. Риттер до сих пор уверен, что жизнь ему спас его спутник Мишель – ценой своей собственной жизни

На третьи сутки Мишель провидчески заболел, и Альфред еле дотащил его на санках назад, до метеостанции, где он вскоре и скончался. Но если бы не эта его болезнь, последовавшая за падением в расщелину, из которой Оллен только чудом выбрался, они,.наверное, так вместе и погибли бы где-нибудь на подходе к полюсу, в лучшем случае – на обратном пути к метеостанции, куда он и так прибыл полуживым.

Вдобавок ко всему начальник станции, суровый англичанин, пригрозил выдавать самую отвратительную характеристику каждому, кто поинтересуется его, полярника Альфреда Риттера, качествами характера.

И, как вскоре выяснилось, слово свое сдержал. Вернувшись в Англию, он сразу же, в двух интервью, опубликованных в разных изданиях, «воздал должное авантюризму и крайней недисциплинированности своего юного германского коллеги, на совести которого навеки останется гибель столь же молодого и горячего канадского полярника француза Мишеля Оллена». А затем этот свой приговор старый негодяй слово в слово воспроизвел в трех собственных статьях. Точнее, во всех трех из тех, которые ему, Риттеру, стали известны. Но не было сомнения, что англичанин с нетерпением ждет, когда сможет высечь эти же слова, причем опять слово в слово, на его, барона фон Риттера, надгробии.

Да, Арктика преподнесла ему несколько очень суровых уроков, но, вместо того чтобы раскаяться в своих полярных страстях-странствиях и осесть где-нибудь в маленьком домике под Берлином, он начал фанатично рваться в Антарктиду. Убеждая себя при этом, что все его арктические мытарства – всего лишь прелюдия к настоящему, великому паломничеству в Антарктику. А поскольку уже после первой экспедиции Альфреду начала грезиться собственная, с запасом особой прочности построенная, арктическая яхта, добравшись на которой до южной оконечности Африки, он смог бы совершить затем экспедицию к атлантическому прибрежью Антарктиды, то, понятное дело, что ему еще и пришлось проходить штурманский курс мореходной школы.

Кстати, этот шаг отец его, суровый и напрочь лишенный каких-либо романтических бредней военный мореман, по-своему ис- кренне приветствовал, заявив: «Наконец-то и у тебя,

странствующего бездельника, появится настоящая мужская профессия».

– Просьба к командиру корабля капитану цур зее, – донесся из корабельного громкоговорителя голос вахтенного офицера, фрегаттен-капитана Теодора фон Готта, - срочно поднимитесь, пожалуйста, на капитанский мостик! Дело, не терпящее отлагательства!

«Наш фрегаттен-капитал увидел впереди льды и запаниковал, решив, что я привел судно к концу земли, – поиграл желваками Риттер. – Еще немного, и он ввергнет в мистический ужас всю команду».

Риттер вновь взглянул на открывавшийся впереди горный массив. «Интересно, - подумал, – это уже материк или какой-то из прибрежных островов?»

– Повторяю: просьба к господину капитану цур зее… – все еще не мог угомониться вахтенный офицер,

– Да иду, иду! – буквально прорычал фон Риттер, до глубины души возмущенный тем, как нагло фрегаттен-капитан вторгается в великосветскую интимность его личного знакомства с окутанным мистическими тайнами континентом. Хотя и понимал, что услышать его Теодор Готт не может.

Обращения фрегаттен-капитана абсолютно не встревожили его. Если бы произошло что-то чрезвычайное, Готт, опытный моряк, уже объявил бы общекорабельную тревогу и вызвал на палубу аварийную команду. Хотя что-то же его все-таки заставляет вызывать на мостик капитана судна.

«В любом случае, – сказал себе фон Риттер, все еще не торопясь прерывать свое первое тайное свидание с Антарктидой, хотя уже направлялся к трапу, ведущему на капитанский мостик, – погода, по антарктическим понятиям, стоит просто-таки чудная: мороз градусов десять, не больше, ни ветра, ни волн. Черт возьми! Да ты, странствующий бездельник, совершенно забыл, что в Антарктике сейчас в разгаре лето. Курортный сезон на южной оконечности планеты!»

Белесый утренний туман развеивался, постепенно открывая капитану необозримое поле мелкого льда, под белой кольчугой которого улавливалось могучее, всепоглощающее дыхание океана. Барон фон Риттер не мог знать, как сложится эта экспедиция, но главной своей цели – ступить не берег Антарктиды – он, похоже, уже достиг. Так что в любом случае ему уже не придется жаловаться на судьбу, независимо от того, как эта капризная и мстительная матрона поведет себя впредь.

Когда в Берлине, в эсэсовских верхах, решался вопрос о том, кого назначить начальником этой экспедиции, в течение событий

вмешался главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Эрих Редер, хорошо знавший его отца, корветтен-капитана в отставке Артура Риттера. Это он позвонил Герингу и назвал имя барона Альфреда Риттера, «старого опытного полярника и потомственного военного моряка».

А услышав от рейхсмаршала, что тот в принципе не возражает, но «не мешало бы поговорить с Гиммлером», настойчивый адмирал лично явился к рейхсфюреру на прием. И тут уж сработало то, что Гиммлер хорошо знал старшего брата полярника Риттера – оберштурмбаннфюрера, то есть подполковника войск СС, Рудольфа фон Риттера, успевшего к тому времени отличиться при выполнении какого-то важного задания, причем за пределами Германии. Мало того, с благословения Гиммлера старший фон Риттер только что получил какую-то очень важную, секретную должность, на которой его охотно утвердил сам фюрер. Причем, как оказалось, фюрер поинтересовался у Рудольфа, чем занимается сейчас его брат-полярник, о похождениях которого он в свое время читал в газетах. Вспомнив обо всем этом, Гиммлер наверняка при случае доложил фюреру, что он специально отыскал барона Альфреда фон Риттера, чтобы вернуть его на службу германской науке.

Вот так, с отцовского благословения, судьба и соткала для него, странствующего бездельника, эту долгую дорогу в Антарктику.

3.

Август 1938 года.
Германия. Мюнхен.
Партийный штаб фюрера – Коричневый дом.

Солнце уже зависло на шпиле все еще бредившего прощальными молитвами крестоносцев старинного собора, когда на роскошной Бриннерштрассе появился антрацитово-черный, фюрерский, как его здесь называли, «мерседес». Неспешно вышедший из него почти двухметрового роста господин лет тридцати пяти, в широких плечах и в каждом движении которого клокотала плененная мышцами и силой воли буйволиная ярость, явно никуда не торопился.

Он с безучастным выражением лица осмотрел изысканную мраморную лестницу, мощные колонны и увенчанный огромной свастикой фронтон бывшего дворца Барлова, в котором когда-то, во времена Баварского королевства, располагалось итальянское посольство, затем взглянул на «облагороженный» псевдоготикой особняк напротив, в котором озарялась благословением резиденция папского нунция, и, поражая рослых СС-охранников своей осанкой и выправкой, направился ко входу.

Эти двое парней в черных мундирах, конечно же, обязаны были остановить светловолосого гиганта в зеленом мундире без каких-либо опознавательных знаков, однако, встретившись с холодным взглядом его подернутых лазурной поволокой глаз, они замерли, как замирали только при появлении самого фюрера, и с окаменевшими лицами дождались, когда странный пришелец скроется за дверью.

Несколько запоздало встретивший гостя начальник личной охраны Гитлера штурмбаннфюрер СС Ганс Раттенхубер суетно уведомил гостя, что фюрер ждет его и готов принять.

– Он готов, – невозмутимо подтвердил пришелец. – Теперь он уже, естественно, готов.

Чтобы попасть в кабинет Гитлера, нужно было пройти через облицованный коричневатым мрамором зал, увешанный мемориальными досками, на которых были высечены имена тринадцати национал-социалистов, погибших здесь, в Мюнхене, во время столкновений с полицией 9 ноября 1923 года. Остановившись посреди зала, пришелец внимательно осмотрелся. Раттенхубер знал, что обычно этот зал – с флагами, а также свастиками на оконных витражах, плафонах люстр и даже на карнизах - производил на впервые входивших в него довольно сильное впечатление. Однако и на сей раз пришелец остался

совершенно невозмутимым.

Раттенхубер уже намеревался вести его в приемную, но в это время в зал вошел сам фюрер,

– Вы все же прибыли! – пошел он навстречу гостю, на ходу протягивая ему руку. – Я очень рад! Нам надо о многом поговорить.

– Консул Шамбалы во Внутреннем Мире, – едва заметно склонил голову пришелец, не проявляя никакого желания здороваться за руку. – Вы просили Высших Посвященных прислать своего представителя. Он – перед вами. Но, прежде чем мы пройдем в ваш кабинет, я хотел бы взглянуть на Сенаторский зал.

– Вы знаете о Сенаторском зале?! – был приятно удивлен фюрер. – Да, пожалуйста, пройдем. Вот сюда…

Они вошли в небольшой зал, в котором стояло шестьдесят одно обитое светло-красной кожей кресло. Пол и стены были украшены сотканными из орнаментальных свастик коврами, а на одной из стен виднелись четыре увенчанные огромной свастикой мраморные плиты, повествовавшие о четырех этапах становления НСДАП: об основании партии, о принятии ее программы, о трагических событиях «Мюнхенского путча» 1923 года и, наконец, о победе на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года, во время которых НСДАП получила 107 депутатских мест.

– Это особый зал, – с волнением произнес Гитлер.

– Я знаю.

– Придет время, и в нем будет заседать шестьдесят один пожизненный сенатор, каждый из которых проявит себя как выдающаяся личность рейха.

– Считаете, что это время действительно придет?

– Придет. И это они, сенаторы, будут править Германией.

– Пока что вы, господин Шикльгрубер, собирали своих людей в этом зале только однажды, в июне 1934 года, чтобы благословить ближайших приверженцев на расправу с отрядами штурмовиков во главе с Эрнстом Ремом. Во время этого погрома вы истребили несколько сотен своих сторонников.

– Вам и это известно?! – уставился на него фюрер, едва придя в себя от шока, вызванного упоминанием его, теперь уже строго запрещенной для упоминания и почти засекреченной, фамилии.

– Как и то, что этому залу так и не суждено будет услышать голоса германских сенаторов.

– Нет, почему же?! – возмутился Гитлер. – Наступят время, и…

– Не наступит, господин Шикльгрубер, – жестко остепенил его Консул, – теперь уже не наступит. А этажом выше находится

зал вашего партийного суда, – не давал он опомниться фюреру, – где стол судьи все еще украшают золотая свастика и золотая фигурка Христа.

– Там проходят суды над членами партии, которые…

– Давайте не будем тратить время на осмотр, – прервал его рассказ пришелец, – и продолжим встречу в вашем кабинете.

Пока Консул уверенно направлялся к двери, а затем столь же уверенно входил в приемную, Раттенхубер, все время державшийся как бы между ним и Гитлером, но чуть сбоку, краем глаза наблюдал за своим шефом. Тот выглядел растерянным и подавленным. А ведь фюрер специально наметил встречу в Коричневом Доме, рассчитывая поразить Посланника Шамбалы его великолепием и ритуальной святостью многочисленных свастик, таких близких, как он считал, душе и духу Высших Посвященных.

«Тогда в чем дело?! – задавался вопросом Раттенхубер. - Создается впечатление, что даже если бы фюрер решился сказать шамбалисту, что этот, в итальянском стиле выстроенный, дворец обошелся ему при покупке в полмиллиона марок и еще столько же стоили его ремонт и оформление, – это тоже не произвело бы на Посланника абсолютно никакого впечатления. Чем же тогда можно удивить?!»

Раттенхубер и сам не принадлежал к людям эмоциональным, но холодно-заносчивых аристократов, подобных Посланнику Шамбалы, он просто терпеть не мог. Впрочем, фюрер тут же избавил телохранителя от его душевных терзаний, закрыв дверь перед самым носом; и при этом даже не оглянулся.

«А ведь вождь недоволен, что ты стал свидетелем его унижения, – сказал себе начальник "сопроводительной команды" [12].

– Но ведь меня-то он может не опасаться. Кого угодно, только не меня!»

Кабинет фюрера одинаково способен был поражать воображение как своими амбициозными размерами, так и своим роскошным убранством: сработанные под старину кресла, огромные, в стиле кого-то там из Людовиков, диваны и такие же огромные хрустальные люстры; а еще – золотые, работы венецианских мастеров, канделябры; золотой бюст Муссолини, стоявший чуть в сторонке от изысканного золоченого письменного прибора,… И здесь же, чуть правее от громадного, из красного дерева сработанного, письменного стола, – искусно выписанный маслом огромный портрет императора Фридриха Второго Прусского, больше известного германцам под прозвищем Старый Фриц.

– Прошу вас, присаживайтесь, – движением руки указал фюрер куда-то в сторону стола.

Но дальше произошло то, чего он никак не ожидал и от чего буквально потерял дар речи: благодарственно кивнув, Посланник Шамбалы, не колеблясь, обошел стол и уселся в высоком кресле фюрера.

Гитлер растерянно подался было вслед за ним, затем остановился и, не зная, как ему вести себя в подобной ситуации дальше, так и остался стоять, держась за спинку ближайшего к столу кресла для посетителей. Он мучительно пытался понять, чем вызвано такое поведение Посланника Шамбалы: незнанием европейского этикета, подчеркнутым пренебрежением и к великосветским условностям, и к нему самому, фюреру Великогерманского рейха? Или же Посланник уже открыто дает понять, что Высшие Посвященные Шамбалы разочарованы в вожде арийцев и отказывают ему в дальнейшей поддержке?!

– Я не стану отнимать у вас время, – наконец-то решился Консул Внутреннего Мира проявить хоть какие-то знаки уважения к хозяину. – Вы хорошо были знакомы с тибетским ламой Торгаром, прозванным у вас Человеком в Зеленых Перчатках.

– Человек в Зеленых Перчатках! Конечно же, помню, – оживился фюрер, – Где он сейчас? Как-то странно и неожиданно он исчез.

– Вы не очень-то доверяли ему, хотя вам было объяснено, что Торгар обладает титулом Держателя Ключей От Королевства Агарти.

– Да-да, благодаря ламе мы сумели установить связь с Посвященными Шамбалы, – попробовал уйти от выяснения отношений фюрер, однако Консул оставался непреклонным:

– …Не доверяли даже после того, как лама Торгар трижды назвал журналистам точное количество членов вашей партии, которые станут депутатами рейхстага [13].

– Вы правы, – попытался искупить свою былую самоуверенность Гитлер. – Он поражал нас даром предсказателя. Так угадать количество мест в рейхстаге!

Фюрер намеревался сказать еще что-то, однако, натолкнувшись на гипнотизирующе-ироничный взгляд Посланника, запнулся на полуслове.

– Вы так и не поняли самого главного, господин Шикльгрубер, – что Держатель Ключей Духовного Королевства Агарти не угадывал и не предсказывал ваши победы, а… вел вас к ним.

– Да?! – опешил от неожиданности Гитлер,

– Он вел вас к победе, сотворяя из Шикльгрубера – Гитлера, из агитатора маленькой партии – ее лидера, из ефрейтора

разгромленной армии – вождя великой, непобедимой нации. Это Торгар и его люди обучали вас искусству медитации, они открывали вам неведомые простым смертным каналы духовной связи с посвященными тайного Королевства добра Агарти.

Посланник Шамбалы не мог не заметить, как болезненно задело фюрера его сообщение. Передернув костлявыми плечиками, тот попробовал вскинуть подбородок и впасть в благородный гнев:

– Но вы же не станете отрицать, что в моем приходе к власти величайшая заслуга нашей партии, в ней вера германского народа!…

– Все, что вы хотите сказать в эти минуты, будет уместнее высказать на очередном партийном митинге, – не стал впадать в тонкости восточной философии и церемониться с ним Посланник. – Торгар является наследником королевской династии Торов, основателем которой стал известный из нордических саг бог Тор. Но еще до своего обожествления он спас значительную часть духовной элиты расы тор-ариев, чья цивилизация погребена сейчас песками пустыни Гоби. Эта династия является династией учителей тор-ариев, а духовная элита, которую Тор увел во Внутренний Мир Гималаев, в глубокие горные подземелья, признана сыновьями Космического Разума, или, как его еще называют в некоторых тайных свитках, Разума Извне.

– Припоминаю, что нечто подобное слышал от ламы Торгара.

– К сожалению, вы забыли многое из того, что вам было поведано Торгаром, господин Шикльгрубер. И слишком редко вспоминаете о том, что еще помните.

– Но, действительно, он так неожиданно и не вовремя исчез! Мы-то рассчитывали на его помощь, его консультации.

– высшие Посвященные Агарти окончательно отказались от вмешательства в процесс развития вашей цивилизации, судьба которой уже предрешена, от вашей обреченной цивилизации, – уточнил Посланник. – Философскую сентенцию Посвященных Агарти я бы сформулировал так: «Мудрость человека, посадившего дерево, заключается в том, чтобы обречь себя на созерцание его жизненного цикла, запрограммированного Космическим Разумом в самой духовной идее этого дерева».

– Возможно-возможно, – суетно питался прервать его Гитлер, однако Посланник оставался непреклонным.

– …Это универсальный принцип, который, применительно к цивилизации,формулируется таким образом: «Высшая мудрость Космического Разума заключается в том, чтобы, сотворив очередное поколение земной цивилизации, дать ей, возможность

самовыразить себя во всех заложенных в ней принципах и законах развития в течение всего отведенного ей космического цикла бытия» [14]. Этот постулат является основополагающим и по отношению к планетарному биокораблю, именуемому Земля. Сотворив который, Космический Разум также позволил ему самовыражаться во всех заложенных в его Высшей Идее принципах и законах развития в течение всего отведенного ему цикла космического бытия.

– Да, значит, мироустройство представляется вам именно таким? – едва слышно проговорил фюрер, теперь уже внемля каждому слову Посланника Шамбалы.

– Так вот, – не стал отвлекаться на уточнения и полемику Консул, – все планетарные катаклизмы на Земле происходят из-за того, что циклы и принципы бытия Земли и человеческой цивилизации не только не совпадают, но и в основах своих, противоречат друг другу, а порой и взаимоисключают друг друга. Ну а что касается Духовного Королевства Агарти, то оно олицетворяет лишь одну из ветвей духовной расы тор-ариев [15]. Вторую составляют Посвященные Духовного Королевства Шамбалы. Это Королевство Земного Могущества, Высшие Посвященные которого пытаются влиять на развитие цивилизации, на губительные стихии планеты и, способствуя выживанию ее духовной элиты, стремятся сотворить и утвердить на земле Высшую расу сверхчеловека, космическую расу богочеловека.

– Именно эта идея – сотворения расы космического богочеловека – наиболее близка идее и духу арийского нацизма, – решительно взбодрился фюрер. – Мы с готовностью воспримем ее как основу своей тайной доктрины.

– Вы обязаны воспринять ее как основу своей тайной доктрины бого-арийского нацизма, или, точнее говоря, арийского космонацизма [16], – популярно объяснил фюреру его функцию Посланник Шамбалы, – У вас не существует выбора Когда за Название «духовная раса тор-ариев» принадлежит Автору, вершится эта война, космогонический арийский нацизм, в отличие от сионистского капитализма, иудо-славянского коммунизма и итало-германского фашизма, станет ведущей политической религией евразийского континента. Именно в арий-нацизме, как в духовном мироучении, способствующем выживанию нынешней цивилизации и ее переходу в Космическую Расу Богочеловека, сумеет найти себя духовная элита большинства рас и наций. Потому что, вопреки постулатам германского нацизма, арий-нацизм как новое мироучение, исходит не столько из кровного, сколько из духовного арийства

народов. То есть арий-нацизм – не что иное, как духовное вхождение элиты многих народов в высшую, космическую, ступень транснационального духовного арийства. Сотворение арийского Нацизма на основе какой-либо одной земной нации уже не имеет перспектив.

Посланник Шамбалы умолк, считая, что сказанного им вполне достаточно, чтобы прояснить тайну своего появления в Германии. Однако понадобилась еще как минимум минута, чтобы фюрер перемолол услышанное на жерновах своих мыслей и вернул себе способность к общению:

– Но сами-то вы?… Кто вы в действительности? Какими полномочиями обладаете и, вообще, какова ваша миссия в Германии? Говорите откровенно, это останется между нами.

– Перед вами – потомок богокороля Тора, сын правителя Шамбалы, один из Духовных Принцев Шамбалы. В то же время я являюсь консулом Шамбалы во Внутреннем Мире Антарктиды,

– Внутреннем Мире… чего?!

– Антарктиды. Я понимаю, что вам хочется выяснить, что собой представляет этот Внутренний Мир. – Только теперь Принц Шамбалы освободил кресло фюрера и вышел из-за стола. – Частичный ответ вы получите после того, как из Антарктиды вернется ваша экспедиция.

– Но мы не посылали экспедицию в Антарктиду

– Вы отправите ее сейчас. На авианосце «Швабенланд», который в эти дни переоборудуется на гамбургской верфи для похода в Арктическую Канаду Отправьте туда менее подготовленное судно и менее подготовленный экипаж. Но проводы устройте пышные, чтобы отвлечь внимание от похода в Антарктиду который, наоборот, должен проходить в условиях особой секретности. Очень важно, что «Швабенланд» является авианосцем и оснащен паровой катапультой для запуска гидроплана. Во главе экспедиции я бы посоветовал поставить двух опытных полярников: фон Риттера и фон Готта. Будьте готовы к тому, -молвил Принц Шамбалы, уже направляясь к выходу – что этот поход в Антарктиду станет началом нового поворота в истории рейха, началом создания Рейх-Атлантиды.

Фюрер подался вслед за ним, однако Принц Шамбалы уже закрыл за собой дверь. Вождь рейха выбежал в приемную, пронесся через Мраморный зал и, увидев в конце просторного фойе беззаботно беседовавших Раттенхубера и Рудольфа Гесса, прокричал:

– Где он?!

– Кто? – удивленно спросил Гесс.

– Не задавайте мне дурацкие вопросы! – заорал Гитлер. – Вы,

Раттенхубер, знаете, о ком я! Он только что должен был выйти из Мраморного зала. Другого выхода здесь нет.

– Из зала никто не выходил, мой фюрер, – заикаясь, ибо он всегда начинал слегка заикаться, когда слышал крик фюрера, проговорил начальник личной охраны.

– Но этого не может быть! Вы для чего стоите здесь, штурмбаннфюрер?! Зачем мне нужна такая личная охрана?!

– Но здесь действительно никого не было, мой фюрер. Господин Гесс может это подтвердить. Как и охрана у входа.

Фюрер почти вплотную приблизился к Раттенхуберу, взглянул ему в глаза, затем перевел взгляд на широкую, устланную коричневым, с черными орнаментальными свастиками, ковром, и, не веря ни Раттенхуберу с Гессом, ни тем более самому себе, молча, обессиленно опустив плечи, побрел к Мраморному залу.

4.

Январь 1939 года.
Антарктика.
Борт германского авианосца «Швабенланд».

Фрегаттен-капитан фон Готт и сам поднялся на мостик лишь незадолго до появления там командира корабля. Его ночная вахта неожиданно была прервана докладом дежурного радиста: «Вам шифрограмма из штаба Гиммлера! Лично. И совершенно секретно».

«Мне или командиру корабля?» – уточнил по внутренней связи барон.

«Лично вам! – последовал четкий ответ. – Под грифом, обозначающим "без права оглашения"».

«То есть?.,» – впервые сталкивался с подобным грифом Полярный Барон, у которого не было опыта службы в военном флоте «времен фюрера».

В последние годы он вообще был далек от военно-морских реалий. Сначала были разведывательная школа абвера и «деликатная миссия» в Аргентине и Чили, где в это время между Германией и США разгоралась «подковерная» борьба за влияние на местные режимы; затем последовала учеба, с одновременной работой в должности специалиста по латиноамериканским странам, в секретной диверсионной Школе «морских дьяволов» в Италии; и, наконец, постижение наук на секретных международных «Фридентальских курсах» руководителей диверсионных групп и повстанческих движений, с некоторых пор опекаемых самим Отто Скорцени.

Так что все это: и возведение в высокий морской чин, и назначение на «Швабенланд», – произошло как-то слишком уж неожиданно, как происходит только по воле Господа… или фюрера. Что почти одно и то же. И то, что он направлялся сейчас в сторону Антарктиды, а не в сторону Канадского или Русского Заполярья, в его восприятии тоже было чистой случайностью. Но это – в его личном восприятии. На самом же деле Полярный Барон прекрасно понимал, что его готовят к какой-то особой длительной миссии. И вряд ли она ограничивалась обязанностями помощника командира и начальника службы безопасности авианосца «Швабенланд».

«То есть вы не имеете права сообщать о содержании шифрограммы никому, – просвещал его тем временем дежурный радист, – включая командира корабля».

«Вот как?! – почти ритуально поскреб ногтями свой заросший

подбородок Теодор фон Готт. – Значит, вы считаете, что мир все еще у наших ног?»

О том что «Мир все еще у наших ног» – тоже почти ритуальная поговорка фрегаттен-капитана, радист не знал. Да ему и не положено было знать это. Зато он знал о кое-чем ином, в данной ситуации более важном, а посему напомнил:

«Шифр, господин фрегаттен-капитан, – в вашей каюте, в персональном сейфе»

Вернувшись к себе в каюту, фон Готт вскрыл сейф и, воспользовавшись шифром, прочел радиограмму, текст которой хоть как-то проливал свет на истинную цель его очередных полярных блужданий: «Задание определит Консул. Подготовьте Кассандру. Ветер из Анд. В запасе трое суток».

Под кличкой Кассандра выступала давно и хорошо известная ему диверсантка Норманния фон Криффер, которая в эти минуты наслаждалась предутренним девичьим сном в каюте ученых дам, расположенной палубой ниже. То, что задание им нужно будет выполнять вдвоем с Кассандрой, – тоже было ясно, иначе она бы не оказалась вместе с ним на борту «Шва-бенланда». Как нетрудно было догадаться, что «ветер из Анд» предвещал, переброску в Латинскую Америку до которой отсюда, из Антарктики, в общем-то рукой подать.

Так что единственное, что Полярного Барона по-настоящему интриговало сейчас, – это появление загадочного Консула, которому и велено определить цель его «неофициального визита» в Анды. Откуда этот Консул должен был появиться? Из недр Антарктиды, что ли? Или, может быть, во время всего месячного плавания он прохаживался палубами «Швабенланда», ожидая условного сигнала в виде такой же шифрограммы, только врученной лично ему?

Задаваться вопросами по поводу того, почему задание не было определено еще до выхода в море; почему в Германии не названа была хотя бы страна «неофициального визита» и почему его как разведчика лишили возможности освежить в памяти язык да приглушенные временем и конспирацией связи, – теперь уже бессмысленно. Но и единственным оправданием штабистов Гиммлера оставалась разве что исключительная секретность задания, да зависимость его от готовности и воли таинственного Консула.

Едва он покончил со своими диверсантскими умозаключениями, как в каюту постучали, и на пороге восстала графиня Норманния фон Криффер.

– Кажется, вы хотели поговорить со мной, барон? По-моему, вы оч-чень этого хотели.

Несколько секунд Норманния все же дала ему, чтобы он мог обрести дар речи и промямлить что-то более или менее членораздельное:

– В общем-то… Но теперь уже – да.

– Нет, чтобы, ответить холодной нормандке со всей пылкостью своей баварской страсти!

Готт грустно улыбнулся. В свое время он и в самом деле каждое появление этой женщины пытался встречать «со всей пылкостью своей баварской страсти». Вот только Норманния неизменно отвечала непреклонностью «холодной нормандки». И так было множество раз.

Она, конечно же, была влюблена: она отважна следовала за ним в вечерние пивные и храбро вступалась за него всякий раз, когда после очередной кабачной потасовки Барон-Дровосек оказывался в полицейском участке. Но как только дело доходило до постели, тут же твердо напоминала, что она, графиня фон Криффер, видит себя только «женщиной у домашнего очага, и ни в коем случае – подругой у костра бродяги»,

И трудно было понять: то ли она нежно намекала на то, что в постели с ним окажется только после венчания, то ли пыталась сразить грубым намеком на его хроническую бедность и столь же хроническую бездомность. Единственным «сексуальным» достоинством Норманнии была то, что она никогда не устраивала ему сцен ревности. Его половую связь с любой из женщин она называла обезьяньей страстью, и относилась к ней с той же долей пренебрежительной терпимости, что и ко всякой иной «животной потребности» мужчины.

– Значит, вам известно о радиограмме?

– О радиограмме?! – переспросила графиня, оттесняя Готта вглубь каюты и столь же решительно входя в нее. – Сейчас, в третьем часу ночи?

– Как ни странно. Только что расшифровал.

– Там говорится: «Вы в опасности! Ждите ночного визита женщины! Спасайтесь»?

– Почти дословно. Так вы и в самом деле не знали о ней?

– Как и о вас – в течение нескольких последних лет.

– Тогда почему вы решили, что мне нужно поговорить с вами?

– Не знаю. Предчувствие. И потом, вспомните о моем псевдо – Кассандра!

«Неужели действительно обладает способностью предугадывать, предсказывать? – в который раз удивлялся Теодор фон Готт, хотя знал эту женщину уже немало лет – Отсюда и прозвище – Кассандра!»

– Но поговорить нам в любом случае необходимо.

– Давно вы так решили?

– Сейчас не время выяснять отношения. И вообще, мир все еще у наших ног.

– Тогда понятно: сия мысль посещает вас с того самого времени, когда увидели меня на палубе и сообразили, что на самом деле под легендой гляциолога Кристины Ордании на судне находится диверсантка Норманния фон Крифферр.

– А ведь увидел почти спустя неделю после выхода в море.

– Ничего удивительного: судно огромное. Да и мне больше нравилось наблюдать за вами издали, не афишируя нашего знакомства.

– «Наблюдать издали» в порядочных домах называется «шпионить».

– Хотите, чтобы я высказалась относительно начальника службы безопасности экспедиции, который только к исходу пятого дня узнает, что по судну спокойно разгуливает террористка?

– Меня назначили сюда за два дня до отплытия, не ознакомив даже со списком экипажа и научной команды. Сказали, что этим занимается служба СД. Поэтому я вполне допускаю, что по палубам «Швабенланда» может разгуливать несколько вполне реальных террористов.

– Для разведчика такого уровня, выпускника «Фридентальских курсов», – очень жалкое оправдание, – добивала его Норманния, уже повалив в постель и бесцеремонно расправляясь с брюками.

– Тебе это не напоминает нашу прощальную встречу? – успел спросить барон, предаваясь блаженству ее ласк.

Это было в тот первый и последний раз, когда она позволила себе постельную вольность с ним. Готт понятия не имел, каков был ее опыт в оральном сексе, но что получилось у нее потрясающе – это он готов засвидетельствовать хоть на Страшном суде.

– Можешь считать нашу сегодняшнюю встречу естественным ее продолжением, – промурлыкала Норманния, приготовившись еще раз продемонстрировать свое любовное мастерство.

«Почему же мы не занимались этим все годы нашего знакомства?!» – воскликнул Теодор в тот прощальный раз, когда, после третьего или четвертого захода, Норманния наконец, оставила его в покое.

«Просто я решила, что тоже имею право на свою долю обе: зьяньей страсти,мстительно ответила она. – Что же касается уроков, то их я брала у профессионалки вместе с двумя

начинающими жрицами любви, которых эта секс-инструктор обучала на муляжах»…

«То-то я думаю!… Однако мир все еще у наших ног! Могу себе представить, что тогда вытворяет сама секс-инструктор!»

«Вот этого ты себе как раз представить не можешь, – многозначительно ответствовала Норманния. – И не вздумай разыскивать ее и напрашиваться в секс-клиенты».

«Это что, сцена необузданной ревности холодной нормандки?»

«При чем здесь, к черту, ревность?! Ты же знаешь, что я понятия не имею, что это такое – ревность!»

«До сих пор экстазов ревности за тобой действительно не наблюдалось. Тогда почему? Потому что до секс-клиентов она уже не снисходит?»

«Потому что в твоих ощущениях я должна оставаться непревзойденной! Понимаешь, непревзойденной!»

«Но ты в любом случае останешься непревзойденной!»

«Только не после ночи, проведенной с этим сексуальным удавом, скрывающимся под личиной секс-инструктора. После свидания с ней тебе придется то ли долго убеждать себя в моей непревзойденности, то ли откровенно лгать».

«А чтобы этого не происходило, давай будем встречаться как можно чаще», – решил воспользоваться ситуацией фон Готт.

«Не обольщайся, не обольщайся!»

«Тогда хотя бы еще раз, скажем, завтра?» – с надеждой взмолился фон Готт. Вот когда она по-настоящему воспылала – эта его «баварская страсть»!

«Никогда больше! – гордо вскинула подбородок эта юная аристократка. – А если и встретимся, то только через много лет. Так что вспоминай и страдай!»

«Но какой в этом смысл?!»

«В страдании. Я сказала: "Вспоминай и страдай"! С какой бы женщиной ты теперь ни предавался своей обезьяньей страсти, все равно вспоминать будешь только меня, и желать будешь только меня, и страдать будешь только по мне, графине Норманнии фон Криффер. Которая всегда видела себя женщиной у домашнего очага, а не подругой у костра бродяги, но которую вы, жалкий барон, так и оставшийся на всю жизнь Дровосеком, этой житейской привилегии лишили. И никогда впредь не вздумайте утверждать, что мир все еще у ваших ног!»

5.

Август 1943 года.
Германия. Остров Узедом в Балтийском море.
Ракетный центр «Пенемюнде».

Пожалуй, это был один из самых теплых вечеров, которые Герману Шернеру посчастливилось прожить на романтическом прибрежном острове. Южный, пропахший луговыми травами ветер прорывался откуда-то из глубин Померании, устало теребил кленовую листву на аллеях старинного графского парка и незлыми смерчами уходил в сторону теперь уже сиротливо опустевших причалов насквозь засекреченной рыбацкой деревушки Пенемюнде.

Когда он утихал, со стороны Поморской бухты на секретный поселок Общества кайзера Вильгельма [53] накатывались будоражащие воображение запахи морских водорослей, уже полуразвалившихся, по все еще пропахших рыбацким потом, баркасов да запутавшейся в неводах детства романтики далеких странствий.

Всего лишь неделю назад унтерштурмфюрер СС Герман Шернер получил звание доктора философии. И ничего, что он, технарь до мозга костей, терпеть не мог философию и философов, а строго засекреченная тема его диссертации касалась «аэродинамических и энергетических основ летательных аппаратов особого назначения», которые, скрываясь под кодовым названием «Проект "Haunebu"», могли означать только одно – летающие диски.

Даже такие киты ракетостроения, как Вальтер Ридель, Вернер Браун и Вальтер Гиль (тоже, кстати, пенемюнденские «доктора философии»), допущенные до ознакомления – только в секретном архиве Испытательной команды Норд [55] и только в присутствии ни черта не смыслившего в этой тематике особого уполномоченного СД, – и те листали его объемистый труд с мистической дрожью в руках. Предчувствуя, что соприкасаются с чем-то таинственным и почти потусторонним. И если сейчас, стоя на веранде изысканного в своей древесной простоте шведского коттеджа, молодой офицер СС и столь же молодой доктор философии предавался каким-то философским изысканиям, то касались они исключительно его собственного восхождения на вершину германской науки, на эту «Фудзияму славы и духа».

Выпускник берлинского Университета Фридриха-Вильгельма (того же, что и научно-технический руководитель [56] Пенемюнденского Центра тридцатитрехлетний барон Вальтер

фон Браун), он уже со второго-курса углубленно увлекался аэродинамикой. А затем благодаря своему отцу, начальнику Секретного отдела Берлинской высшей технической школы, познакомился с сутью работ специалиста по ракетным двигателям профессора Гельмута Вальтера и специалиста по расчетам ракетных траекторий доктора Эрнста Щтулингера; с изысканиями алхимика из группы ракетного топлива концерна «ИГ Фарбениндустри» доктора Фрица Гаевского и некоторыми техническими проектами инженера Эберхарда Рееса, которого совершенно недавно Браун назначил директором Пенемюнденского ракетного завода.

Это отец, оберштурмбаннфюрер СС Максимилиан Шернер, опытный инженер-авиатор из благородного рода саксонских маркграфов Шернеров, ненавязчиво сводил его с нужными людьми, популяризировал научные взгляды и первые научные публикации сына, а главное, никогда не скупился во время застолий в кругу военно-технической элиты. Это он создавал для своего Шернера-младшего уникальное досье из работ, имен, патентов и технических идей, благодаря которому Герман постепенно превращался в обладателя почти энциклопедических знаний в области авиа и ракетостроения.

Однако по-настоящему Герман Шернер нашел свое истинное увлечение только тогда, когда, с помощью начальника исследовательского отдела министерства авиации Вольфрама фон Рихтгофена, отец сумел добиться для него доступа к совершенно секретным материалам, связанным с летающими дисками, время от времени появлявшимися то над Германией, то над Францией, Италией и некоторыми другими странами – неизвестно откуда и непонятно с какой целью.

Охваченный романтикой этих наблюдений, свидетельств и версий, Герман ознакомился с ледовой космогонией Ганса Гербигера, вступил в общество «Туле» и освоил основные принципы так называемого конвертора Ганса Колера, основанного на принципе превращения гравитационной энергии в электрическую. Это была, прекрасная пора познания, когда Герману, еще в университете прозванному Провинциальным Умником, казалось, что он вот-вот подступится к тайне со времен Александра Македонского известных «солнечных дисков» и создаст принципиально новый летательный аппарат, позволив благодарным современникам назвать его просто и скромно – шернером или шернеролетом.

Однако до этого еще надо было дожить, а пока что член элитарного СС-рыцарского ордена-института «Наследие предков», больше известного как институт «Аненербе», потомственный

маркграф Герман Шернер, по приказу, последовавшему из штаба Гиммлера, прибывает на Испытательную станцию Вест секретного Куммерсдорфского ракетного полигона [54], детище погибшего во время испытаний первого ракетостроителя рейха Курта Вамке.

Именно здесь, под началом Вальтера Дорнбергера, он и завершал свою диссертацию, именно здесь познакомился со своим земляком, саксонским аристократом бароном фон Вернером, оттуда же и началось его восхождение к славе теперь уже Педемюнденского Умника.

Неожиданно оживший громкоговоритель сообщил, что к району острова приближается авиация противника, однако ни Герман, ни прогуливавшийся по ближайшей аллее парка патруль внимания на него не обратили. Никто не смог бы объяснить Шернеру, почему англо-американские бомбардировочные эскадры избрали именно этот маршрут, но вот уже более месяца, каждый день, если только позволяла погода, они появлялись на северо-западном горизонте, со стороны острова Рюген и залива Грайсвальдер-Бодден, и волна за волной уходили через испытательную станцию «Пенемюнде-Ост» – на Штет-тинский залив, к устью Одера, чтобы затем, проделав еще один разворот, следовать на Берлин и Магдебург.

Наполнялось ревом двигателей доселе тихое летнее поднебесье, мерно дрожала земля и нервно подергивался персональный коттедж «пенемюнденского мыслителя»; однако ни разу ни одна бомба на остров или на окрестности его так и не упала. И с каждым таким перелетом гарнизон Центра все больше убеждался, что командование противника так и не догадывается, что скрывается на острове Узедом, какие мощные интеллектуальные силы здесь собраны и чем с утра до ночи занимаются на этом клочке суши более двадцати тысяч военнопленных.

Причем самое поразительное, что и возвращались англо-американские «летающие крепости», вместе с прикрывавшими их истребителями, тем же окружным путем. Еще поразительным казалось то, что за все это время ни одно зенитное орудие двух противовоздушных дивизионов острова так ни разу и не выстрелило и ни один истребитель из ближайшего аэродрома прикрытия в воздух поднят не был.

Начальник генерального штаба ВВС генерал-полковник Ганс Йешоннек лично приезжал в Пенемюнде, чтобы встретиться с ведущими конструкторами и инженерным персоналом и успокоить: если при пролете англо-американских бомбардировщиков активизировать германскую авиацию и зенитные батареи, это сразу же привлечет внимание вражеского

командования и разведки. Поэтому не стоит паниковать; и вообще, за свою безопасность они, пенемюнденцы, могут не волноваться. Ну а рапорты, регулярно поступающие от командования Центра, он, как начальник генштаба, аккуратно складывает в папку, исключительно для истории.

Считая, что изнурявшая его бессонница теперь уже должна отступить, Герман решил отправиться спать. И лишь воспоминание о смазливой чешке Эльжбетте, дарованной ему командованием женского лагеря депортированных два дня назад в качестве домработницы и, как ему объяснили, «женщины для секс-санитарного обслуживания», заставило его еще на несколько минут задержаться.

Было в этой женщине что-то такое, что заставляло относиться к ней с уважением, забывая о временном неравенстве, которое разделяло их сейчас. Ее улыбка, ее чуть-чуть удлиненный римский носик, кончик которого при улыбке слегка вздергивается, ее темно-вишневые глаза…

Пенемюнденский Умник так и не удосужился выяснить, почему она попала в лагерь. Единственное, что он уяснил для себя, – что Пенемюнде стал для нее спасением… от лагеря смерти Дахау, из которого ее чудом вырвала знакомая судетская немка, оказавшаяся там в роли бригадира надзирательниц. Когда набирали команду для переброски в Пенемюнденский лагерь, чешская судетка, наорав на эсэсовцев, буквально вырвала ее из колонны, которую гнали в барак смерти, и буквально в последнюю минуту сумела затолкать ее в машину уходившую к железнодорожной станции.

Сожалея, что администрация Центра категорически запрещает оставлять у себя «секс-санитарок» на ночь, поскольку спать они обязаны были в своих бараках, создатель летающих дисков скептически наблюдал за тем, как первые два звена бомбардировщиков медленно и неуклюже прорываются сквозь едва освещенные неярким лунным светом облака. Он мечтал сейчас о той ночи, когда, при очередном массированном налете, с пенемюнденского ангара в воздух взмоет недоступный для снарядов зениток и авиаорудий дисколет Щернера.

Мгновенно меняя направление и высоту полета, дисколет (или шернеролет – а почему бы и нет?!) начинает расстреливать вражеские машины из специальных, размещенных в двух башнях, ракетных зениток и раскраивать их «лучами смерти». Впрочем, орудийные башни, ракетные зенитки и все-такое прочее приемлемо только на начальной стадии создания подобных шернеролетов: ведь понятно, что машины, обладающие такой-колоссальной скоростью и такой непостижимой маневренностью,

потребуют и совершенно иного вооружения.

Под воздействием гравитационного поля этой адской машины приборы и рации уцелевших самолетов выходят из строя, металл меняет свою структуру и начинает крошиться, а сами пилоты впадают в состояние необъяснимого ужаса, теряя способность логически мыслить и принимать какие-либо решения, вплоть до решения воспользоваться парашютом,

Пенемюнденский Умник уже почти увидел свой шернеролет в островном поднебесье, как вдруг, при появлении очередного звена бомбардировщиков, в воздухе вспыхнуло несколько многозвездных осветительных ракет, превратившихся в некое подобие рождественских гирлянд, В ту же минуту большие пространства острова вспыхнули, озаренные фосфором и специальной зажигательной смесью. И теперь уже огромные четырехмоторные машины не пролетали по северной кромке острова, а накатывались на него волна за волной, широким развернутым строем, и было их несметное множество. От рева моторов и взрывов тяжелых бомб раскалывались земля и небо, а в поднебесье взмывали остатки каких-то строений, пламя пожаров и… людские души.

Немного придя в себя, Шернер метнулся в сторону ближайшего бомбоубежища, но в это время одна из мощных бомб угодила прямо в его коттедж. Убийственный взрывной удар в спину – вот то последнее, что успел запомнить этой судной ночью счастливейший из Пенемюнденских Умников.

6.

Январь 1939 года.

Антарктика.

Борт германского авианосца «Швабенланд».

…Однако все это оставалось теперь в романтическом прошлом.

Колыбельно покачиваясь на небольшой волне, корабль, словно заблудший во времени ковчег, медленно входил в прибрежные льды Антарктики. И было что-то по-библейски вещее в том, что на ветхозаветном «корабле спасенных», затерявшемся посреди космических льдов Вселенной, двое «падших во грехе» вновь и вновь сладострастно сотворяли великое таинство любви, предвестницы великого таинства жизни.

– Знаешь, за что я стану боготворить этот корабль? – молвил фон Готт, когда страсти угасли и, голова к голове, раскинув руки, они лежали на разбросанной, измятой постели.

– За то, что на нем мне никуда от тебя не деться, – попыталась угадать графиня фон Криффер, – Убегать в антарктические льды я, как ты понимаешь, вряд ли решусь.

– Ты опасная женщина, Норманния.

– Всего лишь пытаюсь соответствовать своему диверсионному псевдониму Однако вернемся к телеграмме. Насколько я понимаю, на ней стоял гриф, запрещающий ее оглашение, но в то же время в ней предписывалось подготовить меня к новому заданию. Нашему общему. Говори прямо: эти кретины-штабисты что, в самом деле решили оставить нас в антарктическом аду Внутреннего Мира? Что-то мне в это не верится.

35

– И правильно не верится. Внутренний Мир пока что откладывается: нам предстоит рай латиноамериканских Анд. А коль так, – значит, мир все еще у наших ног!

Норманния сжала его ладонь, затем, радостно взвизгнув, потрясла ею в воздухе:

– Слава тебе, Господи! Побывать в Андах мне хотелось еще с тех пор, как я узнала, что тебя отправили с «неофициальным визитом» в Латинскую Америку.

– Все-таки отслеживала. Как удавалось?

– А как ты думаешь, каким образом я узнала, что ты уходишь на «Швабенланде», и даже умудрилась попасть на него? – иронично поинтересовалась Норманния, поднимаясь и неспешно приводя себя в порядок.

– Так, значит, твое появление здесь можно считать «спецоперацией Кассандры»?

– Да это изначально понятно. Вопрос в том, как мне это удалось. Тебя ведь это интересовало: как я узнала о твоих похождениях в Чили и Аргентине, кто уведомил меня о твоем назначении на авианосец и помог попасть в каюту ученых дам?

– Черт, я совершенно забыл о некоем генерал-адмирале Редере, числящемся твоим дядей!

– Двоюродным, но влюбленным в меня. Что же касается вас, барон, то в данном случае вас уже даже не осенило, а просто-так и озарило. Но самое удивительное то, что Редер оказывает мне эти услуги по собственной воле.

– И даже без вашего согласия, графиня?

– Во всяком случае, без моих напоминаний.

– С чего бы это?

– Считает тебя, – вновь перешла на «ты», – настоящим полярным и морским волком, и называет не иначе как Полярный Барон.

– А вы, графиня, согласиться с этим высоким и справедливым мнением никак не можете?

– Могу, но не желаю.

– Из мести.

– Кстати, – не стала ни подтверждать, ни опровергать его догадку Норманния, – ты даже не догадываешься, что прозвищем этим – Полярный Барон – ты обязан ему, главкому военно-морского флота генерал-адмиралу [17] Эриху Редеру.

– Брось, не может такого быть! – искренне не поверил ей фон Готт. – Скорее всего, оно прилипло ко мне благодаря стараниям кого-то из полярников. Или газетчиков. Из уважения ли, из ненависти – не знаю. В любом случае, мир все еще у наших ног!

– На одном из совещаний, забыв твою фамилию, Редер стал допытываться у присутствовавших адмиралов и капитанов цур зее: «А чем занимается сейчас этот, как его… ну, этот Полярный Барон?…» Кто-то сразу же догадался, о ком идет речь, и подсказал твою фамилию, Однако главком флота уже так и называл тебя: Полярным Бароном. Так вот, генерал-адмирал простить мне не может того, что мы с тобой поссорились, и считает, что в размолвке нашей виновата только *я*.

– И убедить его в обратном тебе так и не удалось? Как, впрочем, и меня.

– Однажды твой генерал-адмирал довел меня своими упреками до того, что я заявила, чтр не люблю тебя именно за то, за что он, адмирал Редер, тебя так безоглядно обожает. Но это его не облагоразумило. Даже за то, что, не посоветовавшись с ним, я стала унтерштурмфюрером СС…

– *О,* так ты уже лейтенант СС?

– … Он упрекал меня меньше, – «не расслышала» Норманния вопроса подполковника флота, – чем разлукой с тобой. Словно это я не себя с тобой разлучала, а его, генерал-адмирала Редера.

– И чем это кончилось?

– Даже не обиделся. Он, понимаете ли, считает тебя талантливым моряком-полярником и видит в тебе будущего гросс-адмирала. Мало того, он даже сумел убедить в этом своего ученика, фюрера подводных лодок Карла Деница, который и сам давно метит в гросс-адмиралы.

– Ладно, – проворчал барон, – оставим в покое адмиралов – нынешних и будущих. Сейчас меня интересует другое: если уж ты все знаешь, то, может быть, просветишь меня, кто такой Консул?

Норманния прекратила подправлять свою короткую стрижку и внимательно взглянула на фон Готта: -Почему ты спросил о нем?

– Потому что именно от него мы должны получить инструкции, касающиеся нашей андской экспедиции.

– Очевидно, речь идет о Консуле Внутреннего Мира. Иного консула я просто не знаю.

– И что же он собой представляет?

– Не надо расспрашивать о нем, барон. Кроме того, что он является неким тайным агентом Шамбалы и сам фюрер подчиняется ему с еще большим подобострастием, нежели мы – фюреру, я ничем тебя больше не обрадую. Да, и еще одно: генерал-адмирал намекнул, что на самом деле бывшее трансатлантическое почтовое судно «Швабенланд» готовили для похода в арктическую часть Канады, куда-то в район архипелага Королевы Елизаветы, в котором ученых из «Аненербе» почему-то особенно заинтересовал остров Элсмир. Конечно же, для этой цели «Швабенланд» основательно переоснастили на гамбургской судоверфи.

– Север Канады мне всегда был ближе и понятнее, – напомнил фон Готт.

– Знаю. Но, по настоянию неких Высших Неизвестных, с которыми фюрер уже давно поддерживает медиумную связь, корабль отправили сюда, в Антарктиду. А к Элсмиру отправится другое судно. И попозже. Скорее всего, это будет специально переоборудованный для северных перевозок линкор «Дойчланд»

– На который мне уже не попасть.

– С вас вполне хватит «Швабенланда», мой Полярный Барон. Так вот, нетрудно предположить, что на сей раз волю этих Высших Неизвестных, или, как их еще называют, Высших Посвященных, донес до фюрера не кто иной, как теперь уже известный нам агент Шамбалы, он же Консул Внутреннего Мира. Понятно, что экипаж «Швабенланда» спешно доукомплектовали теми людьми, которым затем предстоит осваивать «антарктическую Германию» или которые были угодны Консулу.

– Отсюда и спешка с новыми назначениями!

– Да-да, барон, вы совершенно правы: и с новыми, неожиданными чинами, и с новыми, столь же неожиданными назначениями, – в который уже раз съехидничала Норманния. – А вот, что на этот раз будет связывать вас с Андами – об этом приходится только догадываться. Скорее всего, речь пойдет о выборе места для секретной перевалочной базы, которая будет служить мостом между Германией и Антарктидой и благодаря близости которой улучшится снабжение нашей антарктической базы.

Услышав все это, барон фон Готт долго и по-философски ожесточенно скреб свой давно не бритый подбородок, который, по настоятельному совету Норманнии, впредь ему следует брить дважды в день, и со всей мыслимой старательностью.

– Что-то в моих рассуждениях не сходится? – не удержалась графиня.

– Да нет, все убийственно логично.

– Но вы ждете еще каких-то объяснений?

– Уже не жду, сказанного вполне достаточно. Оказывается, ты действительно знаешь все! А значит, мир все еще у наших ног!

– С похвалой я, конечно, согласна, но замечу, что все ваши, новопроизведенный фрегаттен-капитан, восхищения моими познаниями объясняются только одним: принимая свой новый чин и новую должность, сами вы поленились узнать чуточку больше того, что вам положено было знать перед восхождением на борт благословенного Богом «Швабенланда».

– Зато вы даже не догадываетесь, как много полезного я узнал в эти минуты о вас, о себе и нашем общем задании, графиня. Жаль, что мне уже пора на вахту.

– Догадывался бы командир корабля, чем вы занимаетесь во время вахты! Ладно-ладно, фрегаттен-капитан, поверьте: я буду единственной на этом полярном ковчеге, кто не донесет на вас. Тем более, что отпущу я вас только после того как услышу слова благодарности и восхищения влюбленного мужчины.

– Я восхищен вами, графиня.

– У вас это называется «словами благодарности и восхищения»?!

– Извините, по-иному благодарить пока не умею. Смеялась воспитанница некоей берлинской секс-инструкторши долго, желчно и со всем возможным в этой ситуации сарказмом.

– О, если бы ваше роковое неумение, барон, проявлялось только в этом! – все же решила окончательно испортить ему эту «сказочную ночь во льдах Антарктиды» немилосердная СС графиня. Ночь, которую сама же и подарила.

7.

Август 1943 года.
Германия. Остров Узедом в Балтийском море.
Ракетный центр «Пенемюнде».

В девять утра легкий самолетик, в котором прибыли начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер и начальник диверсионного отдела СД, первый диверсант рейха Отто Скорцени, уже кружил над Узедо-мом в поисках места для приземления. А найти его оказалось непросто: обычно хорошо замаскированная взлетная полоса островного аэродрома превратилась теперь в бетонное крошево, а все пространство, на котором некогда располагался ракетный центр с десятками всевозможных строений, превращен был англо-американской авиацией в сплошные руины и в огромные массивы по-настоящему выжженной земли.

С большим риском посадив машину на каком-то бетонно-грунтовом пятачке, пилот, бывший фронтовой ас, получивший по отметине в небе и над Сталинградом, и над Курском, опустил перед высокими чинами СД трап и произнес:

– Добро пожаловать в Пенемюнденский ад, господа! Нечто подобное мне приходилось видеть разве что в центре Сталинграда.

– Но там вы имели наслаждение любоваться своей собственной работой и на чужой земле, – заметил Скорцени. – А здесь все наоборот. Поэтому советую навсегда забыть и то, что вам пришлось видеть в Сталинграде, и то, что вам еще только предстоит увидеть здесь.

– Не спорю, поучительное замечание, – не очень-то стушевался отставной ас.

И какое-то время все трое молча наблюдали, как около полка солдат, среди которых было много санитаров с носилками, обходили завалы, выискивая убитых и раненых. Их поспешно сносили к крытым машинам и увозили в сторону поселков Карлсхаген и Трассенхейде, которые, как Скорцени уже было известно из официального сообщения штаба Геринга, пострадали значительно меньше, нежели сам ракетный центр.

Военного руководителя Пенемюнде генерал-майора Вальтера Дорнбергера и технического директора – штурмбаннфюрера СС Вернера фон Брауна высокие гости из РСХА встретили у чудом уцелевшей измерительной лаборатории. В испачканных мундирах, небритые, с посеревшими, то ли от внезапной седины, то ли от цементной пыли, головами они выглядели растерянными

и удрученными. Но если фон Браун еще старался как-то крепиться, то Дорнбергер пребывал в состоянии полнейшей прострации,

– Это невозможно! – бормотал он. – Такое не должно было произойти. Авиация подоспела слишком поздно. Не могу понять, как англичане сумели догадаться, что здесь расположено.

Двое рослых плечистых громил молча смотрели на него и какое-то время молчали, словно давали ему выговориться. Но именно это их угрожающее молчание приводило доктора Дорнбергера в тихий ужас: он был почти уверен, что его или прямо здесь, у этого уцелевшего лабораторного корпуса со слегка развороченной крышей, расстреляют, или, в лучшем случае, отправят в концлагерь. И у Скорцени создавалось впечатление, что Кальтенбруннер настроен именно на такое решение: арестовать и отправить.

– Во все это трудно поверить, – бормотал между тем военный начальник Центра. – Сам рейхсфюрер СС Гиммлер заверял, что берется защитить нас от предательства и диверсий [19].

– Что за псалмопения вы лопочете, Дорнбергер?! – умышленно избежал упоминания его генеральского чина Скорцени. – Вы в состоянии доложить обергруппенфюреру Кальтенбруннеру о потерях и вообще обо всем, что здесь произошло?

– Да, в состоянии, – дрожащим голосом заверил военный руководитель Центра. – То есть нет, пока еще не готов.

– В таком случае, – проскрежетал своими массивными челюстями-жерновами Кальтенбруннер, – благодарите господа, что вы не профессиональный военный, а инженер-машиностроитель, выпускник Шарлоттенбургской высшей технической школы, а значит, пока что все еще нужный нам доктор каких-то там наук. Хотя во всем, что здесь сейчас происходит, за километр просматривается разгильдяйство и предательство.

– Простите, господин обергруппенфюрер, но меня никто не смеет обвинять…

– Смеет, - прервал его начальник Главного управления имперской безопасности. – Вашему коллеге Рудольфу Небелю тоже казалось, что не смеет. Но я почему-то уверен, что его судьба, как и судьба его возлюбленной, вам известна [20]. И мы еще хорошенько подумаем, что именно следует предпринять против всего того сброда, который накопился в Пенемюнде под вашим покровительством.

– Я уже обладаю кое-какими сведениями, – наконец пришел на помощь своему коллеге барон фон Браун. – В частности, что

касается потерь среди научно-инженерного персонала,

– Инженерами займетесь вы, Скорцени, – молвил Кальтенбруннер, – а я пока займусь самим этим господином, охраной Центра, лагерем заключенных, а также службой безопасности и всем прочим.

– Яволь. Машина у вас, барон, надеюсь, имеется?

– «Мерседес». Вон там, у остатков дерева. За рулем я сам. Водитель погиб, как и многие в эту ночь.

– Не вышибайте из меня слезу, фон Браун. На то, как и почему люди гибнут, я насмотрелся на всем пространстве – от границ рейха до Парижа и декабрьской Москвы. И вы прекрасно знаете, что интересовать меня сейчас будет судьба другого человека - доктора Германа Шернера.

Браун устало взглянул на Скорцени и сокрушенно покачал головой.

– Мы его называли Пенемюнденским Умником.

– Мы всех вас называем умниками. Конкретнее.

– Скорее всего, он погиб.

– Что значит «скорее всего»?! – буквально прорычал обер-диверсант рейха. – Это не тот специалист, в отношении которого можно позволять себе гадать: погиб он или не погиб?!

– Садитесь в машину, сейчас мы увидим то, что осталось от его коттеджа. И никаких псалмопений, барон, никаких псалмопений!

– От коттеджа или от самого Шернера?

Вернеру фон Брауну едва перевалило за тридцать. Выше среднего роста, овальное, слегка удлиненное лицо с полублагородными чертами; широкий разлет густых, наискосок прилепленных, а потому кажущихся почти бутафорскими, бровей; медлительная, с нотками вальяжного превосходства, речь, в которой все еще,четко улавливается восточнопрусский акцент.

С тех пор как Скорцени пришлось заняться подготовкой команды пилотов-смертников для пилотируемых ракет, создаваемых в Пенемюнде, он уже не раз обращался к досье барона, и прекрасно помнил, что аристократический рыцарский род его прослеживается до середины XVI века, а где-то там, в конце XVII века, его предок получил наследственный титул барона Богемии.

Что же касается родового гнезда баронов Браунов, то в течение нескольких веков им служил старинный замок Нойкен в Восточной Пруссии, недалеко от тех мест, где сейчас находится ставка фюрера «Вольфшанце». Кроме того, незадолго до войны его отец, капитан в отставке и член правления Рейхсбанка Магнус фон Браун, приобрел прекрасное имение Обер-Визенталь в

Силезии, которое сразу же превратилось в своеобразный аристократический клуб силезско-германской знати.

– Вот то, что еще вчера было персональным коттеджем Пенемюнденского Умника, – ожил Вернер Браун, сумев проглотить нанесенную ему обиду.

Скорцени вышел из машины и осмотрелся. Перед ним высилась куча бревен, пригодных разве что для ритуального похоронного костра. Однако следов прямого попадания не было: мощная бомба взорвалась рядом с коттеджем, обрушив его, но не предав пожару.

– Обер-лейтенант! – подозвал Скорцени офицера, который вел для спасательных работ на площадках Центра только что прибывшее пополнение. – Всех своих героев, всю роту – немедленно, быстро. Разметать эту свалку, и каждую бумажку, которая будет обнаружена под завалами, вы слышите меня – каждую бумажку, вплоть до туалетной, каждый клочок, вы обязаны вручить лично мне. Как и все то, что осталось от погибшего здесь человека. И никого, кроме своих солдат, к завалам не подпускать. Невзирая на чины. На все возражения ваш ответ должен быть один: «Таков приказ Отто Скорцени, личного агента фюрера по особым поручениям!»

– О, так вы и есть тот самый Скорцени?! – попытался было завязать знакомство обер-лейтенант, однако первый диверсант рейха жестко охладил его:

– …Причем вы даже не догадываетесь, какой именно. – И тотчас же обратился к Брауну: – Чего мы ждем, барон? Где этот наш таинственный дисколет Шернера?

– Я догадывался, что вас заинтересует именно эта машина.

– Так какого дьявола возите меня по каким-то руинам, вместо того чтобы показать то, ради чего я примчался сюда из Берлина?

– Удивительное дело, - проговорил Браун, садясь за руль, – дисколет интересует сейчас буквально всех. Все видят в нем спасение. Но я уверен, что нам действительно удастся создать до конца войны хотя бы одну полноценную боевую машину этого типа. А ракеты уже существуют. Они становятся все эффективнее. Если мы хотим победить в этой войне, то все средства и силы следует концентрировать сейчас на ракетах дальнего радиуса действия. Кстати, замечу, что такого названия – дисколет Шернера этому аппарату никто не давал.

– Я знаю, как вы умеете убирать со своего пути конкурентов, барон, – не собирался щадить его самолюбие личный агент фюрера. – И я имею в виду не только Небеля, у которого вы, будучи студентом Берлинской высшей технической школы [57],подвизались в подмастерьях. И который, будучи германским

офицером, еще в 1918 году обстрелял из самолета войска противника двумя ракетами собственного производства.

– А затем еврей Небель примкнул к пацифистам из международного общества «Пантера», – огрызнулся барон.

– Кроме того, мне непонятно, – спокойно продолжал Скорцени, – почему так долго до исследований в Пенемюнде не допускали профессора Германа Оберта. Несмотря на все его просьбы. Хотя, как мне сказали сведущие люди, он разрабатывает принципиально новый тип ракеты – многоступенчатой, идея которой вроде бы выдвинута еще Циолковским. И докторская Оберта называлась… – обер-диверсант извлек из кармана небольшую записную книжечку.

– «Ракета в межпланетном пространстве», – неохотно подсказал Браун. – Защитил в 1923 году. Но это еще ни о чем не говорит. А вот то, что ракета Оберта в межпланетном пространстве так и не побывала, - неоспоримый факт. И потом, не забывайте, что он, германец по национальности, стал гражданином Румынии.

– Но ведь он отмолил бы этот грех, барон! Он отмаливал бы свой страшный грех вхождения в румынство каждый день, стоя на коленях у ворот Пенемюнде. Но стоя, заметьте, со своими чертежами в руках. С чертежами, барон, которые абсолютно никому не нужны в некоем глухом городишке Медиаш, на краю забытой Богом Румынии; но которые очень пригодились бы англичанам, не говоря уже о русских.

Браун оскорбленно поджал губы, но промолчал. Он и в самом деле никогда не забывал о том, как сложилась судьба Небеля. Однако после минутного молчания все же произнес:

– Теперь-то мы не отталкиваем Оберта. Он стал профессором Венской высшей технической школы, его идеи используются.

Маскировочно заваленная каким-то строительным мусором, бетонная площадка, под которой находился ангар дисколета, действительно почти не пострадала.

– Странно: ни одна бомба не упала в радиусе десяти метров от ангара, хотя вокруг все дыбилось от взрывов, – мрачно проговорил барон, выходя из машины и нажимая на кнопку звонка на двери, за которой скрывались часовые. – Очевидно, англичане, чья разведка неплохо поработала перед этим налетом, так и не узнали, что же содержится в этом ангаре.

– Или же, наоборот, прекрасно знают, что там скрывается, ибо разведка их действительно хорошо поработала. И теперь они будут охотиться за конструкторами или же рассчитывают захватить дисколет в его натуральном виде.

– Во всех ваших суждениях просматривается логика

диверсанта.

– Там просматривается уважение к моим коллегам из вражеского лагеря.

Прежде чем войти в ангар, Скорцени почти ласково попросил фельдфебеля, дежурившего за дверью, в специальном бетонном «колпаке», связать его с дежурным офицером Центра. А когда офицер взял трубку, велел немедленно прислать к ангару десяток эсэсовцев, приказав им на пушечный выстрел никого не подпускать к данному объекту.

В первом подземном зале Браун показал ему три макета дисколетов, испытания которых завершились неудачами. Скорцени с любопытством осмотрел их. Все они напоминали разных размеров диски с насаженными на них сверху и снизу корабельными орудийными башнями, только значительно расширенными у основания.

В центре верхних башен, конфигурация которых в каждой из моделей была своеобразной, располагались прозрачные кабины пилотов. Вокруг этих массивных башен-кабин и вращались широкие кольца с лопастями, напоминавшими расширенные шпицы мотоциклетного колеса. И покоились эти упорно не желающие летать летательные аппараты на четырех резиновых авиационных колесах.

– Вы стоите сейчас у самого первого опытного образца, – взял на себя роль гида Вернер Браун. – Сконструирован он был группой инженеров во главе с доктором Шривером. Диаметр пока был небольшой, всего пять метров. Управлял один пилот. Использовались два двигателя: обычный поршневой и жидкостно-ракетный. Будущее, как я считаю, именно за этим жидкостным ракетным двигателем, разработанным профессором из Киля, членом Имперского исследовательского совета Гельмутом Валтером. Хотя Шернер считал двигатель очень несовершенным. Он вообще ко всему, что было создано в этой области до него, относился слишком скептически,

– Иначе мы не называли бы его Пенемюнденским Умником, – заметил Скорцени, не обращая внимания на то, что Браун как-то слишком уж поспешно заговорил о своем коллеге в прошедшем времени. -Однако обратимся к нашему летающему колесу.

– Оно так и не взлетело. Поднялось всего на два-три метра над испытательным полигоном и грохнулось на землю.

– Но все-таки поднялось. А вы говорите: «Не взлетело»! Впервые за все то время, которое они общались, Браун взглянул на Скорцени с нескрываемым интересом.

– Знаете, мне нравится, что вы подходите к проблеме дисколетов именно так, как вы это делаете. Даже пять

сантиметров над землей для такого диковинного аппарата – уже полет!

– А что вам мешает относиться к этой проблеме с таких же позиций?

– Высокие инспекции из различных инстанций. Все они требуют немедленно дать им на вооружение некое, доселе невиданное, оружие возмездия, а всякую неудачу на пути к его созданию расценивают как окончательный крах, бездарность ученых, а то и вредительство.

– Можете считать, дорогой штурмбаннфюрер Браун, что отныне все инспекции отменяются. Инспектировать вас буду только я как офицер СД, отвечающий за разработку оружия особого назначения. Однако -к делу… Что произошло с пилотом этого диска?

– Он уцелел, больше пострадав от вибрации, нежели от падения. Жуткая вибрация – бич данной машины. Кстати, собирали мы этот аппарат в Чехии, на заводе «Ческо Морава», и испытывали на его полигоне.

– Никогда не сомневался, что чехи – технически наиболее подготовленная нация. После германской.

– Если бы только они не оставались при этом чехами.

– Вы безжалостны, Браун.

– Второй аппарат достигал почти семи метров в диаметре, расчетная горизонтальная скорость его порядка семисот километров в час, взлетно-посадочная – шестьдесят. И всего один пилот. Высота, на которую сумел подняться этот дисколет, незначительна. При полете отмечалась крайняя неустойчивость.

Считаете, что теоретически, еще до строительства аппарата, при его проектировании, все эти недостатки учесть невозможно было?

– Мне не хотелось бы давать оценки своим коллегам.

– Вы обязаны это делать, Браун. Иначе кому нужен такой технический директор ракетного центра?

– Кое-что, конечно, можно было предусмотреть. Но ведь когда конструктор подпадает под магнетизм собственного изобретения, он перестает критически оценивать многие свои технические решения, а главное, поскорее стремится воплотить свои фантазии в реальный аппарат.

– Какой в этом смысл? При неудаче он ведь может потерять право на дальнейшую разработку.

– И все-таки решаются, – мстительно улыбнулся барон фон Браун. – Наверное, опасаются, что их тоже постигнет судьба Небеля. И они так никогда и не увидят свое детище воплощенным в металле.

– В каждой профессии существует свой риск, – философски признал обер-диверсант рейха.

Браун вновь улыбнулся, однако на сей раз уже не столь мстительно.

– Третий аппарат, – продолжил он свой рассказ, – в натуральную величину выглядел настоящим гигантом – двадцать один метр в диаметре. Экипаж – три человека. При взлете скорость достигала около трехсот километров, а горизонтальная скорость – чуть более двухсот. Создавался он в виде летающего танкобомбардировщика, оснащённого, как следует из модели, башенными орудиями, пулеметами и бомбовым запасом. Этот экземпляр продержался в воздухе уже целых пятнадцать минут, после чего тоже благополучно разбился. Экипаж, как вы сами понимаете, погиб. А теперь перейдем во второй, нижний зал, в котором находится еще незавершенный аппарат Шернера…

8.

Январь 1939 год». Антарктика.
Борт германского авианосца «Швабенланд»,

…Готт и уже находившийся рядом с ним командир группы военных гидропилотов гауптштурмфюрер СС Эрих Крозетт стояли на открытой части мостика и действительно были крайне встревожены.

– Так что тут у вас, высокое собрание, происходит? – как можно спокойнее поинтересовался фон Риттер.

– Субмарина! – дуэтом прохрипели офицеры.

– Что?!

– Сзади по борту, в полумиле от нас, – ткнул своим биноклем в серое пространство фрегатген-кацитан, заставляя Риттера и себя припасть к окулярам бинокля.

Сомнений быть не могло: там, посреди свинцового предледового поля Антарктики, застыло черное тело подводной лодки, на мостике которой едва уловимо вырисовывались две фигуры моряков.

– Извините, капитан, но мне ничего не было известно о субмарине сопровождения, – как бы извиняясь за излишнюю встревоженность, проговорил Теодор Готт.

– Представьте себе, высокое собрание, мне тоже, – все еще не отрывался от мощного бинокля фон Риттер. – Скомандуйте: «Стоп машина!»

– Уже скомандовал, движемся по инерции. Откуда же она здесь взялась и под каким флагом ходит?

– Что не под германским – это уж точно, иначе командир не устраивал бы здесь эти «выходы на публику», да еще с такими паузами.

– Как я и говорил, фон Готт, вражеская! – вмешался в их разговор командир морских пилотов.

– Не такая уж и вражеская, если мы до сих пор все еще болтаемся на поверхности, – заметил Риттер. – И потом, я не припоминаю, чтобы в этой части мира мы с кем-то враждовали.

– Все равно объявите тревогу и дайте разрешение на взлет моего самолета.

– Надеюсь, вам как морскому пилоту известно, за сколько секунд торпеда преодолевает расстояние в полмили? Поэтому стойте и не суетитесь. А вы, фон Готт… Что вы маетесь? Радист предупрежден? Связь с субмариной устанавливать пробовали?

– Так точно. Их радист отморзянил традиционное: «Командир требует командира».

– Так прикажите ему связаться еще раз. Пусть передаст: «Командир на связи» – и предложит их командиру установить прямую радиосвязь со мной.

– Есть установить прямую радиосвязь! Кстати, субмарина приближается.

– Конечно же, приближается. Иначе какого дьявола ее командиру нужно было гнаться за «Швабенландом»?

В эти минуты Риттер все еще был уверен, что это – субмарина сопровождения, о существовании которой его, по каким-то особым соображениям, не уведомили.

Тем временем подлодка все приближалась и приближалась, и на командном мостике ее стоял теперь только один человек. Риттер видел, как он поводит биноклем из стороны в сторону, осматривая почти полностью закрытые, на арктический лад оборудованные палубы его судна с их раздвижными бортовыми стенками.

«Хотел бы я знать, кто они и что им нужно, – молвил про себя капитан цур зее, уже сожалея, что на судне все еще не объявлена тревога. – К чему эта игра в таинственности, да к тому же работая под «капитана Немо»?,

– Командир субмарины на связи! – прервал сумбур его размышлений голос фон Готта. – Сам вышел.

– Вот это уже по-флотски, – проворчал Риттер, приближаясь к аппарату радиосвязи. – Представился?

– Нет.

– А меня вы представили? – Не снимая кожаных перчаток, фон Риттер поразмял пальцы обеих рук, словно готовился к кулачному бою.

Эта привычка досталась ему в наследство от полярных мытарств, во время которых он несколько раз подмораживал руки. Однако в глазах тех, кто не знал ее происхождения, подобная разминка, сопровождаемая суровостью лица и жесткостью взгляда, всегда впечатляла своей воинственностью.

– Тоже нет.

– В общем-то, правильно.

– Как проходит плавание, барон фон Риттер? – дал понять ему командир субмарины, что представляться нет смысла. И обращался к нему на английском.

– До появления вашей субмарины – без происшествий. Чем обязаны визитом, высокое собрание?

– У меня на борту пассажир, который хотел бы встретиться с вами.

– Он шел на субмарине из Англии, чтобы встретиться со мной здесь, у Берега Принцессы Астрид? Кто он такой?

– Мы не находимся на службе в Английском королевском флоте и встретили вас чуть южнее Порт-Ноллота, что на западном побережье Южной Африки. Кроме того, как вы уже поняли, мы с вами – союзники.

– Под каким же флагом вы ходите?

– Считайте, что под флагом Антарктиды.

– То есть? Как это понимать?

– Подробности – не для радиоэфира. Пусть даже антарктического. И потом, не следует все воспринимать в буквальном смысле слова. Главное вы уже услышали: мы – союзники.

– Несмотря на некоторое наше вооружение, «Швабенланд» все же не военное, а, скорее, научно-экспедиционное судно.

– Предположим, что так оно и есть, – саркастически заметил командир субмарины.

– К тому же Германия ни с одной из стран Атлантики не воюет. Поэтому такое понятие, как «союзник»…

– Мы прекрасно знаем, с кем и когда Германия собирается воевать, – спокойно парировал подводник.

– Сомневаюсь. По-моему, этого пока что не знает никто, даже фюрер.

– Вы совершенно правы: фюрер – да, пока что не знает. Но придет время, и ему укажут на ту страну, в которую он должен будет ввести свои войска.

Услышав это, фон Риттер на какое-то время потерял дар речи. Он ожидал услышать что угодно, только не это. Понадобилось какое-то время, чтобы, придя в себя, он смог спросить;

– Кто же тот человек, который укажет фюреру, на какую страну он обязан нацелить войска?

– Имени этого человека я не знаю. Но если у него и есть имя, то это не имя Бога. Хотя и не уверен, что его следует считать обычным, в нашем понимании, человеком. Можете называть его просто Повелителем. Зато я знаю, кто донесет до Адольфа Гитлера волю Повелителя.

– Так продайте же эту тайну, назовите его имя нашему высокому собранию! – не удержался фон Риттер.

– Им будет тот человек, который находится сейчас на моей субмарине в качестве, ну, скажем так, нашего пассажира.

– Вот как?! Это уже серьезный аргумент. А свое имя, хотя бы свое, вы можете назвать?

– Оно особой тайны, как, впрочем, и особой ценности не составляет.

– Так представьтесь же высокому собранию! А то ведь мое имя вам почему-то известно…

– Уже хотя бы потому, что известно оно мне было задолго до того, как английские газеты сообщили о вашей экспедиции.

– Странно, я то считал, что она является секретной.

– Вы что, действительно намеревались скрытно проскользнуть от Гамбурга, из порта которого вышли еще 17 декабря, до Антарктиды, двигаясь к ней почти целый месяц?! Притом, что почти в течение полугода чуть ли не вся германская элита готовилась к этой экспедиции?! Вы меня, капитан цур зее и штандартенфюрер СС барон фон Риттер, удивляете,

– Вы так и не назвали себя! прорычал фон Риттер, чувствуя себя так, словно бы его только что отхлестали по щекам. – Или, может быть, мне прервать этот затянувшийся разговор?!

Барона уже начинало выводить из себя это лихое и наглое всезнайство командира субмарины, которому он ровным счетом ничего не мог противопоставить. Ни одного факта, ни одного предположения относительно того, с кем его здесь, на краю Атлантического океана, свела судьба.

– Зовите меня просто: капитан Блэк, – голосом школьного учителя представился, наконец нахальный моряк.

Риттер, конечно, понимал, что командир субмарины получил право на этот «подготовительный» диалог с ним. Потому что сведения, которые он как командир «Швабенланда» сумел почерпнуть из его словес, существенно подготавливали к разговору с тем человеком, который наверняка стоял сейчас рядом с капитаном Блэком и терпеливо ждал того момента, когда «германец наконец созреет для серьезного разговора».

– Честь имею, капитан Блэк, – как можно вежливее произнес Риттер, не сомневаясь в том, что англичанин-субмаринник назвался тем первым именем, которое пришло ему на ум. -…И все же вы что-то там говорили о предстоящих войнах Германии, о которых сама Германия пока еще не знает. Не вернуться ли нам к этому разговору?

– Не знает. Пока что. И в этом, представьте, ее счастье. Однако мы с вами, капитан цур зее, моряки, а не дипломаты, и все, что я обязан был сказать вам, я уже сказал. Вы готовы встретиться с моим пассажиром?

– Так, может быть, вы и его представите?

– Мой пассажир – тот человек, без которого ваша экспедиция в Антарктику не состоялась бы, а если бы и состоялась, то не имела бы смысла.

– Очень интригующе! – не намерен был скрывать своего сарказма барон фон Риттер. – Сейчас я угадаю, кто он: Иисус Христос? Нет, апостол Павел?

– Он посланец Тибета,

– Значит, я почти угадал.

В ответ капитан цур зее услышал лишь мужественное покряхтывание капитана Блэка, которому, наверное, стоило немалых усилий, чтобы воздержаться от столь же въедливого замечания,

– Господа Гитлер и Геринг знают его еще и как Консула, Внутреннего Мира.

На этот раз пришла очередь Риттера столь же мужественно покряхтеть, однако, поняв, что нормального человеческого имени пассажира субмарины ему так и не услышать, примирительно сказал:

– Понятия не имею, о каком Внутреннем Мире идет речь. Но коль уж он здесь… Кто бы он ни был, этот ваш Консул, и какой бы мир ни представлял, жду его на палубе «Швабенланда».

– Консул?! – оживился Готт, вспомнив недавний разговор с Норманнией. – Он назвался Консулом?

Командир авианосца никак не отреагировал на его вопрос, однако острой необходимости в этом уже не было, Как бы барон фон Риттер ни отреагировал на его оживление, суть уже была ясна: там, на субмарине, находится тот, от которого он, фон Готт, должен получить задание. А значит, ночь загадок наконец-то кончилась.

Почувствовав, что в каюте капитана субмарины произошло какое-то замешательство, Риттер прикрыл микрофон ладонью и, обращаясь к барону фон Готту, едва слышно произнес:

– Радисту срочно выйти на радиста африканской станции и через него – связаться с рейхом. Пусть объяснит, что здесь происходит, и сообщит, что мы ждем разъяснений адмирала Редера, маршала Геринга или кого бы то ни было. Если только им что-либо известно о причинах визита этой субмарины…

– Есть связаться с рейхом!

9

Октябрь 1943 года. Германия.
Замок Бикингбург на побережье Северного моря.
Северная ставка гросс-адмирала Карла Деница.

Стоя на оборонительной галерее сторожевой башни Викингбурга, гросс-адмирал очарованно наблюдал, как, всплывая одна за другой, в бухту входят субмарины. Черные, лоснящиеся на солнце тела их напоминали тела огромных, доселе невиданных морских животных. Неведомые, не имеющие ни имени, ни земной родословной, уже самим видом своим эти существа внушали какой-то мистический страх. Словно их появление у заселенных берегов предвещало гибель всей земной цивилизации,

Гросс-адмирал вдруг представил себе, как эти не знающие пощады «динозавры моря» появляются, на фоне айсбергов и бесконечной ледяной пустыни, у фиордов Антарктиды.

Дениц давно мечтал о том дне, когда сам сможет сойти с одной из субмарин на землю Новой Швабии [21].

О том далеком дне, когда ему действительно представится такая возможность. Если только представится.

Но уже сейчас Дениц ловил себя на мысли, что даже его, «фюрера подводных лодок», не посвящают во все тайны того, что же на самом деле происходит в «подземном Эдеме» Новой Швабии, И это больно ударяло по его самолюбию: «Коль уж мы вместе – то вместе, якорь вам всем в брюхо! И вперед, за вожаком!»

Если бы речь шла только об основании там сети военных заводов и конструкторских бюро, занимающихся созданием сверхсекретного оружия, – это еще было бы простительно. В конце концов, существуют секреты «циклопов Геринга», как они у себя, в штабе Кригсмарине, называли фауст-ракетчиков, вникать в которые ему попросту нет смысла, и секреты так называемого Внутреннего Мира. Которые тоже не очень-то интересовали Деница. Находят же доселе неведомые племена в бассейне Амазонки и в африканской саванне. Так почему одно из этих племен, пусть даже и высокоразвитое, не может оказаться в подземельях Антарктиды? И вообще, его как главкома флота интересовали тайны не новой, а старой Швабии.

Ему уже было понятно, что фюрер, Гиммлер и Геринг задумали нечто более грандиозное, явно не вписывающееся в программу испытания Фау, рассчитанных на обстрел Лондона; такое, о чем даже он, гросс-адмирал, пока что имеет смутное

представление. Очевидно, речь идет о создании новой расы германцев, расы СС, о сотворении нового, Четвертого, теперь уже подземно-антарктического, рейха, цивилизация которого будет формироваться на основании то ли рекомендаций неких Высших Посвященных, переселившихся по просьбе фюрера с тибетской Шамбалы, то ли поучений инопланетян, прибывших в Новую Швабию на «солнечных дисках».

– Расы СС! – вслух проворчал Дениц, но, вспомнив, что адъютант все еще стоит у него за спиной, счел, что подобные диалоги с самим собой благоразумнее вести, не доверяясь даже такому насквозь просоленному морскими ветрами товарищу, как Наубе. – Кого это не устраивает нордическая раса арийцев? И почему СС пытается присвоить себе право на основание новой расы? Или, может, прикажете теперь всем нам подаваться в СС? Впрочем, могут и приказать, – возразил он себе.

И все же эта идея с расой СС решительно не нравилась Деницу, причем не только потому, что сам он в «Шутцштаффель» [22] не состоял и состоять не собирался. Гросс-адмирал ничего не имел против сотворения новой нордической расы, но это – считал он – должна быть раса германцев. Нордическая германская раса! – вот что должно было зарождаться в ледовом расовом инкубаторе Новой Швабии! И никто не способен был убедить его, что носителями всех святостей этой нордической расы следует считать эсэсовцев. Хотя и стремились убедить.

Несколько раз какие-то умники из института «Аненербе» [23] и из штаба Геринга пытались просвещать его по поводу Шамбалы, инопланетных пилотов и космологической теории «полой Земли», которая как раз и нашла свое подтверждение в существовании «подземного Эдема» в Антарктиде. Но Дениц всякий раз прекращал эти попытки словами: «Я – простой моряк. Если вам нужны мои "волчьи стаи" из "Конвоя фюрера", вы их – коль будет на то воля самого фюрера – получите. Но я знаю, что море – это море, а берег – это берег. В том числе и берег подо льдами, именуемый "Антарктидой". Все остальное меня попросту не интересует».

После таких ответов просветители даже не пытались скрывать своего разочарования, и Дениц был уверен, что такое же разочарование передавалось тем, кто их направлял. И кто знает, как долго это может продолжаться? Не кончится ли это противостояние тем, что однажды его тоже запишут в ненадежные, в предатели рейха или еще куда-либо?

Гросс-адмирал, конечно, старался храбриться, однако он понимал, что мнение, которое складывалось о нем у этих навязчивых просветителей, в той или иной степени влияет на его

положение при «дворе» фюрера. И рано или поздно может настать момент, когда он окажется в числе таких же неугодных руководителей, в которых неожиданно для себя и многих высших чинов армии и разведки оказался шеф абвера [24] адмирал Канарис. К слову, тоже адмирал…

Каковым же было его удивление, когда Рейнхард Гейдрих, возглавлявший в то время Рейхзихерхайтсхауптамт [58], однажды обронил:

– Вы мудрый человек, Дениц.

– Благодарю за столь высокое признание, – высокомерно ухмыльнулся гросс-адмирал.

– Среди прочего, ваша мудрость проявляется еще и в том, что, в отличие от многих других, вы не пытаетесь проникать в те тайны рейха, в которые зачастую пытаются проникнуть люди, которым это вообще-то ни к чему.

– Ну, я не думаю…- с великосветской учтивостью попытался было усомниться гросс-адмирал, однако Гейдрих затеял этот разговор не для того, чтобы они расшаркивались друг перед другом, демонстрируя наследственную воспитанность.

– Просто они становятся жертвами собственного любопытства. Фюрер, который давно считает, что о том, что на самом дере происходит в подземельях Новой Швабии, должны знать только те люди, которым доверено создавать там Рейх-Атлантиду, ценит эту вашу черту.

– И с этим стоит согласиться.

– Он ценит ее, Дениц, – продолжил свою мысль Гейдрих, – и сейчас, в связи со сложившимися обстоятельствами, это очень важно,

– К тому же я прекрасно знаю, что люди, которые имели неосторожность стать жертвами собственного любопытства, тотчас же становятся жертвами любопытства к ним сотрудников Главного управления имперской безопасности, – не упустил Дениц возможности напомнить Гейдриху и его людям, кто они есть на самом деле и как мнрго невинной крови на их совести. Однако шефа РСХА это не шокировало.

– Но ведь вас это не касается, – как можно внушительнее произнес шеф службы безопасности СС. – Вас ведь останавливает не страх перед Гейдрихом, – поиграл желваками Гейдрих:

– Меня останавливает страх перед тем, что, погубив Третий рейх здесь, в Германии, мы погубим саму Германию, которую подо льдами Антарктиды нам уже не возродить.

– Так и доложить фюреру? – как бы между прочим поинтересовался Гейдрих.

– Так и доложите.

Начальник Главного управления имперской безопасности на какое-то время впал в мрачное глубокомыслие, а затем, еще раз удивив Деница, решительно прогундосил:

– Нет, не доложу

– Не решаетесь? И что же вас сдерживает, позвольте полюбопытствовать, господин обергруппенфюрер?

– Можно подумать, что вы будете настаивать на этом! Вы что, не понимаете, насколько это опасно?

– Не надо бояться за меня Гейдрих, – по-великосветски холодно возмутился гросс-адмирал.

– Кто вам сказал, что я боюсь за вас, Дениц? – взорвался своим высоким фальцетом Гейдрих.

– А за кого же?

– Я не за вас боюсь, Дениц, – когда он волновался, то всегда по множеству раз повторял имя или фамилию своего собеседника. – Я, Дениц, боюсь за фюрера, который, услышав ваши, гросс-адмирал Дениц, пораженческие философствования относительно Новой Щвабии, может заразиться ими, как смертоносными бациллами.

– Вот и уберегите его от этих бацилл! – насмешливо молвил гросс-адмирал, еле удержавшись от того, чтобы открытым текстом сказать ему: «Так не доносите на меня фюреру!»

– Я за будущее Рейх-Атлантиды боюсь, Дениц, – не желал выбиваться из отрепетированного им монолога начальник РСХА. – И до тех пор бояться буду, пока германским флотом командуете вы, наш непобедимый Нельсон-адмирал [25]Дениц!

10.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Просмотрев последнюю страницу, штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени закрыл папку, да которой был начертан непривычный для «канцеляристики» СД гриф «Исключительно Секретно. Доступ только с личного разрешения рейхсфюре-ра СС Гиммлера», и еще несколько минут сидел, отрешенно вглядываясь в золотистый, на изысканном коричневом бархате тисненый, герб рейха. [26]

Это и была та сверхсекретная папка под названием «База-211» [27], по материалам которой ему предстояло начинать свое знакомство со всем, что касалось антарктических амбиций Гиммлера, исследований Новой Швабии подводниками Деница и пилотами Геринга, и, наконец, сотворения Рейх-Атлантиды всеми теми, кому выпала такая участь.

«А ведь когда-нибудь наши потомки будут воспринимать материалы этой папки, как первоисточники для такого себе Рейхантарктического Ветхого Завета, в котором будет воссоздана новобиблейская легенда о сотворении нового континента, новой цивилизации, новой расы, – предался своим фантазиям первый диверсант рейха. – Любая имеющаяся здесь бумажка – на вес свитка папируса».

Штурмбаннфюрер еще раз бегло полистал документы, останавливая свое внимание на тех или иных сообщениях, замечаниях и примечаниях, а главное на подписях под ними. Сейчас его интересовал круг людей, связанных тайной Новой Швабии, их возможные расхождение во взглядах на вопрос об освоении подземелий Антарктиды, на государственное и политическое устройство Рейх-Атлантиды.

Уже теперь, на этом этапе знакомства с проблемой рейхс-атлантов, Скорцени пытался уяснить для себя, о чем, собственно, идет речь: об обычной военно-морской базе Германии на ледовом континенте, которая бы позволила рейху контролировать Южную Атлантику Южную Африку и Латинскую Америку или же под завесой особой секретности закладываются основы совершенно иного государства, иной нации, иной расы? И все это – под реальной угрозой краха Третьего рейха

«Интересно, существует ли у этой папки двойник? – неожиданно для самого себя задался вопросом первый диверсант рейха. Такие вопросы он обычно называл вопросами из подсознания. - Наверное, должен существовать. Но в таком случае

следы его следует искать в сейфах службы безопасности Рейх-Атлантиды. Причем в случае опасности двойник этот тоже подлежит уничтожению».

А еще Скорцени очень хотелось бы знать, ознакомлен ли сам фюрер со всеми подробностями этой операции. И если ознакомлен, то существуют ли фюрерские копии всех этих бумаг? И вообще, все ли этапы и нюансы операции «База-211» в них отражены?

В последние дни штурмбаннфюрер жил в предчувствии того, что «триумфальный въезд в Берлин» завершен, и его, как первого диверсанта рейха и личного агента фюрера по особым поручениям, ждет очередное задание. Которое тоже может быть только очень трудным, поскольку теперь уже фюрер и его ближайшее окружение почему-то поверили, что ничего невозможного для Скорцени просто не существует.

Отто понятно было происхождение этих диверсантских иллюзий: лишь недавно, в начале сентября, он завершил операцию «Дуб», которая, исходя из сугубо пропагандистских целей, была теперь окончательно рассекречена и называлась так, как и должна была называться; «Похищение Муссолини». Но только сам он, первый диверсант рейха Отто Скорцени, по-настоящему понимал, что вера в его всемогущество и бесстрашие – всего лишь иллюзии. Как понимал и то, что убедить фюрера, что существуют операции, которые не под силу даже Скорцени, будет так же трудно, как еще недавно – убеждать, что невыполнимых заданий для Скорцени попросту не существует.

А операция действительно была изумительной. Уже на второй день после ареста дуче преданными королю Италии офицерами карабинеров фюрер пригласил Скорцени к себе в «Волчье логово» и, прежде чем дать задание, долго и молча прохаживался перед ним по кабинету. Казалось, он был сосредоточен на каких-то своих мыслях и совершенно забыл о сто- явшем у двери обер-диверсанте рейха. Но именно тогда, когда Скорцени окончательно убедился в том, что фюреру сейчас не до него, тот приблизился, уткнулся взглядом куда-то ему в грудь и едва слышно проговорил:

– Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Он арестован, Скорцени, вы понимаете это?

– Да, мой фюрер, понимаю: Муссолини арестован. Гитлер отошел к своему письменному столу, взял в руки какую-то папку с бумагами, подержал ее на весу, но потом осторожно, словно опасался, что папка может взорваться, положил именно на то место в правом углу огромного стола, на котором она лежала, Скорцени так до сих пор не узнал и вряд ли когда-нибудь узнает,

что именно было в этом досье. И предназначалось ли оно для него или же фюрер взял эту папку случайно, разнервничавшись.

– Поэтому у меня для вас важное задание, Скорцени, – он опять приблизился к первому диверсанту рейха и – худой, с запавшими щеками, весь какой-то издерганный – стоял перед ним, как пилигрим перед статуей апостола Петра, последней своей надежды. – Муссолини нужно спасти, гауптштурмфюрер. Его немедленно надо спасти, иначе эти предатели из Рима выдадут его союзникам.

– Понимаю: его немедленно выдадут, – подвергаясь магии какой-то астральной силы фюрера, проговорил Скорцени,

– Поручаю эту операцию, имеющую большое значение для дальнейшего ведения войны, вам. Конечно же, вы обязаны хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек, Только пять, включал вас. Причем вы лично отвечаете передо мной за строжайшее сохранение этой тайны.

Скорцени уже не мог гарантировать, что воспроизводит сказанное фюрером дословно, но что смысл его задания и напутствия были именно такими, мог ручаться.

Впрочем, дело, собственно, не в словах. Папка – вот что не давало ему покоя! Когда пришла пора мучительных поисков того места, где итальянцы содержали Муссолини, – а, как оказалось, место это они постоянно меняли, – Скорцени не раз вспоминал об этой папке в руках фюрера, словно о некоей несостоявшейся подсказке.

«Кто знает, – размышлял он, – возможно, содержащиеся в ней данные, уже добытые германскими разведчиками и итальянскими осведомителями, как раз и помогли бы мне в поисках следов дуче, навели на какие-то его связи, на имена доверенных людей…»

Ну а потом… Потом был итальянский аэродром «Пратика де Маре», отчаянная высадка его парней из планеров на вершину Абруццо, где Муссолини под охраной почти двух сотен карабинеров содержали в туристическом отеле «Кампо Императоре», и, наконец, двухместный самолетик «Физелер Шторъх», который, предельно утяжеленный самим Муссолини и его наполненным всевозможной писаниной чемоданом, лишь каким-то непостижимым чудом сумел взлететь с небольшого каменистого пятачка.

Действительно, только чудом, да еще потому, что, когда летчик заявил, что самолет перегружен и, исходя из своих технических характеристик, взлететь не способен, Скорцени в ту же минуту ткнул пистолетом в его затылок.

Один из помощников Геббельса, набивавшийся к Скорцени в

биографы, вскоре вручил ему текст того, первого важного правительственного сообщения, которое под звуки фанфар прозвучало по германскому радио: «Ставка фюрера сообщает: германские парашютные войска, служба безопасности и войска СС под командованием одного венского фюрера СС осуществили сегодня операцию по освобождению дуче, захваченного в плен кликой изменников. Внезапный налет увенчался успехом. Операция стоила больших потерь. Дуче находится на свободе».

Какой убийственный, воистину достойный первого диверсанта рейха лаконизм!

«Если бы у вас, Скорцени, были завистники, их бы очень устроила та секретность, с которой "внебрачные сыны Геббельса" из "Германского радио" преподнесли народу ваш подвиг», – с присущим ему мрачным юмором заметил командир дивизии «Дас рейх» бригадефюрер Пауль Хауссер; той самой дивизии, в рядах которой в свое время Скорцени дошел почти до Москвы [28],

«А что, у меня завистников нет? Мне они не положены?».

«Теперь их уже действительно нет. Когда офицера начинают именовать самым страшным человеком Европы, у него появляются не завистники, а подражатели и последователи. Вы слышите меня, Скорцени: подражатели и последователи! Я, старый солдат, понимаю это именно так!»

«Впрочем, даже если бы они и появились, – взбодрилея Скорцени. – Как говорили древние: "Упаси нас господь от друзей, а с врагами мы как-нибудь сами справимся"».

«Вы недооцениваете себя, Скорцени, После всех этих итальянских дел ваша слава достигла такой святости, что завидовать вам может решиться разве что фюрер. А фюрер, как известно, не завидует. Он открывает перед каждым из нас такое поле славы, на котором каждый может пройти весь путь, от Рыцарского креста [29]- до могильного и от могильного – до Рыцарского. Я, старый солдат, понимаю это именно так…»

Впрочем, сам Хауссер не стал ждать, когда при произношении фамилии бывшего унтершарфюрера [30] его дивизии начнут изощряться фанфары. Узнав, что спасенный от виселицы Муссолини всего лишь наградил Скорцени орденом Ста мушкетеров, который после его, дуче, свержения ровным счетом ничего не значил и приколоть который на грудь своего спасителя дуче тоже не сможет, поскольку не запасся им, бригадефюрер СС Пауль Хауссер, располагавшийся в то время со своим штабом в Северной Италии, воинственно расхохотался. Он был поражен.

«Подвиги моих офицеров так не отмечают! – орал он в телефонную трубку, беседуя с Гиммлером, который, как поговаривали, и сам побаивался этого напористого фронтового

генерала. – И я никому не позволю забыть, что свой первый офицерский чин герой нации Скорцени получил в дивизии "Дас рейх". И что получил он его не за охрану женских концлагерей, как некоторые, а доблестно сражаясь под Москвой!»

А в телеграмме, которую комдив велел своим штабистам срочно направить Скорцени, сообщалось, что он, Хауссер, дарит «своему старому фронтовому товарищу мечту настоящего германца» – спортивный автомобиль новейшей модели. Тоже, естественно, реквизированный у итальянцев в виде контрибуции за спасение их дуче.

Наверняка Скорцени так и остался бы строго засекреченным «одним венским фюрером СС», если бы сам вождь нации не решился рассекретить своего личного агента, превратив из безымянного СС-диверсанта в национального героя, кавалера Рыцарского ордена, пример которого способен вдохновлять не только многие тысячи воинов, но и целые поколения германской молодежи.

Первой нарушить «обет молчания на пятерых» позволено было газете «Фолькишер беобахтер», которая писала:

«Всю свою жизнь Скорцени был политиком и солдатом. Еще на школьной скамье он стал членом «Германского союза», который в 1922 году выступил под черно-бело-красным флагом [31]. Будучи студентом, он прошел подготовку в штирийском добровольческом корпусе и молодым буршем приобщился к национал социалистическому мировоззрению…

Из добровольческого корпуса он со временем перешел в СС и в качестве, так сказать, дипломной работы, положившей начало его теперешнему мастерству, арестовал в 1938 году австрийского федерального президента, которого бдительно охраняла гвардейская рота».

Дальнейшее служебное восхождение Отто действительно началось с того, что фюрер лично повесил ему на шею Рыцарский крест и объявил о повышение в чине до штурмбаннфюрера СС [32]. Но при этом как бы между прочим обронил:

– Во время освобождения дуче вы прошли испытание не только на храбрость и отчаянную решимость диверсанта, но и на умение хранить тайны рейха. Очень скоро вы получите новое задание. Но прежде чем выполнить его, вам придется ознакомиться с материалами, с которыми до вас ознакомлены были только два человека: я и Гиммлер.

– Я выполню любой ваш приказ.

– Сейчас я говорю не о приказе, который вы как солдат, конечно же, выполните, а о сохранении величайшей тайны рейха.

– У меня нет ничего более святого, чем тайна рейха, мой

фюрер.

Скорцени еще не успел выдвинуть какое-либо предположение относительно характера нового задания фюрера, как присутствовавший на церемонии чествования героя нации рейхсмаршал Геринг снял со своего парадного френча Золотой почетный знак летчика и, приколов его на грудь первого диверсанта рейха, не менее загадочно произнес:

– Когда фюрер решит, что сотне-другой ваших парней следует высадиться в Антарктиде, я позабочусь, чтобы вам досталось что-нибудь понадежнее, нежели планеры ДФС-230, на которых вы штурмовали вершину Абруццо, и погибельно устаревший «Физелер Шторьх», которым мы вас оттуда снимали.

– В Антарктиде? – переспросил тогда Скорцени, полагая, что рейхсмаршал шутит. И был удивлен, когда тот ответил:

– Что вас так смущает, Скорцени?

– Да в общем-то ничего. Если приказано будет взять штурмом Южный полюс, мои парни готовы.

– Именно такого ответа я и ожидал услышать от вас, штурмбаннфюрер: Антарктида – так Антарктида! Не исключено, что и оттуда нас тоже вскоре попытаются выбить. Вполне возможно, что последние редуты войскам СС придется отстаивать в тех местах, где располагались полярные стоянки Амундсена и Скотта.

Скорцени и предположить тогда не мог, что слова рейхсмаршала Геринга окажутся вещими. И что он не раз будет мысленно возвращаться к ним после телефонного разговора с фюрером.

11.

Октябрь 1943 года.
Берлин.

…А позвонил ему фюрер вчера, в конце дня; вождь любил прибегать к таким неожиданным звонкам. которые, возможно, служили для него еще и определенной психологической разрядкой. Дела на фронтах обстояли плохо, доклады командующих группами войск и полевых армий попросту раздражали его. Вот почему – исходя из тех сведений, которыми Скорцени обладал, – Гитлер все охотнее общался теперь с конструкторами то ракет Фау, то принципиально новых, по типу своему самонаводящихся, акустических торпед Т-5, разрабатывавшихся в рамках секретного проекта «Королевское заграждение».

Откладывая предельно важные фронтовые дела, фюрер охотно принимал у себя то последователей учения Ганса Гербигера из тайного Общества «Врил», то теоретиков из не менее засекреченного Общества «Фуле», объявившего себя единственным носителем высших знаний о современном мире, то каких-то медиумов, которые обязаны были бы заинтересовать всякого уважающего себя психиатра.

– Скорцени, – негромко, но властно проговорил вождь Великогерманского рейха, как только Отто представился. – Завтра же вы отбудете в замок Вебельсберг, и хранитель архива «Аненербе» доктор Ридэ познакомит вас с материалами досье «Базы-211».

– Материалы досье, – повторил Скорцени, стоя у телефона навытяжку.

– Папку, которую он вам вручит, вы должны изучить очень внимательно. Послезавтра мы, то есть я, вы и группа наших товарищей по борьбе, соберемся в этом святилище СС, чтобы обсудить одно очень важное дело. Я хочу, чтобы вы были готовы к этому обсуждению, готовы к тому, чтобы взять создание «Базы-211» под свой контроль. Самолет будет ждать вас в восемь ноль-ноль.

– Яволь. – Скорцени был одним из тех немногих высших чинов рейха, которые позволяли себе крайне редко прибегать к обращению «мой фюрер». Не смутило его даже то, что личный телохранитель Гитлера бригадефюрер СС Раттенхубер обратил внимание своего шефа, что Скорцени «не придерживается общепринятой формы обращения к фюреру». А ведь, учитывая все прогрессирующую подозрительность и мстительность Гитлера,

это было небезопасно. – Завтра утром я вылетаю.

Услышав о папке «Базы-211», Скорцени тотчас же вспомнил о той таинственной папке, которая уже однажды появлялась в руках фюрера. Так, может быть, именно она и есть двойником того досье, которое лежит сейчас на огромном массивном столе, стоящем посреди отведенной ему комнаты в Рыцарском флигеле замка Вебельсберг, в котором в старину обычно находили приют прославившиеся на турнирах странствующие рыцари?

– Я хочу, Скорцени, чтобы вы честно сказали мне, что вы обо всем этом думаете.

Скорцени чуть было не переспросил, о чем «обо всем этом»: он всегда требовал, чтобы, определяя задание, Гитлер, Гиммлер или кто-либо иной выражались с предельной ясностью.

Однако на сей раз его остановил голос фюрера – поникший, удрученный; голос человека, разочаровавшегося во всем, ради чего он до сих пор жил, и всеми, на кого рассчитывал. – Попробую разобраться.

– Гиммлер в курсе моей просьбы.

– Геринг, надеюсь, тоже, – как бы между прочим, проговорил Отто, помня, что отношения с рейхсмаршалом люфтваффе у фюрера в последнее время осложнились. Однако помнил он и то, что именно Геринг руководил операцией по исследованию Новой Швабии.

– Считаете, что Геринг может препятствовать? – все тем же тоном вождя, разуверившегося в своем племени, спросил фюрер.

– И только теперь, поняв, как фюреру нужна сейчас сильная рука, как ему нужна поддержка, Скорцени вдруг решительно заявил:

– Геринг не станет препятствовать нам, мой фюрер. Не решится. И никаких псалмопений по этому, поводу у него не будет, мой фюрер, – вдруг разразился Отто своей любимой поговоркой, которая всем высшим чинам рейха уже была знакома и которую все воспринимали как выражение крайней решительности личного агента фюрера, – никаких псалмопений!

– Вы все правильно понимаете, Скорцени, – оживился фюрер, и, не прибегая ни к какой смысловой паузе, неожиданно спросил: – А тот унтерштурмфюрер, ну, Имперская Тень?…

– Унтерштурмфюрер Зомбарт.

– Которого вы называете Великим Зомби… Он все еще там, в замке Вольфбург?

– В Охотничьем домике посреди пруда. Это в задней части крепостного двора, в густом парке, тоже огражденном крепостными стенами. Под охраной четверых моих людей,

– Он нам еще понадобится, Скорцени.

– И он нам действительно понадобится, – пророкотал своим зычным басом Скорцени. Штурмбаннфюрер прекрасно помнил, что превращение этого шута-интенданта из 2-го отдельного батальона дивизии СС «Мертвая голова» в Имперскую Тень происходило по личному указанию и под личным контролем самого фюрера.

– Объявите, что отныне он – оберштурмфюрер СС.

– Объявлю. Хотя он вряд ли обрадуется такому повышению, поскольку уже предпочитает считать себя просто… фюрером. – И Скорцени мало интересовало сейчас: воспримет эти его слова бывший ефрейтор Шикльгрубер как шутку или не воспримет. Он, Скорцени, получил задание подготовить двойника фюрера, и он, черт возьми, его подготовил.

– Переведите его на какое-то время на гору Броккен, Комендант лебенсборна «Святилище арийцев» Эльза Аленберн позаботится о том, чтобы сделать его жизнь более или менее достойной… Имперской Тени. – Скорцени прекрасно понял, что Гитлер хотел произнести: «достойной фюрера», – но не решился. Как не решился и тогда, когда Отто знакомил его с Великим Зомби впервые, Уже в который раз – не решился.

– В Альпы, на массив Гарц. Пусть побудет там, где зарождается новое поколение арийцев…- как бы расшифровывал замысел фюрера Отто Скорцени.

– Это правда, что он пародировал меня?

Все еще прижимая трубку телефона к уху, Скорцени нервно повел подбородком. Всем, кто хотя бы что-нибудь знал о шутовстве Манфреда Зомбарта, хотя бы слышал о его казарменных лицедействах краем уха, он приказал молчать. Тогда каким образом и от кого именно фюрер узнал о них?

– Он не пародировал, он подражал вам, фюрер, – спасительно вспомнил Скорцени слова бригадефюрера Пауля Хауссера. И чуть было не добавил: «Я, старый солдат, понимаю это так».

– Не скрывайте, Скорцени, – пародировал. За что и был арестован агентами СД, причем, насколько мне известно, прямо в казарме батальона СС. Нам всем очень повезло, что я вовремя узнал об этом.

– Тем не менее его расстреливали [33] . Причем расстреливали уже тогда, когда вы почти слепили из него Имперскую Тень.

– Как вы понимаете, это была всего лишь имитация расстрела, естественно, согласованная со мной.

– Но мне сказали, что какой-то офицер СС действительно сорвался и чуть было не застрелил его.

– Этот гнев тоже был учебным, – глазом не моргнув, соврал Скорцени. – На самом деле это был «расстрел» унтерштурм-

фюрера Манфреда Зомбарта, которого, как двойника фюрера, обязательно следовало «расстрелять», чтобы избавить от прежнего естества.

Поверил ему Гитлер или нет – выяснить это Скорцени уже вряд ли когда-нибудь удастся. А вот то, что идея инсценировки «расстрела фюрера», пусть даже в облике его двойника, вождю не очень-то нравилась – это стало понятно сразу же. Другое дело, что продемонстрировать свое неудовольствие по этому поводу он тоже не решился.

– Не упускайте его из вида, Скорцени, – резко повысил голос фюрер. – Какие бы задания вы ни выполняли, никогда не забывайте о том, что за вами – Имперская Тень, которую теперь уже следует готовить по-настоящему и никогда не упускать из вида. И… помните: папка «База-211»!

«Брофман! – сказал себе Скорцени, как только Гитлер положил трубку. – Информация исходит от профессора Брофмана, лагерный номер 1378213, которого я привлекал к созданию образа Имперской Тени. И понятно, что не сам он пришел к фюреру с этими нежелательными подробностями, а кто-то заставил все еще несожженного в крематории еврея-профессора поделиться с ним этими "великосветскими сплетнями" Хотелось бы знать, кто именно, дьявол меня расстреляй!»

Скорцени взглянул на аппарат прямой имперской связи, словно бы решался: а не позвонить ли фюреру и не уточнить, от кого именно он получил эти сведения. Хотя на самом деле это уже было не столь важно. Штурмбаннфюрер всегда опасался, что рано или поздно Гитлер узнает о казарменном шутовстве Зомбарта и реакция его может быть самой резкой.

Фюрер, рассуждал он по этому поводу, давно перестал мудро воспринимать любые, пусть даже самые незначительные критические замечания в свой адрес, и кто знает, как он отреагирует на сведения о том, что некий офицер СС пародировал своего фюрера прямо в казарме батальона дивизии СС «Мертвая голова». Как и о том, что никто из офицеров СД, арестовывавших лицедея и занимавшихся его делом, не сообщил о столь вопиющем случае рейхсфюреру СС Гиммлеру, который, конечно же, доложил бы об этом ему Гитлеру.

Теперь же Скорцени мог сказать себе, что и этот риф он благополучно миновал. По крайней мере, так ему казалось. Он ведь прекрасно понимал, что вторгается в самую сокровенную часть бытия высшего руководства рейха.

12.

Январь 1939 года.

Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

Едва командир корабля барон фон Риттер отдал приказание вахтенному офицеру, как в наушниках вновь послышался голос. Однако теперь он уже принадлежал не капитану субмарины Блэку, а какому-то иному человеку, который, к тому же, обратился к нему на немецком, пусть и довольно странном.

Голос у этого человека был мужественно-резким, а каждое слово он произносил так, словно выкрикивал каждый слог в отдельности. К тому же, слова он выговаривал с каким-то странным акцентом – глотая окончания и произнося отдельные звуки так, словно они зарождались у него не на выдохе, как это происходит у абсолютного большинства землян, а на вдохе. В общем, он напоминал иностранца, который, так и не овладев чистым немецким, умудрился лет десять прослужить фельдфебелем в берлинской унтер-офицерской школе.

– Мы не будем встречаться на вашем корабле, господин фон Риттер. – Это невозможно.

– С кем я говорю?

– Вам уже объяснили. Я – гость капитана Блзка, Обращайтесь ко мне Господни Консул или просто Консул, вместо традиционного имени. Нам нужно встретиться. Это в ваших интересах.

– Что вы предлагаете?

…Вы спускаете на воду бот и поднимаетесь на борт субмарины «Атдантис». Время, которое вы проведете на субмарине, многое прояснит для вас, а главное, сделает вашу экспедицию более осмысленной.

– Вполне допускаю, господин Консул.

– Вот видите, мы уже начинаем пони мать друг друга. На борт поднимаетесь один. Матросы возвращаются к борту «Швабенланда» и ждут вашей команды. У вас возникли вопросы?

– Естественно. Причем не только у меня, но и у всего высокого собрания.

– Зададите их на субмарине, капитан цур зее. Жду. Поняв, что связь прервалась, фон Риттер вопросительно взглянул на все еще находившихся на мостике Готта и гаупт-штурмфюрера Крозетта.

– Меня ждут на субмарине, господа. Капитан субмарины «Атлантис» назвал себя Блэком, а беседовать со мной собирается человек, именующий себя Консулом Внутреннего Мира. Что скажет по этому поводу высокое собрание?

Офицеры молча и как-то слишком уж беспомощно переглянулись.

– Я так понимаю, что мы получили приглашение, проигнорировать которое не имеем права, – произнес фон Готт.

– Глубокомысленное наблюдение.

– Пока что они ведут себя довольно миролюбиво, но…

– Пока что – да… – согласился с ним Крозетт. – Но я предлагаю поднять самолет в воздух и барражировать над субмариной все то время, пока идут переговоры.

– И какова цель этого вашего барражирования? – поинтересовался фон Готт, – Пустить субмарину на дно вместе с командиром «Швабенланда»? Гениальное решение!

– Но у нас нет иного способа воздействия на команду субмарины, – возмутился командир морских авиаторов. – Наше кормовое орудие – против их торпеды? Мы его и расчехлить не успеем!

– И даже не будем пытаться, – заверил его фон Риттер.

– Радист и телеграфист уже наверняка связались с Берлином, – сказал старший офидер. – Предлагаю потянуть время, дождаться ответа.

– Какого? – не очень бодро парировал Риттер. – Что, сидя в Берлине, можно посоветовать командиру судна, на борт которого прямой наводкой нацелены два торпедных аппарата? И от кого конкретно ждать ответа: от адмирала Редера, от Геринга или, может, поиграть на нервах самого фюрера?

– Тоже верно, – поскреб заросший подбородок фон Готт. – Но в любом случае, при любом раскладе сил самое время позвонить адмиралу Редеру.

– Разве что – как тестю, – обронил фон Риттер. – Да и то – не думаю, что именно этому звонку давно отбившегося от рук зятя он сколько-нибудь обрадуется.

Рослый, тучный, почти медведеподобный, этот человек буквально источал из своих мощных мышц какую-то неуемную физическую силу Риттер уже знал, что старший офицер «Швабенланда» происходил из давно обедневшего дворянского рода и что отец его, все еще сохранявший за собой наследственный титул барона, в течение многих лет зарабатывал себе на хлеб обычным дровосеком. Причем самое странное заключалось в том, что занятие сие барон фон Готт-старший считал вполне приемлемым для себя.

Как выяснилось, сам Теодор Готт с тех же юных лет подрабатывал на лесозаготовках, где вскоре, благодаря своей исключительной физической силе, стал личностью почти легендарной. Впрочем, слава тоже пришла к нему из леса.

Схватившись где-то в предгорьях Баварских Альп с вожаком волчьей стаи, барон в мгновение ока оглушил его, а затем переломал хребет, после чего, вооружившись дубиной, жесточайше расправился со всей подоспевшей стаей.

Точно так же расправился Барон-Дровосек и с какой-то бандой на окраине портового городка Эмдена, куда приехал поступать в мореходное училище торгового флота. Как утверждали со временем функционеры штандарта местных штурмовиков, и искалеченные бандиты, и полицейские, расследовавшие это происшествие, были просто-таки поражены той холодной яростью, с которой вчерашний лесоруб крушил челюсти и прочие кости всех четверых нападавших, даже не помышляя при этом о вполне благородном и оправданном в подобной ситуации спасении бегством.

Теодор избивал нападавших до тех пор, пока не прибыла полиция. Но и после ее прибытия он умудрялся выхватывать из рук полицейских то одного, то другого бандюгу, чтобы, оглушив его ударом кулака в голову швырять на руины каменной ограды.

Из-за откровенного неуважения к полиции схватка едва не закончилась для Готта тюрьмой, но ему повезло: в городе как раз начал формироваться новый «штандарт» СА, и местный руководитель штурмовиков, прослышавший о силе и ярости некоего Барона-Дровосека, сумел отбить его у правосудия, чтобы назначить руководителем ударного отряда, занимавшегося разгоном идеологических противников национал-социализма в районе порта.

По рекомендации командования штурмовиков Теодор и был затем направлен в военно-морское училище в Киле, то самое, которое в свое время окончил и главнокомандующий ВМС рейха адмирал Эрих Редер.

На учебе в училище, собственно, настояла одна из племянниц будущего главкома ВМС по имени Норманния, которая к тому времени успела влюбить в себя красавца Готта и собиралась стать его женой. Не возражала Норманния и против того, чтобы по вечерам ее муж-силач посещал занятия в специальной спортивной школе штурмовиков, где его обучали приемам восточных единоборств и владению различными видами холодного оружия.

Мало того, физически очень крепкая, мощного телосложения, эта полусаксонка-полунормандка и сама приобщалась к тренировкам, постепенно превращаясь в его спарринг-партнера. При этом Норманния никогда не скрывала, что и полюбила-то своего молчаливого и неотесанного Барона-Дровосека прежде всего за его необузданную силу и столь же необузданную ярость. А вскоре она и сама надела коричневую рубашку штурмовика СА,

чтобы вместе с Теодором стоять в оцеплении, охраняя собрания нацистов.

– А ведь эти чертовы субмаринники знают о нашем высоком собрании почти все, что только можно знать, – молвил фон Риттер. – Готт, прикажите боцману: «По правому борту предкормовой бот – на воду!»

– Есть бот на воду!

Именно там, в Кильском военно-морском училище, еще будучи курсантом которого, Теодор Готт совершил на одном из судов экспедицию в глубины Арктики, он и получил свое новое, более престижное прозвище Полярный Барон.

Случилось так, что судно оказалось в ледовом плену, и большая часть экипажа ушла ледовыми полями в сторону острова Шпицберген, где ее вскоре подобрали островные спасатели. А физически выносливому барону фон Готту, с еще четырьмя матросами, приказано было остаться на судне, чтобы скалывать с бортов и палубы лед и вообще – всеми доступными средствами бороться за живучесть судна.

Через месяц двое из команды Готта не выдержали и тоже решили уйти в сторону Шпицбергена. Барон фон Готт, как мог, убеждал их не делать этого. Он предчувствовал их погибель и всячески пытался удержать на судне, которое представлялось *ему* тогда единственным реальным спасением.

В конце концов те двое все же ушли. Это было странное расставание: те, что оставались на судне, смотрели вслед уходящим, как смотрят идущим на эшафот; а те, что уходили, уже издали кричали остающимся: «Идем вместе с нами, иначе погибнете!» Они еще не догадывались, что уходят в небытие. В полную неизвестность. Еще один моряк умер на судне от воспаления легких.

Вот и получилось, что до весны, до спасения судна, дожили только двое, старшим из которых по-прежнему оставался курсант училища барон фон Готт. Вот после этой трагической зимовки, вместе с досрочным присвоением ему чина лейтенанта цур зее, Теодор и получил теперь уже зафиксированное в нескольких изданиях уважительное прозвище Полярный Барон, звучавшее значительно лестнее, нежели, давно оскорблявшее его Барон-Дровосек.

13.

Август 1943 года,
Германия. Остров Узедом в Балтийском море.
Ракетный центр «Пенемюнде».

Ни на одну из предыдущих машин этот дисколет похож не был. Сработанный по образу и подобию классического метательного диска – только диаметром более сорока и высотой около пяти метров, – он поражал красотой своих линий, серебристым отливом облицовочного металла и витражами рассеянных по всему периметру пилотской башни иллюминаторов.

Собирали этот шернеролет прямо здесь, в огромном подземном ангаре, поэтому вокруг него на всевозможных тележках и подставках покоилось множество каких-то мелких деталей. Однако и земная основа, и неземная нацеленность этого космического корабля уже были заложены в нем, они уже ощущались. И даже беглого взгляда было достаточно, чтобы Скорцени понял: этот дисколет создает не тот человек, который будет стремиться свое, в мыслях и чертежах не доношенное, творение как можно скорее воплотить в металл. Ибо этот создатель не на имя свое работает, а на вечность.

– И что вы по этому поводу думаете, доктор Браун?

– Видит Бог, что в этом проекте я всячески помогал Шернеру.

– Угрызения совести? Осознание высокой цели? А традиционная в таких случаях зависть?

– Без этого тоже не обошлось. Но со временем прошло. Часто прихожу сюда, когда в ангаре нет ни Шернера, ни вообще кого бы то ни было. Порой мне кажется, что я прихожу сюда, как язычник – к капищу, святому месту предков.

Слушая его, Скорцени медленно поднимался по приставной лестнице в салон корабля.

– Говорите, говорите, Браун, я внемлю каждому вашему слову!

– Здесь возникают какие-то особые ощущения, образуется какая-то особая аура, подобная тем, которые возникают в монастырских храмах.

– Охотно верю. Однако сам ничего особого пока не познал.

Скорцени вошел в кабину пилота, опустился в его кожаное кресло, внимательно осмотрел полукруглый, удобно расположенный пульт управления и на какое-то время забылся, словно уснул, не закрывая глаз.

– Скорцени, господин Скорцени! Штурмбаннфюрер! – с

трудом вернул его к действительности барон фон Вернер. Встревоженный, он тоже поднялся по особо сконструированной лестнице и теперь пытался заглянуть оттуда в кабину. – С вами что-то случилось?

– Нет, почему вы так решили, барон? – выглянул штурмбанфюрер из кабины.

Вы сидите уже минут пятнадцать, – Не валяйте дурака, Браун, я лишь на минутку присел. – В том-то и все дело. В этом секрет. А ведь двигатель этого небесного ковчега пока не работает – Вернер внимательно проследил за тем, как Скорцени спускается, и, только лишь тот ступил на пол, направился к выходу увлекая за собой и первого диверсанта рейха. Обер-диверсанту вдруг показалось, что барон старается поскорее убраться из этого подземелья

– О времени – это вы доктор, что, всерьёз?

– Можно повторить в виде эксперимента, вот только не уверен что обязательно получиться.

[текст отсутствует]

– При этом он что-то сказал?

– Ни звука. Холодное каменное лицо. И все равно после этого случая они стали называть гиганта в комбинезоне инженер-ангелом.

– Надеюсь, вы приказали им молчать и не распространяться по этому поводу?

– Как и обо всем прочем, что они здесь видели и слышали. Под угрозой крематория.

Какого типа двигатель у этого чудовища?

– Здесь предусмотрено несколько типов двигателей: жидкостно-реактивный, воздушно-реактивный, но… Кроме них. существует и третий, какой-то секретный, который уже скрыт в теле дисколета, однако принцип работы которого Шернер пока не разглашает.

– Наверное, это оправданно.

– В какой-то степени – да. Насколько мне известно, этот двигатель связан с гравитационной энергией, не требует горючего, по крайней мере, в таких запасах, как обычный самолет, а главное, создает вокруг себя особый защитный гравитационный пояс, позволяющий дисколету мгновенно менять направление и высоту полета, развивая при этом огромную скорость. Кроме того, обычные снаряды не способны пробивать этот пояс, а значит, во время полета эта машина остается неуязвимой.

– Неплохие характеристики, – удивленно молвил Скорцени.

– Если они воплотимы, то мы действительно находимся на

пороге создания оружия особого назначения, оружия возмездия.

Браун молча прошел мимо часового, вместе со Скорцени преодолел оцепление и лишь когда приблизился к своему «мерседесу», неожиданно сказал:

– Впрочем, все это, скорее, предположения, нежели реальные технические характеристики. Порой у меня создается впечатление, что Шернер и сам еще не разобрался в сути принципа этого двигателя, а посему плохо представляет себе, что, собственно, он сотворил.

– В вашем деле может случаться и такое?

– Мало ли какую деталь или какой чертеж может подсунуть вам здесь инженер-ангел! Я человек не впечатлительный, скорее наоборот, однако, пока вы отдыхали там, в кабине этого шернеролета, мне пришлось повидаться с самим Шернером.

Браун не успел опомниться, как могучая рука Скорцени впилась ему в плечо и со зверской силой развернула уже у самой дверцы автомашины.

– Где? Я спрашиваю; где вы его видели?!

– Рядом с его шернеролетом. Появился, проницательно взглянул на меня, словно спрашивал, какого черта я там ошиваюсь, затем поднял голову, чтобы посмотреть на кабину – и исчез. Понятно, что это какое-то привидение, какой-то энергетический двойник, но что стоял он передо мной в такой же плоти, как и мы с вами, – это я могу подтвердить с клятвой на Библии.

Они молча взглянули друг другу в глаза и взялись за дверцы машины.

– Господа офицеры! – Они оглянулись. Со стороны разрушенного барака для германских специалистов к ним бежал какой-то парнишка в форме гитлерюгенда, с крестом на нарукавной повязке. – Нет ли среди вас господина Брауна?

– Я – господин Браун.

– Там происходит какая-то чудовищная несправедливость!

– Чтобы здесь, у нас, – и чудовищная несправедливость? – мрачно ухмыльнулся Скорцени, поражаясь наивности мальчишки. Однако ухмылка его исчезла сразу же, как только парнишка прокричал, – Там арестовали господина Шернера. Конструктора! Унтер-офицер принял его за германского заключенного! Его отправляют в лагерь!

В два прыжка Скорцени приблизился к парнишке, захватив за шиворот, швырнул к машине и устроившись рядом с ним на заднем сиденье, грозно пророкотал:

– Где это происходит? Показывай дорогу! Что вы возитесь, Браун?! Гоните!

– Кто вам об этом сообщил? – поинтересовался барон, направляя машину к руинам дальних бараков, у которых, как он знал, охранники собирают уцелевших и раненых заключенных, многих из которых должны будут вернуть теперь в концлагеря.

– Какая-то чешка. Из женской колонны, которую тоже будут увозить. Кажется, она не заключенная, а просто рабочая. Наверное, я не имел права разговаривать с такой женщиной, но она сказала, что это дело имперской важности. Умоляла найти господина Брауна или кого-либо из начальства.

Колонну, в которой находился Шернер, уже погружали в машины… Увидев приближающийся к ним «мерседес», потомственный маркграф, который уже стоял в двух шагах от борта, попытался пробиться сквозь строй заключенных и броситься к легковушке, однако тот же унтер-офицер, который заподозрил в конструкторе заключенного, метнулся к нему и ударами приклада загнал под обломок стены, намереваюсь под ней же и расстрелять его.

– Унтер, стоять! – прорычал Скорцени с такой яростью, что и охрана, и конвоиры содрогнулись. – Не стрелять! – выскочив из машины, несся он к охраннику

Ударом ноги выбив из рук карателя винтовку, Скорцени изо всей ярости врубился кулаком ему в подбородок, а когда тот оказался на куче битого кирпича, захватил за загривок и взбешенно приволок к колонне заключенных,

– Офицер! – прорычал обер-диверсант так, что ближайший к этому разъяренному эсесовцу конвоир в ужасе сжался в комок.

– Я здесь, господин штурмбаннфюрер! -Вы знаете, кто перед вами?

– Да, господин штурмбаннфюрер. Ваш портрет – в газете. Вы – Скорцени.

– С этого сорвать погоны и в лагерь! За предательство, В личном деле записать: «По личному приказу штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени». И еще: передайте коменданту лагеря, что я требую, чтобы он не смел утомлять этого изменника ожиданием у ворот крематория!

Пока Скорцени расправлялся с унтер-офицером, барон фон Браун поспешил затолкать Шернера в машину и, выхватив пистолет, на всякий случай заслонил собой дверцу, за которой укрывался Пенемюнденский Умник. Рядом с ним, плечом в плечо, стал безоружный санитар-гитлерюгенд.

Уже потом, сидя в машине, увозившей их к помещению измерительной лаборатории, где должен был находиться обер-группенфюрер СС Кальтенбруннер, оба штурмбаннфюрера услышали короткий и сбивчивый рассказ полуоглушенного-

полуконтуженного и ужасно перепуганного Шернера.

После взрыва бомбы, которой англичане разнесли его коттедж, Герман еще сумел прийти в себя и несколько метров проползти в сторону бомбоубежища. Но вторая взрывная волна швырнула его в воронку. Там, полузасыпанного землей, его и обнаружили утром санитары. Поскольку он был в изодранной грязной спецовке, то его приняли за рабочего из заключенных и отвезли в тот госпиталь под открытым небом, где собирали узников. Никаких документов при нем, естественно, не оказалось.

Вскоре Шернер пришел в себя, понял, где он находится, и попытался объяснить санитару, что произошла ошибка. Но когда он объявил, что на самом деле он – конструктор доктор Шернер, кто-то из заключенных германцев съязвил: «С таким же успехом я могу объявить себя доктором Геббельсом». Унтер-офицер услышал это, и, решив, что Шернер пытается воспользоваться царящей в Пенемюнде неразберихой, чтобы бежать, принялся самым жестким образом «опекать» и воспитывать его…

– Какое счастье, что волей случая вы оказались поблизости.

– Точнее будет сказать, что по воле женщины, – ответил Скорцени.

– Какой женщины?!

– Той, которая видела, как вас затолкали в колонну заключенных, и уговорила парнишку из гитлерюгенд-санитарной команды разыскать доктора Брауна или кого-либо из начальства. Так что мы не просто оказались там, а примчались спасать вас.

– Не та ли это чешка, которую приставили к вам как холостяку в виде домработницы? – оглянулся на Шернера доктор Браун.

– Эльжбетта? Конечно, она! Я почему-то не заметил ее, но это наверняка была она. Надо бы найти ее. Доктор Браун, ее надо бы найти и вернуть, чтобы она не попала в число тех, кого отправляют в лагерь, где их, очевидно, умертвят ради сохранения секретности.

– С этой просьбой не ко мне, а к господину Скорцени, – безразлично ответил барон. – Хотя на вашем месте я бы не стал отвлекать господина Скорцени подобными просьбами. Это я вам говорю, как ариец арийцу и эсэсовец эсэсовцу.

При этих словах Скорцени иронично взглянул на Брауна: «Аристократы все чаще стали вспоминать», что они арийцы и эсэсовцы. Геббельс может гордиться собой: его пропагандистские зерна попадают в плодородную почву». Для Скорцени не было секретом, что в СС Вернер Браун вступил еще в 1933 году надев черную форму офицера 4-го кавалерийского эскадрона 6-го полка СС, а в 1940году стал членов национал-социалистической партии.

Внешне никак не отреагировав на его просьбу, Скорцени попросил Брауна остановить машину возле группы офицеров-эсесовцев и, обратившись к старшему из них, попросил озаботиться судьбой чешки Эльжбетты, фамилию которой Шернер вспомнить так и не сумел.

* * *

Кальтенбруннер был мрачнее-тучи.

– Колоссальные потери в людях, технике и строениях, – проворчал оы в ответ на молчаливый вопрос Скорцени. – Даже не знаю, как обо всем этом докладывать фюреру.

– И можно понять, как трудно сейчас самому фюреру.

– Генерал-майор фон Шамье-Гличинский, лично отвечавший за производство самолетов-снарядов, специалисты по ракетным двигателям Вальтер Тиль и Гельмут Вальтер, многие другие – погибли. Полностью уничтожен поселок технического персонала, разрушены все портовые сооружения, уничтожен кислородный завод, общие потери – около восьмисот человек погибшими, вдвое больше раненых. Кстати, вы хотели найти доктора Шернера. Он жив?

– Чудом удалось спасти.

– Главное, что удалось. Звонил фюрер и интересовался, живы ли Браун и Пенемюнденский Умник. Если бы не подсказка Дорнбергера, я бы никогда не догадался, что речь идет о конструкторе графе фон Шернере. А поскольку о судьбе Шернера ничего известно не было, он приказал выяснить и доложить.

Выслушав короткий рассказ о злоключениях графа, Кальтенбруннер удивился, почему он не пристрелил унтер-офицера прямо там, в назидание другим, и тотчас же распорядился переправить конструктора в Гроссендорфский ракетный исследовательский центр СС, расположенный неподалеку от Данцига,

– Пусть пока побудет там. Пенемюнде Гитлер приказал возродить, усилив противовоздушную оборону. Однако завод по производству ракет и прочих видов оружия особого назначения приказано перенести в горный массив Гарц, в подземелья горы Конштайн [34], где работы сейчас развернутся со всей мыслимой быстротой.

– Туда бы следовало перенести и лабораторию Шернера. Кроме всего прочего, жизнь в подземельях Конштайн поможет

ему со временем адаптироваться в подземельях Рейх-Атлантиды.

– Вы удивляете меня своей дальновидностью, Скорцени, – проговорил Кальтенбруннер, не скрывая ироничности восприятия его забот. – А главное, тем, что вам приходит на ум задумываться над подобными перспективами здесь, посреди этого бомбового ада.

– И чтобы уже покончить с этой проблемой… Шернер просит, чтобы с ним была направлена его домработница-чешка, которая спасла ему жизнь.

– Пусть везет с собой хоть гарем, только бы работал. Я же пойду обрадую фюрера известием о том, что и Пенемюнденский Умник тоже нашелся. Должно же сверкнуть хоть что-то радостное в этом безрадостном дне.

Скорцени и фон Браун переглянулись. Браун понимающе кивнул и пошел обрадовать коллегу. В ту же минуту на крыльце появился генерал-майор Дорнбергер.

– Обергруппенфюрер, вас к телефону. Берлин. На проводе Гиммлер.

Едва Кальтенбруннер взял трубку, как услышал тихий, успокаивающий голос рейхсфюрера СС.

– Докладывайте, Эрнст.

Доклад начальника РСХА он выслушал, не комментируя и не переспрашивая. А когда Кальтенбруннер закончил его, задал один-единственный вопрос:

– Шернер жив?

– Легкая контузия. Его нашли, и сейчас он под моей личной охраной.

– Сажайте его в самолет и увозите оттуда. Только что я беседовал с фюрером, и он с грустью сказал мне, что, скорее всего, Шернер тоже погиб. Это ужасно огорчило вождя.

– Я увожу этого Пенемюнденскоро Умника в наш эсэсовский исследовательский ракетный центр.

– Прекрасная идея. Я давно искал случая, чтобы вырвать его из Пенемюнде. Все лучшие конструкторские и научные силы должны быть в СС – и только так! Мне недавно дали справку из нашего штаба. Оказывается, уже теперь в рядах СС насчитывается около двух тысяч ученых самых различных областей, причем большинство из них – ведущие специалисты в своей отрасли. А что касается Пенемюнде, то фюрер, конечно, в ярости. Кстати, вы заметили там кого-либо из штаба Геринга, на которого возлагается главная вина за эту трагедию?

– Никого, Мне сказали, что собирался прибыть начальник генштаба люфтваффе генерал-полковник Ганс Йешоннек.

– Этот уже не прибудет. Только что застрелился в своем

рабочем кабинете после телефонного разговора с фюрером.

– Представляю себе, какой это был разговор.

– Но в Пенемюнде есть его представитель и друг Шамье-Гличинский, не так давно потерявший почти все свое бомбардировочное соединение в небе Англии.

– Этого уже тоже нет.

– Застрелился?! – почти в ужасе воскликнул Гиммлер.

– Погиб во время бомбардировки.

– Тогда легче. Фюрер не хотел, чтобы Йешоннек брался за пистолет. Он спросил генерал-полковника, знает ли тот, что натворила английская авиация в Пенемюнде. А когда тот ответил, что знает, фюрер сказал: «В таком случае вы знаете, что следует делать», – намекая на то, что генштаб ВВС должен готовиться к ответному массированному налету на Англию. Хорошо, Кальтенбруниер, разбирайтесь там, и пожестче. А я обрадую фюрера сообщением о Пенемюнденском Умнике.

14

Январь 1939 года.

Антарктика. Борт субмарины «Атлантис».

…Не прошло и получаса, а фон Риттер уже входил в кают-компанию субмарины «Атлантис», где пред ним предстал почти двухметрового роста блондин лет сорока пяти. Барон фон Риттер с любопытством прошелся по нему взглядом: светлые, коротко стриженные волосы, голубые, с легкой поволокой и в то же время как бы подсвечивающиеся изнутри, глаза; а почти классически римский, с едва заметной горбинкой, нос прекрасно гармонировал с четко очерченными выразительными губами и широким, почти раздвоенным волевым подбородком…

– Стало быть, вы и есть Консул Внутреннего Мира?

– Вы не ошиблись, – встретил его едва уловимым склонением головы Консул. На нем был прекрасный, точно по фигуре сшитый зеленый френч с большими накладными карманами и зеленые, навыпуск, брюки. В принципе одеяние это вполне можно было бы принять за военную форму, если бы на ней обнаруживались хоть какие-то знаки различия.

– Я немного знаком с доктринами тайных обществ «Врил» и «Туле». Адепты одного из них – «Туле» свято верят в существование некоей арктической колыбели нынешней цивилизации – страны Туле, идеей обнаружения которой очень увлекаются сейчас в Баварии, где, собственно, это общество и зарождалось. [59]

– При такой информированности вам нетрудно будет общаться со мной.

– Я так понимаю, что Внутренний Мир – название одного из подобных обществ?

– Ошибаетесь, капитан цур зее. Если не ударяться в пространные академические объяснения, то в кратком изложении ситуация выглядит таким образом. Внутренним Миром называется мир, сотворенный одной из ветвей древнейшей человеческой цивилизации,

– К которой принадлежите и вы? – слишком поспешливо попытался уточнить фон Риттер.

– Если быть точным, я принадлежу к еще более древней цивилизации. Но это отдельная тема, касаться которой мы сейчас не будем. Присядем, господин барон. – Усевшись во главе стола, в кресло командира субмарины, Консул какое-то время гипнотизирующе всматривался в лицо фон Риттера – от природы смуглое, безжалостно обветренное, с губительной небрежностью

испещренное ранними морщинами, оно к тому же таило в себе явные черты азиатских корней кого-то из его предков.

Для барона не было секретом, что при виде его огрубевшей от полярных ветров и морозов да к тому же «изуродованной» многовековой азиатчиной физиономии любой из радетелей чистоты арийской крови приходил в тихий ужас. Достаточно было взглянуть на этот массивный, но слегка удлиненный, окаймленный короткой, черной, «типично тюркской» бородкой лик, чтобы в то же мгновение увидеть перед собой призрак жестокого восточного сатрапа.

– И где же расположен тот Внутренний Мир, который вы имеете честь представлять? – с трудом вырывался из-под власти его гипнотического взгляда фон Риттер.

– Здесь, в глубинах Антарктиды, – и, встретившись с недоуменным взглядом командира «Швабенланда», подтвердил: – Вы не ослышались, параллельно с нашим, суровым внешнеземным миром, подверженным действиям вулканов, потопов, землетрясений, капризных циклонов и разрушительных цунами, в глубинах планеты существует Внутренний Мир, в коем обитает внутриземная цивилизация, для большинства представителей которой выход на поверхность Антарктиды равносилен выходу внешних землян в открытый космос.

– Но почему? Мы ведь обитаем на одной планете.

– Я вижу, вас заинтересовали те сведения, которые вы действительно можете получить у меня.

– Ради поиска этого мира я и прибыл сюда.

– Но с того часа, когда вы получите эти сведения, – и без того резкий, гортанный голос Консула стал еще более грубым и откровенно угрожающим, – вы войдете в число Посвященных и не имеете права распространяться о них ни перед кем, кроме фюрера. С кем и какой именно информацией может поделиться сам фюрер – ему укажут.

– Фюреру, укажут?! – недоуменно переспросил фон Риттер. – Но, высокое собрание… Это уже что-то новое.

– Для вас, капитан цур зее, – новое…- уточнил Консул, заставив командира «Швабенланда» почтительно промолчать, не ударяясь ни в какие словесные или мысленные выяснения. – Если же вы нарушите данный запрет, все ваши, рассказы будут опровергнуты и осмеяны, а сами вы закончите дни свои в одной из контролируемых нами психиатрических лечебниц. Или же скоропостижно скончаетесь, при диагнозе, сформулировать который ваши медики так толком и не сумеют. В медицине подобное, знаете ли, случается, – объяснил он в манере опытного шантажиста.

– Мне не нравится, когда меня пытаются запугивать, господин Консул.

– Мне еще не приходилось встречать человека, которому бы это нравилось. Но таковы наши жесткие условия.

Неловкая пауза, наступившая в их разговоре, не могла длиться вечно, тем более что она не была на руку ни одной из «высоких договаривающихся сторон».

– Мне это очень не нравится, – теперь уже по-настоящему входил в роль дипломата Странствующий Бездельник, – но, во имя высшего познания, я принимаю ваши условия.

– Благоразумно.

– В противном случае?… – и себе впал в излишний авантюризм фон Риттер.

– Вы ведь прекрасно знаете, что бывает в подобных случаях. Скорее всего, уже сегодня «Швабенландом» командовал бы другой офицер. Если бы только Повелитель Внутреннего Мира не решил, что судно вообще не должно вернуться в Германию, поскольку исчезновение его вместе с людьми выглядит предпочтительнее. Во всех отношениях.

– Пощадите высокое собрание, Консул: не повергайте его в ужас.

– Вы должны уяснить для себя, что люди подземного мира готовы не только запугивать вас. но и беспощадно истреблять, поскольку их пугает совершенно дикий, по отношению к собственной планете, способ вашего существования. Как дикой кажется нынешнему поколению арий-атлантов ваша извечная, неистребимая тяга к войнам и прочим видам самоистребления.

– Подтверждаю, что мною приняты ваши условия, и я налагаю на себя обет молчания, – сухо произнес барон, прекрасно понимая, что тональность и направление их беседы следует сменить. – Даю слово офицера и дворянина. С этой минуты вы полностью можете доверять мне и полагаться на меня.

– Именно этих слова я и ждал, – внушающе произнес Консул, наваливаясь при этом всем своим громадным туловищем на стол и упираясь в него огромными, мощными ручищами.

«Даже Полярный Барон фон Готт – и тот рядом с верзилой Консулом показался бы щуплым подростком», – отметил про себя фон Риттер, чувствуя какое-то по-детски мстительное удовлетворение оттого, что и на громадину Готта управа в этом странном антарктическом мире все-таки нашлась бы.

Их взгляды вновь встретились, однако понадобилось несколько мгновений молчания, чтобы разговор действительно можно было направить по иному эмоциональному руслу.

– Неужели аборигены Внутреннего Мира в течение столетий

так и не обнаружили ни способа, ни крайней необходимости соединиться с внешнеземной цивилизацией? И вообще, знают ли они, что, собственно, здесь, во внешнем мире, происходит?

– Благодаря нашему посредничеству верховная элита подземной Страны арий-атлантов выходит из полной земной самоизоляции и неохотно, с опаской, но все же решается на контакт с вами.

– Храбрецы же они у вас, – осчастливил фон Риттер собеседника одной из своих красноречивых ухмылок. – Даже не знаю, должны ли мы возрадоваться этому их выходу.

– Действительно, стоит подумать. Все не так просто. Это вам не контакт с очередным племенем амазонских аборигенов.

Притом, что в данном случае еще предстоит выяснять, кто окажется в роли недоразвитых аборигенов. И обратите внимание, я сказал: «земной самоизоляции», – поскольку благодаря нам; адептам Шамбалы, они уже давно установили контакты с одной из внеземных цивилизаций, известной вам по их межзвездным кораблям, так называемым солнечным дискам, еще со времен Александра Македонского. Что же касается рядовых арий-атлантов – заметьте, что мы остановились на том наименовании их, которое согласуется с древней историей внешнего мира, – то они лишь в общих чертах знают о том, что же в действительности происходит здесь, на внешней оболочке их Космомира.

– Все же случаются на этой планете счастливцы.

– И, повторяю, – начал понемногу привыкать к его ироническому восприятию всего происходящего Консул, – для них последствия выхода на поверхность Антарктиды столь же губительны, как и выход внешнего землянина в открытый космос без чего-то, подобного водолазному скафандру. Хотя, в принципе, климат Земли для них не настолько губителен, как для вас – эфир Вселенной.

– То, о чем вы сейчас говорите, – просто-таки поразительно, – не сумел на сей раз сдержать своего удивления фон Риттер. – В свое время я совершил несколько полярных экспедиций…

– Нам прекрасно известны ваши научные изыскания и ваши путешествия, – со всей возможной учтивостью заверил его Консул. – Именно поэтому мы относимся к вам с большим уважением и, как видите, сочли возможным согласиться с тем, чтобы именно вы возглавили экспедицию к берегам Принцессы Астрид и Принцессы Марты.

– Так, значит, вам известны были все наши планы?…

– Не планы, позволю себе уточнить, а замыслы. Поскольку замыслы эти – в вашем, европейском, толковании – зарождались в кругу посвященной элиты общества «Туле». Но и это происходило

с нашею согласия и при наших подсказках.

– Когда вы говорите «наших», то, конечно же, имеете в виду…

– Я понимаю, что рано или поздно вы должны уяснить для себя, с кем же все-таки вас свела антарктическая судьба.

Мы – это очень небольшой круг людей, потомков одной из древнейших цивилизаций, которым повелителями Шамбалы было позволено приблизиться в своем развитии к великим замыслам Шамбалы. Нет-нет, мы пока еще не Высшие Посвященные Шамбалы, мы – всего лишь посвященные, адепты Высшей Тайны повелителей земного мира. Если говорить еще более доступно, то мы, по существу, посредники между Повелителями Шамбалы и вашей, наземной цивилизацией, а также цивилизациями Внутреннего Мира.

– То есть речь идет о нескольких подземных цивилизациях?

– Естественно. Их три. Одна, наиболее развитая, или, как мы говорим, наиболее приближенная к великому замыслу Шамбалы, и в то же время самая молодая, находится здесь, под Антарктидой. Это потомки тех, кто известен по вашей – для удобства давайте будем называть ее человеческой – цивилизации под названием атланты. Вторая, более древняя, населенная терринитами, то есть в переводе землянами, располагается в районе между канадским севером и Бермудским треугольником. Если особенностью развития цивилизация атлантов является их связь с космическими учителями, то терриниты связаны с земными, но параллельными мирами. В том числе и с тем миром, который вы называете миром мертвых.

– Так все же он существует?

– Да. Когда-нибудь мы поговорим с вами об этом и некоторых иных мирах более подробно. Пока же могу лишь сказать, что мир терринитов, по существу, вышел из-под нашего контроля и находится под контролем мира, который ваши священники традиционно называют миром темных сил.

Риттер вдруг почувствовал, как субмарина содрогнулась и на голову начала наваливаться какая-то тяжесть. Сомнений быть не могло: медленно погружаясь, лодка уходила от того места, на котором застыл его «Швабенланд».

– Хотите как-то объяснить это? – обвел барон взглядом корпус кают-компании.

– Мы доставим вас в одну местность, с которой, собственно, и начнется процесс колонизации арийской нацией Антарктиды. Для вас важно увидеть это собственными глазами. Тогда многое из того, что уже в течение сотен лет происходит здесь, не только без вмешательства, но и без ведома людей, станет вам более понятным. А затем доставим, на ваше судно.

– Доходчиво, – признал фон Риттер. Прекрасно понимая, что он никак не может повлиять на дальнейшее развитие событий, капитан цур зее решил демонстрировать полную невозмутимость. – В таком случае, если это возможно, чуть подробнее о терринитах и их связями с темным миром. В том числе и с миром мертвых. Вы сказали, что они выходят из-под вашего контроля. Что это значит в реальной действительности?

– Если говорить упрощенно, темный мир – это в нашем, земном, понимании – мир духов, мир призраков, мир, который легко может обходиться без телесного мира людей, на каком бы уровне развития цивилизации они ни находились. Это значит, что терриниты совершенно не заинтересованы в том, чтобы на Земле и впредь господствующими оставались существа, облаченные в наши с вами бренные человеческие телеса. Нет, пока что они не нацелены на истребление рода человеческого и никакой особой агрессии не проявляют.

– Но, как и полагается, вы готовитесь к худшему.

– …Всячески пытаясь исключить это худшее из хода истории нашей планеты.

– Все мы, в погонах сущие, пытаемся рассуждать точно таким же образом. Поэтому все усиленно готовимся к войне. Это я к тому, высокое собрание, что мне очень хотелось бы знать, как в вашем поднебесном мире воспринимается доктрина фюрера.

Выслушал его Посланник Шамбалы довольно терпеливо, и даже после того, как командир авианосца завершил свою речь, он еще несколько мгновений сидел с закрытыми глазами, то ли обдумывая сказанное капитаном цур зее, то ли стараясь погасить внутреннее раздражение. Скорее всего, это все же было раздражение, поскольку, прервав свое молчание, «шамбалист» вроде бы и не жестко, но довольно твердо произнес:

– Мы не будем сосредоточиваться сейчас на доктринах вашего фюрера Что же касается тайной доктрины терринитов, то она заключается в том, что со временем весь живой, плотный материальный мир, частью которого мы с вами, люди, являемся, должен превратиться в мир эфирных существ. В свое время он зарождался именно как мир эфирных существ, который должен был развиваться, питаясь только энергетикой Космоса, и не вмешиваться в развитие планеты Земля. Планеты, которая, собственно, и является живым первосоздани-ем Космоса. И в которой – и на которой – все мы живем, как на космическом корабле, – паразитируя, как считают адепты тайной доктрины терринитов, на теле планеты, ну, скажем, как блохи – на теле собаки. Да простят Высшие Неизвестные такое сравнение.

– Должен заметить, господин Консул, что в этой своей тайной

доктрине они не оригинальны. Все больше наших ученых приходят к такому же выводу. И не думаю, что их умозаключения навеяны только влиянием адептов терринитского мира призраков. К ним нетрудно придти усилиями собственного ума.

– Вот только вы, лично вы, барон фон Риттер, приходить к ним не должны, – проговорил Консул голосом психиатра, внушающего своему пациенту, что на самом деле он не Наполеон, а обычный городской сумасшедший. – Никогда. Даже когда вам и в самом деле покажется, что додумались до этого… собственным умом. Суть всей нашей жизни и всей нашей борьбы заключается в том, чтобы при любой вселенской катастрофе, при любом потопе и любой геенне огненной сохранить популяции людей, делая их из поколения в поколение, из цивилизации в цивилизацию все более совершенными, все более выносливыми и жизнезащищенными. И если сейчас мы добиваемся у Повелителя Внутреннего Мира, вождя расы атлантов Этлена Великого, разрешения на то, чтобы сотворить в его владения Рейх-Атлантиду, то делаем это не потому, что прониклись любовью и доверием к вашему фюреру. И не потому, что считаем ваш социал-нацизм вершиной общественной мысли и социально-политического устройства…

Он на какое-то время умолк, и воспользовался этой паузой фон Риттер.

– Почему же тогда?

– Потому что ваш нацизм с вашим фюрером на самом деле следует считать нашим нацизмом, с нашим фюрером.

– Я должен понимать это так, что?…

– Это был величайший эксперимент, в ходе которого мы определяли ту нацию, которая способна к наибольшему сплочению, к самой высокой стадии мобилизации физических, интеллектуальных и духовных сил; которая готова проявить саму высокую степень дисциплинированности и идеологической сплоченности. И, наконец, германская нация – это нация, в основе идеологии которой уже сейчас заложено несколько основополагающих принципов. Прежде всего, нам импонирует ваше стремление к возрождению и чистоте арийской расы, к которой, кстати, принадлежим и мы, Посвященные Шамбалы, и нынешние арий-атланты, обитающие сейчас во Внутреннем Мире Антарктиды, В то же время нам близко и понятно ваше стремление к мировому господству, стремление к вождизму как совершенной форме правления человеческим обществом, стремление к связи с космическими силами, а главное – стремление следовать теми же путями развития космических техники и технологий, какими следуют наши Космические

Покровители.

– Логично и достаточно аргументированно, – вынужден был признать фон Риттер. – Но, может быть, вы еще и сообщите мне, кто они – эти наши Космические Покровители?

– Непременно сообщим, барон. Как только убедимся в том, что вы готовы к связям с ними. Сначала человека учат понимать смысл слов, затем – понимать смысл Библии, которую этими словами написали, и только затем уже – понимать тот высший смысл бытия, ради христианского понимания которого апостолы сочиняли сие Святое Писание. Что же касается расы арийцев, которой суждено стать четвертой и основной расой на пути к формированию сверхчеловека, то пока что она всего лишь осваивает ту космическую азбуку, из которой со временем сможет составлять слова нового Святого Писания. Да и то постигают не все, а всего лишь очень узкий круг адептов доктрины Рейх-Атлантиды, к которому выпала честь принадлежать и вам, господин барон.

– Вынужден признать… – прокряхтел фон Риттер.

В ту же минуту дверь каюты открылась, и появился стюард с бокалами какого-то бело-розоватого напитка на подносе.

– Эликсир Шамбалы, господа! – объявил он

– Так как называется вино, которое нам сегодня подают? – попытался уточнить командир «Швабенланда», когда стюард расставил бокалы.

– Это не вино,- сухо заметил Консул. – Называйте этот напиток так, как назвал его стюард, – эликсиром Шамбалы. По вашим, европейским, представлениям, он не очень приятен на вкус, но по составу своему и благотворному влиянию на организм он действительно достоин титула эликсира жизни. Настойка из тибетских трав с добавлением чего-то такого, неведомого никому, кроме изготовителей эликсира. Советую привыкать к его вкусу, а употребление его со временем превратить в ритуал.

Сделав глоток, фон Риттер и в самом деле внимательно «прислушался» ко вкусу напитка. Он был резким и не то чтобы слишком уж неприятным, но каким-то необычным, с привкусом полыни, настоянной на растворе из железа и марганца.

– Пить его следует не спеша, – объяснил Консул, – с минутными перерывами между большими глотками.

– Думаю, нам следует вернуться к теме нашего разговора. Если вдуматься, вожди существуют не только у нашего народа.

– Прежде всего вы, конечно же, имеете в виду Сталина?

– Которого русские пленные из окружения генерала Власова называют Кровавым Кобой [60].

– Построение коммунизма – тоже один из самых жестоких

экспериментов в истории человечества. Но там мы имеем конгломерат наций, рас и национальных идеологий. Это не тот вождь, не та страна и не та идеология. И потом, не следует забывать, что коммунизм – это зашифрованная доктрина пути к мировому господству еврейства во главе со Всемирным сионистским конгрессом и его лидером Хаимом Вейцманом. Однако Всемирный сионистский конгресс – всего лишь видимая часть тайной власти всемирного еврейства. Истинная же власть сосредоточена в древнем и сверхсекретном Обществе Сиона, адепты которого для того и объявили еврейство богоизбранной нацией, чтобы предложить его элиту Высшим Посвященным Шамбалы и Космическим Покровителям в качестве основы для расы сверхлюдей. Минутку…

Консул повернулся к приставному боковому столику, открыл лежавший на нем тонкий металлический чемоданчик-папочку и, немного поколдовав над его клавишами, похожими на клавиши портативной пишущей машинки, развернул так, чтобы Альфред фон Риттер мог видеть зажегшийся на нем экранчик.

– Что это за аппарат?

– Пройдет какое-то время, и такие же аппараты появятся почти у каждого германца. С их помощью вы сможете мгновенно обмениваться письмами и всевозможными посланиями, даже находясь на противоположных концах планеты.

– Невероятно. Когда я расскажу о нем своим коллегам…

– Вы не станете рассказывать вашим коллегам ни о нашей с вами встрече, ни об этом аппарате, ни о тех встречах, которые последуют сегодня с согласия Правителя Страны атлантов, – с каждым словом голос Посланника Шамбалы становился все более резким и твердым. – Все те подземные пустоты, которые вашим подводникам удастся со временем обнаружить в Новой Швабии, должны подаваться как их собственные открытия, без упоминания того, что в глубинах Антарктиды уже существует целая нация, целая страна. Вы все поняли и все запомнили, капитан цур зее?

Барону не понравились ни его приказной тон, ни его последний вопрос, прозвучавший с явной угрозой в голосе. Тем не менее он покорно ответил:

– Все.

– Если вы нарушите это условие, казнить вас будут ваши же палачи, в застенках гестапо, как врага фюрера и рейха, продавшегося русским. Или англичанам… Что уже не имеет особого значения.

– Понятно, – процедил фон Риттер. – И давайте вернемся к вашему аппарату

– …Напомнив при этом, что сейчас вас должен интересовать

не сам аппарат, а текст, который на нем высветился. Обращаю внимание, перед вами – одно из программных, базовых высказываний вашего фюрера: «Вторая мировая война – это борьба не на жизнь, а на смерть, – вчитывался в крупно выписанный готическими буквами текст Альфред фон Риттер, – и поэтому никогда не следует забывать, что мировое еврейство, после того, как Всемирный сионистский конгресс и его лидер Хаим Вейцман объявили нам войну, является ярым врагом национал-социализма, врагом номер один.

Еврейство пытается проворачиватъ в Европе свои дела, но уже священное чувство эгоизма должно побудить европейцев отвергнуть все это, поскольку евреи как раса способны вынести гораздо более суровые испытания, чем они. После войны никто не сможет заставить меня отказаться от намерения разрушать город за городом, до тех пор, пока все еврей не покинут их и не отправятся на Мадагаскар или в какое-либо еще еврейское национальное государство… Сталин в беседе с Риббентропом также не скрывал, что ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока еще ему нужны. [61]

– Мне не хотелось бы обсуждать подобные высказывания фюрера. Тем более обсуждать с чужестранцами.

– Мы и не станем делать этого. Хотя и предупреждаю, что у нас нет больше времени на какие бы то ни было длительные социальные и военно-политические эксперименты.

– У вас или у всех нас?

– У всех. Следующее столетие станет столетием глобальных катастроф, которые поставят нынешнюю внешнюю цивилизацию на грань гибели. Единственное, что мы сумеем сделать для этой цивилизации – это спасти и сохранить ту часть землян, которая представляется нам физически, морально и идеологически наиболее приспособленной к существованию в необычных для внешней расы условиях Внутреннего Мира. Она же, вместе с расой атлантов и расой сибиридов, или расой снежных людей, будет участвовать в сотворении Сверхчеловека, который и сможет быть принят в сообщество расы Повелителей Вселенной.

С каждым глотком напиток становился все более терпимым на вкус; к тому же фон Риттер начал ощущать на себе его возбуждающее действие, подобное действию наркотиков – общее самочувствие улучшалось, восприятие становилось неизбирательно обостренным и в какой-то степени хмельным.

– Простите, вы упомянули расу снежных людей. Нам известны ее представители. В каждой стране их называют по-

своему, но, в общем-то, так никто толком и не знает, что собой представляет это существо. В газетах сообщают, что речь вроде бы идет о некоей человеко-обезьяне.

– Они недалеки от истины. Это действительно наиболее замкнутая и отчужденная раса, обитающая в подземном пространстве между северной частью Сибири и южной частью Ледовитого океана. Россияне и некоторые другие народы называют этих существ снежными человеком. Мы же называем их расой сибиридов. Особенностью ее развития стало то, что она избрала, условно говоря, животный путь развития человека.

– Как же мудро облегчили они себе жизнь, высокое собрание! Не в пример нам – с нашими парламентами, партиями и политическими интригами.

Выслушав его, Посланник Шамбалы едва заметно улыбнулся. Это была снисходительная улыбка взрослого, внимательно выслушивающего лепет младенца.

– Порой с вами, европейцами, очень интересно общаться. Узнаешь много интересного для себя. Так вот, о сибиридах… Там не все так просто. Максимально консервируя в себе все то мощное, физически выносливое, нацеленное на выживание в самых суровых условиях Арктики, что только можно было позаимствовать у своих предков, сибириды из поколения в поколение укрепляли свое тело и своей генофонд в селекционных связях с одной из обезьяньих ветвей рода человеческого.

– Точно так же, судя по рассказам путешественников, пытаются поступать некоторые наши африкански племена. Правда, дальше ночных услад с обезьянками дело у них не продвигается, потомства они не получают.

– Потому что так было предусмотрено Высшими Неизвестными, которые не любят, когда люди пытаются распоряжаться своими генными возможностями по собственному усмотрению. Кстати, нелишне вспомнить теорию вашего ученого Йорга Ланц фон Либенфельса [62], предрекавшего войну между хельдингами, то есть героями белокурой расы господ, и аф-флингами, то есть обезьяноподобными. Знаю, что она многим не нравится, ее стремятся отвергнуть, как античеловеческую и недемократичную, расистскую. А тем временем Либенфельс настойчиво призывает белокурых героев-хельдингов хранить чистоту своей расы и ни в коем случае не вступать в браки с обезьяноподобными, имея при этом в виду не сибиридов, а людей низших рас, то есть неарийцев.

Капитан цур зее понятия не имел, о каком фон Либенфельсе идет речь, однако многозначительно промычал:

– Да уж… – и, немного помолчав, добавил: – Для нас,

европейцев, для всех белых, это действительно проблема – выжить под натиском желтой и черной рас, сохранить себя, несобезьяниться.

– В конечном итоге – продолжил свой рассказ Посланник Шамбалы, – раса сибиридов и сама превратилась в эту обезьянью ветвь и, наверное, совершенно отстала бы в своем развитии, навечно оставшись на обезьяньем уровне, если бы не спонтанная связь ее элиты с элитой одного из параллельных миров. Оттуда, из параллельного мира, снежный человек-сибирид заимствовал таинство гипнотического внушения и предельной нацеленности на господство… хотя бы в пределах Евразии. Не скрою, что при формирований новой расы – расы арийского сверхчеловека мы, само собой разумеется, максимально используем физическую генетику расы сибиридов.

– Сталин об этом сибирском соседстве с сибиридами извещен?

– С нашей стороны более или менее убедительных доказательств не поступало. Отдельные сообщения своих ученых и агентов разведки Кровавый Коба, как мы его называем, игнорировал или же приказал не обсуждать их публично, поскольку имеющиеся там факты не согласовываются с так называемой марксистско-ленинской теорией и прочим сионистским бредом,

– Насколько я понимаю, у вашего общества стражей Земли тоже существует неприязнь по отношению к Обществу Сиона?

– Точнее будет сказать, что у адептов Общества Сиона развивается неприязнь к нашему обществу Однако не будем отвлекаться. Для вас важно знать, что в последние десятилетия сибириды предпринимают попытку вернуться на поверхность земли, расселиться и завладеть если не всей планетой, то, по крайней мере, значительной частью евразийского континента. К этому еще, пожалуй, следует добавить, что все три цивилизации имеют довольно отдаленные от метрополий колонии и что каждая из этих подземных цивилизаций зарождалась из остатков одной из трех предыдущих наземных цивилизаций нашей планеты. Естественно, каждая из них идет теперь своим путем развития.

– При этом раса атлантов избрала технократический способ развития, и сейчас она предстает технически наиболее развитой и наиболее близкой по своим устремлениям и мировоззрению к наземным расам.

– С той лишь поправкой, что раса атлантов использует некоторые технологии, к которым она была допущена Космическими Покровителями, а также учитывает ошибки

технократического пути наземной цивилизации.

– Одно непонятно: почему они до сих пор не установили прочной и надежной связи с нами?

– Это-то как раз никакой загадки не содержит. Во-первых, возникает вопрос, с кем именно связываться; с нацистской Германией, коммунистической Россией, капиталистической Америкой, амбициозной и воинственной Японией или перенаселенным, но основательно отстающим в своем развитии от остального цивилизованного мира Китаем? И потом, Повелитель Внутреннего Мира и элита атлантов прекрасно понимают, что пока что их выход на поверхность земли был бы убийственно преждевременным. На поверхности земли для них нет, а если их техника и технологии окажутся в руках одной из наземных наций, она сделает все возможное, чтобы использовать ее для установления мирового господства, в том числе и прежде всего господства над их Внутренним Миром. Со временем – да, придет и время атлантов, но только не сейчас, их выход на один из старых континентов оказался бы губительным для всего, с таким трудом созданного, Внутреннего Мира.

– Однако атланты уже способны защитить себя? – запустил пробный, провокационный шар Альфред фон Риттер,

– Способны. Но все равно это война, И кто знает, хватит ли их потенциала, когда в Германии и других странах появятся усовершенствованные ракеты, способные долетать до Антарктиды с любой базы европейского континента. Атланты не желают постоянно находиться в состоянии войны и военного соперничества с нациями внешнего мира. Они предпочитают гордо игнорировать их существование. По крайней мере, до тех пор, пока технократизация существования землян внешнего мира не приведет к угрозе жизни самой планеты Земля.

– Но они-то хоть знают, что в реальности происходит на континентах внешнего мира?

– В основных чертах – да. Во всяком случае, Посвященные Внутреннего Мира владеют обстоятельной информацией, касающейся событий в Европе, Америке и Азии, И помогаем им в этом мы, люди, которые называют себя стражами Земли и составляют тайное общество стражей Земли. Однако вся эта информация жестко фильтруется элитой Внутреннего Мира.

– Если Внутренний Мир управляется Повелителем, а информация жестко фильтруется – значит, в подземельях Антарктиды царит монархия, и процесс гниения европейской демократии всех наших государственно-общественных устоев его пока еще не достиг?

– Вы правильно определили существо проблемы: гниль

европейской демократии. Можно разве что уточнить, что это – гниль евро-американской демократии. У демократической формы правления нет будущего. К середине XXI века жизнь на планете станет настолько суровой, а межгосударственные, политические и особенно религиозные распри.- настолько ожесточенными, что выживать будут только те нации, которые сумеют воспитать себе мудрых, с наследственной формой правления, вождей и решительно объединиться вокруг них.

– Мне вполне понятен ваш монархизм. Перед вами его закоренелый приверженец. Впрочем, наш гитлеризм – тоже одна из форм монархии.

– Ничто так не развращает общество, нацию, народ, как демократия! Потакать демократическим капризам миллионов избалованных цивилизацией, ленью и безответственностью людей – так же преступно, как и потакать капризам обнаглевших в своей беспризорности подростков. Чем ближе человечество будет подходить к середине XXI века, тем сложнее будет ему выживать и тем явственнее будут проявляться пороки этой самой гнилой демократии. Кстати, вы ощутили? Субмарина всплывает.

В ту же минуту дверь открылась, и на пороге появился вестовой матрос.

– Господин Консул, – обратился он по-английски, – капитан предлагает вам подняться на палубу. Мы входим в Оазис атлантов.

– Благодарю, матрос, мы поднимаемся.

– С элитой атлантов мы разобрались, – поспешно напомнил Консулу барон фон Риттер, опасаясь, что в присутствии капитана и других офицеров страж Земли возвращаться к этой теме не захочет. – А каковы познания и взгляды рядовых атлантов?

– Рядовых? В условиях рациональной диктатуры Внутреннего Мира – это не столь уж и важно. Но могу сообщить: единственное, что им доподлинно известно, так это то, что здесь, на поверхности планеты, их ожидают погибельно суровый климат и губительная масса всевозможных болезней, вызванных смертоносными вирусами и бактериями; а еще – враждебно настроенные к ним и друг к другу нации землян, – объяснял тибетец уже на ходу, следуя узким чревом субмарины за вестовым. – Нации, которые обитают где-то там за сотни миль безжизненного ледового континента и за огромным океаном, и которые даже не догадываются, цитирую Повелителя Внутреннего Мира Этлена Великого: «…что годы их залитого кровью, закрепощенного оковами идеологий и политиканства, объятого многовековой враждой и ненавистью внешнего мира – сочтены».

– Но они действительно сочтены? Или, может быть, к этому

предостережению следует относиться, как к библейскому пророчеству о Страшном суде и конце света?

– Изгоняйте любые сомнения на этот счет.

– И вам давно известно об этом?

– Гордитесь, что вам выпала святая миссия спасения молодой германской элиты.

– Только молодой и только элиты? А что будет с германской нацией, с Германией?

– Все, что мы будем делать – мы попытаемся делать во имя будущей арийской цивилизации, – уклончиво ответил Посланник Шамбалы.

– Почему же вы не вмешаетесь в развитие событий?

– А как по-вашему барон, почему я сейчас здесь, на субмарине, в холодных льдах Антарктиды?

– Пока что трудно сказать, – с вызовом обронил фон Риттер.

– И все же… Чем, на ваш взгляд, я теперь занимаюсь?

– Я имею в виду более высокое – космическое, духовное вмешательство. Очевидно, нужно прибегать к более решительным, радикальным мерам. Вы должны определиться: с кем вы, что значат для вас дружественные отношения с рейхом, какую роль вы способны сыграть в утверждении на планете идеалов национал-социализма.

– Например, немедленно менять общественное устройство и общественную психологию? Подавлять индивидуалистские амбиции миллионов индивидуумов, давно и безнадежно раскрепощенных демократией?

– Но вы же собираетесь навести на этой планете хоть какой-то – приемлемый для вас, арий-атлантов, Высших Неизвестных или кого-то там еще – порядок?

– Не забывайтесь, барон фон Риттер: мы ведь не боги. Мы всего лишь Посвященные в Великое Таинство Шамбалы.

– А если не собираетесь или не способны, тогда не мешайте делать это нам, германцам, – решительно молвил фон Риттер, давая Посланнику Внутреннего Мира понять, что пока они находятся во внешнем мире и обязаны жить по его законам и реалиям.

– А мы и не мешаем, – на удивление спокойно отреагировал Консул.

– Тогда в чем заключается ваша миссия? Объясните мне, старой морской крысе, только так по-флотски, без этой вашей тибетско-философской зауми.

– Вся наша миссия заключается в том, что, на свой страх и риск, мы пытаемся предупредить нынешнюю цивилизацию о надвигающейся опасности и спасти хотя бы какую-то часть ее

элиты.

15.

Октябрь 1943 года.
Берлин.

«За вами – Имперская Тень, которую теперь уже следует готовить по-настоящему и никогда не упускать из вида, – первое, что вспомнил шеф диверсионного отдела СД, проснувшись на следующее утро, – и папка «База-211».

Вчера, во время беседы, ему показалось, что Гитлер произнес это «папка "База-211"» только для того, чтобы напомнить ему о нынешней поездке в замок Вебельсберг. Но сейчас, по-армейски быстро одеваясь и приводя себя в надлежащий вид, Скорцени неожиданно открыл для себя ту прямую связь, которая существовала между проявлением интереса фюрера к судьбе своего обер-двойника [63] и папкой, с которой ему надлежало ознакомиться. Так что, фюрер допускает такую возможность… переброски лжефюрера Зомби в Антарктиду?!»

– Но это невероятно! – вслух возразил он себе. – Это, конечно же, было бы авантюрой, но… слишком талантливой для того, чтобы оставаться всего лишь авантюрой.

– Машина ждет вас, господин штурмбаннфюрер, – вырисовалась в утреннем тумане, у ворот его небольшого особнячка, фигура адъютанта Родля.

– Это уже не машина, Родль, это,судьба.

Закрыв на замок мощные, почти крепостные, ворота, штурмбаннфюрер оглянулся на мрачный, едва просматриваемый в утреннем полумраке дворик, который казался ему сейчас таким тихим и защищенным. И не только потому, что, несмотря на участившиеся налеты вражеской авиации, ни одна бомба в этом уголке города еще не взорвалась.

Скорцени, человек, возглавлявший отдел диверсий РСХА и, казалось бы, воистину не ведавший страха, профессионально умевший сам и других обучавший умению буквально из-под земли доставать своих врагов, внутренне, в глубинах души, как-то интуитивно тянулся ко всему обособленному, удаленному, предельно защищенному.

– И опять без охраны, – едва слышно, чтобы не привлекать внимание водителя, упрекнул его адъютант. – Почему вы не предупредили меня вчера, что?…

– Я только до тех пор и чувствую себя защищенным, пока о моем местопребывании не знает мой адъютант, – мрачно отшутился Скорцени, но тотчас же положил руку ему на плечо.

Оберштурмфюрер Родль был для него не просто адъютантом.

Когда-то они вместе служили в дивизии СС «Дас рейх», вместе последними патронами отстреливались в заснеженном, почти заледенелом окопе у какого-то подмосковного городка, вместе прошли подготовку в разведывательно-диверсионной школе и на специальных курсах особого назначения «Ораниенбург» [64] .

На этого человека он всегда мог положиться, и в душе был признателен Родлю за то, что тот смирился со своей ролью адъютанта, хотя это и мешало его собственной карьере диверсанта, Талантливого диверсанта, истинного профессионала войны.

Что же касается этого домика в пригороде Берлина, неподалеку от замка Фриденталь, то с недавних пор он стал одним из логовищ, в которое Скорцени залегал всякий раз, когда намечалось очередное задание,или же когда задерживался на Фридентальских курсах, где не столько преподавал, сколько подбирал для себя будущих агентов. Высокая металлическая ограда, окна-бойницы и дубовые – входная и ведущая на второй этаж – двери превращали этот домик в настоящую крепость.

Впрочем, укрывался в ней Скорцени не из соображений безопасности, а из желания как-то ограничить свой мир, замкнуть его в каких-то надежных стенах, вычленить из военно-житейской суеты, сделать уютным и надежным.

– Что с самолетом на Падерборн? [65] - спросил Скорцени, уже садясь в машину.

– Он ждет вас, как мне объяснили, по личному приказу Гиммлера, – отчеканил Родль.

«…Если Гитлер не забыл приказать своему адъютанту позвонить Гиммлеру и попросить, чтобы тот позаботился о самолете для меня, – значит, это уже серьезно!» – подумалось Скорцени.

Он и сам звонил вчера начальнику аэродрома, однако тот заверил шефа СС-диверсантов, что личный приказ Гиммлера по поводу самолета получен. Но даже если бы его не было, все равно «героя нации Скорцени», прославившего германские люфтваффе, он готов доставить в любую точку планеты. После этой беседы Скорцени еще сильнее захотелось поскорее взять в руки эту загадочную папку «База-211». Очевидно, ему действительно найдется работа и на этой секретной базе. И не столь уж важно, какого характера она будет. Сейчас он вел себя, как застоявшийся в своем стойбище бойцовский бык, уже подзабывший, что такое настоящий бой быков под рев неистовствующих трибун.

– Правда, дежурный по аэродрому опасается, – вновь заговорил Родль, усаживаясь на заднее сиденье за спиной у водителя, – что по пути нас могут перехватить бомбардировщики

или истребители союзников. Обычно они появляются к девяти утра,

– Пусть уведомят англичан, – проворчал штурмбаннфю-рер, – что Скорцени вылетает на своем самолетике в восемь и посоветуют поторопиться.

…К своему стыду, до сегодняшнего дня Скорцени действительно ничего не знал о Рейх-Атлантиде. Вообще ничего о том, что связано с покорением и обустройством усыпленного льдами континента. Кроме, разве что, того, что к его берегам было осуществлено несколько научных экспедиций и что на одном из островов вблизи Антарктиды Геринг и Дениц пытаются создать военную базу, которая бы стала опорной для германского флота и люфтваффе.

Однако все эти факты были общеизвестными. Никто в рейхе и не пытался скрывать, что по приказу фюрера в конце 1938 года к Антарктиде был направлен авианосец «Швабенланд», на борту которого находились два гидросамолета. Официально экспедицией командовал капитан цур зее Альфред фон Риттер. Но лишь официально – постольку, поскольку он являлся командиром судна.

На самом же деле все исследования и вся разведка были возложены на командира отряда пилотов морской авиации Эриха Крозетта. Который имел право докладывать фон Риттеру и его офицерам только о том, что не представляло собой особой государственной тайны, и показывать только те снимки, на которых не было ничего, кроме ледяных глыб и пингвинов.

Вспомнив о Риттере, Скорцени вновь лихорадочно полистал содержимое папки и, изъяв из бумаг его донесение, углубился в чтение: «12 апреля 1939 года. Гросс-адмиралу Редеру…»

Отто уже знал, что приход «Швабенланда» в Гамбург был приурочен ко дню рождения фюрера и что незадолго до его прибытия в Гамбург, а точнее, 1 апреля, Гитлер присвоил главнокомандующему Кригсмарине генерал-адмиралу Эриху Редеру звание гросс-адмирала [66].

О, да! В то время Редер все еще чувствовал себя довольно уверенно, несмотря на то, что некогда уволенный им из флота «за неподобающее германскому морскому офицеру моральное разложение» Рейнхард Гейдрих, воспринимавший его с тех пор как своего личного врага, уже был назначен начальником Главного управления имперской безопасности, то есть шефом СД.

Только что, в январе 1939 года, Редер представил фюреру секретный план «Зет». Этим планом предусматривалось строительство двадцати девяти субмарин в месяц вместо доселе спускаемых на воду двух, а также строительство легких линейных

крейсеров, так называемых карманных линкоров, которые были бы хорошо вооружены, обладали большой скоростью и прекрасной маневренностью. То есть соответствовали всем требованиям, предъявляемым к рейдерским судам.

«…Докладываю: в январе 1939 года находящееся под моим командованием специально оборудованное гидрографическое военно-исследовательское судно "Швабенланд" с двумя гидросамолетами на борту прибыло в район Антарктиды, к Берегу Принцессы Астрид, Мы исследовали прибрежные ледовые поля и четырежды высаживали разведывательные десанты на берега Принцессы Астрид и Принцессы Марты.

В течение всех 22 суток, которые продолжалось исследование этих берегов, гидросамолеты, взлетавшие с палубы с помощью специальных катапульт, облетали Берег Принцессы Астрид и Берег Принцессы Марты, изучая характер поверхности, делая ее снимки и определяя зону влияния рейха с помощью металлических вымпелов со свастиками, которые летчики сбрасывали после каждых 25 километров полета. Таким образом, было визуально изучено и помечено вымпелами 600 тысяч квадратных километров. Из них 350 тысяч километров зафотографировано.

Как показывают данные авиаразведки, в трех местах, которые помечены на прилагаемой к докладу карте Антарктиды, были обнаружены полярные оазисы, свидетельствующие о том, что в данных районах близко к поверхности подступают мощные источники тепла. Особый интерес представляет собой отмеченный на прилагаемой карте район, в котором из глубин континента пробивается к океану теплое течение.

Водолазная разведка показала, что оно является подземным проливом между двумя массивами материка, которые пока что не стали островами, поскольку все еще соединены верхним слоем скального грунта и ледовым панцирем. Для исследования этого глубоководного течения, а также пустот, возможно, образовавшихся по его берегам, понадобится экспедиция специального отряда подводных лодок и специально подготовленных и экипированных водолазов. Более подробный доклад будет представлен старшим штурманом "Швабенланда" корветтен-капитаном Вилли Штауфом, а также командиром отряда пилотов морской авиации гауптштурмфюрером СС Эрихом Крозеттом.

Я выполнил миссию, возложенную на меня маршалом Герингом. Впервые германские самолеты пролетели над антарктическим континентом!

Хайль Гитлер!

Командир военно-исследовательского судна "Швабенланд" капитан цур зее Альфред фон Риттер».

Скорцени не стал искать карту, на которую капитан цур зее ссылался и которую, конечно же, к своему докладу приложил. Он уже знал, что ни этой, ни вообще какой бы то ни было карты в папке «База-211» нет. Ее изъяли. Вопрос: кто, когда и с чьего разрешения? И почему страницы в этой папке не пронумерованы, хотя каждому штабисту и архивисту известно, что порядок в документации начинается именно с этой банальной нумерации?

Нет, Отто, конечно же, понимал, что теперь о месте, в котором имеется вход в подземный антарктический эдем, знают уже несколько человек, в том числе и коммодор Вилли Штауф, который в эти минуты должен причаливать к пирсам подземной базы «Нордберг». Иначе капитаны тех судов, которые приходили к Новой Швабии после «Швабенланда», а также командиры подводных «стай» Деница, попросту не смогли бы доставлять людей и грузы туда, куда им было приказано.

Но в таком случае достаточно было сделать фотокопию карты Риттера, зачем понадобилось ее изымать? Объяснение может быть только одно: тот, кто это сделал, решил, что стоять у ворот новоявленного подземного рая имеет право только он. Ибо только он, подобно апостолу Петру, имеет на это право! И попадать туда могут только те люди, которым он, лично он, доверяет и которым лично это позволено будет сделать…

И этим человеком мог быть только Геринг, который взял в то время под свой контроль всю операцию «База-211», Причем взял ее, несмотря на то, что лавры первооткрывателей входа в подземную Швабию принадлежали не его люфтваффникам, а подводникам гросс-адмирала Редера.

Кандидатура «подозреваемого» была бы окончательной, если бы не исчезновение из папки и рапорта – отчета штандартенфюрера Альфреда фон Риттера, возглавлявшего службу безопасности во время первого похода «Конвоя фюрера» под командованием контр-адмирала Теодора Готта.

Доклад самого Готта в папке был, но – предельно краткий и лаконичный, составленный из общих словес, – он мог служить разве что классическим примером того, как никогда и ни при каких обстоятельствах подобные, имперской важности, доклады составлять… не следует. Или же, наоборот, как их нужно составлять в тех случаях, когда никто из допущенных к секретным страницам не должен получить никакой сколько-нибудь важной информации.

Но… неужели Геринг решился бы на такое, не имея санкции если не фюрера, то хотя бы Гиммлера?! Причем Скорцени

прекрасно понимал, что никакая сверхсекретная папка-досье ответ на этот вопрос ему не даст.

Впрочем, одна предельно важная для Скорцени зацепка в этом странном докладе все же содержалась: всякого, кто принимался за чтение его антарктической исповеди, контр-адмирал отсылал к отчету о походе начальника службы безопасности «Конвоя фюрера» штандартенфюрера СС барона Альфреда фон Риттера. Вот только самого отчета в папке тоже не оказалось.

То есть на деле сверхсекретность этой папки заключалась лишь в том, что в ней содержались сведения, связанные с организацией самих антарктических экспедиций к Новой Швабии, а также с рейдерскими атаками крейсера «Пингвин», которому было приказано охранять подходы к новой рейх-территории. Правда, там еще были кое-какие выкладки, касающиеся военно-продовольственных поставок, осуществлявшихся на «Базу-211», а также поставок на нее рабочей силы. Но от всей этой бухгалтерии Скорцени замутило уже на второй страничке отчета.

Нет, Скорцени, естественно, отдавал себе отчет в том, что даже подобных бухгалтерских выкладок опытному английскому или русскому разведчику вполне хватило бы, чтобы понять, какого характера строительство разворачивается теперь подо льдами Антарктиды. И все же его, начальника службы безопасности операции «База-211», интересовало сейчас не это.

Он пытался понять: первыми ли они, воины рейха, осваивают подземный мир Новой Швабии или же какая-то неведомая наземному миру раса там уже обосновалась? А если обосновалась, то что она собой представляет? Какой степени угроза может происходить от нее, и каков характер отношений между ней и обитателями «Базы-211»?

И еще его заинтересовала одна, так сказать, кадровая деталь, связанная с судьбами двух баронов. Он обратил внимание на странную вещь: во время первой экспедиции к Антарктиде начальником ее был капитан цур зее командир «Швабенланда» Альфред фон Риттер. А Теодор фон Готт, тогда еще в чине фрегаттен-капитана, был начальником службы безопасности и помощником командира.

Однако прошло немного времени, и барон фон Готт, уже в чине контр-адмирала, командует «стаей» субмарин «Фюрер-конвоя», в то время как барон фон Риттер, оставшись капитаном цур зее, оказался в этой же «стае» в роли начальника службы безопасности. Понятно, что за этой рокировкой, этим взлетом барона фон Готта, что-то скрывалось, за ним вырисовывалась какая-то интрига. Но какая? В чем ее суть?

* * *

Скорцени нажал на кнопку, вмонтированную в ножку стола, и несколько мгновений спустя в двери появилась крепко скроенная, с обвисшими плечами отставного боксера, фигура доктора Ридэ. Вот только одет он был как-то странно: серый френч без погон и знаков различия дополнялся широченными коричневыми галифе времен Первой мировой, причем непонятно, из мундира какой армии мира изъятыми, и новенькими английскими ботинками, будто бы только что снятыми с ног убитого парашютиста.

Если бы Скорцени увидел человека в таком одеянии где-нибудь за пределами священного храма СС «Вебельсберг», наверняка принял бы его то ли за беглого военнопленного, то ли за наспех переодетого местными крестьянами, во что Бог послал, дезертира. Да и широкоскулое лицо, испещренное давнишними шрамами, с искривленным носом и темно-синими подглазными мешками, тоже ни об аристократизме его носителя, ни о собственной холености не свидетельствовало,

– Слушаю вас, штурмбаннфюрер, – угрюмо, с какой-то ожесточенностью во взгляде, проговорил хранитель архива института «Аненербе», очень смахивающий на спившегося, а посему давно списанного с ринга боксера.

– Как давно из этого досье исчезли доклады корветтен-капитана Вилли Штауфа и гауптштурмфюрера СС Эриха Крозетта?

– Я не знаком с содержимым этого досье, мне запрещено знакомиться с ним.

– Вам было запрещено. Тем не менее вы с ним ознакомились, чем грубо нарушили инструкцию. Мне повторить свой вопрос?

– Доступ к нему крайне ограничен. А круг людей, которые в принципе могут получить этот доступ, жестко очерчен.

– Это не ответ, доктор Ридэ.

– Зато запрашивали его люди, которые вправе изымать и уничтожать не только отдельные документы, но и всю папку, – монотонно пробубнил, доктор Ридэ, исподлобья глядя на первого диверсанта рейха. С его титулом хранителя архива еще можно было как-то согласиться, а вот с его докторским титулом…

Скорцени вышел из-за стола, приблизился к доктору-хранителю и, презрительно смерив его расстрельным взглядом, улыбнулся своей леденящей душу улыбкой.

– Вы прекрасно ознакомлены со всем, что содержится в папке «База-211», а также со списком лиц, которые с ней ознакомились, – с настойчивостью гипнотизера, внушающего своему подопытному мысль о самоубийстве, проговорил Отто. – А посему вам хорошо известно, кто именно изымал из нее документы.

– Мне это неизвестно, – все так же мрачно, но уже не столь уверенно парировал доктор Ридэ,

– …А ведь сейчас перед вами стоит человек, которому позволено не только изъять и уничтожить любую из бумажек этой папки, но столь же безболезненно изъять и уничтожить вас. И никаких псалмопении по этому поводу – вдруг взорвался он своим камнедробильным рыком, – никаких псалмопении!

Ридэ отчетливо видел, как уродливый шрам, рассекавший левую щеку шефа диверсантов от мочки уха до подбородка, нервно задергался, а рука легла на кобуру пистолета.

«Этот выстрелит, – сказал себе хранитель. – Выстрелит, не задумываясь, не усомнившись в своей правоте и в благости намерений. Причем назавтра все будут знать, что герой нации уничтожил еще одного врага рейха, проникшего во святая святых СС».

– Фюрер желает знать, – деликатно, двумя пальцами открывал кобуру пистолета первый диверсант рейха, – у кого именно находятся те документы, которые, вопреки его приказу, из этой папки изъяты.

– У рейхсмаршала Геринга, – ни на мгновение не задумываясь, отрапортовал Ридэ. А после небольшой паузы, которую Скорцени ритуально не нарушал, поспешливо добавил: – Мотивы его действий мне неизвестны, господин штурмбаннфюрер, - это правда.

– Наконец-то я слышу членораздельную речь, – вернулся Скорцени на свое место за столом, и, положив пистолет перед собой, все с той же внушительностью произнес: – На все вопросы, которые я вам сейчас задам, вы будете отвечать как на исповеди у ворот рая. Сюда, к столу, – указал он пальцем на место, которого решил удостоить хранителя, так и не предложив ему присесть.

– На все вопросы… – вежливо склонил голову Ридэ, останавливаясь именно на том месте, на которое указал Скорцени.

– Кто сейчас является начальником «Базы-211»?

– Начальником не только самой базы, но и всей Рейх-Атлантиды является вице-адмирал барон фон Готт.

– А кто возглавляет службу безопасности Рейх-Атлантиды?

– Капитан… простите, теперь уже контр-адмирал барон фон Риттер. Недавно его повысили в чине. Слишком запоздало,

должен заметить.

– Но ведь первой экспедицией командовал командир авианосца «Швабенланд» капитан цур зее барон фон Риттер. А фон Готт пребывал тогда всего лишь в чине фрегаттен-капитана и отвечал за безопасность операции. Почему уже во время первого рейда субмарин «Фюрер-конвоя» они поменялись ролями? К тому же фон Готт уже тогда умудрился получить погоны контр-адмирала,

– Чин капитана цур зее фон Готт получил еще во время экспедиции, за выполнение какого-то особого задания.

– Какого именно?

– Известно только, что действовать ему пришлось в Латинской Америке и что побывал он там по заданию Гиммлера в интересах его института «Аненербе».

– С кем? Что вы смотрите на меня, как на «плачущую» икону Марии Магдалины? Я спрашиваю: с кем он там, в Латинской Америке, побывал?

– С Норманнией фон Крифферр – опытной диверсанткой, выпускницей диверсионной школы, оберштурмфюрером СС, графиней, двоюродной племянницей гросс-адмирала Редера и любовницей фон Готта.

– Какая исчерпывающая информация! Одно непонятно: если она выпускница диверсионной школы, то почему я с ней не знаком?

– Заметьте, что я и так избавил вас от необходимости вытягивать из меня по слову. Кстати, встретиться с ней вы уже не сможете. Она отправилась вместе со своим бароном фон Готтом в Рейх-Атлантиду, что с ее стороны было по-голгофному жертвенно.

– Так уж и жертвенно!…

– Не забывайте, что из Рейх-Атлантиды в наш рейх уже не возвращаются. Таково решение Высшего Совета Внутреннего Мира, и оно, как непременное условие нашего вхождения во Внутренний Мир, было ультимативно навязано нам арий-атлантами. Кстати решение о том, что во главе «Базы-211» должен стать барон фон Готт, тоже было принято не фюрером…

– Вы хоть понимаете, что все то, что вы только что произнесли, звучит, как строка из расстрельного приговора? – не отказал себе в удовольствии прибегнуть к гестаповской шуточке Скорцени.

– То есть окончательное решение все же было за фюрером, – попытался уйти от «расстрельности» своей формулировки доктор Ридэ, – вот только продиктовано оно было волей Правителя Внутреннего Мира.

– Как говорят в таких случаях дипломаты: «Высокие Договаривающиеся стороны пришли к единодушному мнению…»

– Однако их единодушие дорого обошлось барону фон Готту, который ни под каким предлогом отбывать в Рейх-Атлантиду не желал. А если в конечном итоге он и отбыл туда, то лишь под угрозой расстрела за неповиновение по законам военного времени. А чтобы хоть как-то подсластить этот «яд офицерской жизни», вслед ему фюрер швырнул эполеты вице-адмирала. Не знаю, правда, утешило ли его это.

– Кажется, я действительно упустил из виду жесточайшее условие атлантов: «Из Рейх-Атлантиды не возвращаются!» – признал свое упущение первый диверсант рейха. – Но ведь из большинства боев и заданий, в которые нас, солдат, посылают, тоже не возвращаются. При этом мы уходим не просто из Европы, мы уходим из жизни.

«Не успокаивай себя, – тотчас же мысленно парировал самому себе Скорцени. – Не исключено, что и тебя тоже заставят отбыть в подземелья Антарктиды, – вернулся он к своим прежним страхам. – И потом, несмотря ни на какие высокие гарантии, вернуться не позволят, В таком случае я сам уйду оттуда, с боем, дьявол меня расстреляй!»

– Прошу прощения, штурмбаннфюрер, но позволю себе заметить, что загонять под землю мертвого – это одно, а загонять туда живого – совершенно другое.

– Хорошо, – не стал ударяться в философствование: Скорцени, – будем считать, что эту тему мы благополучно; закрыли.

Скорцени налил себе в стакан минералки и медленно, долго наслаждался ее прохладой, наблюдая, как хранитель папки «База-211» с неутолимой жаждой в глазах заглатывает воздух после каждого его глотка.

– Так все-таки, доктор Ридэ… Сознаетесь вы, наконец, из чьих рук вы получили это досье? – вдруг совершенно неожиданно потряс в воздухе папкой «Базы-211» штурмбаннфюрер. – И заметьте, что это – главный вопрос, на который вы обязаны были ответить с самого начала нашего разговора.

– Но вы не задавали его, – мужественно напомнил ему доктор Ридэ.

– Да, тогда о чем же я все это время расспрашивал вас, дьявол меня расстреляй?! – окончательно ошарашил его Скорцени. – И какого черта я трачу на вас столько времени?! В последний раз спрашиваю: из чьих рук?!

– Из рук обер-лейтенанта Курта Шульрихтера.

– Господи, и это надо было таить в себе, как самую великую

тайну катакомбного христианства?!

– Я и не таил, - из последних сил защищался доктор Ридэ, понимая, сколь близко оказался он сейчас у лагерных ворот.

– А ведь стоило только сказать, что папку вам передал этот самый Шульмихтер, Шульпахтер или как его там – и все! И ваша душа чиста, как после печей крематория!

Услышав это огненно-пепельное пророчество, хранитель папки удрученно умолк, постепенно впадая в какой-то полугипнотический транс, и Скорцени, который только-только входил в следовательский раж, вынужден был какое-то время терпеливо, просто-таки с ангельским многотерпением, ждать, когда же он вновь вернется к суровой действительности.

– Так что же вы опять умолкли, вещатель рейх-атлантидовских истин? – наконец напомнил он Ридэ, что даже у первого диверсанта рейха терпение небесконечно.

– Жду следующего вопроса.

– Какого еще вопроса? От вас требуется только одно: говорить! Не умолкая, говорить! Я просто жажду услышать из ваших уст, кто же он, к дьяволу, таков, этот ваш Шульпихтер! – наконец подался к нему через стол герой нации – освободитель Муссолини.

– Шульрихтер, – мужественно уточнил хранитель, не решившись, однако, напомнить герою нации,- что вопроса об обер-лейтенанте все же не прозвучало. – Уже никто. Но именно он был хранителем.

– Все той же, одной-единственной папки?

– В общем-то да, одной-едиственной. Которую обязан был постоянно пополнять, предъявлять и охранять; не говоря уже о том, что он наизусть обязан был помнить шифр сейфа, в котором эта всесильная папка хранится, и старательно записывать имена всех тех, кто интересуется ее материалами. И еще. Инструкцией предусмотрено, что в случае необходимости он обязан был погибнуть вместе с сейфом и папкой. Поскольку сейф, как вы уже поняли, заминирован.

– И что, – подался Скорцени к доктору Ридэ через стол, – хотя бы эту, единственную мало-мальски важную обязанность свою, он все же выполнил?

– Эту – нет, я знаю точно.

– Наконец-то, хоть в одном вопросе вы меня просветили. Итак, хранить папку, пополнять папку… Ничего не скажешь; широчайший круг! – не мог отказать себе в иронической ухмылке Скорцени. – Особенно если учесть,- что на фронте катастрофически не хватает солдат, а в концлагерях – закаленной рабочей силы.

– Б моем сейфе можно обнаружить еще несколько папок, но все они – всего лишь приложение к папке «Базы-211», -попытался спасительно уйти от этой темы доктор Ридэ.

– То есть вы не являетесь хранителем архива всего института «Аненербе»?

– У института есть свой хранитель архива… – облизал губы от волнения Ридэ, и Скорцени вдруг понял, что этот «доктор» вряд ли знает, что такое фронт, иначе не был бы таким трусливым; но уже прекрасно знает, что такое лагерь. И лагерный номер свой наверняка еще помнит. – В этом нетрудно убедиться; в «Аненербе» действительно есть свой хранитель… – решил Ридэ, что Скорцени ищет подходы к сейфам всего института, а не только к сейфу «Базы-211».

– Однако у него нет доступа к сейфу с папкой «Базы», – прервал его штурмбаннфюрер. – Что вы блеете, доктор Ридэ? Отвечайте четко и ясно. Доступа к этой папке у него нет. Я прав?

– И никогда не было.

– Вот это уже ответ. Кто же тогда стал составителем этого досье? -Кому выпала такая честь – быть первым летописцем Новой Швабии?

– Уже известному вам обер-лейтенанту Курту Шульрихтеру

– Почему именно ему? Почему у истоков этого досье оказался какой-то безвестный обер-лейтенант, да к тому же с такой дурацкой фамилией? Чем он вызвал особое доверие у Геринга, Гиммлера, гросс-адмирала Редера и всех остальных?

– Прежде всего у Геринга. Или, точнее, только у Геринга. Он-то как раз и был тем пилотом, который заметил нечто необычное на одном из скалистых участков Новой Швабии и который вынужден был посадить свой самолет, когда его буквально прижал к ледовой поляне солнечный диск.

– Кто-кто его… прижал? – приподнялся со своего места Скорцени, решительно упираясь кулаками в поверхность стола.

– То, что еще древние называли солнечным диском, и что лично я предпочитаю называть диском пришельцев.

Присвистнув от удивления. Скорцени вновь погрузился в свое кресло и несколько секунд смотрел на доктора Ридэ с полуоткрытым ртом.

– Еще раз, дружище Ридэ: где именно и при каких обстоятельствах это произошло?

– Пилоты диска заставили обер-лейтенанта посадить свой самолет у одного из тайных входов в подземную Антарктиду, которую до того времени считали исключительно своей, недоступной для землян территорией.

Скорцени вновь уселся в свое тронноподобное кресло, долго

и задумчиво разрывал ногтями исполосованную шрамом щеку, а затем, предложив Ридэ присесть на один из стульев у приставного столика, кнопкой звонка вызвал Родля.

– Взорвите-ка весь этот чертов монастырь, поставьте его вверх ногами, но принесите нам бутылку коньяку и с десяток бутербродов.

– Вы хотите продолжить разговор в этом кабинете, – провел руками вокруг себя доктор Ридэ, явно предупреждая о том, что здесь их прослушивают, – и за рюмкой коньяку? Но инструкцией это запрещено.

Скорцени вопросительно взглянул на Родля, затем на хранителя и вновь на Родля. Сейчас он решал для себя, как поступить. Он, конечно же, мог бы демонстративно проигнорировать это дружеское предупреждение Ридэ и продолжить разговор, но понимал, что на этом откровения хранителя закончатся.

Возможно, что он и так уже сказал намного больше того, что ему было разрешено Герингом или кем-то из приближенных рейхсмаршала. А сказал потому, что забыл о возможности прослушивания в этих стенах точно так же, как забыл об этом и он сам, шеф диверсантов.

– В таком случае, - первым нашелся Родль, – нам следует прервать эту встречу и пообедать в одном из ближайших ресторанчиков.

– Без меня, – нарочито громко предупредил Ридэ.

– Да и господину хранителю тоже пора перекусить, – отреагировал на это замечание адъютант. – Но только в отведенной ему комнате. – И, взмахом руки призывая доктора Ридэ к выходу проговорил: – Машина, господин штурмбаннфюрер, ждет вас у подъезда.

– В какое бы рейхоугодное дело вы ни втягивали меня, адъютант Родль, – проворчал Скорцени, выходя на улицу, – я всякий раз начинаю чувствовать себя полуразоблаченным заговорщиком.

16.

Январь 1939 года,
Антарктика. Борт субмарины «Атлантис».

Когда барон фон Риттер вышел на палубу подводной лодки, перед ним предстало самое удивительное зрелище из всех, которые способны были предстать на этом далеком ледовом предбрежье. Субмарина только что прошла через узкую горловину обледенелых с наружной стороны скальных ворот, за которыми осталось поле пакового льда, и, немного пропетляв по извилистому фиорду, вошла в темно-синюю гладь свободного ото льда антарктического оазиса.

– Как вам это зрелище? – поинтересовался Консул, спускаясь палубным трапом вслед за фон Риттером.

Прежде чем ответить, капитан цур зее удивленно осмотрелся: на слегка парующем зеркале залива не было ни одной льдинки. Озерцо оказалось довольно маленьким, причем нависающие над ним скальные берега, тоже свободные на внутренних склонах ото льда, еще больше суживали его, как бы защищая внешним ледовым панцирем от любопытствующего взгляда с высоты.

Пилоты могли десятки раз пролетать над этим оазисом, то ли не замечая его, то ли не придавая значения взблеску синевы на дне глубокой арктической воронки. Впрочем, подумал барон, откуда им здесь взяться, этим самолетам, Кроме разве что гидроплана гауптштурмфюрера Эриха Крозетта, который, вместе с остальными офицерами «Швабенланда», терпеливо ждал его возвращения на борту авианосца.

– Впечатляет, не прими, океан, душу мою!

– Да, впечатляет. Даже меня, кому приходилось бывать здесь множество раз.

– У этого антарктического рая наверняка существует какое-то наименование?

– Атланты называют его Лунным Озером.

– Только так его и должны были назвать, – охотно согласился фон Риттер. – Лунное озеро – посреди покрытой вечными многометровыми льдами Антарктиды! Прелестное, не прими, океан, душу мою, название!

– Именно в нем Правитель Внутреннего Мира впервые встретился с Консулом Звездного Мира, который стал их Небесным Покровителем, точнее будет сказать стал представителем расы Небесных Покровителей во Внутреннем Мире, в мире Подземной Атлантиды.

– То, что вы сейчас говорите… – это серьезно?

– Значительно серьезнее, нежели вам кажется, барон фон Риттер.

– А то, может, самое время ущипнуть себя и проснуться?

– Вы еще даже не засыпали. Однако реакция ваша была предвидена и спрогнозирована нами, поэтому-то вводить вас и ваших последователей в реальность Внутреннего Мира мы будем постепенно, морально и психологически подготавливая к иному восприятию строения и предназначения планеты Земля, иному восприятию мира, иному пониманию истинного, космогонического призвания человеческой цивилизации.

– Глубокомысленно, не прими, океан, душу мою!

– И не думайте, что космическая раса Небесных Покровителей решится допустить вас к великим тайнам своей цивилизации и к вершинным достижениям в технике. Атланты ушли под землю много веков назад, однако до сих пор космическая раса относится к ним как к космическим детям, оставляя за собой полный контроль даже над той техникой, которой они снабжают атлантов.

– Опасаются, как бы атланты сами не вышли в космос или не превратились в земную расу господ, постепенно порабощая весь наземный мир?

С ответом Консул не спешил. Возможно, он не просто обдумывал, какие именно слова должен сейчас произнести, но и то, какой глубинный смысл должен раскрываться в их подтекстах.

– Прежде всего, космическая раса покровителей пытается сохранить цивилизацию атлантов, вернее, тот заповедный осколок Атлантиды, который им удалось спасти под ледовым панцирем Антарктики. В сравнении с популяцией наземного мира, раса атлантов очень немногочисленна и ее можно представить себе как расу земных романтиков или космических мечтателей. Атланты живут и развиваются в своем замкнутом Внутреннем Мире, как в коконе грядущей цивилизации.

– Антарктида – ледовый кокон грядущей цивилизации – вот формула, которую человечество должно будет усвоить, прежде чем подступаться к таинствам Рейх-Атлантиды. Прекрасная, глубинная мысль, господин Консул, которая должна срабатывать в сознании каждого германца, как глубинная бомба замедленного действия.

– Да, это космический кокон расы, – не поддался его эмоциональному порыву Консул. – Расы нового витка земной цивилизационной спирали. Когда их материк Атлантида был обречен на вымерзание, на гибель в ледовом панцире нового полюса, им на помощь пришла раса космических покровителей. Именно они, космические покровители, предупредили Правителя

Атлантиды о надвигающейся катастрофе, и именно они помогли элите атлантов уйти в глубины своего континента, создав, с помощью летающих дисков и иной техники, свой подземный, так называемый Внутренний Мир, вполне приспособленный к существованию духовной элиты Атлантиды.

– Однако спасти Атлантиду от гибели они все же не сумели. Или не могли? По возможностям своим природным – не могли?

– От гибели в вашем понимании – да, не могли. Цивилизация атлантов была обречена. Единственное, что было позволено космическим покровителям, так это спасти элитарную часть атлантов. Но при одном жестком условии: атланты должны уйти во Внутренний Мир и забыть о существовании наземного мира.

– Но это уже следует воспринимать как наказание за что-то, – по-своему возмутился фон Риттер, – как библейское изгнание из рая.

– Или же, наоборот, возвращение в истинный рай. Это уж как посмотреть. Основная масса атлантов должна быть просто дезинформирована по поводу истинной истории своей расы и истинного состояния Земли. В то время как Правящая элита, имеющая доступ к тем нескольким летающим дискам, которые были подарены ей космической расой покровителей, должна была делать все возможное, чтобы до установленного этапа развития наземной цивилизации исключить всякий контакт действующий между внутренней- и наземной цивилизациями. Под угрозой полного истребления атлантам запрещено было вмешиваться в развитие новой, технократической земной расы. Они не имели права нарушать то естественное течение событий, которое ученые обычно называют чистотой эксперимента. В то же время они обязаны были пресекать любую попытку наземной цивилизации проникнуть в подземелья Внутреннего Мира.

– Значит, раса покровителей не властна над всей планетой?

– Нет.

– Кто же ей, не прими океан душу мою, способен здесь противостоять?!

Консул взглянул на командира «Швабенланда», как на гвинейского аборигена, и, пораженный наивностью его вопроса, покачал головой.

– «Противостоять» – не совсем верное определение. К счастью землян, та, другая, раса, назовем ее расой творцов, занимавшаяся когда-то давно созданием биопланетного корабля по имени «Планета Земля», не стала на путь войны с расой покровителей.

– Стоп, поднять якорь! Вы хотите сказать, что наша планета – это своеобразный космический корабль?…

– Биокосмический, представляющий собой самодостаточный,

саморегулирующийся, в определенной степени запрограммированный живой организм.

– Не прими, океан, душу мою! – только и мог вымолвить фон Риттер. И умолк, пораженный услышанным. Понадобилось какое-то время, чтобы, оправившись от этой информации, словно от нокдауна, он спросил:

– А как тогда быть с Богом-Творцом, и всем тем, что написано в нашем Святом Писании?

– В любом случае вы молитесь Творцу А что именно он собой представляет – не так уж и важно.

– Дипломатичный ход. Однако возник еще один вопрос. Та раса творцов, о которой вы только что говорили… Может, она потому и не стала на путь войны с расой покровителей, что тоже не властна над всеми теми земными и небесными силами, которые здесь правят?

– Вы правы: не властна.

– Тогда кто же они – те, что, не прими океан душу мою, по-настоящему властны?!

– Мы не будем обсуждать это, – неожиданно резко отреагировал Консул. – По крайней мере, сейчас. Скажу только, что эксперимент с наземной цивилизацией пятого уровня подходит к завершению. И поскольку большая часть этой цивилизации обречена на гибель, расе покровителей великодушно позволено было избрать ту нацию, или как мы по традиции их называем – расу, которая, в соединении с расой атлантов, позволит ей сотворить расу шестого уровня.

– Шестого – это значит?…

– Условно назовем ее расой космоземлян.

– И у вас есть доказательства того, что выбор нации сделан, что он действительно окончательный и обжалованию не подлежит?

– В принципе – да, есть. Но окончательно все прояснится тогда, когда во Внутреннем Мире, вернее в той части, которую Повелитель отведет для расы арийцев, появятся первые арийские колонисты, основатели Рейх-Атлантиды. Кстати, встреча с вами тоже наведет Повелителя на определенные выводы и размышления. Как вы понимаете, мы доставили вас сюда не для того, чтобы поражать ваше воображение пейзажами Лазурного Берега Антарктиды.

– Точнее будет сказать: не только для того… Потому что и ради одного этого антарктического миража стоило несколько недель болтаться на штормовых волнах Атлантики.

– Рад, что не разочаровал вас, - скромно потупил глаза Консул.

– Хотя это еще не конец представления, – зябко поеживался рядом с ними худощавый, мальчишеского телосложения капитан Блэк, на котором, как и на Консуле, был только легкий кожаный плащ. Впрочем, сам Страж Земли, похоже, одинаково комфортно чувствовал себя в этом одеянии и в душном теле субмарины, и посреди антарктического оазиса.

– Часто бываете здесь? – воспользовался случаем фон Риттер.

Блэк вопросительно взглянул на Консула, но тот не обращал на него никакого внимания. Ухватившись руками за массивный фальшборт, полукругом охватывавший небольшой пятачок у трапа, он всматривался в глубину залива. Субмарина тем временем оказалась под высоким скальным козырьком, под которым экипаж ее мог чувствовать себя защищенным от любой бомбово-артиллерийской атаки.

– Лично я со своим «Атлантисом» захожу сюда только во второй раз, – едва слышно и как бы сквозь зубы проговорил Блэк, не сводя при этом взгляда со спины Консула.

– И там, во Внутреннем Мире, бывать вам не приходилось, – не спросил, а, скорее, констатировал фон Риттер. «А ведь этот Страж здесь не пассажир, и даже не гость, – подумалось фон Риттеру. - Он здесь, как и следовало ожидать, хозяин».

– Вам, капитан цур зее, тоже вряд ли повезет оказаться там. Гостей Повелитель Внутреннего Мира принимает редко, с большими предосторожностями и крайне неохотно, – терпеливо объяснял командир субмарины. – Нас с вами он сейчас терпит только потому, что боится портить отношения с Консулом и Шамбалой. Это я вам – как своему коллеге.

– Разве мы явились сюда без приглашения? Не могу представить себе такой ситуации. Визит наверняка был согласован.

– В том смысле, что Повелителя Внутреннего Мира поставили в известность, но забыли поинтересоваться, не возражает ли он? – совершенно неуместно съязвил командир «Атлантиса», вместо того чтобы хоть как-то успокоить и поддержать своего коллегу.

– Считаете, что здесь у них все так же запутано и царит такая же безалаберщина, как и в нашем наземном мире?

– Честно говорю: не знаю. Может, еще и похлеще.

От той уверенности и нахрапистости, с которой Блэк еще каких-нибудь полтора часа назад общался с фон Риттером по рации, не осталось и намека. Да и, говоря все это, он с опаской поглядывал на середину залива, ожидая, что там вот-вот должно появиться нечто такое, что способно «продолжить представление». И оно действительно появилось.

– Крепче держитесь за фальшборт! – успел крикнуть Консул

как раз в то мгновение, когда субмарину сильно качнуло. – Всплывает летающий диск!

– Это хорошо, что на сей раз Повелитель не заставил нас долго ждать! – прокомментировал капитан Блэк, хватаясь за поручни трапа и притягивая к себе явно зазевавшегося барона.

И внезапно фон Риттер увидел, как посреди залива, на небольшой глубине, появились ярко светящиеся лучи. Все быстрее и быстрее вращаясь, они сливались воедино, превращаясь в озаренный сиянием невидимого подводного солнца круг.

Зрелище было необычным и довольно захватывающим. Подводные лучи привораживали, гипнотизировали, вводили в какой-то странный полугипнотический транс, превращая барона в очарованного, восхищенного, но абсолютно безвольного наблюдателя.

– Если бы он вырвался из океана с полной силой, – услышал фон Риттер у своего уха приглушенный сипловатый голос командира «Атлантиса», – мою посудину вырвало бы из воды и швырнуло на вершину этой каменной стены. Ни мины, ни снаряда не понадобилось бы.

– И командир дисколета прекрасно знает это.

– К счастью, мы с ними не в состоянии войны, ибо не доведи Господь…

Солнцеворот длился с минуту. «Если это "светопреставление" они устроили специально для меня, то начало очень даже неплохое, – заключил фон Риттер, Увидим, что последует дальше».

17.

Январь 1939 года,
Антарктика. Борт субмарины «Атлантис»,
борт дисколета атлантов.

Медленно поднимаясь из глубины океана, летающий диск как-то незаметно оторвался от водной поверхности и завис в метре от нее. Сверкающий корпус этой махины в радиусе своем достигал метров двадцати и около пяти метров по высоте. Серебристый корпус казался совершенно невесомым, а круглые иллюминаторы источали едва уловимое голубоватое свечение.

А еще барону вдруг почудилось, что вся чаша Лунного озера наполнилась какой-то негромкой органной мелодией, превращающей все то действо, которое в ней разворачивалось, в некий архиерейский ритуал. Воздействовала эта мелодия на старого моремана если не гипнотически, то, по крайней мере, завораживающе, притупляя его волю и затормаживая реакцию.

Ажурный прозрачный трап, которым пилот летающего диска выстрельно и с поражающей точностью дотянулся до корпуса «Атлантиса», казался прозрачным и невесомым. Ступать не него было так же рискованно, как ступать на лунную дорожку

– Можете взойти на корабль, капитан, – отчетливо услышал фон Риттер слова, которые никто из двоих спутников его вслух не произносил. Да и голос, который прозвучал в сознании барона, казался таким же эфирным, как и сопровождавшая их мелодия. – На борту диска «Веритас» вы будете находиться под покровительством благословенного Космосом Правителя Внутреннего Мира.

Как вскоре понял барон, это «можете взойти» было лишь данью вежливости, потому что он как-то непроизвольно ступил на трап вслед за Консулом и с церемониальной медлительностью направился в сторону летающего диска. Однако после нескольких шагов что-то заставило его оглянуться: видно, пилот решил продемонстрировать ему, как ведет себя тот, кто в числе приглашенных Правителем не оказался.

Дело в том, что командир субмарины «Атлантис» тоже попытался ступить на трап, однако, наткнувшись на невидимую стену, лихорадочно ощупывал ее руками, пытаясь убедиться, что перед ним действительно стена.

«Стало быть, раньше его пропускали беспрепятственно, и он даже представить себе не мог, что существует еще и такая вот система защиты летающего диска – понял фон Риттер. – Для вас же, барон, это должно послужить наглядным уроком того, как

вежливо здесь умеют демонстрировать высокому собранию свое негостеприимство».

Куда и каким образом исчез Консул, барон так и не понял. Он оказался в небольшой каюте с насыщенным кислородом, ионизированным воздухом, и все тот же эфирный обладатель едва заметного, под горно-баварский, акцента пригласил его сесть в кресло, перед которым призывно высвечивался голубовато-лазурный экран. Как и следовало предполагать, уже спустя несколько мгновений этот успокаивающе воздействующий на восприятие и саму психику экран вполне комфортно заменил барону иллюминатор.

Командир «Швабенланда», в свое время будучи подводником, не раз сожалевший по поводу того, что подводный мир за бортом его лишенной иллюминаторов боевой субмарины остается незримым, – теперь мог отчетливо видеть, как летающий диск опускается в глубину Лунного озера, а затем медленно движется в освещаемой им безжизненной черноте антарктических вод. Однако все подводное движение его продолжалось каких-нибудь две-три минуты, затем это странное небесно-океаническое судно легко вышло из воды и медленно поплыло в воздушном пространстве узкого извилистого тоннеля, уводившего куда-то в глубину антарктических гор Берега Принцессы Астрид.

Барон отчетливо видел, как розоватый гранит скального грунта по обе стороны от «Веритаса» сменялся антрацитовой чернотой базальта, затем переходил в мрамор, гранит и вновь в базальт или в какую-то иную скальную породу, определение которой не было для него, человека, не имеющего геологической подготовки, столь уж важным.

Куда важнее было заметить, что если в начале пути «Веритас» проходил по естественной – как показалось фон Риттеру – горной пустоте с почти необработанными стенами подземелья, то теперь он продвигался по искусственно проложенному, ровному тоннелю, который в конце концов привел его в огромное, даже для всевидящего экрана необъятное, пространство. Причем самое удивительное, что подземный мир этот вполне поземному был залит солнечным или каким-то иным, ярким и теплым сиянием, источник которого тоже оставался для фон Риттера невидимым.

Размеры сего подземного рая действительно должны были бы выглядеть очень внушительными, поскольку барон не видел ни стен его, ни поднебесья. Горячечно всматриваясь в большой бортовой экран, заменявший ему иллюминаторы, фон Риттер пытался уловить что-нибудь такое, что связывало бы окружающий его Внутренний Мир с миром наземным. И такое случалось.

Вот летающий диск завис над какой-то местностью, очень

напоминающей наземную, и ничего, что цвета всего того, что открывалось взору полярного паломника, представали необычайно яркими и радужно контрастными. Как бы с высоты парящего над землей дирижабля, барон фон Риттер успел полюбоваться небольшим, почти неестественно яркой голубизны озером, окаймленным неровными, покрытыми ярко-зеленой травой берегами; ностальгически понаслаждаться виденьем небольшой сосновой рощи, посреди которой блистал ярко-пенной струей величественный водопад…

А еще ему позволено было мысленно повздыхать над стайкой холмов, напоминавших усеянными яркими цветами курганы; изумиться дивной, хотя и вполне земной красоте протекавшей между водопадом и озером извилистой речушки, берега которой кое-где были испещрены невысокими статуео-бразными скалами; и, наконец, поразиться необычности раскинувшегося между невысокими холмами небольшого городка, здания которого представляли собой ажурные храмоподобные строения из какого-то легкого, вполне смахивающего на стекло, лазурного по цвету своему, но совершенно непрозрачного материала.

И когда между этими строениями, на берегу обсаженного пальмами бассейна, полярный паломник, наконец, увидел рослые, мускулистые, льняноволосые, лишь в серебристые повязки бикини облаченные фигуры атлантов – мужчин и женщин, – он, воздав хвалу Господу, воскликнул:

«Так вот где он, во всех Святых Писаниях обещанный Тобою рай земной! Что ж Ты так долго и человекобоязненно скрывал его от нас?! За какие грехи не пускал нас сюда?!»

И был поражен, когда на обращенные к Господу слова свои тотчас же получил эфирный, с горно-баварским акцентом и с истинно германской иронией молвленный ответ: «Не обольщайтесь, капитан цур зее, этот рай еще очень долго останется недоступным для вашей расы. В течение многих лет вы так и останетесь одним из очень немногих счастливчиков, которым был открыт доступ сюда, в столицу Новой Атлантиды город Акрос. Вы же, арийцы, будете обладателями только того "рая", который сами же и сумеете создать. Если только сумеете».

«Неужели сумеем?» – Риттер попытался произнести это вслух и был очень удивлен тем, что не в состоянии услышать собственных слов.

«С нашей великодушной помощью,естественно».

«Она действительно будет великодушной», – вновь попытался произнести фон Риттер, однако эфирный голос вполне по-человечески предупредил его:

«Не напрягайтесь, капитан, Мы куда лучше слышим то, что

произнесено мысленно. Но и с мыслями своими тоже будьте… предельно осторожными. Особенно в те минуты, когда вас призовут в Золотую Пирамиду Жизни для общения с Правителем Внутреннего Мира и с Духовным Хранителем Священных Истин этого мира».

«Это разные люди? С Правителем – ясно, правитель – он везде правитель. А кто такой Духовный Хранитель Священных Истин? Местный епископ?»

Эфирный Наставник, как назвал его про себя фон Риттер, помолчал; вполне возможно, что он с кем консультировался, и консультантом этим, скорее всего, мог выступать Консул.

«В обычном, земном восприятии, – наконец вновь заговорил Эфирный Наставник, – он предстает как Великий Шаман. Не первосвященник Рима или Константинополя, а именно Великий Шаман. Сибириды так и называют своего Духовного Хранителя. Мы не знаем, как станут называть в Рейх-Атлантиде вас…»

«Меня?! – изумился, причем впервые сделал это мысленно, фон Риттер. – А почему меня, не прими океан душу мою?!»

«Простите, капитан, я не знал, что вас еще не известили об уготованном вам предназначении. Но думаю, что, прежде чем предстать перед Правителем и Высшим Советом Внутреннего Мира, вам следует осознать, к какой великой миссии вас готовят, тогда и сами вы окажетесь более подготовленным к этой беседе, и облегчите задачу высшим руководителям Внутреннего Мира».

«Благодарю вас, э-э…» – запнулся командир «Швабенланда», вспомнив, что не знает имени своего собеседника.

«Называйте меня так, как уже успели мысленно назвать, – Эфирным Наставником, – благодушно подсказал собеседник. – Мне это импонирует».

«Благодарю вас, Эфирный Наставник, – еще раз поблагодарил фон Риттер, видя на экране перед собой вершину огромной золотистой – то ли из стекла, то ли из чистого золота, или еще какого-то, возможно, совершенно неведомого там, на поверхности Земли, материала возведенной пирамиды, – Это и есть ваша Золотая Пирамида Жизни?»

«Древнее святилище атлантов. Однако в вашем понимании это еще и парламент Страны атлантов, парламент Внутреннего Мира».

«Разве Страна атлантов и Внутренний Мир – не одна и та же страна, не одна и та же цивилизация?»

«Внутренний Мир включает *в* себя еще две страны-цивилизации, расположенные в подземных мирах. Консул Внутреннего Мира информировал вас о них».

«Да-да, терриниты и сибириды или что-то в этом роде…», –

тотчас же вспомнил барон, хотя, как ему показалось, произошло это не без суфлерской подсказки Эфирного Наставника.

«Так вот, правящий вот уже четыреста лет Этлен Великий является Правителем все этих стран, то есть всего Внутреннего Мира».

«Последние четыреста лет?! Сколько же у вас живут?» «В пределах пяти сотен лет».

Барон расхохотался.

«Тогда понятно, что при такой продолжительности жизни можно нормально заниматься и наукой, и искусством, становиться настоящим профессионалом. Когда же у вас, в таком случае, стареют?»

«В вашем, наземном, понятии – никогда. Правда, условно старость у нас все же существует и начинается в возрасте четырехсот восемидесяти лет. Кстати, замечу, что время во Внутреннем Мире протекает значительно медленнее, нежели на поверхности земли. Добиться этого нам помогли наши Космические Наставники. Они же помогли нам проложить туннели к зонам, которые именуются у вас бермудскими треугольниками. Таких зон, морских и земных, – семь. Благодаря этим земным аномалиям мы поддерживаем связь с внешним миром. Многие корабли, самолеты и прочая техника, исчезающая вместе с экипажами, а также с интересующими нас документами, чертежами, всевозможными техническими новинками, а также людьми, представляющими для нас особый интерес, попадают к нам [67].

Вы, само собой, считаете их «без вести пропавшими при загадочных обстоятельствах» и в большинстве случаев списываете на вмешательство космических пришельцев. Не догадываясь, что на самом деле таинственные «пришельцы» эти – и не космические, и не пришельцы, а самые что ни на есть закоренелые аборигены. Однако вернемся к отношениям между цивилизациями Внутреннего Мира…

«Позвольте, а что же происходит с людьми, которые попадают к вам?»

Эфирный Наставник многозначительно помолчал, давая фон Риттеру понять, что он вторгается в запретную зону бытия Страны атлантов. Однако вопрос уже прозвучал, и отрекаться от него Странствующий Бездельник не собирался.

«Их судьбы складываются по-разному, – все же решился ответить Эфирный Наставник. – Многие, к сожалению, погибают. Некоторых мы через много лет возвращаем в ваш мир, и они предстают перед своими потомками как вернувшиеся с того света или заблудившиеся в «петле времени». В любом случае они

попадали в наружный мир со стертой или полустертой памятью. Поэтому оказывалось, что свою былую жизнь – в ином столетии, иной стране и ином обществе – они помнили значительно лучше, чем свои скитания некими райскими лугами, которые на самом деле были лугами Внутреннего Мира Страны атлантов. Со многими из них вы потом расправились самым жесточайшим образом: одних сожгли на кострах, других духовно и физически умертвили в тюрьмах или психиатрических лечебницах, третьих своим неверием, религиозными преследованиями и уличными издевками заставляли кончать жизнь самоубийством. Так что у вас, понятное дело, есть все основания утверждать, что наш мир жесток, но и ваш особым гуманизмом никогда не отличался».

«Так уж на этой планете повелось. Но, следует полагать, что многие все же остаются у вас, живут здесь и умирают».

«Некоторые, – обронил Эфирный Наставник. – Очень немногие. Оч-чень немногие. Кстати, о смерти… Ваши священники и ваши ученые мужи так и не сумели понять, что во время так называемой клинической смерти души людей, пролетая через множество раз описанный вернувшимися пространственный туннель с ярким светом в конце, тоже поначалу оказываются на Райской поляне, неподалеку от Золотой Пирамиды Жизни. Это особая, открытая для Космических Покровителей, зона, благодаря которой Небесный Покровитель того или иного человека, именуемый у вас ангелом, пытается то ли вернуть умирающего в мир живых, то ли определить его в мир мертвых. Считывая с сознания умирающего его жизненный путь, этот Небесный Покровитель одновременно выступает и высшим судьей души и тела своего подопечного».

«Значит, ада не существует?»

Эфирный Наставник вновь на какое-то время умолк, а затем, предупредив барона, чтобы он не задавал ему больше подобных вопросов, все же «проговорился»: Всякая душа является мощным источником энергии, способным взрываться, как взрывается мощная космическая сверхзвезда, сотворяя новую галактику. Так вот, адом называется конвертор, в котором эта душа очищается от всей черной энергии или же полностью сжигается, превращаясь в еще один источник энергии подземного рая, именуемого Внутренним Миром[68]. Что же касается мира мертвых – то эта тайна Космических Покровителей нашему обсуждению не подлежит».

«Думаю, что подлежит, – провокационно предположил барон, – но отложим его до будущей встречи».

«Ну а что касается двух других рас подземного мира, – без какого-либо перехода и какой-то несвойственной ему

скороговоркой завершал свою неоднократно прерываемую мысль Эфирный Наставник, – то вынужден признать, что в течение последних трехсот лет страна Сибиридов почти полностью вышла из-под влияния Правителя Внутреннего Мира Этлена Великого. Но нашему обсуждению это тоже не подлежит».

«Ничего, в этом деле мы вам поможем, – воинственно пообещал фон Риттер. – Пусть только немножко осмотримся и разберемся с нашими наземными врагами».

К удивлению командира «Швабенланда», Эфирный Наставник никак не отреагировал на это его заявление, хотя капитан цур зее, как полномочный представитель рейха, вполне мог рассчитывать на аналогичное обещание с его стороны. Но, видно, здесь, в Подземном Мире, обещания принято расточать не столь щедро, как в окончательно завравшейся Европе.

18.

Август 1943 года.
Германия. Гроссендорф.
Ракетный исследовательский центр СС.

Этот просторный коттедж с мансардой еще источал запах древесной смолы, хвои и чего-то такого, что воспроизводило в лунной августовской ночи загадочный, колдовской дух леса. Подставив лицо пьянящему сиянию луны, Герман Шернер упивался дурманящим ароматом волос уснувшей на его плече женщины и возрождал в фантазиях пленительные очертания все еще незавершенного и пока еще не поставленного на крыло таинственного шернеролета».

Звонок рейхсфюрера Гиммлера упредил его прилет в Гроссендорфский центр СС, и когда Герман спустился по трапу самолета, там его уже ждали начальник центра гауптштурмфюрер Манфред Эйнгель и его комендант Ганс Шульце.

– Наконец-то вы прибыли туда, дорогой Герман, где и должны были работать с самого начала своей карьеры, – первым отдал ему честь Эйнгель, хотя и был старшим по чину, а Шернер все еще пребывал в своем изорванном заводском комбинезоне. – Я всегда считал, что это не Германия создала СС, а СС создали и продолжают духовно усовершенствовать Германию. И пусть со мной не согласится история!

Пока они с Эйнгелем пили кофе с коньяком, местный портной подгонял под размеры Шернера давно заказанную кем-то из офицеров черную форму со знаками различия оберштурмфюрера СС; начальник канцелярии составлял бумаги по присвоению бывшему унтерштурмфюреру его нового чина, а усиленная бригада плотников принялась сотворять в небольшом каменистом распадке под соснами коттедж для «господина главного конструктора».

Гостеприимство Эйнгеля оказалось вполне искренним. Ему давно перевалило за пятьдесят, все те идеи, с которыми он пришел в ракетостроение после факультета естественных наук Высшей технической школы в Берлине, давно были исчерпаны и в большинстве своем или безнадежно устарели, или же технически не оправдали себя.

Одно время он возлагал большие надежды на молодое поколение технарей, но их, прельщая должностями и научными степенями, расхватывали всевозможные научные институты, их на корню скупали за большие зарплаты, хорошие лайки и отсрочку от призыва в действующую армию, всемогущие

концерны «Фокке-Вудьф», «Мессершмит», «Дорнье», «Юнкерс» или «Физелер».

И уж окончательно добило Эйнгеля создание ракетного центра в Пенемюнде, к которому было привлечено теперь все внимание фюрера, верховного главнокомандования, штабов Геринга и Деница, авиационных и артиллерийских предприятий. Кто-то из молодых-талантливых не желал связываться с организацией, опорочившей себя гестапо, СД и концлагерями, поскольку это могло аукнуться ему в научных центрах послевоенной Европы; а кто-то просто не верил в центр СС, как в оазис истинной науки. Постепенно о центре Эйнгеля стали забывать настолько, что сам его начальник до сих пор пребывал в чине гауптштурмфюрера, то есть капитана войск СС, приводя этим в изумление каждого, кто понимал: должность-то у этого чиновника от науки все-таки генеральская. И вот теперь в его центре оказался один из самых талантливых конструкторов, занимающийся созданием самого необычного и грозного оружия! Значит, все еще только начинается.

В очередной раз подняв трубку надоедливого телефона, Эйнгель – не в меру располневший, с багровым, исполосованным серыми прожилками лицом – округлил глаза, и, ладонью прикрыв микрофон, радостным полушепотом сообщил: «Сам Скорцени!»

– Да, штурмбаннфюрер, он сидит сейчас у меня, и мы обсуждаем его ближайшие научные планы. Да, штурмбаннфюрер, ночевать он будет в офицерском отеле, однако коттедж для него уже сооружают. Да, штурмбаннфюрер, он принял душ, накормлен и осмотрен врачом. Да, штурмбаннфюрер, документы на повышение в чине уже подготовлены, а мундир будет готов к вечеру. Думаю, штурмбаннфюрер, что вы только потому и взялись опекать Шернера, что, в отличие от Вернера Брауна и прочих завистников, сумели разглядеть в нем инженерного самородка. Герой нации просит вас, доктор Шернер, взять трубку!

– Только откровенно, Шернер, – пророкотал своим леденящим басом начальник отдела диверсий РСХА, – там действительно все так, как утверждает этот засидевшийся в окопе резервист?

– На удивление.

– И пусть только попробует в чем-то ущемлять вас, дьявол меня расстреляй! А теперь выкладывайте ваши просьбы.

– Мне нужны проект и техническая документация моего «дисколета».

– Шернеролета, доктор, шернеролета! Пошли они все к черту, нечего, погрязать в ложной скромности! – буквально разрывал телефонную трубку непонятно какой глоткой изрыгаемый голос

Скорцени. – Эти бумаги находятся сейчас у меня, в опечатанном сейфе, а фотокопии их будут доставлены вам и помещены в особо охраняемый сейф, доступ к которому будет только у вас. Все бумаги, которые спасателям удалось обнаружить в развалинах вашего коттеджа, тоже будут вам возвращены. Следующая просьба!

– Мне давно известно, что здесь, в архиве центра, хранится секретный доклад о ходе расследования катастрофы какого-то инопланетного диска, произошедшей в 1936 году в районе Фрейбурга[69]. Сам Господь велел мне ознакомиться с ним.

– Так в чем дело?! – взорвался обер-диверсант рейха. – Кто препятствует?!

– Еще пребывая в университете, а затем и в Пенемюнде, я несколько раз обращался в различные инстанции с просьбой дать мне возможность…

– Понятно. И что вам отвечали?

– Одни утверждали, что вообще не слышали о крушении какого-то там дисколета, другие не могли определить, где хранится этот доклад, третьи ссылались на запреты штаба СС и обществ «Врил» и «Черное солнце».

– Скопище идиотов! Передайте этому засидевшемуся в окопе, чтобы завтра же ознакомил вас со всеми имеющимися по данному случаю документами, А еще лучше – пусть представит вам инопланетный дисколет в натуральном виде. И нам с вами безразлично, где именно он его откопает.

– Благодарю вас, господин штурмбаннфюрер. И еще одна, сугубо личная просьба: можно ли сделать так, чтобы гауптштурмфюрера Эйнгеля, наконец, повысили в чине? – произнося это, Шернер скосил глаза на начальника Центра Тот, не стесняясь, молитвенно соединил ладони у подбородка. – Согласитесь, неудобно, что таким солидным исследовательским центром СС руководит человек, который никак не может дослужиться хотя бы до штурмбаннфюрера.

По тому, как поугасла прыть Скорцени, доктор понял, что вторгается в запретную зону, ломиться в которую не позволено даже пенемюнденским умникам, однако отступать уже было поздно.

– Можете хоть сейчас поздравить господина Эйнгеля с повышением, – молвил Скорцени после изнурительного молчания, – но если уже через пару недель вы станете хлопотать, чтобы этого бездельника разжаловали, мы его, конечно же, разжалуем, но только вместе с вами, маркграф.

– Господин Эйнгель оправдает наше доверие, – произнес Герман исключительно для того, чтобы начальник центра понял:

эта его просьба тоже встречена с пониманием. – И доступ к архивам я получу.

– Но вы забыли о еще одной просьбе, маркграф? – возвращалась к Скорцени его былая бесшабашность – Как быть с чешкой Эльжбеттой?

– Вам удалось найти ее?

– Вытащить из крематория. В буквальном смысле этого понятия. Затолкав туда для поддержания огня самого начальника этого сатанинского заведения. Но должен заметить, что в наших Лебенсборнах имеются женщины куда красивее.

– Мне нужна только Эльжбетта.

– Вот так всегда, вздохнул обер-диверсант рейха. – В таком случае придется срочно приращивать к ее родословной германские корешки, и дай-то Бог, чтобы там не оказалось очень нежелательных для вас кровей.

Эльжбетту привезли только сегодня утром. Прежде чем явить ее глазам главного конструктора оружия особого назначения, жена Эйнгеля, владелица местной парикмахерской, основательно поколдовала над ней, изгоняя из девушки «дух лагерности и неаристократизма». Эта дородная, но все еще молодящаяся судетская немка так была признательна Герману за повышение супруга в чине, что лично готова была заменить любую из лагерниц, какие только западут ему в душу.

«Если вы захотите увидеться со мной, маркграф, – наваливалась она своей пышной грудью на своего гостя во время вечеринки в узком кругу в его честь, – я всегда смогу уединиться для вас в служебной комнатке моей парикмахерской. И запомните: все остальные женщины, с которыми вы соизволите встречаться, ревности у меня вызывать не будут, маркграф. Я возбуждаюсь даже от произношения вашего титула… маркграф!»

С секретным отчетом о расследовании Фрейбургской катастрофы все оказалось значительно сложнее, нежели Скорцени мог себе представить. Обычно уверенный в себе, своем влиянии и своих связях, обер-диверсант рейха вдруг начал осознавать, что на его пути возникает какая-то стена; что стали проявляться какие-то неведомые ему силы, которые не желали, чтобы Пенемюнденский Умник получал доступ до этих сверхсекретных материалов. А когда Скорцени пожаловался Гиммлеру, тот произнес загадочную фразу: «Что вы знаете, наш обер-диверсант?! Стараясь спасти этот отчет от уничтожения, я чуть было не лишился не только своей должности, но и самой жизни. И поменьше фигурируйте со своим Шернером. Это тоже крайне опасно. Прежде всего для него».

«Может, мне обратиться к фюреру?» – осторожно прощупывал

грунт первый диверсант рейха.

Гиммлер демонстративно вздохнул, помолчал, но, поняв, что самому страшному человеку Европы, как называли его вражеские газеты, вздохи и красноречивое молчание ничего не говорят, вынужден был произнести то, что произносить ему крайне не хотелось:

«Самое страшное, наш обер-диверсант, заключается как раз в том, что все свои мистические запреты эти силы осуществляют через главного мистика нашей страны. Так стоит ли?…»

Тем не менее, благодаря вмешательству Гиммлера и «пониманию ситуации» со стороны директора института «Аненербе», штандартенфюрера Сиверса, Отто Скорцени все же удалось добиться и этого разрешения, попутно «вступив» Шернера в элитарный научный Союз межпланетных сообщений [70]. Еще плохо представляя себе, что же удосужились оставить для него «хироманты», изучавшие космический аппарат, создатель земного дисколета уже не мог дождаться этого бесконечно далекого «завтра». «Увидеть перед собой чертеж небесного нарушителя воздушного пространства рейха и выводы ученых относительно движущих сил и механизмов этого технического чудища – и, возвеличивая собственную судьбу можно умирать!» – ударялся он в непростительную для творца шернеролета патетику.

А еще сейчас, наслаждаясь руладами цикад и ароматным теплом любимой женщины, Пенемюнденский Умник благодарил Господа за то, что тот послал ему в лице Скорцени не только невольного спасителя, но и всемогущего покровителя.

19.

Январь 1939 года

Антарктика. Борт дисколета атлантов.

Во время всей своей беседы с Эфирным Наставником капитан цур зее продолжал сидеть, утопая в мягком удобном кресле с высокой полукруглой спинкой, так ни разу и не увидев перед собой лица таинственного собеседника, так ни разу и не оглянувшись. Однако это не мешало их странному мысленному общению.

– Но если уж вы столь добры и столь щедры на предсказания, – решил пойти ва-банк фон Риттер. – то назовите имя того, кто станет Повелителем Рейх-Атлантиды.

Эфирный Наставник не ответил, и тогда фон Риттер, поняв, что молчание его становится слишком «дипломатичным», попытался подсказать:

– Им, конечно же, станет Адольф Гитлер?

– Нет. – решительно возразил Эфирный Наставник.

– Не Гитлер?! – взволнованно переспросил барон фон Риттер, предчувствуя, что именно он может стать первым посвященным в одну из величайших тайн Третьего рейха, в его провидческую судьбу.

– Адольф Шикльгрубер им не станет, – после некоторого колебания все же последовал ответ Эфирного Наставника.

– Но почему?! – удивился барон фон Риттер, обратив внимание на то, что Эфирный Наставник назвал истинную фамилию фюрера.

– У Шикльгрубера – иное предназначение и иная судьба. К тому же земной путь его приближается к завершению.

– Но каждому германцу понятно, что судьба Гитлера исторически, самим космосом, связана с судьбой Германии.

– Не каждому. Есть немало офицеров, генералов и даже, фельдмаршалов, которые уход фюрера из судьбы Германии сочли бы величайшим благом. И очень скоро *вы* в этом убедитесь.

– Простите, – с ужасом в глазах проговорил фон Риттер, – но вас, очевидно, неверно информировали относительно ситуации в рейхе. То, о чем вы говорите…

– Спустя несколько месяцев вы будете говорить о том же, – перебил его Посланник Шамбалы, - но уже как о свершившемся факте.

– Вы хотите предупредить нас, что фюрер погибнет?! – теперь уже вслух вырвалось у фон Риттера. – Вы допустите это?!

– Я не наделен высоким правом определения его дальнейшей

судьбы, – сухо и безучастно парировал Эфирный Наставник, и командир «Швабенланда» штандартенфюрер СС барон фон Риттер почувствовал, что атланту совершенно безразлична судьба того, кого они, германцы, воспринимают как своего бого-фюрера.

Она, судьба их фюрера Великогерманского рейха, совершенно безразлична Эфирному Наставнику, а значит, следует полагать, и всему руководству Новой Атлантиды – вот что открылось фон Риттеру в эти минуты!

– Но если вы допустите, что фюрер погибнет, – вслед за ним погибнет и вся Германия. Коммунисты в союзе с англо-американцами попросту растерзают ее. Нет, без фюрера Германия немыслима.

– Без фюрера немыслима только та Германия, которая под этого фюрера сотворена. Но ведь история Германии не с рождения Адольфа Шикльгрубера начиналась, и не со смертью его должна завершиться.

– Вы, естественно, правы, если говорить о Германии вообще. Но ведь сейчас все мы имеем дело с той Германией, которая сотворена гением фюрера, и никуда нам от этого не деться. Германский народ вынужден будет гибнуть вместе с этой, нынешней, совершенно конкретной, гитлеровской Германией.

– Вы требуете, чтобы я сохранил вашего фюрера? – с тенью раздраженности в голосе поинтересовался невидимый собеседник фон Риттера, давая понять, что даже у такого эфирного создания, как он, тоже есть терпение, злоупотреблять которым никому не позволено. – Так это не в моей воле.

– Знаю, что не в вашей. И вы даже не догадываетесь, в чьей именно, – не стал щадить его самолюбия фон Риттер. – Но поскольку вы пытались то ли предугадать, то ли предсказать…

– Я не стану предсказывать ни будущее Гитлера, ни будущее Германии.

– Почему бы и не предсказать его, – легкомысленно поинтересовался фон Риттер, – коль уж мы собрались здесь столь высоким собранием?

– Это невозможно.

– Но и начинать строительство, нового, Четвертого, рейха без фюрера – тоже невозможно. Безнадежное это занятие – вот что я вам, высокое собрание, доложу не прими, океан, душу мою!

– Вы правы: строить новый рейх без фюрера вам, германцам, привыкшим к обожествлению своего вождя, было бы очень трудно. Поэтому Повелитель и Высший Совет Страны атлантов подарят вам фюрера.

– Что значит «подарят»?

– Это значит, что у вас будет фюрер, – последовал

убийственно лаконичный ответ.

– То есть это будет не германец? – тихо ужаснулся барон фон Риттер. – Я, старый морской бродяга, так понимаю, что это будет либо атлант, либо посланец Шамбалы?

– Ответ на этот вопрос вы сможете получить только из уст Повелителя. Если только он сочтет нужным отвечать на него, – сразу же, словно бы произнося ритуальную фразу, уточнил Эфирный Наставник.

– Но имею ли я право задавать этот вопрос? Я ведь всего лишь командир корабля.

– У вас появится такое право как у Духовного Хранителя Священных Истин Рейх-Атлантиды, – последовав ответ. – И потом, вы ведь уже задали его.

Риттер хотел уточнить, что он имеет в виду: уж не присутствует ли при их разговоре сам Правитель Внутреннего Мира Этлен Великий. Однако представавший перед ним экран вдруг издал негромкий, очевидно привлекающий внимание, сигнал, и барон увидел, как вершина огромной золотой пирамиды, рядом с которой зависал их летающий диск, разделилась на четыре золотисто-огненных лепестка, словно бы пыталась поглотить их корабль. И, похоже, что она и в самом деле способна была совершить такое поглощение.

«Благословенный Космосом Правитель Внутреннего Мира и члены Высшего Совета Страны атлантов готовы принять вас, барон фон Риттер!» – наконец вновь услышал он голос Эфирного Наставника, прозвучавший в его мозгу, его сознании после долгого, томительного молчания.

20.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия,

Сразу же за территорией замка дорога стала уводить к небольшой возвышенности, амфитеатром окружавшей широкую, усеянную шпилями соборов и островерхими черепичными крышами, долину. Оголенные ветрами поздней осени деревья напоминали мачты сгоревших кораблей, а руины заводских цехов на окраине Падерборна – остовы этих же кораблей, только уже выброшенных на отмель у подножия прибрежных гор.

– Они уничтожат этот прекрасный старинный город, – не удержался доктор Ридэ, когда машина проезжала мимо всего того, что осталось от заводских цехов. – Они его уничтожат.

Думаю, что они прилетают сюда только потому, что здесь находится институт «Аненербе». Это месть, демонстрация презрения ко всем тем предсказаниям «аненербистов», следуя которым фюрер решился напасть на Францию и на все остальные страны.

– Но что-то я не заметил, чтобы они бомбили сам замок Вебельсберг, – заметил Родль. – Ясное дело, его охраняет две батареи зенитных орудий, однако союзники нападали и не на такие объекты.

– Ни институт «Аненербе», ни наши секретные лаборатории, как и наши Лебенсборны [71] , атаковать с воздуха, а тем более – разрушать они не спешат. Им бы очень хотелось захватить эти учреждения вместе со всем тем научным материалом, который в них накоплен.

– Существуют какие-то предпосылки для таких выводов?

– Этого требует элементарная логика борьбы идеологий. Вот почему следует ожидать, что эти организации подвергнутся атакам парашютистов. Наподобие того, как вы, господин Скорцени, атаковали горный отель «Кампо императоре», в котором неблагодарные итальяшки держали под стражей своего дуче.

– Из всего того, что вы только что произнесли, меня заинтересовало только одно, – прогромыхал своим прерывистым, гортанным полубасом Скорцени. – Почему вы упомянули Лебенсборны?

– Я не знал, что их нельзя упоминать. Прошу прощения, господа.

– Не в этом дело. Почему упомянули их именно вы и именно

сейчас, после нашего разговора?

– Потому что, если мы всерьез решили заняться созданием новой нордической расы в Новой Швабии…

– …Или где бы то ни было, – предусмотрительно уточнил Скорцени, помня, что в машине есть еще и водитель.

– Нам придется воспользоваться жертвенностью тех женщин, которые в этих Лебенсборнах зачинали, и прекрасной наследственностью тех детей рейха, которых они уже произвели или еще только произведут на свет. И потом, таковым было одно из условий. Разве вы об этом не знаете?

– Каких еще условий? Вернее, чьих? – резко оглянулся Скорцени, сидевший рядом с водителем.

– Ну их, тех…- замялся доктор Ридэ. – О которых так много, страшась своих собственных слов, говорил обер-лейтенант Шульрихтер.

– О ком именно он говорил?! – взъярился Скорцени. – Вы можете говорить членораздельно? И никаких псалмопении по этому поводу дьявол меня расстреляй, никаких псалмопении!

– Так вам что, в самом деле ничего не известно о том, что?…

– Стоп! – резко вмешался Родль, предвидя новую вспышку ярости своего шефа, а также помня о том, что в машине находится водитель, пусть даже сто раз проверенный – Кажется, мы увлеклись, господа. Почему бы нам не продолжить разговор за кружкой пива?

Два ближайших к замку Вебельсберг ресторанчика они пропустили уже по настоянию Скорцени: в них наверняка часто бывали сотрудники института «Аненербе», а значит, там могли усердствовать агенты гестапо или абвера. Шеф отдела диверсий РСХА спасается от агентов гестапо и абвера! Это могло бы выглядеть забавно, если бы не одно «но»: Скорцени вдруг вспомнил свое собственное напутствие молодым выпускникам специальных курсов особого назначения «Ораниенбург»: «Настоящим профессионалом разведчик становится только тогда, когда и в своей собственной стране приучается жить так, как полагается жить на вражеской территории, а в организации, в которой он служит, – вести себя, как в стане врагов».

Пропетляв немного по окраинным улочкам, они остановили свой выбор на ресторанчике «Рейн», расположенном посреди пригородного парка, на берегу небольшого и почти первобытно нетронутого пруда.

– Вам приходилось бывать здесь, доктор Ридэ? – поинтересовался Скорцени, когда, поставив перед ними по кружке «Баварского» пива, официант предложил по говяжьей отбивной и порции копченых свиных ребрышек.

– Нет, не приходилось. Но догадываюсь, что хозяин ресторанчика – из баварцев; непонятно только, почему ресторан свой он назвал «Рейн», а не «Бавария». И коль уж речь зашла о ресторанах этого города… Господин Скорцени, я считаю своим долгом поставить вас в известность, что мне запрещено покидать пределы замка Вебельсберг, Вообще, категорически, под угрозой ареста. Наверное, я обязан был сообщить вам об этом сразу же, как только предложили выехать вместе с вами за пределы оборонных стен замка,

– Обязаны были естественно, – не стал щадить его первый диверсант рейха. - Но можете считать, что я вас простил. Кстати, что значит: «запрещено»? Вы – обычный служащий…

– Сначала я был боксером. Затем инженером-авиастроителем. Как утверждали, талантливым военным инженером, поскольку меня должны были перевести в секретную лабораторию, в которой разрабатывались новые модели летательных аппаратов. И все было бы хорошо, но я вдруг очень некстати вспомнил, что когда-то был боксером. На одной из вечеринок я до полусмерти избил какого-то наглого кретина. И все бы ничего, но он оказался офицером гестапо и, как выяснилось, приставлен был ко мне для слежки и сбора компромата, то есть попросту проверял перед направлением в секретную лабораторию в Пенемюнде. Как я понимаю, с вами, только с вами, господин Скорцени, я говорить об этом могу?

– Будем считать этот день днем истины. Излагайте дальше.

– К тому же, избив этого гестаповца, я бежал. Протрезвел… и струсил, сбежал.

– То есть дезертировали из армии?

– Из военного предприятия – так будет точнее. Схватили же меня, естественно, агенты гестапо. Почти полгода я провел в концлагере, откуда меня вытащили по личному приказу Геринга, перед которым ходатайствовал, как мне потом сказали, сам Вернер фон Браун, Надеюсь, вам это имя знакомо?

Скорцени молча кивнул. Он знал, что речь шла о научном руководителе секретного конструкторского центра в Пенемюнде бароне Вернере фон Брауне, возглавлявшем группу инженеров, занимавшихся разработкой новых типов ракет. Было мгновение, когда он чуть было не прервал исповедь Ридэ, поскольку поскорее хотел перейти к тому, что его сейчас интересовало значительно больше, нежели личные похождения доктора. Но теперь Отто понял, что поступил бы опрометчиво. Постепенно он узнавал об этом человеке такое, что заставляло пристальнее присмотреться к нему уже как к своему будущему агенту, которого он, конечно же, вырвет из рук Геринга, чтобы взять под свое собственное

покровительство. И который очень скоро может понадобиться ему в совершенно иной ипостаси, нежели понадобился Герингу. Впрочем, пока что, на какое-то время, он, конечно же, оставит его в прежней должности.

– Словом, Геринг решил превратить вас в вечного монаха-хранителя папки «Базы-211»?

– Не только ее. Но и не менее секретных материалов, связанных с совещанием у фюрера высших руководителей страны, на котором был заслушан сверхсекретный доклад контрадмирала Теодора фон Готта, командира первой экспедиции к берегам Антарктиды субмарин «Конвоя фюрера», и принято решение об основании подземного рейха в Новой Швабии. Извините, я, кажется, не имел права говорить вам об этом.

– Я должен был бы пристрелить вас, Ридэ, только за то, что осмелились скрыть от меня совершенно очевидный факт – что в вашем распоряжении находится еще целая кипа материалов, и вели речь только о папке «База-211». Но если я все еще не сделал этого, то вы обязаны сказать все. Потому что я пристрелю вас, как только заподозрю, что вы еще хотя бы что-нибудь скрыли от меня, или хотя бы подумали о том, что неплохо бы что-либо скрыть, или же умолкните как раз в то время, когда мне этого не захочется. Поэтому мой вам совет: не умолкайте, Ридэ! Это говорю вам я, человек, ненавидящий болтунов: не умолкайте! В этом, только в этом, сейчас ваше спасение!

– Теперь я это понимаю.

– Итак, у вас есть запись программного выступления фюрера во время совещания, на котором было принято решение о создании «Базы-211»? Да или нет?

– Да, такая запись есть.

– И расшифровка стенограммы секретного доклада на этом совещании контр-адмирала Теодора фон Готта?

– Вы правы, и расшифровки стенограмм – его и выступлений других участников, хотя они и менее-интересны. Что же касается пленки с записью программного выступления фюрера, в котором он обосновал создание в Антарктиде Четвертого рейха, то она сама по себе стоит всей папки «База-211».

– Но вы сказали: «Четвертого рейха», – осмелился вмешаться в святость исповеди доктора Ридэ оберштурмфюрер Родль.

– Именно так, Четвертого, господа, а не арктического осколка рейха нынешнего, Третьего, который нам уже вряд ли удастся спасти.

За столом воцарилось какое-то напряженное молчание. Расставив перед посетителями в гражданском тарелки с телятиной, официант хотел о чем-то спросить, но Скорцени так

рявкнул на него, что тот мгновенно исчез. И лишь вдогонку ему Родль успел крикнуть, чтобы он не испарялся, а принес еще по кружке пива. Адъютант опасался, что Скорцени тотчас же прервет их едва начавшуюся трапезу и помчится назад, в Вебельсберг, знакомиться с докладом контр-адмирала и речью фюрера.

– И все же вам не кажется странным, доктор Ридэ, что Геринг доверил все эти тайны именно вам, человеку уже побывавшему в лагере, обвиненному в нападении на офицера гестапо и дезертирстве? Как мне казалось, в этой должности должен был-бы находиться человек,который по чистоте своей биографии мог поступаться только папе римскому, или… мне. – Ридэ уже пора было привыкать к той своеобразной манере полуразговора-полудопроса, пересыпанного его черным юмором, в которой Скорцени предпочитал проводить все подобные встречи со своими будущими агентами.

– Я тоже не раз задавался подобным вопросом. Вытянув из лагеря, Геринг попросту мог бы отправить меня на фронт, или же загнать на какой-нибудь секретный военный зарод. Однако совсем недавно этот господин опять побывал в замке и довольно долго беседовал со мной. На эту встречу я шел с мыслью, что рейхсмаршал приговорил меня к отбыванию своего лагерного срока здесь, в Вебельсберге. А то и попросту спрятал меня на время от гестапо, чтобы затем то ли передать барону фон Брауну, – а я почел бы за честь работать в его команде, о которой много наслышан, – то ли… – развел руками доктор де Ридэ.

– Что «то ли»? – не понял Скорцени.

– Отправить в Новую Швабию. Где тоже нужны авиаконструкторы.

– Вот именно. И где вы сможете возглавить собственную лабораторию.

– Но откуда велено не возвращаться. Никому… не возвращаться.

– Вообще? Никому и никогда?! – нервно зачастил с вопросами Скорцени, понимая, что подступился к одной из самых зловещих тайн «Базы-211».

– Нет, не подумайте, что я пытаюсь выказывать свое неудовольствие. Но, наверное, кто-то должен был сообщить вам об этом.

– Перед вами тот единственный в рейхе человек, с которым вы можете быть откровенным даже по поводу тех грехов своих, в которых не решитесь исповедоваться даже стоя перед Господом.

– Неужели такой человек существует? – неуверенно пробормотал Ридэ, но обращался при этом к самому себе.

– И с какой же мыслью вы расставались с партайгеноссе

Герингом?

– Что у маршала есть на меня какие-то виды. Он специально приставил меня к сейфу Новой Швабии, чтобы я был в курсе всех событий, связанных с подземным рейхом и его научно-техническими разработками, а значит, своевременно и грамотно информировал его, выполняя при этом функции научного консультанта.

– Логично.

– На днях из Антарктиды должна прибыть очередная «волчья стая» субмарин гросс-адмирала Деница,

– Уже прибыла, Ридэ. Сегодня.

– Вот как! И прибыла она, следует понимать, под командованием коммодора Вилли Штауфа?

– Подробности мы будем знать после возвращения в замок.

– Они появятся вместе с текстами докладов коммодора Штауфа и начальника службы безопасности «стаи» полковника абвера Клауса Мюкке, – согласился Ридэ

– Службу безопасности там возглавлял полковник абвера?! С какой стати?! Впрочем, этот вопрос, доктор Ридэ, адресован уже не вам.

Но позволю себе заметить, что полковник абвера появился в «стае» не случайно. Наверное, вам полезно будет знать, что Геринг всегда предпочитал иметь дело с офицерами абвера, а не СД. Он неплохо ладит с шефом абвера адмиралом Канарисом, который тоже считает, что кому, как не ему, адмиралу, и его людям, среди которых тоже немало бывших морских офицеров, заниматься безопасностью «Фюрер-конвоя». К тому же полковник Мюкке в свое время служил на минном тральщике.

«…А ведь сам Господь свел меня с этим человеком накануне совещания у фюрера, – в который раз благодарил судьбу Скорцени. – Такого объема информации я не смог бы получить ни из какого иного источника».

– Однако мы немного отвлеклись, – произнес он вслух, решив, что доктора Ридэ следует дожимать как можно быстрее, пока он все еще пребывает в состоянии азарта. – Вы так и не досказали… Что еще такого важного должны доставить вам в архив Рейх-Атлантиды вместе с рапортами этих двух господ: Штауфа и Мюкке?

– Сейф.

– Сейф? Что, – очертил Скорцени движением рук нечто большое и четырехгранное, – сам сейф?

– «Набитый материалами, связанными с деятельностью «Базы-211» и, возможно, даже… Впрочем…

Скорцени вынул пистолет из кобуры и положил его на стол

перед собой.

– Вам не кажется, оберштурмфюрер Родль, что доктор Ридэ опять чего-то недоговаривает? – спросил он.

– Хотя вы его предупреждали, что так вести себя нельзя, – охотно подыграл ему адъютант.

– Об этом нам лучше поговорить тогда, когда я вскрою сейф и увижу,что же мне,на самом деле доставили, -неожиданно твердо отреагировал доктор Ридэ. – А что именно я имел в виду, вы, господин Скорцени, и так уже догадались.

Выслушав его, Скорцени признал, что в общем-то он прав: действительно стоит подождать сейфа с коммодорской субмарины, чтобы затем уже разговор получился предметным. В то. же время он почувствовал, что пора вернуться к истории, связанной с обер-лейтенантом Шульрихтером.

– Наверное, он тут же заставил бы доктора перейти к ней, однако вспомнил, что Ридэ очень прозрачно намекнул на возможность отправки его в «подземный рейх» Антарктиды. А это сразу же меняло отношение к доктору. Скорцени вдруг понял, что у него появляется возможность агентурно усадить своего человечка в самом мозговом центре Рейх-Атлантиды, в среде ее научно-технической элиты, которая в сложных условиях зарождения новой расы и новой цивилизации наверняка будет считаться самой влиятельной.

21.

Январь 1939 года.

Антарктида. Внутренние Мир. Страна атлантов.

Казалось, прошло не более мгновения с той поры, когда фон Риттер в последний раз услышал голос Эфирного Наставника, как вдруг он обнаружил себя стоящим перед высоким троном Правителя Внутреннего Мира, по обе стороны от которого не на таком возвышении и в более низких креслах - по шестеро с каждой стороны – восседали члены Высшего Совета.

Барон сразу же обратил внимание, что среди присутствовавших не было ни одной женщины. И что всем мужчинам было под сорок – рослые, плечистые, одетые в одинаковые серебристые комбинезоны и, словно шлемами времен спартанского царя Леонида, украшенные гривами светлых волос, они разительно были похожи друг на друга. Их удлиненные лица – с широкими, слегка выпяченными и заметно раздво-енными подбородками, прямыми римскими носами и прочими классическиримскими атрибутами, были покрыты светло-шоколадным загаром, оттенявшим их зрелую молодость, волевые черты характера и отменное, спартанское здоровье.

– Вы будете молчать и слушать, слушать и молчать, – узнал фон Риттер голос Консула и, повернув голову вправо, увидел, что тот сидит в специально отведенном для него кресле, располагавшемся чуть в сторонке от крайнего члена Высшего Совета и чуть более отдаленном в глубину этой Золотой Пирамиды Жизни. «Очевидно, – подумалось командиру "Швабенланда", – эта сравнительно небольшая пирамидка, внутри которой мы сейчас находимся, является одной из нескольких мини-пирамид, расположенных под сводами той огромной мега-пирамиды, рядом с которой парил в воздухе наш летающий диск.

– И говорить будете только тогда, – продолжал тем временем посланник Шамбалы, – когда вам высочайше будет позволено.

«А ведь у них тут не просто монархия, – делился сам с собой первыми умозаключениями фон Риттер, – а жесточайшая диктатура, сравнимая разве что со временами Нерона».

– Представитель внешнего мира барон фон Риттер, – вдруг донесся до командира «Швабенланда» не мысленный, а вполне реальный, слышимый голос. Акустика в Золотой Пирамиде Жизни был таковой, что ей позавидовала бы любая консерватория мира. Голос Правителя – зычный, властный и в то же время совершенно бесстрастный, доносился как бы отовсюду, оказывая этой всепроникающей полифонией гипнотическивнушающее

воздействие, парализуя его мысли и действия. Уже после первых молвленных Правителем слов капитану цур зее стало ясно, что всякий, кто предстает перед Высшим Советом Внутреннего Мира, способен только слушать и проникаться услышанным. – Вы уполномочены уведомить правителя своей страны, что Высший Совет Внутреннего Мира позволяет ему основать рядом со Страной атлантов подземную Рейх-Атлантиду.

– Я передам ваше посла… – попытался ответить фон Риттер, однако чья-то неведомая воля помешала ему произнести эти слова не только вслух, но и мысленно. Слова его стирались из реальности, как с ленты магнитофона, зато явственно прозвучало спокойное, но решительное напоминание:

– Вы будете слушать – и молчать, молчать – и слушать. И говорить будете только тогда, когда вам высочайше будет позволено.

– Я принимаю ваши условия.

– Осознавая гибельную опасность, которая нависла над внешним миром космического биокорабля, именуемого Планетой Земля…

– Космического биокорабля?! – все же нашел в себе силу воли вновь удивиться фон Риттер, хотя подобное определение он уже слышал из уст Эфирного Наставника.

– Мы, Правитель и Высший Совет Внутреннего Мира, позволяем правителю Германии, страны, воспитавшей достойную продолжения жизни на Земле расу арийцев, создать здесь; во Внутреннем Мире, свою подземную колонию. Мы уверены, что когда-нибудь в этой колонии, в Рейх-Атлантиде, будет взращена раса, достойная нового витка земного развития, которая, как и мы, атланты, станет расой избранных Шамбалой и Космическими Покровителями. Пройдут земные столетия – и расе атлантов, и расе арийцев – да позволено будет сотворить из элиты своей великую, Космосом и Шамбалой благословенную, расу космоземлян.

Как только были произнесены эти слова, двенадцать членов Высшего Совета и Консул мгновенно подхватились, и воздух Золотой Пирамиды Жизни пронизан был дружным, мощными возгласами:

– Да сотворим расу космоземлян! Расу космоземлян! Расу космоземлян! Живи, Правитель!

Но самое потрясающее заключалось в том, что, выкрикивая эти слова, Правитель Внутреннего Мира и члены Высшего Совета вскидывали руки вверх, в таком же римском приветствии, какое введено было в войсках СС и которое сопровождалось возгласами «Хайль Гитлер!» или «Зиг Хайль!». [72]

«Разве такое, не прими, океан, душу мою, возможно?! – не мог скрыть своего потрясения фон Риттер. – Они заимствовали у нас приветствие?! Не хватало только, чтобы после этих возгласов прозвучал "Баденвайлерский марш", объявленный в Германии Гимном фюрера!».

Но он забыл о том, что находится не во внешнем, а во Внутреннем Мире, в котором читают не столько то, что тобой написано, сколько то, что тобой было скрыто.

«Вы не учитываете того обстоятельства, барон, что в течение многих столетий раса атлантов развивается на этой планете параллельно с другими расами. И пусть у вас не создается иллюзия, что Страна атлантов, как мы еще называем свой мир, живет совершенно оторванно от жизни наземной цивилизации.

Да, мы тщательно охраняем входы в наш мир от непрошеных визитеров, и при этом не страдаем сантиментами по отношению к нашим врагам. В то же время многим из того, чем мы обладали в области науки, техники, технологий, культуры и даже искусства, мы щедро поделились с вами еще в те времена, которые ваши историки обычно называют временами Античной Греции и Древнего Рима. И продолжаем щедро делиться в наше время.

На планете не существует сейчас ни одного тайного общества, в высшем, тайном, руководстве которого не состояли бы наши агенты, большинство из которых даже не догадывается, кому же на самом деле они служат. И к кому поступают все те сведения о научных открытиях, о будущих экспедициях землян в Шамбалу, Арктику или Антарктиду, которые они дают своим наставникам. Я прав, господин Консул Шамбалы? – впервые, причем вслух, обратился он к тому, кто, собственно, привел барона фон Риттера в эту Золотую Пирамиду Жизни.

– Вы всегда правы, Посвященный Космосом, – приподнявшись, вежливо склонил голову посланник Шамбалы. – Мое подтверждение может показаться излишним.

– Но там, на Земле, в подобных случаях принято призывать в свидетели кого-либо из людей, вызывающих доверие.

– Именно так вы сейчас и поступили. И существующее ныне в Германии общество «Врил», и не менее тайное и таинственное общество «Туле», и новое, но совершенно секретное общество «Черное солнце», как впрочем, и рыцарский орден тамплиеров, и множество других орденов, – все они пребывают под нашим контролем. Наши люди находятся в высшем руководстве этих и многих других обществ, а также в тех звеньях, которые способны это высшее руководство контролировать. А еще - в тех звеньях, которые тайно наблюдают за деятельностью обоих предыдущих звеньев, и особенно за их связями с правительствами наземных

стран, их связями с оккультными обществами и всеми существующими ныне религиозными центрами планеты.

– Которые тоже находятся под нашим полным контролем, – дополнил его Правитель Внутреннего Мира. – Продолжайте, Консул Шамбалы.

– Наши люди появляются под видом представителей других, еще более древних и тайных обществ; под видом агентов секретных служб той или иной страны, под видом монахов их Шамбалы, Шаолиня и многих других культовых центров; под видом шаманов, провидцев, всевозможных адептов тайных учений.

– Вот почему, – вновь заговорил Повелитель (фон Риттер уже узнавал его голос по тем металлическим ноткам, которые звучали в каждом слове, и по той механической какой-то интонации, с которой он говорил), – мы всегда вовремя получаем полное представление о том, что происходит на земле в дни войны и мира, в дни революций и свершения заговоров, в дни сотворения новых империй и в трагические дни их краха. Да, исходя из нашей Космической Доктрины и наших земных меморандумов, мы стараемся не вторгаться в предначертанный наземному человечеству ход исторических событий,

– И в этом заключается великая истина Страны атлантов!

– Однако наземное человечество, – продолжил свою речь Правитель, – уже давно идет к гибели, подвергая погибельной опасности весь тот биокосмический корабль, который оно все еще воспринимает как одну из множества планет космоса. Расовая, национальная, религиозная, политическая, экономическая и даже сексуальная ненависть настолько захлестнули все наземное человечество, что порой мы считаем величайшим благом наше своевременное вторжение в отдельные конфликты, которые уже переросли или, по крайней мере, могут перерасти в ближайшем будущем в глобальные. Многое из того угрожающего, что возникает во внешнем мире, мы стараемся корректировать, исходя из трех основных постулатов нашей Земной Доктрины. Вот они. Постулат первый: «Не должно быть страны, которая способна была бы поработить весь остальной наземный мир, поскольку, сотворив сверхимперию, эта страна, эта нация создала бы реальную угрозу для существования Страны атлантов».

– И в этом заключается великая истина Страны атлантов! – вскинули руки вверх в римском приветствии члены Высшего Совета.

– Постулат второй: «Ни один правитель Наземной Цивилизации, который пытается завоевать мир под девизом: "Один мир-один правитель!", не имеет права добиться

осуществления этого девиза».

– И в этом заключается великая истина Страны атлантов!

– И постулат третий: «Не должно возникать конфликтов или ситуаций, развитие которых привело бы к гибели одного из континентов или планеты в целом, а также к гибели нынешней наземной цивилизации».

– И в этом заключается великая истина Страны атлантов!

– Исходя из этих трех высших постулатов Земной Доктрины Внутреннего Мира, мы и формулируем все свои земные меморандумы, все наше отношение к наземному миру.

– К сожалению, мы не можем удерживать под своим контролем развитие всего человечества, – опять заговорил Консул, очевидно, ему удобнее было говорить с представителем Германии о таких тонкостях взаимоотношений между Страной атлантов и наземным миром. – Существуют земные и космические силы, которые совершенно по-иному представляют себе процесс дальнейшего развития земной цивилизации, самой истории человечества. И потом, не следует забывать, что творцы биокосмического базового корабля «Земля» спроектировали его таким образом, что одновременно на ним сосуществует несколько параллельных миров.

– Кто же эти творцы? – спросил барон фон Риттер. Этлен Великий и Консул Шамбалы переглянулись. «Неужели они не ожидали от меня подобного вопроса?! -

иронично ухмыльнулся командир "Швабенланда". Он уже постепенно приходил в себя и начинал чувствовать себя здесь, в тронном зале Золотой Пирамиды Жизни, полноправным представителем не только Германии, но и всего наземного мира. – Тогда чего же вы от меня ожидали, господа?».

И ему было совершенно безразлично: слышат его сейчас Этлен Великий и Консул Шамбалы или нет.

– Они не подлежат названию, - первым нашелся Консул.

– Как это «не подлежат названию»? – с матросской прямотой поинтересовался фон Риттер. – Ведь как-то же вы их называете. Причем делаете это давно.

– Они не подлежат иному названию, кроме того, что уже прозвучало, – Космические Творцы. Из которого со всей очевидностью следует, что именно они – и есть те самые творцы биокосмического базового корабля «Земля», и что принадлежат они к Совету Космического Разума.

– Все остальное, что нам к настоящему времени известно об этих творцах, охраняется постулатами обета вечного молчании» [73], нарушать которые мы не имеем права ни при каких обстоятельствах, – заключил Повелитель Внутреннего Мира. –

После того, как я завершу чтение Меморандума о связях с арийской расой, вы, барон фон Риттер, тоже обязаны будете принять Обет Вечного Молчания, нарушение которого приведет не только к вашей личной гибели, но и к гибели всего вашего рода, к его окончательному земному пресечению, а также к преследованию его в стране мертвых.

– И к преследованию в стране мертвых? – уточнил фон Риттер, но не из страха перед этим преследованием, а из простого христианского любопытства.

– Да, и в стране мертвых – тоже, – ответил Консул Шамбалы.

– Эти библейские страхи нам известны.

– Но это не «библейские страхи», – неожиданно заговорил тот, кого Повелитель называл Духовным Хранителем Священных Истин. Только теперь фон Риттер обратил внимание, что серебристый комбинезон его был перехвачен широкой золотистой лентой, которая, очевидно, и служила отличительным знаком его высокой должности. Мы никогда не прибегаем к библейским постулатам.

– Но он и не ссылался на Библию, – примирительно молвил Консул, – он всего лишь использовал одно из тех обиходных выражений, в которых называются Бог, Иисус, Библия, рай и ад и которых в языках наземных рас множество.

По тому, как встревоженно говорил Консул Шамбалы и как настойчиво тибетец отстаивал его, фон Риттер понял: затронута одна из запретных для атлантов тем, которая, в свою очередь, коснулась каких-то профессионально-этических чувств Духовного Хранителя Священных Истин. Это все равно, что, оказавшись на борту субмарины, назвать – как это порой делают новички – свое судно подводным гробом.

– Мы ведем речь, – настаивал Хранитель Священных Истин и на своем личном праве на просвещение невесть откуда забредшего сюда «темного германца», а иначе, какой же он тогда Хранитель Истин? – не о библейском загробном мире, а о том мире мертвых, который существует как один из параллельных земных миров, с которым нам тоже все чаще приходится контактировать.

Странное дело, выглядел он так же молодо, как и все остальные заседавшие здесь «апостолы» Внутреннего Мира, однако голос его казался фон Риттеру значительно более слабым и почти старческим.

– Именно так я и понял, – пришел капитан цур зее на помощь Консулу.

– Вы слышали, члены Высшего Совета? – оживился Консул Шамбалы. – Именно так представитель Германии понял.

– Но в таком случае я все же должен спросить гостя нашего мира, знает ли он, что представляет собой Библия, – вновь взял слово Хранитель Вечных Истин,

– Знаю, – довольно самонадеянно ответил командир «Швабенланда», предпочитавший, чтобы спрашивали его все же о чем-то более близком к его морскому ремеслу

– Не думаю, что вам действительно известно истинное происхождение Библии. На самом деле в основе всех библейских заповедей стоят постулаты и доктрины Страны атлантов. Древние народы: ассирийцы, арии, египтяне и прочие – действительно были свидетелями пришествия мессий, они действительно помнили заповеди проповедников, однако никакого отношения к сынам вашего христианского Бога эти посланцы неба не имели.

– Кем же они были тогда? – спросил Посланник Шамбалы, воспользовавшись мимолетной паузой Хранителя. – Объясните это представителю Германии, а он, в свою очередь, передаст это ваше объяснение руководителям рейха.

– Все они были посланцами Страны атлантов, к которым иудейский раввин по имени Изя, или Иисус, и по кличке Христос, никакого отношения не имел. Все дело в том, что иудеи бессовестно переврали древние постулаты и заповеди атлантов. Вместо того чтобы строить на заповедях духовных вождей Атлантиды, многие те которых стали основателями Шамбалы, свое учение о справедливом земном обществе, иудейские раввины засадили за наши манускрипты своих книжников-плагиаторов, именуемых у них апостолами. И что же, в конце концов, получила новая, постатлантическая цивилизация внешнего мира?

– Если это вопрос, то я отвечу: христианское вероучение, – молвил обескураженный таким поворотом беседы барон фон Риттер. – Однако предупреждаю, что никакого отношения к теологам и прочим библейским книжникам я не имею, а посему мнение мое не может считаться авторитетным.

– А каким книжником нужно быть, чтобы, открывая Новый Завет, – словно шулер карту из рукава, извлек откуда-то небольшую книжицу Хранитель Священных Истин, – на первой же странице прочитать, «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.

Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Ами-надава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея»… и так далее, до полного изнеможения, всякого мыслящего человека. Чтобы затем весь этот бред, объявлять родословной Иисуса

Христа, Сына Божьего?! Вы слышите меня: родословной Иисуса Христа Сына Божьего! И вкладывать в его поучения и поучения прочих иудейских книжников-плагиаторов вечные духовные истины, созданные лучшими умами адептов Золотой Пирамиды Жизни и Высшими Посвященными Шамбалы?

– А что, возможен даже такой поворот истории?! – не скрывал своей иронии Альфред фон Риттер.

Однако Духовного Хранителя Священных Истин это не остановило. Он уже входил в полемический и ораторский раж, его уже явно повело, как не раз поводило фюрера, на выступлениях которого фон Риттеру несколько раз посчастливилось побывать.

– И вот уже в течение двух тысяч земных лет этот жалкий сборник иудейских побасенок, – потряс Духовный Хранитель Священных Истин высоко над головой книжечкой Нового Завета, – нагло насаждается цивилизованному человечеству, как кладезь вековой божественной мудрости и как истинное; учение Сына Божьего! Первоконфликт между древними атлантами, а также представителями Шамбалы и древними арийцами, да-да, и древними арийцами – тоже, с одной стороны, и древними иудеями – с другой, как раз и возник из-за того, что иудейские книжники присвоили себе, а затем самым наглым, бездарным образом испоганили заповеди древних адептов Страны Атлантов и Страны Шамбалы. Превратив эти заповеди и постулаты в заповеди некоего жалкого синайского иудея, они затем провозгласили этого иудея Сыном Божьим, а сам плагиат – Святыми Письменами Синая. Зачем же им это понадобилось?

«Что иудеев здесь не жалуют – это уже понятно, – мысленно произнес фон Риттер, – но, что касается меня, то лучше бы они раскрыли мне секреты Лунного озера и всех прочих земных и подземных оазисов, которые здесь имеются и о которых, там, в Европе, похоже, никто и не догадывается. И потом, вынужден признаться, что самыми красивыми и нежными женщинами, с которыми мне приходилось коротать мои не самые удачливые дни, были все же иудейки, не прими, океан, душу мою!»

Как ни странно, на сей раз никто из присутствовавших в Золотой Пирамиде Жизни в размышления его вторгаться не посмел. То ли, очарованные полемическими речами своего духовного шамана, не сумели уловить их, то ли были оскорблены в своих лучших чувствах его воспоминаниями о красавицах иудейках.

– Так зачем же им понадобилось это библейско-плагиаторское фарисейство? Неужели только для того, чтобы заставлять лучшую часть человечества, в том числе и гордых арийцев, поколение за поколением становиться перед образом

этого иудея на колени, воздавая ему молитвы, которых он не достоин, и вымаливая у него то, чего он дать не мог и уже никогда не сможет? Да, и для этого тоже. Поскольку такое унижение необрезанных всегда, во все века, льстило их национальному самолюбию. К тому же, плагиатом, именуемым Библией, и самим христианским вероучением иудеи, по существу, мстят всем остальным расам, то есть всем неиудеям, за позор египетского рабства и все те унижения, которым они не раз подвергались в тех или иных странах и на тех или иных этапах своей истории.

«Сюда бы фюрера, – вновь с тоской в душе подумал капитан цур зее и в то же мгновение остановил себя: – Постой, а почему ты, дружище, решил, что Адольф Гитлер всего этого не слышал? Откуда уверенность, что он не прошел через точно такую же расовую обработку и что его иудеененавистничество не зарождалось если и не в стенах Золотой Пирамиды Жизни, то уж наверняка под постулаты Духовного Хранителя Священных Истин? Пусть даже изрекаемые кем-то другим, возможно, одним из Консулов Внутреннего Мира или наземных агентов Золотой Пирамиды Жизни».

– Однако основная цель иудейской элиты, – продолжил свою речь Хранитель Священных Истин, – заключалась именно в том, чтобы объявить свою расу богоизбранной, а, следовательно, иметь право предстать здесь, перед нами, в Зале Священных Истин Золотой Пирамиды, в священной столице Страны атлантов.

– Я вновь хочу напомнить Посвященному Космосу, что, как и все прочие германцы, барон фон Риттер христианин, – как-то слишком уж ненастойчиво и деликатно, а главное, слишком уж запоздало произнес Консул, и барон понял, что тот не столько напоминает хранителю каких-то там истин о вере их гостя, сколько еще раз предостерегает: «Осторожно, перед вами все же христианин»!

– Но ведь и его фюрер – тоже христианин. Однако оба они теперь не просто христиане, а Посвященные Золотой Пирамиды. Как человек, давший обет вечного молчания, Адольф Гитлер никогда не сможет объяснить другому давшему такой же обет, Альфреду фон Риттеру, почему он готовит такое массовое истребление евреев, от которого мир вскоре содрогнется.

– Неужели он действительно готовит такое истребление? – усомнился фон Риттер.

– Посвященный Космосом не уполномочен пророчествовать по этому поводу, – наконец-то вмешался в полемику Повелитель Внутреннего Мира, все это время слушавший их совершенно безучастно.

– Вы готовы к принятию такого обета? - тотчас же обратился к барону Консул Шамбалы, стараясь поскорее воспользоваться моментом.

– По существу, я уже дал его фюреру прежде чем вышел в море на «Швабенланде». Фюрер хотел установить связь с вашим миром, и с помощью Господа, – сделал он ударение на словах «с помощью Господа», – только что эта связь установлена. Поэтому я готов принять обет вечного молчания и свято хранить, его не из страха перед наказанием, а из верности фюреру, а также из верности своему офицерскому слову и долгу.

– Прекрасно сказано, – не удержался от похвалы Консул Шамбалы. – Из верности своему офицерскому слову и долгу. Но отныне – также верности Стране атлантов, называемой еще Страной Золотой Пирамиды, и долгу перед Правителем ее, Этленом Великим.

– Совершенно верно, – подтвердил фон Риттер, мысленно моля небо о том, чтобы эта встреча как можно скорее была завершена.

– Будем считать, что обет вечного молчания барон фон Риттер принял. Вы клянетесь молчать обо всем, что здесь услышали и увидели, в общении со всеми, кроме фюрера, который тоже принял обет вечного молчания, а также кроме общения с тем человеком, имя которого вам будет названо Консулом Шамбалы.

– Клянусь!

– Вы слышали? – обратился Повелитель к членам Высшего Совета. – Представитель Расы Арийцев принял обет вечного молчания.

– Он принял обет вечного молчания! – слаженным хором откликнулись все двенадцать членов Высшего Совета Внутреннего Мира,

– В таком случае, – вновь поднялся со своего трона Этлен Великий, – мы продолжим чтение земного меморандума. Слушайте, барон фон Риттер, Посвященный Золотой Пирамиды, и запоминайте.

– Слушаю и запоминаю, Правитель

– Вождю Великогерманского рейха Адольфу Гитлеру позволено прислать сюда отряд своей арийской элиты, отряд воинов и отряд рабов. Мы не будем вмешиваться в дела Рейх-Атлантиды, но в то же время не допустим вмешательства правителей Рейх-Атлантиды в дела подвластного нам Внутреннего Мира. Правитель Германии расселит своих людей в том уголке Внутреннего Мира, на который ему укажут, а правители Рейх-Атлантиды будут выполнять все требования,

которые им будут зачитаны при вхождении в Королевство Внутреннего Мира.

«Божественное начало! – не мог скрыть своего удовлетворения начальник германской антарктической экспедиции, уловив паузу, подаренную ему Правителем Золотой Пирамиды. – Вопрос: поверит ли фюрер всему тому, что мне придется изложить ему в своем секретном докладе?»

– Мы позаботимся о том, чтобы поверил, – вслух отреагировал на его страхи Посвященный Космосом Правитель. – Если уж он доверил вам командование этой экспедицией, то он знал – по крайней мере, в общих чертах, – кого и с какой целью посылает и какой благосклонности Золотой Пирамиды Жизни ему следует ждать.

– Благодарю вас, Повелитель. Для меня, морского офицера, честь мундира – превыше всего, а эта честь может быть соблюдена только высшей правдивостью и высшей откровенностью в беседах с фюрером. Я слушаю вас дальше.

– Мы позволим арийцам использовать некоторую имеющуюся у нас технику и технологию, научим, как следует выживать в условиях подземного мира, поможем им создать их собственный мир. Но часть техники, продовольствия, оружия и всего прочего, что будет ими произведено, арийцы будут отдавать Стране атлантов в знак благодарности за право жить во Внутреннем Мире. Кроме того, воины Рейх-Атлантиды возьмут на себя охрану всего Внутреннего Мира, а также часть принадлежащей ему наземной Антарктиды и Атлантического океана, от пришельцев, которые будут пытаться проникнуть в наши владения, или же будут представлять угрозу нашему миру, захватывая наземную и прибрежную части Страны атлантов. Воинам Рейх-Атлантиды будет поручена также охрана Внутреннего Мира от вторжения представителей двух других внутренних миров, то есть от теперь уже известных вам, барон фон Риттер, расы Сибиридов и расы терринитов.

«Уже известных», – мысленно ответил капитан «Швабенланда», очевидно, потому, что ему позволено было дать этот ответ. Ответ этот был предельно учтивым и почти подобострастным, хотя капитан цур зее уже прекрасно понимал, что германцы окажутся в подземельях Внутреннего Мира на правах рабочей силы и воинов-охранников.

Но как только он подумал это, внутренний голос то ли Правителя, то ли Эфирного Наставника возразил: «А в качестве кого предстают перед миром германцы сейчас там, во внешнем мире, и в роли кого они будут представать через два года, когда Германия окажется втянутой в большую всепланетную войну?!»

«Вся связь Правителей Рейх-Атлантиды с Космическими Покровителями нашими будет осуществляться только через Высший Совет Внутреннего Мира. Первый отряд колонистов Рейх-Атлантиды должен появиться в указанной ему части Внутреннего Мира уже земной осенью нынешнего года. Все, что вы здесь услышали, вы имеете право сообщить только вашему вождю Адольфу Гитлеру. Никто другой не может быть посвящен в подробности этого договора, и никто, кроме вас двоих, до осени этого года не может быть посвящен в тайну расположения Внутреннего Мира, его устройства и самого его существования. Вы будете Хранителем Священных Истин Рейх-Атлантиды, и через вас, фон Риттер, будет осуществляться связь с правителями рейха и правителями Рейх-Атлантиды. Начальником базы, которую вы заложите во Внутреннем Мире на время создания своей столицы Новый Берлин, станет адмирал фон Готт.

«Адмирал?! – попробовал возразить фон Риттер, однако, поняв, что уточнять чин фон Готта теперь уже бессмысленно, все же не удержался, чтобы не спросить: - И что, действительно, фон Готт? – явно задело его самолюбие такое решение Высшего Совета. – Это уже окончательно решено?!» – едва удержался он от того, чтобы не возмутиться.

– Вас не удовлетворяет наше решение? – несказанно удивился Правитель, и от трибуны, за которой восседали члены Высшего Совета, до барона фон Риттера донесся приглушенный ропот ужаса.

– А почему бы вам не посоветоваться со мной, с главнокомандующим военно-морским флотом гросс-адмиралом Редером, с рейхсмаршалом Герингом, наконец?! И потом, еще не известно, как к кандидатуре Готта отнесется Гитлер. Как он в принципе к ней отнесется.

– Все это будет согласовано и решено, – молвил в ответ Правитель Внутреннего Мира. Внешне он мало чем отличался от остальных членов Высшего Совета, разве что был значительно выше ростом, мускулистее и на голове его красовался украшенный изысканными узорами золотой шлем, очень напоминающий шлем спартанского царя Леонида.

– Поймите, это очень важно, – попытался хоть как-то оправдать свою назойливость капитан цур зее. А еще в эти минуты фон Риттер вдруг понял, что ведь культура Эллады, очевидно, развивалась параллельно с культурой Внутреннего Мира, культурой Страны атлантов, их Золотой Пирамиды Жизни. А следовательно, они заимствовали друг у друга все то лучшее, что сотворилось умами и руками их мастеров.

– Все будет решено так, как вашему фюреру будет указано, –

все так же терпеливо объяснил ему Повелитель.

– Но тогда позвольте спросить, Ваше Высочество: кто будет правителем Рейх-Атлантиды?

– Мы знаем, что вас это интересует.

– Это будет интересовать все руководство Германии, лично фюрера и весь германский народ.

– Строительством базы и города будет заниматься адмирал фон Готт, вы же будете духовным вождем, а также будете отвечать за безопасность Рейх-Атлантиды.

– Наши роли понятны. А как быть с фюрером Адольфом Гитлером? – напрямую поинтересовался барон, чувствуя, что никакая сила уже не препятствует ему общаться с Правителем. – Каковой будет в Рейх-Атлантиде роль фюрера Германии?

– Не волнуйтесь, у вас будет фюрер. Духовный Хранитель Священных Истин, – обратился Правитель к сидевшему справа от него, – представьте господину капитану фон Риттеру будущего фюрера Рейх-Атлантиды.

– Представляю, – коротко обронил Жрец и величественным жестом указал вправо от себя,

Повернув голову, фон Риттер увидел, как в вершине одного из распахнутых лепестков прорезался озаренный ярким светом золотистый квадрат, в проеме которого появилась фигура юноши лет пятнадцати-шестнадцати, одетого в зеленую военизированную униформу, очень похожую на ту, в которую все еще был облачен Консул.

Спускаясь под звуки гимна «Хорст Вессель» [74] вниз, к небольшой кафедре, за которой стоял фон Риттер, юноша, казалось бы, ступал в пустоту, но с каждым его шагом голубая дорожка, по которой он медленно, сохраняя величественную осанку, нисходил, каким-то странным образом сама собой удлинялась, не причиняя юноше никаких неудобств.

Но когда он спустился так, чтобы зависнуть в воздухе между кафедрой й трибуной Высшего Совета, фон Риттер ахнул от изумления: перед ним был… Гитлер!

«Не прими, океан, душу мою!»- только и мог выдохнуть капитан цур зее, поражаясь тому, кто предстал перед его взором. Это было нечто невероятное. Ничто из того, что до этой минуты приходилось видеть барону здесь, во Внутреннем Мире, не поражало его так, как видение это фюрера в юности.

А ведь там, на краю едва поддающейся восприятию небесной дорожки, действительно стоял молодой Адольф Гитлер: то же смугловатое худощавое лицо, та же свисающая на правый глаз челка черных волос, тот же проницательный, и в то же время охваченный горячечной оккультной тоской по власти слегка

отрешенный взгляд…

«Вы узнаете этого германца?»- мысленно поинтересовался Правитель. Теперь уже голос его не доносился откуда-то с верхушек лепестков мини-пирамиды, а проникал прямо в сознание барона.

«Узнаю, Это Адольф Гитлер?»

«Значит, узнают и все остальные германцы», – самоуверенно подытожил Повелитель.

«Но германцы не признают этого… фюрера».

«Германцы признают его», – решительно стоял на своем Этлен Великий.

«Он слишком молод, чтобы прибывших сюда германцев можно было убедить, что их фюрер – опять с ними. Это не будет воспринято».

«Будет, – с оскорбительной для любого германца категоричностью заверил барона Этлен Великий, Словно речь шла не о великой европейской нации, а о диком племени. – Германцы Рейх-Атлантиды будут верить во все, что им скажут. Разве сейчас в Германии происходит не то же самое?»

«В тех вопросах, которые касаются пропаганды, – вынужден был признать Альфред фон Риттер. – Но в данном случае речь идет о фюрере, которого знают миллионы германцев, которому свято верят и которому поклоняются. Нет, Ваше Величество, такая подмена, не прими, океан, душу мою, попросту невозможна. И вообще, кто этот юноша? Существует еще и такое понятие, как преемственность, а этот молодой германец вряд ли сойдет даже за двойника, поскольку и для двойника он тоже слишком юн».

«Сойдет», – все с той же непроницаемой наглостью заверил его Этлен Великий.

«Посмотрите на него и на фотографию Гитлера, которая у вас, конечно же, имеется».

«У нас, – вмешался в разговор Посланник Шамбалы, – имеются популярные сейчас в Германии фотоальбомы: "Гитлер, каким его никто не знает", Гитлер в своих горах", "Молодежь и Гитлер", "Гитлер по ту сторону будней". Так что творцам атлант-фюрера есть с чем сравнивать свои генетические изыскания».

«Но, пардон, как быть с убийственной разницей в возрасте, как быть с жизненным опытом, с теми знаниями людей, характеров, политической ситуации в Германии и в остальном мире? Да одного взгляда достаточно, - метнул фон Риттер взгляд в ту сторону, где должна завершаться дорожка, однако ни дорожки, ни фюрера там уже не было. Они исчезли вместе в золотистом проеме входа в один из лепестков открытой космосу Золотой Пирамиды. – Так вот, я и говорю, что одного взгляда

достаточно, чтобы определить, что фюрер и ваш двойник – разные люди. Странно только, что, не прими, океан, душу мою, этот ваш двойник все же существует. И никто из вас не способен оспаривать этот факт».

«А зачем оспаривать? Он действительно существует, однако время аудиенции закончилось. И, замечу, вы весьма кстати упомянули о двойнике, – невозмутимо возразил Повелитель. – Мы подумаем над этим»,

«Но этот-то юный германец – он кто: сын, племянник, просто двойник Адольфа Гитлера?»

«Двойник, но не в том понимании, которое подразумеваете вы, барон Альфред фон Риттер».

«Значит, он не сын фюрера, не прямой его наследник?» – еще более агрессивно уточнял фон Риттер, откровенно демонстрируя свое неприятие этой подмены.

«Вам известны такие понятия, как гены, генетика?»

«В общих чертах, – недовольно проворчал барон, давая понять, что идея с подсадным молодым фюрером по-прежнему кажется ему бредовой. – В самых общих».

«Что не удивительно. Как и всякий иной германец.

«Я, Ваше Величество, – моряк».

«В таком случае, попытаюсь объяснить вам самым доходчивым способом. Наша наука позволяет сотворить генетического, кровного двойника любого из нас, используя для этой цели особые частицы нашего с вами тела. В рождении вашего сына участвуют двое; вы и ваша супруга, само участие которой уже предполагает наличие иной крови, иной, возможно даже расовой, наследственности, иных черт характера. При том искусственном взращивании вашего сына, которого предполагает наша наука, участие чужой крови исключено. В данном случае ваш сын становится вашим абсолютным кровным двойником, при этом ему самым естественным путем передаются ваш характер, ваши наклонности и, в значительной степени, даже ваши знания и ваши жизненные и политические взгляды. В то же время, программируя развитие этого клона, мы отсекаем наследственные болезни, приобретенные вредные привычки и наклонности, изменяем физическую структуру тела, делаем двойника способным к продолжению рода. Как считаете, это меняет суть дела?»

«Если все, что вы говорите – правда, то да, конечно же, меняет!»

«Такое толкование способно убедить вашу элиту в том, что речь идет не о двойнике-чужаке, наподобие тех, которых вы уже приготовили для своего фюрера, а об истинном продолжателе

рода и дела фюрера».

«Страна атлантов готовит для Рейх-Атлантиды именно такого двойника – фюрера, который способен будет полностью заменить Адольфа Гитлера и который по существу дарует ему бессмертие».

«Однако произойдет это нескоро».

«В первые годы вам, очевидно, придется обходиться двойником, которого вы себе сотворите сами. Возможно, мы даже поможем вам в его сотворении. Однако предупреждаем, что вы никогда не видели здесь двойника фюрера и никогда не слышали от нас тех разъяснений, которые мы вам только что дали. О появлении здесь некоего молодого фюрера пока что не должен знать никто, в том числе и сам… фюрер. Считайте это проверкой на вашу верность обету вечного молчания»,

«Если это настолько секретно, тогда почему об этом знаю я?»

«Потому что именно вам предначертано быть Хранителем Священных Истин Рейх-Атлантиды, вам предстоит быть начальником службы безопасности новой империи, а также ближайшим советником императора Адольфа Великого, Мы придерживаемся мнения, что такой человек, как вы, должен знать все, в том числе и то, что может и обязан знать только он один. Это значительно облегчит наше общение с вами и наше влияние на ход событий в Рейх-Атлантиде».

«Тем не менее мне непонятно, почему избран именно я. Мое появление сначала на борту "Швабенланда", затем на борту субмарины "Атлантис" и, наконец, здесь, в Золотой Пирамиде Солнца, – это воля случая или же за этим стоит какой-то специальный отбор?»

«Разве Консул Шамбалы не объявил вам, что в ваших венах течет кровь одного из прародителей германского племени князя Германориха, являвшегося сыном князя Ария Германика, который привел одно из арийских племен к Дунаю?»

Барон взглянул на Консула, но тот лишь едва заметно кивнул. Что значил этот кивок, фон Риттер так и не понял.

«Мы не касались этой темы, – ответил он как можно дипломатичнее. – И то, что вы только сообщили… Нет, я, конечно, знал, что мой род очень древний и что по мужской линии он восходит к одному из княжеских родов остготов. Однако не предполагал, что в этом мире существует кто-то, кто проследил бы его восхождение до древних ариев и в том числе до рода Ария Германика, о котором, признаюсь, я не имел чести слышать. Насколько я понял, ваши архивы значительно богаче и древнее, нежели кто-либо из современных просвещенных европейцев может себе представить».

«Совершенно справедливо. Пока вы там, в своих академиях

наук, по крохам собираете любые сведения, касающиеся фондов якобы погибшей, навсегда утраченной Александрийской библиотеки, мы с пользой для своего общего развития приобщаемся к ее тайным писаниям. Кроме того, наши архивы насчитывают сотни тысяч всевозможных древних текстов, раскрывающих тайны цивилизаций ассирийцев, вавилонян, египтян, ацтеков, майя… То, что хранится сейчас по вашим книгохранилищам и запасникам музеев, – лишь жалкие крохи всего того цивилизационного наследия, которым обладаем мы. И если время от времени вы вдруг слышите, что-та или иная редкостная находка археологов бесследно исчезла, или же "осела в сейфе некоего богатого коллекционера, пожелавшего остаться неизвестным", можете не сомневаться: в большинстве случаев эти раритеты оказываются именно там, где они действительно могут быть по-настоящему изучены и где их способны сохранить, для грядущих поколений»…

– Не прими, океан, душу мою! – только и мог выпалить командир «Швабенланда».

– Что вы сказали?

– Я сказал, что восхищен услышанным.

– Странная формула выражения своих чувств. Машина, которая трансформирует слова и мысли, с трудом расшифровывает некоторые ваши выражения. Однако мы отвлеклись. Вы сказали, что восхищены услышанным…

– Оно проливает свет на многие загадки нашей цивилизации. На очень многие. Я потрясен. Оказывается, существует совершенно неведомый нам, европейцам, мир, который развивается независимо от нашего мира, значительно опережая его.

– Однако вы не получили ответа на еще один свой принципиальный вопрос, – вслух произнес Правитель. – Вас интересовало: когда именно мы заметили вас и начали готовить к этой антарктической экспедиции.

– Для меня это действительно важно. Я хочу понять, что происходит… Почему вы остановили свой выбор на мне?

– Хорошо, я отвечу на этот вопрос. Но впредь вы не сможете получать ответы на все вопросы, связанные с тайнами Страны атлантов, Рейх-Атлантидой и даже лично с вами.

– Мне, солдату, это понятно. Существуют приказы, которые необходимо выполнять, не задавая лишних нопросов.

– Как можно меньше вопросов, – решительно напутствовал его Посланник Шамбалы. – Кстати, напомню, что вы обязаны предупредить фюрера: все райские пустоты в глубинах Антарктиды будут находить «случайно», преподнося это даже,

очень узкому кругу высших чиновников как неожиданные открытия, а главное, усердно делать вид, что никого, кроме ваших германцев, в этих пустотах никогда не было и быть неможет. То есть Рейх-Атлантида обязана будет развиваться по своим законам и традициям благодаря своему собственному-научно-техническому потенциалу, со своими вождями и своими проблемами. Иное дело, что время от времени, во снах или в дневных озарениях, ваши ученые будут получать от нас в виде подарка новые «таблицы Менделеева» [75], которые они станут выдавать за свои гениальные открытия.

Он умолк, и барон фон Риттер несколько секунд терпеливо ждал, когда он то ли разовьет свою мысль, то ли удосужится ответить на вопрос, который очень волнует лично его, Странствующего Бездельника. Когда же понял, что Посланник Шамбалы забыл о нем или дипломатично уклоняется от ответа, позволил себе напомнить:

– И все же… Если вернуться к моей скромной персоне…

– Помню-помню, барон. Вы попали в поле нашего зрения сразу же, как только осуществили свою первую арктическую экспедицию. Поскольку уже тогда мы знали, как скоро нам придется прибегать к спасению европейской элиты.

22.

Октябрь 1943 года.
Германия. Падерборн.
Земля Северный Рейн-Вестфалия.

…Между тем трапеза в «Рейне» продолжалась. Чревоугодно священнодействуя над копчеными ребрышками по-мюнхенски, Скорцени вновь, как бы невзначай, вспомнил о судьбе пилота Шульрихтера, одного из тех, кого по праву мог, называть теперь первооткрывателем Рейх-Атлантиды, И был,удивлен, обнаружив, что даже после повторного упоминания этого имени доктор Ридэ никак не отреагировал на него. Мало того. Ридэ просто-таки демонстративно давал понять, что не хотел бы возвращаться к истории этого человека, даже в обмен на ресторанное угощение – столь щедрое в условиях войны и полуказарменного пайкового содержания.

– И все же, в каком из лагерей прикажете искать теперь нашего общего знакомого, обер-лейтенанта Курта Шульрихтера? – наконец не удержался Скорцени, который терпеть не мог, когда кто-то пытается испытывать его нервы. – Этого незабвенного Магеллана Новой Швабии?

Ридэ удивленно уставился на Скорцени, и на устах его впервые заиграл проблеск чего-то такого, что могло бы напоминать улыбку, если бы только она зарождалась не на этом бледном, почти изможденном лице, слишком уж не гармонировавшем со спортивной фигурой хранителя.

– Считаете, что его следовало бы искать в одном из лагерей? – приглушив голос, переспросил он. – Что вы, штурмбаннфюрер?! Это было бы слишком опрометчиво.

«Геринг уничтожил его, чтобы никто не узнал, что именно он изъял из досье "Базы" некие документы? – усомнился Отто. – Нелогично. В гестапо мигом выяснили бы это у его преемника».

– То есть вы уверены, что покорителя Антарктиды, Магеллана Швабии, жертвенно сожгли в крематории? Так сказать, ублажили языческих богов, ведающих полярными землями?

– Это и в самом деле похоже на некое жертвоприношение, но уже далеко не языческое, а, скорее, нордическо-арийское. Именно так, новейшим нордарийским жертвоприношением, я и назвал бы его. Жертвоприношением, с которого зарождаются мифы новой, нордической, будем именовать ее так, религии, – слишком витиевато подступался к своему повествованию доктор Ридэ. И уже в который раз Скорцени отмечал про себя, что речь этого полудезертира представляется вполне интеллигентной и

достаточно образованной.

Иное дело, что, слушая ее, самого доктора Ридэ предпочтительнее было бы перед собой не видеть, дабы не впадать в искушение задаться вопросом: «А не бредни ли это местного выпивохи, решившего немного поупражняться в остроумии и фантазии под кружку-другую дармового пива?» Или же попросту послать его к черту. Что Скорцени, собственно и сделал. Но в ответ услышал:

То есть, проще говоря, Шульрихтер теперь уже там, откуда не возвращаются.

– Но так говорят о небесах.

В «Аненербе» так говорят о «Базе- 211», – великодушно просветил его хранитель.

– До сих пор мы были убеждены только в существовании небес. Теперь мы не смеем усомниться в существовании ада.

– Но-но, Ридэ не забывайтесь – незло напомнил ему Скорцени. – Все таки речь идет о будущем рейха. Кем был издан приказ о том, чтобы ни один человек, ступивший на льды Новой Швабии?…

– Герингом. «Ни один человек, который каким-либо образом, с любой миссией, оказался в подземном городе Новой Швабии, не имеет права вернуться в Германию» – так звучит этот жесточайший из приказов, изданный им в мае 1940 года.

– Значит, у истоков Новой Швабии действительно стоит Геринг? Кстати, как в таком случае быть с моряками субмарин «Фюрер-конвоя»? Их тысячи, и они прибывают каждые три месяца.

– Это было предусмотрено. Часть грузов складируется прямо на лед, и забирают их рейх-атланты…

– Вы сказали: рейх-атланты? -прервал его Скорцени.

– Да, рейх-атланты, а… что?

– Именно так они и называют себя?

– По крайней мере, так называют их между собой командиры субмарин, которых дальше причалов «Базы-211» местная охрана, к сожалению, не пускает. Под страхом смерти, как на самый секретный военный объект.

– Каковым он, в сущности, и является,-вынужден был признать Скорцени. Определяя систему охраны Рейх-Атлантиды, он наверняка сделал бы ее такой же жесткой. – С какими бы идеями мы ни приходили под материк и льды Антарктиды, осуществить их сумеем только в том случае, когда добьемся почти невозможного: до конца войны любой ценой сохраним в тайне месторасположение нашей Рейх-Атлантиды. Если же это не удастся, наши враги ворвутся в арктический Эдем, чего бы им это ни стоило. И никаких псалмопении по этому поводу, доктор Ридэ,

никаких псалмопений!

Адъютант Родль сразу же уловил, что штурмбаннфюрер явно увлекся. Взглянув на хранителя, он обратил внимание, что тот весь как-то сжался, съежился, пытаясь понять, в чем была его ошибка, а главное, почему обер-диверсант рейха столь жестко отреагировал на нее.

– Продолжайте, доктор Ридэ, продолжайте, – как можно спокойнее подбодрил он рассказчика, которого просто-таки заслушался.

– Так вот я и говорю, что сами обитатели «Базы-211» иногда еще называют себя нордарийцами. А доставленные им грузы они увозят со льда уже после того, как субмарины уходят подводу.

– Что исключает личные контакты между рейх-атлантами и моряками, – согласно кивнул Скорцени. Рассказ Ридэ тоже увлекал его все сильнее и сильнее, и теперь обер-диверсант выслушивал его уже, как захватывающий миф о далекой ледяной стране и могучих подземных ариях-атлантах.

– Однако наиболее крупные и ценные грузы разгружают все же на той самой подземной базе, которую мы знаем под номером 211 и откуда уже сами рейх-атланты, не прибегая к помощи моряков, перебрасывают в столицу Рейх-Атлантиды город Арийбург.

– Значит, речь уже идет о столице? И столица эта – Арийбург? – Скорцени и Родль переглянулись и, забыв об остывающих копченых ребрышках по-мюнхенски, вновь уставились на доктора Ридэ.

– Кое-кто из рейх-атлантов все еще ностальгически называет ее Новым Берлином. Однако не думаю, что это название приживется.

– Они не желают, чтобы в названии их столицы было название столицы Германии? – теперь уже как можно спокойнее уточнил Скорцени, стараясь не повторять своей недавней ошибки.

– Если вы в самом деле хотите понять, что там сейчас происходит, то должны знать, что часть людей, особенно военных, пытаются все еще создавать это новое общество, воспринимая Рейх-Атлантиду как антарктическую колонию Третьего рейха. Другая же часть, которую решительно поддерживает и комендант Рейх-Атлантиды, он же комендант «Базы-211» вице-адмирал Готт, считает, что нацеливаться все же нужно на сотворение принципиально новой арийской расы, так называемых нордических арийцев. И что новое поколение, которое уже появляется в этом антарктическом Эдеме, должно воспитываться уже как поколение нордарийцев, а не как еще одно поколение рейха времен Адольфа Гитлера.

– Геринг знает об этом? – как-то слишком уж поспешно уточнил Скорцени.

– Но старается не акцентировать на этой проблеме внимание рейхсфюрера СС Гиммлера. Которого, -налег грудью на стол Ридэ, – побаивается значительно больше, нежели самого фюрера. Если он еще кого-то и побаивается в этой стране, то только Гиммлера.

– Но Гитлеру наверняка докладывали, какие тенденции там сейчас преобладают?

– Вот это-то и является для меня загадкой, – вновь откинулся доктор Ридэ на высокую дубовую спинку стула и, запрокинув голову, какое-то время молча изучал почерневшие и тоже дубовые своды ресторана. Они сидели в дальнем углу, отгороженные от остального зала массивной квадратной колонной, и никто из тех четверых господ, которые двумя парами сидели сейчас за столиками в другом конце зала, не обращали на них никакого внимания. – Именно позиция Гитлера является для меня сейчас чем-то непостижимым, – вернулся из своих подпотолочных скитаний Ридэ.

– Так, может быть, он далеко не все знает из того, что там происходит? – вновь прошелся ногтями по давнему шраму на шеке Скорцени.

– То, что известно ему далеко не все, – это несомненно. На радиосвязь с внешним миром «Ваза-211» выходит крайне редко, да и то с помощью особого шифра и только для связи с командиром очередной «волчьей стаи» субмарин «Фюрер-конвоя». Никто из высоких чинов рейха с инспекционными поездками Рейх-Атлантиду не посещает.

– Неужели никто? – усомнился Скорцени. – Трудно в это поверить.

– Во всяком случае, ни мне, ни обер-лейтенанту Шульрихтеру подобные инспекции до сих пор известны не были. Так что, возможно, вы окажетесь первым. Кстати, офицеры «Базы» в рейх тоже не прибывают. Моряки субмарин «Фюрер-конвоя» знают только то, что им позволено знать вице-адмиралом Готтом и службой безопасности «Базы», то есть парнями штандартенфюрера СС Альфреда фон Риттера. Но уверен, что Гейдрих, который, как мне говорили, решался говорить фюреру чистую правду и напрямую, докладывал ему о тенденциях, которые возникают на «Базе-211». И о влиянии на эти тенденции Геринга. Особенно, как считал Шульрихтер, Гейдрих недоволен был тем, как рейхсмаршал относится к эсэсовцам. К их главенствованию в Рейх-Атлантиде.

– Как же Геринг относится к ним? Он что, вообще не допускает их до службы на «Базе-211»?

– Во всяком случае, старается делать все возможное, чтобы на «Базу-211» попадало как можно меньше офицеров СС, а если каким-то образом и попадали, то из тех, кто не особенно склонен к обожествлению Гитлера и Гиммлера.

– Поэтому он формирует офицерский состав из летчиков люфтваффе, нынешних и отставных, которые склонны обожествлять его, Геринга, – ритмично покачивал головой Скорцени. – Таких, как преданный ему обер-лейтенант Курт Шульрихтер.

– Из пилотов и моряков – так будет точнее. Кстати, напомню, что предшественник нынешнего начальника Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбрунне-ра Рейнхард Гейдрих тоже начинал свою карьеру на военно-морском флоте. Кадетом он служил на крейсере «Берлин», которым в то время командовал капитан цур зее Канарис, ныне адмирал и шеф разведывательной службы германского верховного командования.

– Мне кажется, что в данном случае вы переусердствовали, – не сдержался Скорцени. – Понимаю, у вас давно не было столь внимательного и благодарного слушателя. Но Гейдрих – и крейсер «Берлин»… Лучше скажите, всезнающий наш, кого Геринг видит фюрером Рейх-Атлантиды.

– Этого я не знаю, – решительно заявил Ридэ, однако Скорцени нетрудно было понять, что это ответ сугубо дипломатический.

Может, себя?

– Этого я не знаю, – еще тверже ответил Ридэ.

– Терпеть не могу подобных категорических ответов: «Не знаю». Конечно, иногда приходится и так отвечать, но только не в вашем случае. Есть факты, есть аналитика, слухи, версии…

– Но ведь вам нужны не версии, а доказательства их.

– Тоже верно. Хотя вы уже начинаете меня разочаровывать. Еще один очень важный вопрос, на который вы не имеет права ответить однозначно и односложно. Бывал ли на «Базе-211» сам рейхе маршал Геринг? Мог ли побывать? И если не он, то кто из его людей, которые, вопреки его же приказу, вернулись, чтобы прояснить ситуацию, а главное, обрисовать перспективы?

– Я пытался выяснить это у Шульрихтера. Тот заявил, что сведений о посещении Герингом Антарктиды у него нет. Есть только сведения о том, что от кого-то из особо доверенных морских офицеров он получает из подземного рейха такую информацию, какой никто, кроме него, в рейхе не получает.

«Значит, у него есть свой канал, – принялся раскручивать эту информацию Скорцени, – своя агентурная сеть «Свои интересы в Новой Швабии. Идея Рейх-Атлантиды, очевидно, настолько

захватила Геринга, что он уже стал терять всякий интерес к тому, что происходит здесь, в гитлеровском рейхе»…

Лишь недавно, в разговоре с начальником управления внешней разведки РСХА Вальтером Шелленбергом, Скорцени с удивлением узнал, что, оказывается, у Геринга существовала собственная техническая разведка.

Нет-нет, речь шла не о разведке люфтваффе. Будучи официальным преемником фюрера, рейхсмаршал и начал вести себя, как подобает будущему фюреру. Объединив специалистов – авиаторов и военно-морского флота, рейхсмаршал создал организацию, которая называется «Научно-исследовательский институт Германа Геринга», или в быту – институт Германа Геринга.

Понятно, что «научно» и «исследовательский» – всего лишь вывеска. На самом же деле инженерные спецы института обладали самой новейшей аппаратурой, позволявшей им заниматься перехватом радиопередач и прослушиванием телефонных разговоров, с их записью, на всей территории Германии и на значительных территориях оккупированных стран. Но самое потрясающее, что неожиданно открылось технической службе РСХА, – что, оказывается, один из специалистов Геринга систематически прослушивал и записывал все междугородные и международные телефонные разговоры Гитлера. [76]

«Не может такого быть! – стало первой реакцией Скорцени на это секретное сообщение Шелленберга. – У нас, в Германии, такого просто не может быть!»

«На самом деле. Скорцени, вы хотели сказать, что такое возможно только у нас в Германии», – пощадил его Шелленберг.

23.

Январь 1939 года.

Антарктида. Внутренний Мир. Страна атлантов.

Барону фон Риттеру очень хотелось пройтись по лужайке у реки, постоять у водопада, полежать на местном пляже вместе со стройными белокурыми атлантками… Более месяца в океане это уже тот срок, который заставляет ностальгически тосковать по земным радостям даже его. ржавого морского якоря».

Однако, безбожно считав его мысли. Посланник Шамбалы лишь отрицательно покачал головой;

– Эго невозможно, капитан цур зее. Лунная ночь со знойными аборигенками на диком берегу Терры Новы отменяется.

– А хотелось бы знать, каковы эти белокурые красотки атлантки в постели, – произнеся это, барон вопросительно взглянул на Посланника Шамбалы, и во взгляде его прочитывался тот сакраментально-мужской вопрос, который фон Риттер не решался задать вслух.

– От обычных женщин отличаются разве что неутомимостью и необычайной силой. Наземному мужчине справиться с такой женщиной трудно. Еще одна особенность, достигая возраста тридцати-тридцати пяти лет, эти аборигенки останавливаются в своем развитии на оставшиеся четыреста с чем-то лет. Если учесть, что ни рожать, ни даже беременеть им не приходится, ибо рождением детей здесь занимаются специальные медицинские лаборатории, умеющие формировать идеальный плод, идеальную плоть и идеальный характер, то становится понятно, что атлантки не стареют, сохраняют свою сексуальную активность почти до преклонного возраста.

– Следовательно, и такого понятия, как семья, у них тоже не существует?

– Здесь практикуется вольный союз сердец, при котором секс приравнен к медицинским упражнениям, а инициатива в интимных связях принадлежит женщинам. И они своего шанса не упускают. Если мужчина без видимой причины отказал пожелавшей его женщине в сексуальном партнерстве, для него это может закончиться судом и недолгим правда, изгнанием в специальную резервацию, сопоставимую с земным тюремным наказанием.

– Жестоко, – проявил сугубо мужскую солидарность командир «Швабенланда».

– Но в общем мы имеем дело с настоящим раем: постоянный умеренный климат, с круглосуточной и круглогодичной

температурой не более двадцати семи градусов по Цельсию; кристально чистая, с постоянным химическим составом вода; сады с многолетними деревьями, дающими прекрасные плоды и прогнозируемые урожаи, строго определенная для каждого атланта диета; практическое отсутствие болезней и всевозможных дурных наклонностей, от которых наземная цивилизация буквально задыхается, и, наконец, любовь в райских кущах… Да, в земном понимании это настоящий рай.

* * *

Аппарат, на котором командира «Швабенланда» должны были доставить на поверхность континента, напоминал толстую сигару, уложенную на блюдцеподобную пепельницу. Барон сразу же хотел расспросить о принципах его двигателя и полетных характеристиках, однако Консул упредил его:

– Не здесь и не сейчас. И потом, вы ведь не специалист по летательным аппаратам.

Однако усаживать его в этот странного вида самолет Посланник Шамбалы тоже не спешил, давая возможность немного осмотреться. Аэродром оказался небольшим, он занимал всего лишь устланную сплошным базальтовым покрытием овальную площадку размером с футбольное поле, полукругом охваченное такой же базальтовой стеной. И восседали на нем всего лишь два сигарообразных самолета, у одного из которых Консул и задержал капитана цур зее.

– Я так понимаю, что это не центральный аэродром. – пред положил барон, понимая, что нарушает запрет на расспросы.

– Их несколько, в числе которых один базируется на семь километров выше, то есть на поверхности Антарктиды, и два -на дне океана. Как-вы уже поняли, этим штуковинам безраз лично, из какой среды взлетать и где приземляться: земля океан, космос, подземелье, кратер вулкана…

– Нам бы парочку таких, в роли истребителей.

– Появятся. Умудрились же вы в 1934 году тайно, по частям переправить из испанских и финских верфей на верфи Киля и Гамбурга двенадцать подводных лодок, и вплоть до конца 1936 года тайно хранить их в разобранном виде, дабы не пред ставать перед миром нарушителями Версальского договора [77].

– Согласен, в истории Германии был и такой факт. Мы кого-то ждем?

– Еще пару мгновений.

Едва он успел произнести это, как часть базальтовой стены бесшумно отошла в сторону и из черноты ангара одни за дру гим медленно вылетели четыре небольших солнечных диска Выстроившись над головами зрителей в ромб, они отлетели чуть в сторону, чтобы зависнуть над небольшим озерцом, рас положенным слева от аэродрома. А еще через мгновение из глубины озера поднялся еще один диск, размерами чуть побольше, и занял свое место в центре ромба.

– Похоже на звено истребителей, вылетающих на патрулирование территории страны.

– Так оно и есть. На патрулирование континента.

– Но ведь у вас здесь нет врагов!

Консул уже намеревался взойти по серебристому трапу на

корабль, однако, услышав это замечание барона, остановился Запрокинув головы, они проследили, как звено медленно и не слышно проплыло куда-то в сторону освещенных ярким сия нием горных вершин. Ни солнца, ни луны фон Риттер здёсь так и не обнаружил, однако уловил, что источник этого сияния, это искусственное солнце, располагается где-то в горах.

– Почему вы решили, что у нас нет врагов?

– Откуда им здесь, за тысячи километров от Волги, взяться? – мрачно пошутил фон Риттер.

– Вы не сумели вникнуть в ситуацию: они есть. Все чаще в воздушное пространство Земли вторгаются обитатели иных планет и параллельных миров. А позволю себе заметить, что некоторые инопланетные цивилизации в развитии своем ушли далеко вперед и, как утверждают наши ученые, обладают теперь летающими дисками пятого и даже шестого уровней – изменяющими свои формы, расчленяющимися на несколько кораблей и даже облачающимися в плазменную оболочку… Поэтому-то нам и понадобились вы – свежие силы, свежий воинственный дух германских арийцев, привыкших к бесконечным войнам; свежий интеллектуальный поиск. Тем более, что нам уже известно, что в лабораториях на базе в Пенемюнде появилось несколько интересных проектов военной техники, благодаря которой Германия тоже стремится войти в число космических цивилизаций.

– Чего правителям Страны атлантов не хотелось бы.

– Поначалу Высший Совет Золотой Пирамиды Жизни действительно решил повлиять на фюрера, некоторых ваших ученых и генералов таким образом, чтобы приостановить все эти разработки, дискредитировать их, умалить их достоинства и раздуть недостатки. И нам это удалось,

– На кой дьявол вам это понадобилось? Чтобы вырвать у нас победу над русскими и англичанами?

– Правильно, мы ее вырвем. Высшие Посвященные, как называют членов этого совета, испугались появления на планете цивилизации, равной себе по развитию. Вы, арийская элита Германии, нужны нам не там, на поверхности, в виде наших врагов-соперников, а здесь, во Внутреннем Мире, в ипостаси военных и научных союзников.

– И теперь вы всячески будете пытаться загнать нас сюда? – холодно вспылил капитан цур зее.

– Не загнать, полковник флота, не загнать, – цинично ухмыльнулся Консул» – а создать такие условии, при которых возможность передислокации сюда ваших баз, заводов и лабо раторий покажется вам высшим благом и единственным спасением. Но все это еще впереди. Пока что вашим подводникам предстоит «открыть» для себя и фюрера подземно-подводный мир Антарктиды и, соблюдая особую секретность, основать там обычную военную базу, в которой рейх нуждается, исходя из своих стратегических военных соображений.

– Считаете, что в ближайшие годы нам предстоит ввязаться в большую войну?

– Не «ввязаться», полковник, а развязать. Кстати, вам известно, что еще в прошлом году в Берлине состоялась закрытая конференция по вопросам обустройства и жизни в условиях больших пустот под ледово-грунтовым панцирем Антарктиды, в которой принимали участие некоторые ученые из института «Аненербе», нескольких университетов, а также представители штаба люфтваффе и Кригсмарине? [78]

– Одним из участников ее был Полярный Барон фон Готт.

– А не кажется ли вам странным, что ни один из германцев в этих подземельях еще не побывал, ни одна ваша экспедиция изысканий в них не проводила, а десятки ученых уже собираются на конференцию, посвященную жизнедеятельности в условиях этого подземного мира? При этом никто из собравшихся ученых так и не смог выяснить; откуда у докладчика появились сведения, которыми он оперировал, а сам докладчик ссылался лишь на особую секретность этих сведений и за-конспирированность их источника.

– То есть вы нас уже готовили к зтой экспедиции?

– О чем теперь уже нетрудно догадаться.

24.

Январь 1939 год».
Антарктида, Внутренний Мир. Страна Атлантов,
Борт дисколета.

Фон Риттер так и не понял, что ведет их «сигару», кто в ней в роли пилота и где он располагается. Они с Консулом сидели в небольшой каюте, в кресле пассажиров, и перед ними на бирюзовых экранах проплывали базальтовые и гранитные стены туннелей, по которым воздушный корабль уносил их к вершинам подземной Антарктиды. Но вот корабль на какое-то мгновение завис перед базальтовой стеной, а когда она отошла в сторону, как дверь ангара, он медленно вышел в земную атмосферу. В то же мгновение прозвучал какой-то сгранный щелчок, и в борту этого «сигаролета» образовалось несколько иллюминаторов.

– Слава тебе, Господи! Мы снова на земле! – не скрывал своих чувств барон фон Риттер.

– Логичнее было бы сказать: «Слава Повелителю Внутреннего Мира!» – заметил Консул, но сказано это было без особого упрека и пристрастия.

– Ему – тоже, – из вежливости добавил барон.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что они оказались на каком-то горном плато, окруженном высокими заснеженными вершинами гор. Однако на самом плато ни льда, ни даже снега не было.

– Очевидно, мы находимся где-то в районе горного массива Сер-Рондане, или массива Вольтат, – попытался барон по памяти восстановить карту атлантического побережья континента.

– Могу только сказать, что мы находимся а одном из неизвестных вам климатических оазисов, который почти круглый год затянут пеленой относительно теплого тумана, – проговорил Посланник Шамбалы, поднимаясь со своего кресла, – именно поэтому он почти не виден с воздуха. Впрочем, до сих пор ваши самолеты здесь все равно никогда не появлялись. Так что гауптштурмфюрер Эрих Крозетт может гордиться, он побывал здесь первым из современных землян.

– Он – здесь? – поинтересовался барон, также поднимаясь с удобного обволакивающего кресла.

В то же мгновение часть стенки салона каким-то странным образом распахнулась, и прямо перед собой командир «Швабенланда», увидел огромный летающий диск, в освещенном чреве которого по-сиротски ютился их гидросамолет «Кит».

«Они захватили наш самолет?! – прошел холодок по спине у

барона. – Что же тогда произошло с судном?!»

Тем временем корабль едва заметно качнулся и как бы накренился левым бортом, благодаря чему фон Риттер сумел разглядеть на земле, рядом с дисколетом, две почти крохотные фигурки, в которых без подсказки Консула барон вряд ли сумел бы признать командира гидропилотов Крозетта и фрегаттен-капитана фон Готта.

Увидев своего командира, офицеры радостно, по-детски

пританцовывая, замахали руками.

– И давно вы здесь, высокое собрание? – сурово спросил капитан цур зее, как только пилот «сигаролета» плавно «подрулил» к месту стоянки его офицеров.

– Уже с полчаса, – прорычал фон Готт. – При этом я так и не понял, есть ли в этой летающей сковородке хоть одна живая душа.

– Я так и не понял, как мы оказались внутри нее словно в чреве кита! – растерянно проговорил Эрих Крозетт. И не могу сообразить, где мы теперь находимся. Мы втроем – пилот Ансен остался в кабине самолета – отправились на поиски вас и вот…

– А главное, в качестве кого мы здесь находимся?! – продолжал рычать фон Готт, всегда очень болезненно переносивший любое вынужденное проявление своего бессилия. – Если мы в плену, то пусть нам так и скажут! И для приличия хотя бы отберут оружие. А то ведь я могу и не сдержаться.

– Успокойтесь, господа офицер, – появился рядом с фон Риттером Посланник Шамбалы. – Вы всего лишь наши гости. Причем слегка засидевшиеся.

По появившемуся, словно по мановению волшебной палочки, серебристому трапу барон и Консул спустились на гранитный грунт плато, и фон Риттер тотчас же оказался в объятиях своих подчиненных. Увлекшись встречей, они не заметили, как такой же, только не касающийся земли, а зависающий в воздухе, трап появился откуда-то из верхней части дисколета. Обнаружили его германцы только тогда, когда на него вышли трое пилотов в серебристых комбинезонах и без головных уборов – все под два метра ростом, русоволосые, с улыбками на красивых эллинских лицах. Причем первой в этой тройке была женщина, все же чуть-чуть выделявшаяся статностью фигуры и слегка удлиненными золотистыми волосами.

Когда экипаж остановился и, словно по команде, повернулся к посланцам рейха, из вершины летающего диска в воздух взметнулся мощный луч, который аккуратно прорезал в туманном куполе оазиса почти идеально ровный овал, посреди которого показался огненный круг по-летнему яркого, но по-

антарктически холодного солнца. Под лучами его оба «дисколета» и скафандры атлантов вспыхнули ярким серебристым свечением.

– Вы такие же арийцы, как и мы! – раздался над плато чем-то усиленный бархатный женский голос командира дисколета. – Нам приказано защищать и оберегать вас! Сейчас мы доставим вас н*а* побережье и высадим в десяти километрах от вашего корабля. Оттуда, чтобы не вызывать излишнего интереса команды корабля нашим знакомством, вы сможете долететь до «Швабенланда» на своем самолете.

Легкий, похожий на горно-швабский акцент делал голос командира дисколета еще более изящным и нежным. Говорила она, старательно выговаривая каждое слово, и, как показалось фон Риттеру повторяя их вслед за невидимым для них суфлером.

Она завершила свою речь и вместе с остальными членами экипажа вскинула руку в римском приветствии, таком знакомом офицерам рейха.

– Живи, Повелитель! – в один голос прокричали атланты.

– Хайль Гитлер! – вскинули руки в таком же приветствии германские офицеры, явственно ощущая, как породненность воинских приветствий органически сближает их.

Подчиняясь неслышимой команде, экипаж повернулся направо и, шагая в ногу, направился к кабине дисколета. Следуя его примеру, германцы тоже заторопились к своему военно-транспортному гидросамолету. Вся эта авантюра с пленением их командира и похищением летающим диском их гидросамолета завершалась «фронтовым братанием», что превосходило все их – одно мрачнее другого – ожидания.

– Вы видели?! – ликующе проговорил гауптштурмфюрер Крозетт, – у них такое же приветствие, как и у нас!

– Это они – из уважения к нам, – заметил фрегаттен-капитан. – Римское приветствие. Оно известно многим

– Вот только у атлантов, – попытался завершить их краткий диспут фон Риттер, – оно появилось еще в те времена, когда не существовало ни римских легионов, ни самого Рима.

– В таком случае, – изумился Полярный Барон, – следует считать, что римляне позаимствовали его у атлантов?

– А что в этом странного: мы же не постеснялись позаимствовать его у все тех же римлян-итальяшек, копируя бравых легионеров Муссолини.?

Фон Готт порывался каким-то образом поддержать этот, разговор, но в конце трапа шедший за ними Посланник Шамбалы задержал его и вручил пакет:

– Здесь ваш и госпожи фон Криффер паспорта, билеты и

подробная инструкция.

– Так это, значит, вы – Консул? – обрадовался фон Готт

– Как видите. Более подробное знакомство наше сейчас неуместно. Кое-какие сведения обо мне сообщит фон Риттер.

– Главное, что вы появились, а значит, все стало на свои места.

– Впредь будете действовать, только исходя из имеющегося здесь – постучал пальцем по пакету Консул, – предписания. От этого зависит и выполнение вами очень важного задания фюрера, и судьба Германии, и ваша личная безопасность. Вскрыть на корабле. Строго секретно.

Краем глаза взглянув на пакет, барон фон Риттер с удивлением увидел на нем двуглавого орла со свастикой в когтях, а под ним типографской готикой было выведено: «Берлин. Рейхсканцелярия, Канцелярия фюрера».

«Личные приказы фюрера в секретных пакетах рейхсканцелярии офицерам рейха стали передавать через посланников Шамбалы и прочих «медиумов»? – спросил он себя. – Что в этой стране происходит? Кто в ней в реальности правит?»

25.

Октябрь 1943 года.

Германия. Вилла «Каринхалле» в окрестностях Берлина.

Как оказалось, Шелленберг не случайно затеял разговор об институте Геринга именно с ним, Скорцени. Не решаясь раздувать, на радость врагам, конфликт с рейхсмаршалом до размеров всегерманского скандала, Гиммлер поручил своему подчиненному Шелленбергу взять это «весьма сомнительное заведение» под крыло VI управления Главного управления имперской безопасности. То есть того VI управления, которое бригадефюрер теперь возглавлял.

Но выяснилось, что принять решение – это одно, а вот реально отобрать у все еще официального преемника фюрера и все еще довольно популярного в германском народе рейхсмаршала Германа Геринга его шпионское детище – совершенно другое. И Гиммлер не нашел ничего лучшего, как послать Шелленберга на переговоры к Герингу.

Рейхсмаршал вежливо принял его на своей роскошной вилле «Каринхалле» в пригороде Берлина, все так же вежливо и внимательно выслушал его предложение и сказал: «Хорошо, я поговорю об этом с Гиммлером».

И лишь со временем Шелленберг понял, что на самом деле Геринг вежливо и вальяжно – как умел делать только он – послал его ко всем чертям. Гиммлер ждал неделю, вторую… Но, вместо того чтобы самому позвонить Герингу и с высоты своего положения попытаться полюбовно решить эту проблему он не находил ничего лучшего, как время от времени устраивать разносы Шелленбергу.

Ни на какой такой «разговор с Гиммлером» рейхсмаршал так и не пошел. А следовательно, воспринимать его поведение нужно было однозначно: перчатка брошена! Вот только ни Гиммлер, ни тем более Шелленберг поднимать ее не решались.

Не зная, как вести себя дальше, Гиммлер свирепел при любом упоминаний о Геринге и его институте, однако все еще ждал, что Шелленберг совершит чудо и убедит рейхсмаршала отречься от своего преступного творения. А на кого мог рассчитывать теперь Шелленберг? Уж не на него ли, первого диверсанта рейха Отто Скорцени?

– Я не знаю, решился ли в конце концов Геринг наведаться на «Базу-211», – ворвался в размышления штурмбаннфюрера голос Ридэ, – но мне хорошо известен его боевой девиз: «Новый рейх – новый фюрер!» Именно так: «Новый рейх – новый фюрер!» И я не

уверен, что сам фюрер, наш, старый фюрер, старого рейха, с этим девизом знаком; а если и знаком, то принципиально согласен с ним.

Откинувшись на спинку кресла, Ридэ победно взглянул сначала на Скорцени, затем на Родля, которого до сих пор старался в упор не замечать, и принялся алчно обгрызать копченые ребрышки по-мюнхенски. Он не сомневался, что сразил Скорцени этой своей осведомленностью. Как не сомневался и в том, что информация, которой он поделился с обер-диверсантом рейха, стоит не одной порции копченых ребрышек и не одной кружки пива. Просто пока еще его недооценивают, фатально недооценивают.

Конечно, он мог бы напомнить обер-диверсанту, что сведениями, которыми он, Ридэ, так щедро делится сейчас с ним, обладает еще только один человек, который никогда ими не поделится, разве что в гестапо, под жесточайшими пытками. И человек этот – Герман Геринг!

– Значит, все-таки Геринг, – задумчиво произнес Скорцени, подперев подбородок сложенными вместе кулаками – В любом случае это несколько упрощает ситуацию. Было бы значительно сложнее, если бы…- изо всей силы ударил он кулаком в ладонь, как в боксерскую грушу. То, что он сейчас произнес, Ридэ не предназначалось. Но в то же время Отто был очень признателен ему. Только благодаря «агентурным данным» этого полудезертира Скорцени по-настоящему готов был теперь к завтрашнему совещанию у фюрера,

– Теперь уже – да, упрощает. Особенно вам, подчиненному рейхсфюрера Гиммлера, – немного поколебавшись, подтвердил хранитель, внимательно наблюдая за реакцией героя нации.

И они оба прекрасно понимали, ЧТО именно скрывается за этими словами. «Не тот нынче Геринг, каковым он был в 1940-м, не тот! И не те у него теперь позиции в Третьем рейхе, [79]

– Так каков теперь девиз Геринга? – вдруг воинственно уточнил обер-диверсант – Новый рейх – новый фюрер»? Дьявол меня расстреляй!

– Я не должен забывать, что именно Геринг вытащил меня из лагеря, – покаянно молвил Ридэ…- Пусть даже и но настоянию барона фон Брауна. -

– А не он ли вас туда и засадил?

– Что вы сказали?! – замер с не донесенным до рта ребрышком доктор Ридэ. И в глазах его теперь уже отчетливо просматривались отблески ужаса.

– Окончательно обленившийся, потерявший интерес ко всем делам рейха, Геринг вдруг начал заниматься спасением некоего

инженера одного из оборонных заводов! Даже не пытайтесь убеждать меня в этом, Родль, – как всегда в подобных случаях обратился он не к собеседнику, а как бы только к своему адъютанту. Это был один из хорошо отработанных Скорцени приемов ведения полемики и допроса. – Ибо лично я – очень сильно сомневаюсь. Кстати, как фамилия и чин офицера гестапо, который по просьбе кого-то из приближенных Геринга спровоцировал эту драку?

– Унтерштурмфюрер СС Майбаум. Служил в Бремерха-фене.

– Родль, хозяин этого ресторанчика давно ждет, когда вы воспользуетесь его телефоном. Вы знаете, кому позвонить в управление гестапо и о чем говорить с нашим…

– … «Человеком из гестапо», – поднялся Родль, делая несколько прощальных глотков пива. – Прежде всего, следует связаться с этим нашим человечком из гестапо, пусть продемонстрирует верность и признательность.

Родлю явно нравилось такое решение Скорцени. Он ведь был не просто адъютантом, он прошел такую же подготовку,

на своей загородной вилле «Каринхалле». На самом же деле, по убеждению автора, он все еще удерживал реальный контроль над «Базой-211», стараясь не акцентировать на этом внимание фюрера и Гиммлера, которым, вплоть до конца зимы 1945-го, тоже было не до антарктической Рейх-Атлантиды, как и его шеф, и прекрасно понимал, что для них Ридэ – настоящая находка. Этого «инженер-боксера» во что бы то ни стало нужно пригреть и надежно держать «при ноге». И самое главное сейчас – продемонстрировать доктору Ридэ, что в лице Отто Скорцени он получает надежного покровителя, способного противостоять даже Герингу. Самому Герингу!

Судя по всему, рейхсмаршал не случайно остановил свой выбор именно на докторе Ридэ. Тот обладал хваткой настоящего разведчика и прекрасно, владел аналитическими способами мышления. Другое дело, что пока он запуган и частично деморализован. Но это пройдет.

– Говорите от моего имени, Родль. Я так понимаю, что парень давно рвется на фронт, так зачем отказывать ему в святом праве всякого солдата? В строевую часть СС его, командиром взвода. И как можно дальше на восток, для устрашения русских. Но… – остановил он адъютанта уже на полпути к двери, ведущей в апартаменты хозяина, – предварительно допросить. Основательно… допросить.

Дверь за Родлем закрылась, и на минутку за столом воцарилось такое напряженное молчание, словно сидевшие за ним решили во что бы то ни стало, подслушать, о чем там

адъютант будет говорить с «человеком из гестапо».

– Когда рейхсмаршал узнает, что начальником службы безопасности «Базы-211» назначен сам Отто Скорцени, – проговорил Ридэ, немного придя в себя от столь мстительного внимания штурмбаннфюрера, – он окончательно поймет, что его время прошло.

26.

Октябрь 1943 года;
Германия. Замок Викингбург
на побережье Северного моря.

– И все же их десять, Наубе! – почти торжествующе сообщил Дениц, не скрывая своего восторга.

– Как я и говорил.

– Почти невероятно: конвой вернулся без потерь!

– Не зря же эти субмарины входят в состав «Конвоя фюрера»!

– Значит, они действительно сумели пройти сквозь заградительные отряды флота союзников, – казалось,старался убедить самого себя в реальности того, что сейчас происходит в бухте, за стенами замка Викингбург, Дениц. – Во время этого похода мы не потеряли ни одной субмарины.

Главнокомандующий Кригсмарине почти с благоговением проследил за тем, как черное акулоподобное тело замыкающей субмарины вошло в бурунный след, оставленный предыдущим судном, и начало медленно продвигаться в сторону секретного дока.

– …Из «Конвоя фюрера», если позволите уточнить, мой гросс-адмирал.

– Что? – только теперь Дениц слегка повернул голову, но так, чтобы даже теперь не терять из виду арьергардную посланницу Рейх-Атлантиды, как все чаще называли теперь подземелья ледового континента возвращавшиеся оттуда моряки-субмаринники. Раньше в ходу было только название – Новая Швабия.

– Я позволил себе уточнить, что потерь нет только в «Конвое фюрера».

– А вы не могли бы выражаться поточнее, капитан-лейтенант?

– В «Фюрер-конвое» потерь, к счастью, нет, но они есть в рейдерском конвое, который встречал антарктидников у берегов Туниса

– Большие? Что вы, якорь вам в брюхо, молчите?! Насколько я помню, рейдерский конвой тоже состоял из «стаи».

– Это как оценивать. У берегов Туниса субмаринам-рейдерам, которые до этой встречи потерь не знали, пришлось принять на себя удар английской эскадры…

– Они для того и посланы рейдировать у берегов Африки, чтобы время от времени принимать на себя такие удары, а еще лучше – наносить их самим, – парировал командующий Кригсмарине, делая последнюю попытку сохранить то радужное

настроение, которое подарило ему возвращение двух стай «Фюрер-конвоя».

– …В составе которой были и надводные корабли, и субмарины, – все же довел до конца свой доклад адъютант-порученец. Как стало ясно из радиодонесения, командир рейдерского конвоя капитан цур зее Артур Каст решил подставить свою «стаю» и, приняв бой, увести англичан в сторону Азорских островов. При этом на начальном этапе их поддерживали только две-арьергардные субмарины «Конвоя фюрера».

– Хотя и коммодор Вилли Штауф, и командиры субмарин помнили: вступать в бой они имеют право только в самом! крайнем случае.

– Это как раз и был именно тот, крайний, случай, – взволнованно бросился защищать Наубе командира «Фюрер-конвоя». – Могла погибнуть большая часть нашего антарктического подводного флота И потом…

– Так все же, каковы потери рейдерского конвоя? – грубое вато прервал его гросс-адмирал.

– Две субмарины погибли, экипаж еще одной сумел дотянуть до побережья Испании. Командир ее утверждает, что, если ему пришлют бригаду механиков и кое-что из запчастей, субмарину можно вернуть в строй прямо там, в испанской бухте.

– Так верните, якорь вам в брюхо! – прорычал гросс-адмирал таким тоном, словно Наубе лично обязан был вернуть субмарину в строй, причем сделать это немедленно.

– Позволю себе заметить.

– Подите к черту, Наубе. Но по пути передайте: «Механиков послать немедленно. Используя любой имеющийся в нашем распоряжении самолет», – сдержанно проговорил Дениц, наблюдая, как последняя из субмарин заходит, наконец, в один из крытых, замаскированных под прибрежную скалу доков.

Эти доки были гордостью Деница. Английские летчики знали, что в бухту, прикрываемую со стороны Северного моря зенитными батареями, расположенными на островах Северо-Фризского архипелага, время от времени заходят субмарины. Однако на случай их налета начальник базы «Конвоя фюрера» держал у северного фиорда три старые- подводные лодки, служившие приманкой для пилотов.

Завидев звено англичан, командиры этой «стаи»-приманки приказывали своим канонирам открывать огонь и, прижимаясь к берегам/демонстративно уходили в сторону ближайшего острова, под прикрытие мощного зенитного дивизиона береговой обороны Кригсмарине. В большинстве случаев пилоты были убеждены, что

это и есть те осколки подводного флота, которые они обязаны уничтожить, и устремлялись за ними. Однако и эти субмарины вскоре уходили на глубину, под защиту скал, в то время как стайки катеров с зенитными орудиями на борту, прикрывая их, устраивали для англичан показательную «огненную карусель».

– Формированием бригады уже занимаются, – несколько запоздало отреагировал капитан-лейтенант Наубе, тоже засмотревшись на то, как, пропустив последнюю субмарину из Рейх-Атлантиды, три судна «стаи»-приманки устремляются к выходу из узкого фиордоподобного залива в сторону Северо-Фризского архипелага.

Английских самолетов все еще не было, однако командир «стаи» жестко выполнял приказ: «Когда "Конвой фюрера" входит в залив, субмарины-приманки обязаны совершать отвлекающий, демонстративный выход в море».

– Что же касается рейдерского конвоя и его потерь, – слегка приглушенным голосом проговорил главнокомандующий Кригсмарине, – то о них – забыть! Всем забыть.

– Я понял вас: всем забыть, мой гросс-адмирал. Когда приходит большой успех, нам не до подсчета потерь.

– Пока, на время, – не забыл уточнить Дениц. – И потом, у нас есть кому оплакивать потери.

– Именно так: на время. Не оплакивая потерь, мой гросс-адмирал.

«А ведь отныне это должно стать моим девизом… Девизом на родовом гербе: «Не оплакивая потерь!» – ухватился за эту, совместно с Наубе рожденную, мысль. – Рейх-Атлантида в эдемских подземельях Антарктиды – вот то, что должно стать смыслом твоей жизни, гросс-адмирал Дениц! То, чему действительно стоит посвятить остаток твоей жизни. Совершенно ясно, что после всех тех поражений и потерь, которые Германия познала на полях России и в прибрежных водах Западной Европы, победить ополчившихся против нас врагов мы уже не сможем. Однако, потеряв перспективу в идее военного покорения Европы, мы сотворили для себя новую, еще более заманчивую идею – создания подо льдами Антарктиды новой расы, новой Германии, новой цивилизации…»

– Не отправиться ли и нам в Антарктиду, Наубе? По-моему, самое время взглянуть на то, что мы там сотворили.

– Не время, мой гросс-адмирал, – неожиданно твердо возразил адъютант. – Пока что – не время, – а, выдержав на себе недоуменный взгляд Деница, продолжил: – Только пока вы находитесь здесь, на своем посту, Германия может быть спокойна, что где-то там, в Антарктиде, действительно появится нечто

подобное новой Атлантиде. Вы ведь знаете, как много людей недовольно тем, что мы растрачиваем свои военно-промышленные силы на создание Рейх-Атлантиды, в то время как они нужны здесь, на европейских фронтах.

– Что совершенно верно, обергруппенфюрер.

– Германия ценит вас, мой гросс-адмирал, не потому, что вы создаете подземный рейх в Антарктиде, а потому, что вы создали подводный флот в Германии. Располагая которым, мы способны сотворить хоть десять подводных рейхов. Я так понимаю, мой гросс-адмирал.

– Никогда не произносите подобные речи в присутствии Геббельса, капитан-лейтенант. Он похитит вас, превратив в своего личного секретаря.

– Я создан для того, чтобы быть адъютантом только у одного человека – человека моря и слова. И этот человек вам известен, мой гросс-адмирал.

– Верю, верю, Наубе. Да и кто, кроме вас, стал бы так обращаться ко мне: «Мой гросс-адмирал»?

В первые дни пребывания Наубе в должности адъютанта-порученца это не то чтобы раздражало Деница, а как-то смущало, порой даже ставило в неловкое положение.

Когда Наубе обращался к нему так в присутствии кого-либо их высоких чинов СД, абвера или вермахта, Дениц-чувствовал себя неудобно: слишком уж очевидным было подражание тому, как обращаются к фюреру Это еще и могло навевать на мысль о стремлении его, главнокомандующего Кригсмарине, претендовать на пост фюрера Великогерманского рейха.

Причем действительно навевало. Первым намекнул на это всесильный рейхсмарщал Герман Геринг, который к тому времени уже был председателем Имперского совета по обороне, и официальным преемником фюрера [80]. «Герингу- преемником! – воинственно оскалился Скорцени. – Кому, при здравом уме, могло прийти в голову подсунуть фюреру такого наследничка?

«Теперь в Кригсмарине уже принято такое обращение: Мой гросс-адмирал? – не без ехидства поинтересовался этот не в меру располневший «король спекулянтов» [81], как не раз в порыве раздражения называл рейхсмаршала люфтваффе сам Гиммлер.

«Теперь отдельные офицеры флота называют так своего главнокомандующего, – парировал Дениц. – И делается это без принуждения и подсказок»,

«Но так в рейхе принято обращаться только к фюреру, – вскинул подбородок и сделал безнадежную попытку подтянуть свой отвисающий живот Геринг. – Собственно, так обращаются к нему все, кроме, как я заметил, вас, мой гросс-адмирал».

«Так, господин рейхсмаршал, обращаются к тем командирам, которых искренне уважают!»

Дениц полностью разделял отношение Гиммлера к рейхсмаршалу. И хотя сам он никогда не позволял себе называть его «королем спекулянтов», поскольку вообще не позволял себе грубых высказываний в адрес кого-либо из должностных лиц, предпочитая придерживаться английских аристократичных манер; тем не менее, не воспринимал этого человека ни в каких его рейхс-ипостасях, особенно в ипостаси преемника фюрера.

Вот почему гросс-адмирал с душевным облегчением наблюдал за тем, как интерес фюрера к Герингу падает и как все реже фюрер упоминает о нем и как о рейхсмаршале авиации, и как о своем официальном преемнике. А ведь недалек тот час, когда Гитлер попросту не захочет слышать о нем.

«До сих пор вас называли Папой Карлом [82], мой гросс-адмирал, – резко завершил эту полемику, происходившую в ставке Вольфшанце перед началом совещания у фюрера, Герман Геринг. – И на вашем месте, я бы этим довольствовался».

«Вам теперь многим придется довольствоваться из того, чем раньше вы довольствоваться гнушались, господин Геринг», – отомстил ему Дениц.

Однако никакие замечания и предупреждения Наубе остановить не могли: он не скрывал, что для него фюрером является его гросс-адмирал. Никого иного в этой ипостаси он попросту не признавал.

Существуют люди, которые всю свою жизнь посвящают низвержению кумиров, но существуют и такие, кто всю свою жизнь посвящает их сотворению. Так вот, Фридрих Наубе как раз и принадлежит к плеяде кумиросоздателей. И с этим фактом приходилось мириться.

Возможно, Дениц все же заставил бы своего порученца обращаться в соответствии,с уставом, если бы знал, что Наубе играет на публику или же впадает в подхалимаж. Но он-то как раз был убежден в другом: Наубе попросту не способен «играть» и подхалимничать.

Узнав, что Дениц решился взять Наубе к себе в адъютанты-порученцы, удивленный командир крейсера «Нимфе» позвонил ему и убедившись,что слухи о неожиданном назначении бывшего обер-фейерверкера на должность адъютанта, с одновременным производством его в чин лейтенанта цур зее, – не досужий вымысел, так прямо и сказал: «Я бы на такой шаг не решился».

«Вы – не решились бы, – признал Дениц. – Я в этом не сомневаюсь».

«Неужели вы не видите, что этот парень простой и

бесхитростный, как ржавая морская рында? И находиться рядом с главнокомандующим флотом, представлять его…»

«Именно за это качество я его и ценю», – последовал ответ Деница, совершенно сбивший капитана цур зее с толку.

Впрочем, как оказалось, старый капитан был прав: и в том, что Фридрих признает, и в том что отрицает, он всегда остается убийственно, порой до неприличия, непосредственным и искренним.

27.

Январь 1939 года.
Антарктика,
Борт германского авианосца «Швабенланд».

Над Антарктикой все еще царило некое подобие лета, очередной день которого обещал облагоденствовать полярников ярким, но по-арктически холодным солнцем, ослепительным сиянием прибрежных ледяных гор и благородной белизной гордых айсбергов.

К средине дня здесь, на южной окраине благословенной Богом Атлантики, воздух прогревался до двух градусов выше нуля по Цельсию, а посему фон Готту с трудом верилось, что буквально в десяти минутах лета отсюда, за плоскогорьем Ричера, по-прежнему царила вполне приличная по европейским понятиям зима – с ледяной крупой вместо теплого августовского дождя, с морозами до тридцати и колониями бодрствующих пингвинов, выгуливающих свое потомство на ледяных пляжах заливов.

Поднявшись на корму, барон фон Готт пожелал счастливого полета обершарфюреру (оберфельдфебелю) СС Ансену и его штурману Герману Вельту, а затем проследил, как паровая катапульта выстреливает гидроплан системы «Dornier» в сторону моря Уэдделла. Там, развернувшись над открытой водной гладью, на которую у пилота «Кита» существовал спасительной шанс приводниться в случае неудачного запуска, Ансен помахал крыльями и ушел в сторону материка.

Это уже был четвертый полет гидроплана, во время которого штурман старательно запечатлевал местность на пленку фотокамеры «Zeis RMK 38» и каждые двадцать пять километров полета сбрасывал специальные металлические вымпелы – с тиснеными на них гербом и флагом рейха, надписью «Neuschwabenland», то есть «Новая Швабия», а также датой экспедиции [83]. Таким образом пилоты пытались застолбить как можно большую часть территории Антарктиды, чтобы сразу после окончания экспедиции, имея подробную карту местности, фюрер мог объявить ее «неотъемлемой частью территории Германии».

– Он ушел на континент? – услышал фон Готт позади себя голос Норманнии.

– Ушел.

– Слава Богу. Я почему-то настолько волновалась, что даже не решилась выйти на палубу, чтобы посмотреть на запуск. Боялась, что вдруг что-то случится.

– Обычный запуск, обычный полет, – пожал плечами

фрегаттен-капитан.

– Если забыть, что сразу же после возвращения «Кита» должен состояться наш «выход на арену».

– Вас это пугает?

– Мне настолько хочется поскорее выбраться из этой ледовой западни, что появился страх: вдруг с гидропланом что-то произойдет и наш полет не состоится!

Барон окинул взглядом ее охваченную меховой кожаной курткой талию, скользнул взглядом по выбивающимся из-под утепленной кожаной фуражки золотистым волосам и, вспомнив, что на судне он все еще является единственным обладателем тела этой «холодной нормандки», самодовольно хмыкнул:

– Если бы вы появились до выстрела катапульты, полет наверняка не состоялся бы. Мотор гидроплана, возможно, завелся бы, а вот пилот точно вышел бы из строя.

– Кому вы пытаетесь льстить, господин барон: мне или пилоту?

– Себе, обладателю немыслимо прекрасной женщины.

– Вот именно: немыслимо. С которой в этих богоугодных краях ни одна пингвиниха, ни в какое сравнение не идет.

Как ни странно это выглядело в глазах Теодора, но он все тверже убеждался, что нормандская графиня и в самом деле очень скептически относится к своей красоте и своим женским достоинствам, и барон никак не мог понять, когда эта самоубийственная недооценка в сознании Норманнии возникла и чем она была вызвана.

Весь прошлый вечер и почти половину ночи они вновь провели вместе. Это была еще одна «холодная ночь пылкой любви», как называла их антарктические зкстазы сама Норманния, – преисполненная эротической изобретательности и рассчитанная на полное истощение сил и ласк.

Но даже после, того как графиня фон Криффер ушла в свою каюту, Теодор еще какое-то время сладостно возрождал в своей сексуальной памяти её ангельскую, непорочно тугую грудь, ее аристократически развернутые покатые плечи, ее по-германски мощные, цвета слоновой кости и под слоновую же кость точеные бедра…

И не ощущал он в эти минуты грез ни столь обычного для себя постсексуального состояния опустошенности, ни усталости, ни даже элементарной удовлетворенности. И вины «холодной нормандки» в этом не было.

Пока она оставалась рядом, Теодор фон Готт еще мог ощущать какие-то симптомы пресыщенности, но стоило ей скрыться за дверью каюты, как он готов был бросаться вслед за

ней и, обуянный страстью и ревностью, от всего мира требовать: «Верните мне женщину! Верните мне мою женщину!»

– Вы хоть успели обстоятельно ознакомиться с инструкциями, содержащимися в переданном вам Консулом фюрер-пакете?

– Побойтесь Бога, графиня! – проговорил, фрегаттен-капитан, наблюдая, как, подбадриваемые горластым штабсобербоцманом, матросы осматривают и облачают в специальный чехол паровую катапульту. – Мы ведь вместе читали их.

– Если уж по-настоящему бояться Бога, то следует покаянно признать, что читать пыталась я, да-да, только я. Ваши же помыслы, господин Полярный Барон, были заняты чем угодно, вплоть до каких-то там портово-бордельных воспоминаний и моих невинно соблазненных бедер. Но только не мудрыми наставлениями Посланника Шамбалы и суровыми приказами фюрера.

Несколько мгновений они всматривались в глаза друг другу, как шаловливые влюбленные, и если и не предались пылким объятиям, то только потому что помнили суровый приказ командира корабля, на борту которого, оказалось пять женщин: «Никаких любовных интриг в каютах и никаких любезничаний па палубах и в пассажирском салоне! Под угрозой повешения на рее!»

Идти с ним в каюту Норманиня отказалась, и, уединившись, фон Готт вновь извлек из сейфа пакет. Судя по паспортам, он должен был сойти на латиноамериканский континент под именем германца испанского происхождения, специалиста по наскальной живописи доктора Севилио Кодара, а Норманния явится перуанцам в образе гляциолога и фотожурналистки, закоренелой саксонки Гёрты Менц.

Норманния действительно давно увлекалась фотографией, а в разведшколе это ее увлечение было возведено в ранг профессиональной обязанности. Притом, что она и в самом деле пыталась подвизаться на ниве журналистики и даже опубликовала добрых два десятка снимков в различных германских изданиях. Но самое любопытное, что появились они под кем-то подсказанным ей псевдонимом Герта Менц. А это уже помогало Норманнии легализоваться, найти оправдание тому, почему она пересекла границу под чужим именем.

Пилот гидроплана получил задание высадить их на плато у горы Борг, венчавшей антарктический горный массив Крауль, откуда атланты, и тоже на самолете, только уже своем, должны были перебросить диверсантов в Уругвай, в район мыса Пунта-дель-Эсте, на секретную базу рейха. Чтобы затем, легализовавшись, они на вполне законных основаниях могли

прибыть из Монтевидео в столицу Перу

А задание их заключалось в том, чтобы, не привлекая излишнего внимания, проникнуть в окрестностях городка Анданачи на горную виллу некоего доктора Микейроса, собирателя таинственных каменных плит, на которых неизвестная, находившаяся на грани гибели, цивилизация закодировала свои знания. Все пиктограммы должны быть старательнейшим образом сфотографированы, как обычным, так сказать, легальным, так и тайным мини-шпионским, фотоаппаратами.

Но это лишь часть задания. Плиты оказались разбросанными по труднодоступным вершнам и ущельям Анд; по горным плато и долинам Восточных, Центральных и Западных Кордильер. Знания, которые там закодированы, могли представлять большой интерес и для германских ученых, и для ученых Страны атлантов.

Но самое важное заключалось в том, чтобы не подпустить к этой каменной энциклопедии погибшей расы адептов тайного ордена «Стражи Земли», уже получивших задание уничтожить плиты, дабы зашифрованные в пиктограммах знания не были использованы нынешними нациями и расами во вред планете [84].

Идеальным решением этой проблемы, советовал фрегаттен-капитану Посланник Шамбалы, стало бы приобретение госпожой Гертой Менц этой горной виллы, вместе, собранными на ней плитами, в частное владение. С последующей передачей всех каменных посланий одному из музеев мира или консорциуму ученых, которые пожелают заняться их расшифровкой.

Барон фон Готт не сомневался, что в конечном итоге все эти плиты, которых, по предположениям, может насчитываться несколько тысяч, окажутся в хранилищах Страны атлантов. В которых уже, наверное, оказались чертежи и описания многих других земных открытий, образцы гражданской и военной техники, древние, давно «исчезнувшие» библиотеки и скупленные «коллекционерами, пожелавшими остаться неизвестными» произведения искусства.

Жаль, что фон Риттер оказался слишком скупым на подробности своего пребывания во внутреннем Мире. Барон фон Готт ощущал, что ему явно не хватает знаний о том, что представляет собой этот мир, как он возник и какова его истинная идеология.

Но еще большего сожаления заслуживал тот факт, что самому ему барону фон Готту, побывать в этом антарктическом эдеме не посчастливилось. И кто знает, не придет ли фюреру, Гиммлеру или Герингу в голову забросить его для разведывательной работы в эти подземелья. Вот где настоящий кладезь тайн всех погибших

и ныне сущих земных цивилизаций!

Однако разбираться во всем этом в его компетенцию не входило, Он, фрегаттен-капитан и гауптштурмфюрер СС Теодор Готт, получил личное задание фюрера и обязан выполнить его.

…Разбудил его суровый и в то же время слегка ироничный голос Норманиии:

– Это в таком виде вы встречаете женщину, барон фон Готт? Да к тому же умудрились уснуть, не взяв дверь каюты на защелку. Нет, капитан, как начальник службы безопасности вы меня окончательно разочаровали. И потом, хотела бы я знать, чем вы занимаетесь по ночам.

Приподняв голову, фрегаттен-капитан сонно осмотрелся и обнаружил, что уснул на застланной постели, в верхней одежде, оставив потный след от своей головы на конверте пакета,

– А действительно, чем я занимаюсь в этой каюте по ночам? – покачал он головой, стараясь развеять остатки сна. – Что вы молчите, графиня?

– У нас еще будет достаточно времени, чтобы выяснить это. А пока что приведите себя в порядок и соберите личные вещи. Пилот гидроплана радировал, что через десять минут он садится на воду и после дозаправки готов взять туристов, то есть нас с вами. Если, конечно, вы не передумали, мой фрегаттен-капитан, и вояж действительно состоится.

– Не передумал, – все еще сонно протирал глаза фон Готт. постепенно вырываясь из власти сновидений.

А сон и в самом деле выдался совершенно идиотским. Надо же, чтобы в теплой каюте, у берегов Антарктиды, человеку снилось, как много лет назад, на другом конце планеты, он замерзает на палубе того судна, на котором во время зимовки в Гренландском море, неподалеку от Западного Шпицбергена, он и в самом деле чуть было не погиб!

Если такие сны что-либо и предвещают, то что? Или же просто память выходит из-под контроля сознания и самовольно прокручивает киноленту жизни?

Впрочем, как бы там ни было, а теперь Полярный Барон чувствовал себя отдохнувшим и готовим к дальнейшим подвигам.

– Жду вас на палубе, мой капитан-фрегаттен, – умышленно искажала его морской чин Норманния, как, дурачась, уже не раз делала это во время «ночных секс-экспедиций».

– Вы даже не представляете себе, графиня, как это прекрасно, что я, наконец, улетаю из этого холодного ада.

– Прекрасно в этом только то, – поучительно просветила его графиня, – что вы улетаете из него вместе со мной, наш Полярный барон – герой и легенда германских полярных

исследователей.

28.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Первое, что сделал Скорцени, как только вернулся в замок Вебельсберг, это позвонил Герингу. Он прекрасно понимал, что нарушает субординацию; ни по чину своему, ни по должности звонить рейхсмаршалу он, конечно же, не должен был бы. Но в то же время он понимал, что ни Гиммлер, у которого давно натянутые отношения с шефом люфтваффе ни тем более Шелленберг звонить ему по «делу Скорцени» не станет.

Расчет его был прост: только недавно, вручая ему свой личный Золотой почетный знак летчика, Геринг навязывал дружбу и приглашал проведать его на вилле «Каринхалле», названной так по имени его первой жены. И потом, когда Геринг узнает, по какому вопросу он его беспокоит, то неминуемо будет поражен. Он уже привык к тому, что все, что делает Скорцени, он делает с благословения фюрера или, по крайне мере, с его молчаливого согласия. А значит, с благословения и при поддержке Гиммлера.

И если уж фюрер и рейхсфюрер СС решили воздействовать на него через первого диверсанта рейха, человека, который, получив приказ, не остановится ни перед чем, – то это уже «черная метка».

Трубку поднял сам Геринг. Странно, конечно, было осознавать, что в этот невоскресный день он находился не в штабе люфтваффе, а у себя на загородной вилле. Но и в штабе командования военно-воздушных сил, и в ставке фюрера с этим уже давно смирились.

– Господин рейхсмаршал, здесь Отто Скордени…

– Скорцени, вы?! – отреагировал Геринг именно так, как и должен был бы отреагировать.

– Мне нужно поговорить с вами по очень важному, государственной важности, вопросу – Все же Скорцени немножко волновался, но это был страх не перед Герингом, еще недавно вторым человеком в рейхе, а боязнь быть униженным резкой реакцией рейхсмаршала, его попыткой поставить зарвавшегося штурмбаннфюрера на место.

На том конце провода послышалось нечто такое, что Скорцени вполне мог истолковать как ироническое хмыканье.

– Ну, если вы, Скорцени, решили, что это действительно очень важно…

– Я могу говорить?

– Сможете. У вас будет несколько минут. Где находится вилла «Каринхалле» – вы знаете.

– Но я не в Берлине.

– Предполагаю, что в Вебельсберге. И предполагаю, что разговор ваш будет связан с темой завтрашнего совещания в Рыцарском зале замка. Вы ведь прибыли туда на самолете люфтваффе?

– У отдела диверсий РСХА своей эскадрильи пока что нет.

– Что является одним из его недостатков. Но об этом мы тоже поговорим. Ровно через пятнадцать минут один из моих самолетов возьмет курс на Падерборн.

Возражений рейхсмаршал ждать не стал. Положив трубку, он отрезал Скорцени путь к отступлению. А ведь штурмбаннфюрер всего лишь хотел предложить Герингу вернуть те страницы отчета, которые он изъял для ознакомления из папки «Базы-211», или же попытаться выяснить,где они находятся. Ну и, естественно, отдать в подчинение РСХА свой институт Германа Геринга. Это было бы всего лишь дружеское предложение, скорее совет, и для этого ему не обязательно было возвращаться в Берлин, а оттуда тащиться в «Каринхалле».

«Но коль уж Геринг настаивает, – сказал себе Скорцени, – окажем ему любезность. Визит – так визит».

В Берлине, у трапа самолета, его уже ждала машина Геринга. Один из порученцев рейхсмаршала, майор люфтваффе, первым отдал Скорцени честь, представился; «Бывший командир эскадрильи дальних бомбардировщиков майор Инген, открывая дверцу машины, доверительно сказал:

– Рейхсмаршал рад, что вы решили навестить его в «Каринхалле»…

– Надо же было когда-то.

– Именно вы, Скорцени. Он рад именно вам. Вы ведь знаете, что на вилле рейхсмаршал предпочитает видеть только тех людей, которых он предпочитает видеть только у себя на вилле.

– Опять вы говорите загадками, майор. Каждое ваше слово – как бомба с ночного бомбардировщика. – Скорцени вспомнил рассказы о том, что Геринг любит принимать у себя на вилле, облачаясь в тогу римского патриция, однако и тогда, и сейчас не поверил, что такое возможно. Ему попросту трудно было поверить в подобное шутовство. Особенно когда речь шла о подобном приеме Герингом офицеров СС. – Но… продолжайте.

– Что касается меня, майора Ингена, то я поражен операцией по освобождению Муссолини. На примере этой операции, можно готовить подразделения парашютных войск, – И, вальяжно усевшись на заднем сиденье, добавил: – Я даже предложил

рейхсмаршалу назначить вас командующим специальным корпусом парашютных диверсионных войск, который был бы включен в состав люфтваффю. Батальоны этого корпуса можно было бы тайно, на планерах, высаживать в тылу русских, парализуя все фронтовые тылы.

– Сами вы когда-нибудь пробовали высаживаться с планеров? – довольно сухо поинтересовался Скорцени.

– Что касается меня, майора Интена, то с планеров высаживаться мне не приходилось. Но я видел тот фильм, который был снят вашими операторами во время штурма отеля «Кампо Императоре». Это было впечатляюще. Именно тогда я и предложил рейхсмаршалу…

– И как же он это воспринял?

– Любую идею, которую предложил не он, Геринг воспринимает критически. Но уверен, что сегодня он изложит ее вам, как свою, естественно, по-маршальски осмыслив.

Миновав северную окраину Берлина, несколько строений которой уже было разрушено союзнической авиацией, водитель уверенно повел свою машину к небольшому, заброшенному между безлесными холмами, селу Скорцени не мог бы сказать, что местность ему нравилась, зато увенчанная мраморными колоннами двухэтажная вилла с входной, и тоже из белого мрамора, лестницей сразу же настраивала на удаленность от мирской суеты, самодовольствие и помпезную роскошь.

Гостиная, в которую привел его майор Инген, напоминала зал средневекового замка – массивные дубовые балки, старинного образца дубовая мебель, неестественно огромный, а потому сразу же кажущийся сугубо декоративным камин и толстый персидский ковер, укрывавший от глаз гостя лишь у самой двери видневшийся паркет.

Пока адъютант докладывал неизвестно где обитавшему в этих хоромах рейхсмаршалу, Скорцени сосредоточенно разглядывал линии облаченного в белый мрамор тела спартанского воина – в шлеме и при полном вооружении. Перемещенный в иную страну, иную эпоху и иную военно-философскую культуру, этот грозный, в восприятии древних эллинов, воин, прикрывавшийся небольшим круглым щитом и приготовивший к бою свой немыслимо короткий меч, – Скорцени всегда поражался тому, как можно было вооружать армию такими короткими мечами, а главное, как этими мечами можно было побеждать, – казался растерянным и беспомощным.

Но самое удивительное, что таким же растерянным и беспомощным предстал перед ним и рейхсмаршал Геринг: тесноватый пиджак, мешковатые брюки, серовато-бесцветная

рубашка, которая даже не предполагала наличия какого бы то ни было галстука…

– Вы, конечно же, ожидали увидеть меня в маршальском мундире, увешанном орденами, – уловил его слишком пристальный и слегка разочарованный взгляд Геринг.

– В тоге римского патриция, сандалиях, с лавровым венком на голове и маршальским жезлом в руке, – жестко обрисовал свое собственное видение «явления Геринга народу» Скорцени, при этом глаза его были преисполнены презрения, а на губах играла высокомерная ухмылка.

– Но вы не могли видеть меня…- начал было Геринг, но неожиданно запнулся на полуслове.

– Не мог. Да и вы, наверное, не решились бы появиться передо мной в таком наряде.

– Я привык именно к такой жизни, Скорцени, – довольно миролюбиво объяснил рейхсмаршал. – Это мой стиль. Очевидно, мне нужно было родиться где-нибудь между Римом и Венецией, причем во времена Нерона. Один из аннербистов даже пытался убедить меня, что в прошлой жизни я, наверное, был римским патрицием. И похоронен был в тоге.

– Можете оставаться им, но без маршальского жезла германских военно-воздушных сил,

– Лучше признайтесь, что рисовали вы мой портрет со слов бригадефюрера СС Шелленберга [85], умудрившегося сразу же настроить вас против старины Геринга.

– И не только с его слов, – невозмутимо подтвердил обер-диверсант рейха,

– Иногда я действительно появляюсь в таком одеянии перед теми, кого изредка приглашаю сюда.

– Перед всеми?

– Простите? – уперся руками в боковины своего не по-офицерски отвисшего живота обладатель виллы «Каринхалле»,

– Не могу понять, почему для меня вы сделали исключение, явившись в нормальном бюргерском костюме.

– Не хотел вас слишком удивлять.

– Разочаровывать.

– Что?! – мгновенно побагровел рейхсмаршал, и краем глаза Скорцени заметил, как, то ли нервно, то ли предупредительно закашлявшись, адъютант его конвульсивно ухватился рукой за кобуру.

– Вы уже должны были понять, что это не вызывало бы моего удивления, если бы, выходя к гостям в тоге и сандалиях римского патриция, вы при этом не держали в руке маршальский жезл.

– Вас это шокирует? – не ожидал такой прямолинейности

главком Кригсмарине.

– Просто до сих лор у меня было совершенно иное представление о достоинстве всякого маршала, а тем более – рейхсмаршала Германии, Совершенно иное, господин Геринг. – Сейчас в нем заговорил офицер СС, который требовал, чтобы

к нему относились именно так, как и следует относиться к сотруднику службы безопасности рейха,

– Вы странно ведете себя, Скорцени,

– Я всегда веду себя, исходя из обстановки.

По логике, рейхсмаршал должен был бы возмутиться, взорваться и выставить его из виллы. Но, конечно же, не решился. Очевидно, прав был Шелленберг, когда сказал, что «фюрер все больше отдаляет от себя Геринга, и окончательный разрыв между ними неминуем. Дал бы Бог, чтобы обошлось при этом без арестов и ненужного кровопролития» [86].

Картина действительно получалась странная. Вместо того чтобы яростно отбивать натиск первого диверсанта рейха, Геринг, в глазах многих его подчиненных генералов все еще казавшийся таким всесильным, теперь лишь удрученно пристыдил его:

– Я слишком уважаю вас, Скорцени, за то, что вы сделали для фюрера, рейха и дуче, чтобы высказывать вам свое недоумение. Хотя вы вполне заслуживаете негодования.

– Прошу прошения, рейхсмаршал, однако я прилетел сюда из Вебельсберга не для того, чтобы выяснять наши отношения, а тем более – обсуждать ваши загородные наряды, разговор о которых вы же сами и завели. Разве не так? – ничуть не смутившись его обидами, продолжил разговор Скорцени.

Но в то же время слова «Прошу прощения» вроде бы прозвучали, а значит, какое-то подобие вежливости и Чинопочитания все же было соблюдено.

– Тогда какого черта?… – начал было Геринг, однако Скорцени как можно вежливее прервал его:

– Не забывайте, партайгеноссе Геринг, что я прибыл по вашему личному приглашению. Так что где, с вашего позволения, партайгеноссе Геринг, мы могли бы присесть, чтобы обсудить несколько принципиальных вопросов?

Пораженный его натиском, главком люфтваффе удивленно оглянулся на стоявшего чуть позади и справа от него адъютанта, как бы спрашивая у него: «Ты-то хоть что-нибудь понимаешь во всем том, что здесь сейчас происходит?» – однако, не получив от майора никакого вещего знака; с трудом открыл перед штурмбаннфюрером тяжелую дубовую дверь.

– О важных делах рейха я привык беседовать в своем домашнем кабинете.

29.

Октябрь 1943 года.
Германия. Замок Викингбург
на побережье Северного моря.

Как только гросс-адмирал спустился в свой кабинет, ожил телефон и в трубке послышался прерывистый командно-рявкающий голос личного адъютанта фюрера обергруппен-фюрера Шауба [87].

– Фюрера интересует, вернулся ли из похода в Антарктиду «Фюрер-конвой»? – как обычно, в своей манере, не прибегая ни к каким вступлениям и объяснениям, произнес он.

– Десять субмарин. Два отряда. Без потерь. Только что, – отчеканил Дениц.

– А сколько всего должно прибыть? – удивленно поинтересовался личный адъютант фюрера.

– Еще столько же.

– Так и доложить? – неуверенно уточнил Шауб, побаиваясь, как бы Дениц не предался одной из своих портово-кабачных шуточек.

– Если, конечно, им удастся пройти сквозь заградительные отряды противника без потерь.

– Что, действительно двадцать субмарин? – не скрыл своего удивления Шауб. – Это же целая эскадра!

– Еще десять подлодок остаются у берегов Новой Швабии, посменно осуществляя охрану ее морских границ и рейдируя на подступах к ним, – решил окончательно поразить его главком Кригсмарине.

– Так вот почему в последние дни фюрер так подолгу принимает у себя этих хиромантов из гиммлеровского института «Аненербе» и так подолгу застаивается над картой Антарктиды, которую прячет всякий раз, когда кто-либо… Впрочем, извините, гросс-адмирал, сейчас это не столь существенно, - неожиданно спохватился Шауб, понимая, что слишком увлекся, раскрывая секреты «фюрер-своры».

– Мы с вами оба понимаем, обергруппенфюрер, что вождь, очевидно, пребывает накануне какого-то очень важного решения, от которого, возможно, будет зависеть судьба германской нации, – вовремя пришел ему на помощь Дениц.

– Вы правы, господин Дениц, вы, как всегда, правы. Фюрер думает и решает за всех нас, за всю нацию.

«К сожалению, это действительно так. Он пытается думать за всех, и в этом трагедия и его как руководителя нации и

верховного главнокомандующего, и всех нас», – мысленно ответил ему главком Кригсмарине, сожалея, что не может, произнести эти слова вслух. Поэтому вслух он произнес только то, что важно было сейчас не столько для Шауба, сколько для фюрера:

– Главное, что нас с вами должно радовать сейчас, обергруппенфюрер, – что, несмотря ни на что, «Фюрер-конвой» в Германию все же прибыл.

– Об этом я и доложу фюреру, гросс-адмирал. Я доложу ему об этом!- почему-то все больше возбуждался Шауб, словно стал свидетелем какого-то сенсационного события. – Находитесь у аппарата.

Он уже давно положил трубку, а Дениц все пытался разгадать причину столь странного возбуждения адъютанта фюрера: то ли вождь Великогерманского рейха по каким-то причинам действительно очень ждал возвращения этой «волчьей стаи», то ли в последнее время Шаубу так редко приходилось радовать его приятными новостями, что рад осчастливить хотя бы этой?

В ожидании звонка фюрера гросс-адмирал подошел к окну и, скрестив руки на груди, какое-то время созерцал открывавшуюся ему часть бухты и западную сторону пронизанной штольнями подземной базы.

Предаваясь колдовскому ритму черных волн, размеренно ударяющихся в поросший густым кустарником пологий склон скалы [88], несведущему человеку трудно было предположить, что где-то в глубинах ее, в уходящих далеко под материк капонирах, притаилось два десятка субмарин; и что сотни военнопленных трудятся сейчас в этом подскалье, чтобы, углубив и расширив его, позволить лодкам заходить в штольни-доки, не всплывая, а значит, никоим образом не выявляя своего присутствия.

Дениц уже дал указание вызвать к себе для доклада командира экспедиции коммодора Вилли Штауфа и теперь нервно посматривал на часы. Ему очень хотелось, чтобы в момент разговора с фюрером коммодор уже находился в его кабинете, хотя и понимал, что рассчитывать на столь спешное прибытие Штауфа почти нереально. Как понимал и то, что коммодору несколько недель проведшему в чреве субмарины, сейчас не до походов к главнокомандующему Кригсмарине. Ему бы ощутить под ногами землю, надышаться свежим морским воздухом, полюбоваться видениями родной земли и, конечно же, ощутить рядом с собой тело какой-нибудь истосковавшейся по крепким мужским объятиям соблазнительной германки.

Закрыв глаза, Дениц блаженно вздохнул по тем временам, когда и сам он вот так же возвращался в порт Киля или Гамбурга,

в любой другой порт мира. Какие это были прекрасные часы ощущения земной тверди и своей собственной молодости! Но как же чертовски давно выходил он последний раз в море! Может, плюнуть на все, что здесь происходит, и тоже повести одну из «стай» к Новой Швабии? А что, пятьдесят два года… Всего лишь. Для настоящего «морского краба» это даже не возраст. Хотя какой смысл в подобных походах сейчас, когда идет война, и все порты Европы, в которые ты раньше мечтал зайти, давно превратились в порты врагов рейха?

«Просто в душе ты все еще остаешься просто моряком, – сказал себе Дениц, все еще стоя у окна-бойницы с закрытыми глазами. Ему казалось, что так – у окна, но не открывая глаз, – он лучше видит море, глубже ощущает и более контрастно воспринимает его. – Забывая, что моряк ты все же военный, а это не одно и то же, Тогда, в 1910-м, ты поступил в Имперское военно-морское училище в Киле, не особо придавая значения тому факту, что оно хоть и морское, но все же военное. А через два года тебя перевели в училище в Мюрвике, но тоже военно-морское. Тебе еще повезло, тебе пришлось побывать во многих портах и странах, не в пример многим твоим сверстникам» так все жизнь проведших на каком-нибудь минном тральщике, не выходившем дальше германских территориальных вод».

Усевшись в кресло у камина, Дениц с удовольствием откинулся на его кожаную спинку и положил ноги на журнальный столик. Это была его любимая поза, которую он редко мог позволить себе в рабочем кабинете в Берлине, но в которой с удовольствием благоденствовал *здесь,* в своей северной резиденции. Конечно же, здесь «растленно» действовал на него этот старинный, прекрасно реставрированный голландскими мастерами узниками камин, усаживаясь возле которого, Дениц начинал чувствовать себя устранившимся от каких-либо дел аристократом. И это он, сын скромного инженера-оптика из фирмы Карла Цейсса!

Впрочем, аристократизм Карл Дениц всегда воспринимал, не как наследственный дар, а как внутреннее состояние духа. А что касается Викингбурга… Существовало несколько серьезных мотивов, которыми он мог объяснить свою приверженность к этому замку на берегу Северного моря. Но даже самому себе гросс-адмирал слишком неохотно признавался, что на самом деле устремляется сюда не для того, чтобы,6ыть поближе к морю и базе «Конвоя фюрера», а чтобы отдалиться от всего того, что происходило сейчас в высших эшелонах власти в Берлине, Решительно отдалиться, якорь им всем в брюхо!

Еще до окончания учебы в Мюрвике его назначили вахтенным

офицером легкого, крейсера «Бреслау» и осенью того же 1913 года возвели в чин лейтенанта. Господи, а ведь это же было ровно тридцать лет назад! Отметить бы с теми, с кем уходил в свой первый поход. Вот только много ли их осталось?

В Первую мировую, в середине лета 1915-го, крейсер «Бреслау», который поддерживал тогда союзнический турецкий флот, подорвался на русской мине неподалеку от Босфора. Тогда Дениц чуть было не распрощался с морем. Нет, его не ранило, и со службы его никто не списывал, однако получилось так, что пока крейсер ремонтировали, Дениц вынужден был переквалифицироваться на пилота-наблюдателя и вести воздушную разведку в районе боевых действий в Галлиполи.

«А ведь первой миной, на которую ты как моряк нарвался, все же была русской! – вдруг открыл для себя глубинный, провидческий смысл этого давнего происшествия гросс-адмирал. – Хорошо, что тогда ты так и не воспринял это событие как вещий знак. Он мог бы тяготеть над всей твоей службой».

– Господин гросс-адмирал, – вырвал его из водоворота времени и ностальгических воспоминаний суховато-армейский голос адъютанта Наубе, – командир объединенной «стаи» «Конвоя фюрера» коммодор Штауф ждет вашего приглашения.

Дениц взглянул на капитан-лейтенанта, как на ворвавшегося в его тихую обитель варвара, тем не менее поднялся и медленно направился к столу. Однако не успел он опуститься в кресло, как в то же мгновение ожил телефон имперской связи и на том конце провода вновь послышался голос личного адъютанта фюрера:

– С вами, гросс-адмирал, будет говорить фюрер.

– Коммодора – сюда! – тотчас же приказал Дениц, прикрыв ладонью трубку. – Быстро!

По просторному кабинету Вилли Штауф проходил, как по палубе только что всплывшей подводной лодки. Приземистый, худощавый и по-кавалеристски кривоногий, он мог служить: наглядном пособием того, каким не бывает и быть не должен даже самый захудалый из истинных арийцев. К тому же это его лицо – помесь венгерского цыгана с внебрачным потомком какого-то, как выяснилось, «литовского татарина»… Не зря на флоте за ним закрепилась кличка Азиат, к которой, кстати, он относился как ко вполне приемлемой и соответствующей.

Зато подводником этот восточный пруссак был отменным: сдержанным, расчетливым и коварно безжалостным. Каким и должен быть ученик вице-адмирала фон Готта. Уж кем-кем, а своим Азиатом комендант Рейх-Атлантиды может гордиться.

Впрочем, Дениц и не скрывал, что специально назначает командирами конвойных «стай» учеников и соратников вице-

адмирала, чтобы хоть таким образом морально поддержать старика

30.

Январь 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Солнце зашло за тучу на самой вершине хребта, и какое-то время Севилио Кодар (он же Теодор Готт) и доктор Ми-кейрос напряженно следили за тем, как, приготовив кинокамеру, Норманния мечется над краем обрыва, между двумя скалами, нетерпеливо поджидая, когда солнце, наконец, снова выглянет.

В кинокамере, которой Норманнию снабдили на секретной германской базе в Пунта-дель-Эсте, еще оставался какой-то там метр пленки, и она, с упорством, присущим только профессиональным репортерам, стремилась увековечить на ней пылающий солнечный шар, багрово освещающий все это таинственное плато с загородной виллой и «священными» плитами. Каждая, из которых и в самом деле воспринималась Микейросом как послание некоей древней цивилизации грядущим поколениям латиноамериканцев.

– Не будем ей мешать, сеньор Кодар, -коснулся его плеча доктор Микейрос. – Коль уж для нее это так важно.

– Мы с сеньорой Менц собирались снять документальный фильм о жизни современных латиноамериканских индейцев, о которых в Европе и, в частности, в Германии знают очень мало; и вдруг узнаем, что в Анданачи живете вы, человек, который собрал множество… Кстати, сколько плит вам уже удалось собрать, доктор Микейрос?

– Более трех тысяч.

– Невероятно! Как собиратель, вы заслуживаете памятника…

– Или плиты, – мрачновато пошутил Микейрос, имея в виду плиту надгробную.

Доктору было за пятьдесят: худощавый, с удлиненным, аристократическим, но довольно изможденным лицом, он напоминал обедневшего странствующего испанского идальго, который решил возродить здесь, в далеких чужих горах, славу и величие своего древнего рода.

– Однако собраны не все плиты… – запустил пробный шар барон фон Готт.

– По моему убеждению, далеко не все. Если охватывать все области знаний, то можно предположить, что еще около двух тысяч плит не обнаружены, находятся где-то в частных коллекциях или же уничтожены. Когда я говорю о количестве плит, то исхожу из того, что некоторые пиктограммы поддаются

расшифровке только после того, как удается соединить вместе две, или даже три «священные» плиты. То есть авторы этих пиктограмм хотели, чтобы их знания достались потомкам только тогда, когда они сумеют их расшифровать, а значит, уровень их развития достаточен для того, чтобы этими знаниями разумно воспользоваться.

– И какова же история их происхождения? – спросил фон Готт, наблюдая как, увлеченная своим «фотографическим виденьем» пейзажа, Норманния то переходит от скалы к скале, то вдруг замирает на самом краешке плато» словно жрец – на вершине жертвенной горы, на которой вымаливает у неба помощи, прозрения, чуда. И это уже не было игрой на публику или профессиональным «отрабатыванием» своей диверсионной легенды.

– Пока что ясно только одно: научная элита неизвестного нам народа, представителей которого я условно называю «анданами», составила эти «свои» послания до того, как, стартовав с космодрома на плато Набраска, переселилась на другую планету, а возможно, на другой континент. К сожалению, ни на одной из расшифрованных мною и другими учеными плит никаких сведения об этом народе не содержится. И тут приходится лишь гадать: то ли они содержатся на тех, которые еще не расшифрованы, а возможно, пока еще и не найдены; то ли составители этих посланий упустили этот информационный блок из виду или же по каким-то причинам пожелали остаться неизвестными.

– А вам что-нибудь известно об обитателях Внутреннего Мира, то есть о древней цивилизации, которая обосновалась в подземельях Антарктиды, Канадского и Русского Севера?

– На уровне легенд. Если бы цивилизация собиралась уходить под землю или под океан, она не стала бы тратить колоссальные физические, интеллектуальные и финансовые усилия на сотворение десятков тысяч пиктограмм, на исписывание нескольких тысяч «священных» длит. Даже трудно себе представить, какую массу камнетесов и резчиков следовало усадить за эту тяжелую работу; сколько нужно было заготовить плит и рабочих чертежей, чтобы подобную идею интеллектуального завещания можно было осуществить.

– Логично, Но почему вы держите их на территории виллы и в ее подвалах? Почему не привлекаете к ним внимание ученого мира?

– Видит Бог, я признателен каждому серьезному журналисту, каждому исследователю, который берется исследовать эти послания из прошлого. Не потому, что жажду Славы. Поверьте,

она мне уже ни к чему. А потому, что человечество должно знать о существовании сиих каменных посланий, заинтересоваться ими. А ведь есть люди, которые пытаются игнорировать сам факт существования посланий или же сравнивают их с примитивными наскальными рисунками древних индейских охотников. Это невежды, не желающие признавать очевидное и не стремящиеся прислушиваться к голосу коллективного разума.

Барон вежливо, но в тоже время сочувственно промолчал Они вошли в окаймленный высокой каменной оградой трехэтажный дом, который все в округе называли «Андским гнездом Микейроса», и остановились у открытого окна. Между двумя вершинами хребта, по ту сторону каньона, все еще зависала большая черная туча, но и сквозь нее можно было видеть, что солнце уже зашло за горы, а значит, время упущено. Норманния просто не могла не понимать этого, но, к удивлению фон Готта, упрямо продолжала стоять на том же месте, где они оставили ее, и, держа камеру наготове, казалось, и в самом деле ждала какого-то чуда.

– Мне почему-то верится, что эта женщина способна снять настоящий, большой фильм.

– Теперь я в этом тоже уверен, – барон фон Готт говорил это совершенно искренне. Он и в самом деле открывал в графине Норманнии талант фотографа и кинооператора. – Хотя, признаться, раньше немного сомневался. Да простится мне это.

– А вместе вы сможете написать прекрасную книгу. Ведь, в сущности, каждая из этих «священных» плит имеет такую историю – причем не древнюю, а современную, связанную с тем, кто и когда ее обнаружил, и как, с какими приключениями, доставил мне. Так что писать книгу или снимать фильм можно о каждой из них в отдельности.

31.

Октябрь 1943. Германия.
Вилла «Каринхалле»
в окрестностях Берлина.

Кабинет рейхсмаршала мог бы показаться довольно просторным, если бы не был так безвкусно заставленным кожаной, в светло-коричневых тонах выдержанной, мебелью: два широких дивана, рабочее и несколько гостевых кресел, даже массивный письменный стол – и тот почти весь, исключая разве что верхнюю доску, был обшит прекрасно выделанной коричневатой кожей. Шкафы, книжные полки, приставной и журнальный столики сработаны были, конечно же, из дерева, но тоже подогнаны под цвет кожи. И лишь большой серебря-ный макет устремляющегося ввысь истребителя совершенно выпадал из этой феерии грубого дерева и утонченной кожи.

– Шелленберг уже пытался вести со мной переговоры по поводу переподчинения моего научно-исследовательского института какому-то из управлений СД, Как я понимаю, вас привела ко мне та же проблема. – проговорил Геринг, грузно оседая в свое безразмерное кресло за столь же безразмерным столом, и только потом вальяжным движением руки указывая Скорцени на одно из кресел за приставным столиком.

– Этой проблемы уже не существует, – прогромыхал своим раскатистым басом Скорцени, глядя рейхсмаршалу в глаза,

– Вы так считаете? – отшатнулся на спинку кресла Геринг.

– Я проанализировал работу вашего института. Поскольку заниматься перехватом телефонных разговоров фюрера и остальных руководителей рейха отныне вашим людям запрещено под страхом виселицы, то все остальное, чем вы доселе занимались, не представляет сейчас для службы безопасности СС никакого интереса- Кстати, тратить государственные деньги на этот ваш институт, господин рейхсмаршал, тоже нецелесообразно.

– Что-то я вас, штурмбаннфюрер, не пойму: то, что вы только что высказали, – это ваше предположение или уже решенный вопрос?

– Вы ведь обещали Шелленбергу. что поговорите о судьбе своего института с рейхсфюрером СС Гиммлером, – как можно мягче и доверительнее произнес Скорцени.

– Шелленберг действительно просил меня об этом.

"Бригадефюрер тебя об этом не просил, – мысленно парировал Скорцени. поймав бывшего аса на элементарной лжи. –

Это было бы нелогично, поскольку прибыл он к тебе как раз по требованию Гиммлера. – Он доводил до сведения и требовал". Но вслух проговорил:

– И рейхсфюрер терпеливо ждал вашего звонка.

– Мне казалось, что у Гиммлера хватает проблем и без моего института,

– Смею вас заверить, господин рейхсмаршал, что, в свою очередь, Гиммлер тоже был убежден: после всех тех потерь, которые понесли наши доблестные люфтваффе, у вас тоже, и без института, проблем будет хватать. Именно поэтому он и пытался избавить вас от них. Я, конечно, понимаю, что вы готовы содержать этот институт на собственные средства. В таком случае возражений не последует.

– Это черт знает что! – долго и натужно поднимался Геринг со своего кресла, словно, израненный, вываливался из горящего бомбардировщика. – Сотрудники института давали такие важные сведения, которыми не раз пользовались и абвер, и службы Главного управления имперской безопасности, и лично фюрер.

– Давайте не будем вмешивать в наши дела еще и фюрера, – вновь агрессивно взбодрился первый диверсант рейха. – Ни Бога, ни фюрера. Тем более что вам уже достаточно ясно дали понять: без его санкции вопрос об институте Германа Геринга просто не возник бы.

Все, что Скорцени только что сказал, было чистой импровизацией. Ни с Шелленбергом, ни с Кальтенбруннером, а уж тем более – с Гиммлером вопрос о судьбе института Геринга он не обсуждал.

Но в то же время он ведь и не настаивал, чтобы институт был передан VI управлению РСХА. А высказывание по поводу того, что теперь уже институт не представляет для СД никакого интереса, он всегда готов списать на свое личное, как начальника отдела диверсий РСХА, мнение. Да и с кем Геринг может посоветоваться или проконсультироваться по этому вопросу, кому пожаловаться? С Гиммлером, по заданию которого Шелленберг, собственно, и вел с ним переговоры и который иначе как «королем спекулянтов» его сейчас не называет? Или, может, с Кальтенбруннером, с которым Геринг и так уже давно не ладит?

– И коль уж этой проблемы больше не существует, давайте перейдем к тому, что нас обоих по-настоящему интересует, – к судьбе Рейх-Атлантиды, судьбе антарктической «Базы-211».

– Я, собственно, уже давно не занимаюсь практическими делами этой базы.

– Именно поэтому фюрер поручил мне изучить все, что с ней связано, в том числе все исходные документы, которые

находились в секретной папке спецсейфа института «Аненербе» и касались основания «Базы-211». Из официального доклада фюреру хранителя этого сейфа стало известно, что некоторые наиболее важные документы изъяты вами для более детального ознакомления. Мне хочется надеяться, что они не гуляют по кабинетам института Геринга, что было бы вопиющим нарушением режима их сверхсекретности.

– Позвольте, о каких документах идет речь?

– О тех, которые представляют собой тайну рейха. Я понимаю, что сейчас вам некогда заниматься поиском этих документов, поэтому прикажите кому-то из своих надежных офицеров завтра, к одиннадцати ноль-ноль, то есть за час до начала совещания, которое проводит фюрер, доставить их в замок Вебельсберг. Под усиленной охраной и со списком лиц, которые имели удовольствие ознакомиться с ними. И завтра же, – все так же вежливо, но внушающе твердо продолжил Скорцени, – сообщите, пожалуйста, бригадефюреру СС Шелленбергу, куда он должен направить своих сотрудников для приема дел, связанных с институтом Геринга.

Все то время, пока Скорцени излагал причины своего появления на вилле «Каринхалле», лицо рейхсмаршала оставалось агрессивно-багровым. Хватаясь за подлокотники своего кресла, он то натужно и яростно приподнимался, то безнадежно опускался в него, напоминая пилота вошедшего в гибельное пике и уже неуправляемого самолета Гнев его вот-вот должен был вулканически вырваться из его располневшего «жерла», однако, всегда такой властный и презрительно вальяжный, маршал не находил теперь слов, в которые мог бы облачить свой гнев. К тому же, на него почти гипнотически воздействовали внешность и голос «самого страшного человека Европы, как уже поспешили назвать Скорцени некоторые журналисты.

Обер-диверсант не стал ждать, пока Геринг придет в себя. Это уже было ни к чему. Он поднялся и, не прощаясь, не попросив старшего по званию разрешения уйти, направился к выходу И именно то, что личный агент фюрера не стал дожидаться его реакции, а повел себя так, словно возражения просто не должно было последовать, вдруг выбило Геринга из седла. У него появилось, страстное желание задержать Скорцени, но вовсе не для того, чтобы устроить ему, как низшему по званию и положению, а чтобы… каким-то образом умиротворить его.

«Если фюрер решит, что настало время убрать тебя, как в свое время убрал фюрера СА Рема и многих его людей, – сказал себе главком Кригсмарине, – он, конечно же, поручит это

Скорцени». Поэтому заискивание, до которого он готов был пасть, было сродни заискиванию взошедшей на помост жертвы перед своим палачом.

Он наизусть помнил текст теплого задушевного письма, которое Гитлер прислал Рему в феврале 1934 года, чтобы усыпить его бдительность и скрыть подготовку к расправе с ним и всей верхушкой СА.

«Мне хочется высказать благодарность тебе, мой дорогой Эрнст Рем, за незабываемые услуги, – изъяснялся в своих чувствах к командиру штурмовиков новоявленный фюрер, – которые ты оказал национал-социалистскому движению… и объяснить тебе, насколько я благодарен судьбе, что могу назвать такого человека, как ты, моим другом и боевым соратником».

– А ведь вы, Скорцени, прибыли ко мне вовсе не для того, чтобы вести переговоры об институте Геринга и выказывать свое отношение к моему патрицианскому стилю жизни,

Услышав это уже у двери, Скорцени медленно, слишком медленно оглянулся.

– Естественно, не для этого. Ради этого я, конечно же, не стал бы сюда приходить.

– На самом деле вы хотели услышать от меня то, чего так и не сумели добиться от всех остальных людей, с которыми успели поговорить по поводу «Базы-211», – что же на самом деле представляет собой Новая Швабия.

– Если уж быть точным, то меня интересует не столько Но вая Швабия, сколько подземная Антарктида,

– А еще точнее – что собой представляет «База-211» и что мы, основываясь на этой базе, затеваем.

– Вы правы, – только теперь повернулся Скорцени лицом к рейхсмаршалу, – об этом я тоже спросил бы, если бы, конеч но, наш с вами разговор с самого начала сложился.

– Будем считать, что он сложился.

– Но мог бы и не спросить.

– Это не в ваших силах, обер-диверсант рейха.

– …Потому что на самом деле я пришел выяснить то, о чем вы, как я теперь понимаю, имеете такое же представление, как и я.

– Конкретнее, Скорцени, конкретнее. Вернитесь в кресло и объясните, что именно привело вас сюда.

Скорцени поблагодарил, вернулся в кресло, поудобнее устроился в нем и, поиграв желваками, опять взвесил Геринга оценивающим взглядом.

– Для меня совершенно очевидно, господин рейхсмаршал, что ни вы, ни Дениц или Гиммлер, ни даже сам фюрер – то есть никто

из вас конкретно – не являетесь теми людьми, которые определяют судьбу Рейх-Атлантиды как прообраза Четвертого рейха

Удивленно уставившись на него, Геринг сначала замер, а затем, упираясь ладонями о стол, начал медленно, натужно кряхтя, извлекать свое тюленье тело из преисподней мягкого кресла.

– Вы о чем это, штурмбаннфюрер? Решение о создании Рейх-Атлантиды, как вы изволили выразиться, принято лично фюрером. И доведено до узкого круга высшего руководства на секретном совещании.

– Вам прекрасно известно, господин Геринг, что все лица из этого очень узкого круга, включая фюрера и коменданта «Базы-211» вице-адмирала Теодора фон Готта, всего лишь исполнители, Я хочу знать, кто стоит за вами. Кто будет отдавать приказы и принимать решения, когда придет время определять: кому из вас погибать здесь, в Германии, как можно дольше отвлекая внимание от Рейх-Атлантиды, а кому направляться в подземный рай Антарктиды, чтобы там, в Новой Швабии, возглавить новый рейх,

– Вы что, действительно считаете, что существует кто-то, кому в этой операции подвластен даже фюрер?

– Что совершенно очевидно.

Геринг нервно отмерил на удивление мелкими, семенящими шажками расстояние от зависшего на взлете серебряного истребителя до двери и вновь вернулся к истребителю.

– Вы в этом убеждены, Скорцени? – заметно понизил голос главком люфтваффе. И штурмбаннфюрер понял, что он действительно поражен, причем самой постановкой вопроса.

– Абсолютно.

Геринг впал в какое-то не поддающееся оценке полузабытье, а когда с огромным усилием воли вырвался из него, совершенно искренне, доверительно признался:

– Я не могу ответить на этот вопрос, Скорцени.

– Не можете или не хотите?

– Я никогда не задумывался над этим.

– Охотно верю, – не скрывая своего разочарования, вновь поднялся Скорцени. – Теперь уже верю. И хотел бы напомнить вам о тех бумагах, которые вы изъяли из сейфа «Базы-211».

– Мне просто в голову такое не приходило, – проигнорировал его напоминание Геринг.

– Уверен, что приходило, – позволил себе не согласиться с ним Скорцени.

– Хотя, если исходить из высказанного вами предположения,

– все еще осторожничал он, – многое из того, что меня смущало, а то и откровенно поражало, теперь становится вполне объяснимым. Майор! – без всякой паузы позвал он своего адъютанта, а когда тот возник в проеме двери, распорядился: – Французского коньяку и что-нибудь из закуски. Сегодня у нас именно тот гость, которого мне давно хотелось видеть в нашей «Каринхалле».

– Могу засвидетельствовать, что вы давно, очень давно не отзывались так о ком-либо из своих гостей.

32.

Октябрь 1943 хода.
Германия. Замок Викингбург
на побережье Северного моря.

– Они прибыли, Дениц? – едва слышно спросил Гитлер. Это был голос старика, с надеждой спрашивающего, прибыл ли тот, с кем он хотел бы повидаться на смертном одре.

– Прибыли, мой фюрер.

– Коммодор Штауф уже представил свой доклад о походе?

– Только что вошел и стоит в двух шагах от моего стола, – гросс-адмирал старался говорить так же негромко и неспешно, как и фюрер. Ему казалось, что при такой манере вождю легче будет воспринимать сказанное и прочувствованное его собеседником.

– Я хочу видеть его доклад.

– Он будет представлен вам.

– Подробнейший. С вашими, Дениц, комментариями и соображениями. Вашими и нашего общего друга Скорцени.

– Простите, но Скорцени здесь нет, и в операции «База» он участия не принимал.

– Считайте, что уже принимал, гросс-адмирал, – решительно заявил Гитлер.

– Приму к сведению, мой фюрер.

В эти минуты Дениц почувствовал, что вождь нации откровенно гордится им же сотворенным героем этой самой нации. Возможно, Скорцени был сейчас единственным человеком, славе которого фюрер не завидовал. Во всяком случае, откровенно. Может быть, потому, что, как уже поговаривали в абвере, сам немножко побаивался его.

– Подробности, связанные с привлечением к этой операции моего личного агента Скорцени, – вновь, после небольшой паузы, заговорил фюрер, – мы обсудим при личной встрече. Завтра в четырнадцать мы встречаемся в замке Вебельсберг. Узким, очень, узким кругом.

– Завтра в четырнадцать ноль-ноль я буду в замке.

– Нам многое надо обсудить, Дениц. Иногда возникают решения, которые способны изменить сущность мира, повернуть шарнир времени.

Фюрер прокашлялся, и Дениц услышал в трубке его прерывистое чахоточное дыхание, которое легко можно было принять за дыхание отставного субмаринника. Выражение «шарнир времени» уже было знакомо гросс-адмиралу. Фюрер

употреблял его всякий раз, как только желал свести разговор к оккультизму, к «высшим посвященным», к великому предначертанию, определяющему его личную судьбу, а следовательно, и судьбу рейха.

– Именно благодаря тому, что фюрер и на сей раз решился прибегнуть к этому термину, главком Кригсмарине понял: завтра речь вновь пойдет о судьбе Рейх-Атлантиды. Только на этот раз фюрер, возможно, откроет те карты, которые до сих пор дипломатически припрятывал в рукаве.

Песочные часы истории рейха «отсыпали» секунду за секундой, а фюрер все так же продолжал испытывать телефонную трубку на ритм своего дыхания. Выдерживая его артистическую паузу, Дениц вопросительно поглядывал на замершего посреди кабинета коммодора Штауфа. В эти мгновения гросс-адмирал решал для себя, правильно ли он поступил, пригласив Штауфа в свидетели их разговора с фюрером, а если неправильно, то как бы поделикатнее выставить его?

– А вообще, что вы обо всем этом думаете, гросс-адмирал? – неожиданно спросил Гитлер именно в ту минуту, когда главком Кригсмарине уже был уверен, что сейчас он положит трубку

– Вы имеете в виду положение на фронте?

– События на фронтах интересуют меня сейчас менее всего, – неожиданно окреп голос Гитлера.

– Ну, если говорить о состоянии нашего военного флота…

– То, что происходит сейчас на фронте и в Германии, – не стал выслушивать его фюрер, – всего лишь поток событий в том мире, развитие которого давно остановилось. У этого мира, Дениц, нет будущего. Его уже попросту нет. А если что-то там, на горизонте, и проявляется, то оно слишком призрачное и слишком недостойное, чтобы полагаться на него как на будущее германской расы. Вы понимаете меня, гросс-адмирал?

– Во всяком случае, пытаюсь.

– Поэтому сейчас меня интересует не мнение любителей подсчитывать количество трупов по обе стороны фронта, – Дениц с удивлением отмечал, что голос фюрера становится все увереннее и тверже. Теперь это уже был голос оратора, голос человека, знающего цену каждому сказанному им слову, голос вождя. – Наши взоры должны быть обращены туда, во льды вечности, во льды, в которых законсервировано будущее новой расы, в подземелья, возрождаясь в которых, мы со временем станем обладателями мира и небесным повелением вселенной!

«Он явно произносит чьи-то слова, – понял гросс-адмирал, – но не исключено, что немножко перевирает их. Впрочем, вождю нации это простительно. Главное ведь не то, что вождь скажет

своему народу, а то, как народ истолкует слова своего вождя».

– Вы имели в виду наши устремления в Антарктиде, мой фюрер?

Услышав слово «Антарктида», Гитлер замер на полуслове, как зависшая над прибрежным мелководьем птица, подстреленная на взлете. Запнувшись на некстати прерванной мысли, он несколько мгновений держал астматическую «паузу субмаринника», а затем натужно выдохнул:

– Антарктиду, Дениц, именно так, Антарктиду! И теперь уже не имеет никакого значения, где мы, в конце концов, остановим наступление жидо-большевиков на востоке и как долго будем терпеть амбициозную европейскую гниль на западе. Важно только то, что сегодня, уже сегодня, мы заложим в подземельях Новой Швабии,какое семя уже сегодня мы посеем на, «высшими посвященными» указанной нам, расовой ниве!

Дениц нервно передернул плечами и еще больше напрягся. Он терпеть не мог подобных разговоров. Лучше бы фюрер напрямую спросил его о потерях на флоте или потребовал – как он это уже не раз делал – объяснений по поводу того, почему и надводный и подводный флота рейха все явственнее уступают английскому флоту. «Если Геринг, – орал он однажды, во время такого же, столь же безобидно начинавшегося, телефонного разговора, – напрочь проиграл англичанам войну в воздухе, то это еще не значит, что я точно так же позволю вам напрочь проиграть им войну на море!» Но тогда он, Дениц, по крайней мере, понимал, о чем идет речь. И чего от него пытаются требовать.,

Умолк фюрер совершенно неожиданно. Задохнувшись на какой-то фразе, фюрер мучительно долго прокашливался, а затем астматически вздохнул и, словно уставший от библейских мудрствований и собственных проповедей старый пастырь, вдруг обыденным, глуховатым голосом спросил:

– Так что вы обо всем этом думаете, Дениц?

– Только что из Антарктиды вернулись две «стаи» моих субмарин, – интонационно взорвался теперь уже гросс-адмирал. – Они прошли через все заслоны союзников, они пожертвовали несколькими судами из рейдерской стаи прикрытия, но прибыли сюда, на базу «Нордберг», чтобы, приняв на борт надлежащий груз, снова отправиться в Антарктиду. Потому что все мы здесь, на базе «Нордберг», – зачастил гросс-адмирал, опасаясь, как бы фюрер не прервал его, – воспринимаем все то, что по вашему приказу мы делаем в Антарктиде, – как участие в открытии Третьего фронта, способного спасти германскую нацию, сделать ее еще более жизнеспособной.

Дениц умолк и несколько мгновений ждал реакцию Гитлера; ему даже показалось, что фюрер положил трубку. И спасло гросс-адмирала от конфуза только то, что он уже не впервые сталкивается с подобной странностью фюрера: во время телефонного разговора тот вдруг надолго умолкал, причем как раз тогда, когда собеседник напряженно, со страхом и надеждой, ждал его реакции. И очень часто случалось так, что возобновлял он разговор, переходя на другую тему и оставляя своего собеседника в полной растерянности.

– Нам удастся сохранить наш подземный рейх в тайне от союзников, Дениц? – наконец прорвался сквозь глухое потрескивание голос фюрера. – Скажите мне об этом прямо, старый дружище.

– Полностью скрыть тот факт, что мы создаем в Антарктиде большую военную базу, нам не удастся.

– То есть вы хотите сказать, что уже не удалось? – резко уточнил Гитлер.

– Нам с вами незачем отрицать очевидные факты, мой фюрер. Иное дело, что мы по-прежнему должны будем оставлять англичан и их союзников в полном неведении относительно того, что же на самом деле мы создаем в своей Новой Швабии, и, таким образом, избегать серьезных военных столкновений с ними у берегов Антарктиды.

– Считаете, что пока что хотя бы это нам удается, Дениц?

– Пока что – да.

– Хоть что-то нам удается, – старчески проворчал Гитлер.

– Однако сохранять наши приготовления, наши планы и размах наших поставок в Антарктиду – с каждым днем становится все труднее, – не пощадил его Дениц. Когда еще представится возможность сказать такое фюреру, не вызывая у него приступа благородного гнева?

– Потому что союзники столь резко усилили свой интерес к данному объекту?

– Мои субмаринники этого не заметили. Но истинное положение дел должен знать другой адмирал, Канарис.

– С сегодняшнего дня я хочу, чтобы этот адмирал знал о «Базе» как можно меньше.

Услышав это, Дениц слегка вздрогнул и неестественно выпрямился, словно приготовился выслушать приказ Гитлера или приговор суда. Он понял, что между фюрером и Канарисом, отношения между которыми и так были непростыми, возникла новая угрожающая трещина. И представил себе, по карьерам и судьбам скольких людей она способна пройтись.

– Я учту это, мой фюрер, Мои люди тоже, – поспешно заверил

он.

Гросс-адмиралу очень не хотелось, чтобы в разговоре с кем-то другим, скажем, Гиммлером или Скорцени, Гитлер, как бы между прочим, обронил: «С сегодняшнего дня я хочу, чтобы эти два наших адмирала знали о "Базе-211" как можно меньше». Ничего в жизни он не боялся так, как боялся недоверия фюрера. Хотя бы малейшего недоверия,

– Значит, я так понял, что пока что наши враги знают о «Базе» не так уж много, - все еще мучился сомнениями Гитлер.

– Спасает только то, что пока что и русских, и англичан больше интересуют разведданные, связанные с европейскими театрами действий.

– Это хорошо. Из этого следует, что каждый день работает на создание в Антарктиде но… – Гитлер вновь запнулся на полуслове, однако на сей раз это была не экспрессивная пауза фюрера-оратора. Похоже, что фюрер умышленно умолк, вспомнив, что даже его рейх-линию могут прослушивать. Пусть даже это будут люди из скандально-известного теперь научно-исследовательского института Геринга.

Лишь вспомнив о «спецах Геринга», главком Кригсмарине успокаивающе произнес:

– Я вас понял, мой фюрер. Мы оба знаем, о чем идет речь. Мы конечно же должны продолжить создание задуманного вами.

– Поэтому я решил, что безопасностью «Базы -211» должен заниматься единственный человек, который способен эту безопасность обеспечить, – Отто Скорцени

У нас уже действует Арктический отдел СД во главе с оберштурмбаннфюрером Лигвицем; его люди… – попробовал, было, напомнить фюреру шеф Кригсмарине, но по тому, как резко Гитлер прервал его, понял, что на этот раз он попросту не сориентировался в ситуации. Фюрер, по всей вероятности, воспринял это напоминание как попытку избавиться от опеки первого диверсанта рейха.

– Я сказал, Дениц, что отныне безопасностью «Базы -211» будет заниматься наш товарищ по оружию Отто Скорцени.

– Я так и понял, мой фюрер, – занервничал теперь уже главком Кригсмарине.

– Именно ему – не желал выслушивать его оправданий Гитлер,- я приказал сосредоточить на этом участке лучшие силы службы безопасности СС.

– Все, что будет зависеть от меня…

Мы не можем рисковать Новой Швабией, гросс-адмирал – и на сей раз в его устах это «гросс-адмирал» прозвучало с явной иронией, словно бы фюрер сожалел, что одним из двух гросс-

адмиралов [89] рейха стал именно он, Карл Дениц, Мы рискуем всем: нашей армией, нашей экономикой, нашей империей, но «Базой-211», вы слышите меня, «Базой» мы рисковать не можем! – вдруг яростно заорал фюрер. – Потому что нам этого попросту не позволят!

– Кто?! – совершенно непроизвольно вырвалось у Деница.

– В то же время, – не стал ударяться, в какие бы то ни было объяснения фюрера, – мы не можем полагаться только на защиту извне, нам слишком дорого досталось право основать подземный рейх там, куда доступ всем остальным всегда был закрыт. Всем и во все века! Да, мы находимся под защитой Высших Посвященных. Но до поры до времени наши враги не должны об этом знать, как не должны знать и о предназначении «Базы-211». Об истинном ее предназначении, Дениц!

– Это вечная тайна Кригсмарине и рейха, – все еще не отказывался гросс-адмирал от попытки убедить его, однако фюрера не так-то просто можно было выбить из седла.

– Мы должны показать нашу жизнеспособность, нашу преданность идее создания Четвертого рейха, наше желание и умение сосредоточивать все физические и духовные силы нации на том высшем предназначении, ради которого и создавался наш нынешний, Третий рейх! Мы должны продемонстрировать им это. Они должны убедиться, что правильно поступили, избрав именно нас, а не англичан, или шведов, или норвежцев. Вы слишком легкомысленно относитесь к этому, Дениц. И вы, и Геринг. Я не могу этого допустить. На карту положено все! Наш последний бастион – «База-211»!

– Я это уже понял, мой фюрер, – растерянно пробормотал шеф Кригсмарине, лихорадочно пытаясь понять, что до их телефонного разговора произошло такого, что могло бы вызвать недовольство Гитлера, заставило встревожиться по поводу сохранения режима секретности, привлечь к операции обер-диверсанта рейха, пребывающего сейчас на вершине своей диверсионной славы.

– Нет, вы этого не поняли, Дениц! – свирепствовал тем временем Гитлер. – Пока еще не поняли. И это меня удручает. Изначально операция «База-211» была поручена Герингу. Но он сделал вид, что теперь это его не касается!

– Вы правы: с некоторых пор рейхсмаршал как бы отошел от операций, связанных с «Базой-211».

– Но кто тогда занимается всем тем, что должно обеспечивать развитие подземного рейха? Я вас спрашиваю, Дениц, кто?!

И тут уже готов был взорваться Дениц. Он прнимал, что сейчас промолчать он уже не может, не имеет права, да это было

уже и небезопасно. Он еще помнил, как совсем недавно, после одной из таких стычек, тоже начинавшейся с невинного телефонного разговора, Гитлер буквально вынудил подать в отставку с поста главкома Кригсмарине гросс-адмирала Эриха Редера. Так вот, он, Дениц, не намерен следовать его примеру, чтобы потом до конца войны отсиживаться на должности инспектора флота.

– Всеми вопросами, связанными с обеспечением «Базы-211», занимается возглавляемый мною штаб флотилии субмарин «Конвой фюрера», – как можно жестче напомнил он фюреру то, что тот и без него должен был прекрасно знать. – Флотилии, которую я, с вашего согласия, оставил под своим личным командованием, тоже, кстати, исходя из соображений безопасности. Походным командиром «фюрер-конвоя» я назначил капитана цур зее Вилли Штауфа, лично совершившего несколько рейсов к берегам Новой Швабии и отлично зарекомендовавшего себя в должности коммодора. Поэтому я намерен завтра же представить его к чину контр-адмирала, – поднял вверх руку Дениц, привлекая к своим словам внимание все еще терпеливо ожидавшего конца их разговора Вилли Штауфа.

До сих пор гросс-адмирал чувствовал себя униженным в глазах своего подчиненного, причем униженным совершенно незаслуженно. Он даже успел пожалеть, что на время разговора с Гитлером рискнул пригласить в кабинет коммодора. Он-то думал, что фюрер сразу же пожелает выяснить кое-какие детали минувшего похода. Пусть же эта служебная оплошность послужит ему уроком.

Тем временем фюрер также неожиданно угас, как и взорвался, и уже совершенно спокойным, умиротворенным голосом сказал:

– Я поручил заняться безопасностью «Базы-211» штурм-баннфюреру СС, начальнику отдела диверсий СД Отто Скорцени.

– Да, мой фюрер, Отто Скорцени, – до кротости робко подтвердил Дениц, опасаясь вызвать у Гитлера новую волну приступа ораторской истерии.

– Вы должны знать об этом, гросс-адмирал, и воспринимать как должное.

– Именно так я и воспринял ваше распоряжение, мой фюрер. Имя героя нации будет способствовать выполнению операции «База», интерес к которой, приблизительно с середины 1941 года, в нашей стране, в том числе и в высшем руководстве, значительно утрачен.

Гросс-адмирал понимал, что слышать такое резюме фюреру неприятно. Но коль уж фюрер захотел узнать его мнение по этому

вопросу, то пусть потерпит.

Шеф Кригсмарине действительно решил воспользоваться моментом, чтобы обратить внимание фюрера на то, с каким трудом приходится порой выбивать тонны и тонны продовольствия, обмундирования и всевозможного оборудования, когда речь идет о поставках не на фронт, а на некую, никому не ведомую «антарктическую военную базу»,

– Он действительно был утрачен, – признал Гитлер. – В какой-то степени. Теперь все будет по-иному. С завтрашнего дня мы возвращаемся к активному проведению операции «База».

– Но положения на фронтах…

– Европейские фронты наши уже ничего не решают. Нас теперь больше волнует антарктическое будущее рейха. Очевидно, всему свое время. Существуют такие решения, к которым можно прийти только через отчаяние, через ощущение безысходности, осознание того, что следует думать уже о спасении не своего поколения, а тех поколений, которые придут за нами.

– Время такого решения пришло? – воспользовался его паузой гросс-адмирал.

– Оно пришло и вынуждает нас действовать так, как мы обязаны действовать в той ситуации, в какой оказался рейх.

33.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

…Ливень прекратился так же неожиданно, как и начался.

Последние его волны ударили в вершину хребта, подпиравшего небо на той стороне ущелья и, отшумев вместе с ветром и молниями, развеялись по красно-голубому поднебесью, на котором вновь начали отражаться бледные лучики холодного горного солнца. А едва проявившаяся между двумя вершинами перевала радуга, напоминавшая окровавленную полоску бинта на израненном теле горы, вдруг стала бледно-красной и начала навевать какую-то непонятную тревогу.

Заметив появление радуги, доктор Микейрос откинул капюшон короткой спортивной куртки и подставил лицо последним запоздалым каплям. Вот уже минут двадцать он стоял здесь, на скалистом возвышении, неподалеку от своей загородной виллы, и смотрел то на вершины Анд, полукругом обступавших плоскогорье, на котором высилось его «Андское Гнездовье», то на постройки Анданачи – небольшого городка, раскинувшегося в широкой каменистой долине. Даже сейчас, в вечерних сумерках, Микейрос все еще мог видеть изгиб зеленого склона этой долины, усыпанной разноцветными «макетиками» домиков, над которыми клубился легкий предвечерний туман.

Зрелище, конечно же, выдалось захватывающим, однако предаваться созерцанию небесных пейзажей хозяин виллы не любил. Его всегда привлекали только горы, причем во всей своей первозданности, и он использовал любую возможность, чтобы еще раз увидеть, осмыслить, постичь, какие они: горы на рассвете, горы в солнечный день, горы в полночь, горы во время грозы…

В городе у Микейроса тоже был небольшой особняк, однако наведывался он туда крайне редко, потому что большую часть жизни предпочитал проводить именно здесь, в «Андском Гнездовье», на выжженном солнцем, избитом ливнями и разрушенном ветрами плато, на котором чудом закрепились всего лишь три сосны – три тонких деревца посреди каменной пустыни Анд.

Конечно, ни большой, возведенный из почти необработанного

камня трехэтажный дом с пристроенной к его фасаду башней; ни едва накатанная дорога, пробивающаяся сюда из долины и уползающая вдоль речки дальше, в горы; ни убогий ландшафт, открывающийся на противоположной стороне плато, – не лишали этот уголок Анд той мрачной суровости, с которой человеку, не привыкшему к горам, стихиям и одиночеству, смириться всегда очень трудно.

Микейрос тоже вряд ли осмелился бы утверждать, что безжизненный, почти лунный пейзаж, открывающийся из окон «Андского Гнездовья», когда-либо увлекал его своей красотой. Наоборот, все чаще тревожил, навевая почти неосознанный страх астронавта, которому выпало ступить на, казалось бы, необжитую, но от этого не менее загадочную планету.

Доктор Микейрос действительно не раз ловил себя на этом ощущении пришельца, но всякий раз объяснял и оправдывал его тем, что, в конце концов, он ведь не горец. С детства его очаровывала сельва, приковывала взор грациозно медлительная, словно застывшая в своем поднебесно-зеркальном отражении лесная речушка, которая где-то там, очень далеко, впадала в Амазонку; увлекали едва проторенные тропинки джунглей и завораживали живописные ярко-зеленые холмы, между которыми прятались от ливней, а потом согревались на солнце черепичные, совсем как в Испании, крыши небольшого селения Ача. Селения, в котором, со времен конкисты рождались, жили и умирали его предки… Так что здесь, в горах, он и в самом деле был пришельцем.

Впрочем, вглядываясь в пейзажи гор на рассвете или «гор в полночь», доктор Микейрос не столько поддавался настроениям своего восприятия, сколько пытался проникнуть в тайну Анд, в ту их великую тайну, которая вобрала в себя многие тайны индейских племен, издавна живших на склонах этих гор, тайны индейских цивилизаций.

Да, Микейрос, человек, которого уже давно считали чудаком, горным отшельником и просто сумасшедшим (каждый по-своему, исходя из собственного понимания жизни и увлечений доктора Микейроса, а также восприятия теорий, которые он выдвигал, распространял и всячески отстаивал), – искал разгадки этих тайн. И, возможно, когда-нибудь, размышлял он, когда ученые сумеют расшифровать все то, что закодировано на плитах, свезенных сюда из отдаленных уголков Анд и всего континента, его увлечение будет признано неоценимой услугой человечеству. Вот только произойдет это – пророчествовал он – нескоро.

А пока что за Микейросом прочно закрепилось прозвище, которое дал ему один из журналистов столичной газеты –

Собиратель Священных Плит. И прозвище это доктор воспринял как некий рыцарский титул.

* * *

Молния обожгла вершину горы, очертаниями своими напоминавшую обессилевшего, завалившегося на крыло кондора, и Микейрос напрягся, ожидая, что вслед за ней над перевалом разразится гром. Так, напрягшись, он ждал почти минуту, однако в горах по-прежнему оставалось тихо.

Уже убедившись, что раскатов грома не последует, он еще долго стоял, запрокинув голову и крепко сжав зубы, и ждал, как солдат – разрыва очередного снаряда. Но вдруг какое-то инстинктивное ощущение опасности заставило его оглянуться и не подвело: Микейрос сразу же заметил фигуру человека, который, обходя дом, направлялся прямо к нему.

Фигура показалась ему незнакомой, не мог он разглядеть и лица этого широкоплечего, плотного телосложения человека, что, наклонив голову, упрямо, словно буйвол на крутую гору, поднимался на самую высокую точку плато, на которой стоял Микейрос. И с каждым его шагом, медленным, тяжелым, в душе доктора Микейроса все явственнее нарастала тревога.

Нет, не то чтобы его удивило само появление здесь незнакомца. Хотя образ жизни доктора очень напоминал отшельнический, однако жил он не так уж одиноко. Как-никак, почти все лето под одной крышей с ним находилась сеньора Оливейра, которая была для него и женой (несмотря на то что брак они так и не зарегистрировали, и вообще, закон никоим образом не связывал их обоих), и личным секретарем. Кроме того, сюда время от времени наезжали его коллеги из разных университетов Перу, Колумбии и Боливии, не говоря уже о друзьях-альпинистах, которые обязательно останавливались в «Андском Гнездовье», прежде чем отправиться в очередной поход в горы. Этот дом служил им и музеем гор, и отелем, и альпинистским лагерем.

Кстати, возвращаясь из похода, кое-кто из них прибавлял к коллекции доктора Микейроса одну, а то и две каменные плиты, на которые натыкался где-нибудь в далеких горных селениях или в погибельных ущельях. Если же по тем или иным причинам они не могли принести найденные ими плиты, то оставляли листки из своих дневников, на которых были срисованы виденные ими

пиктограммы. Там же указывались ориентиры тех мест, в которых эти плиты были обнаружены.

Впрочем, не всегда те, кто наведывался сюда, были его знакомыми. Некоторые приходили по рекомендациям друзей. Другие просто узнавали о его существовании из прессы и, не желая упускать случая, наведывались к Собирателю Священных Плит со своими «тысячами извинений».

Сам Собиратель тоже в душе радовался появлению здесь любого странника. Неважно, что сам он был человеком неразговорчивым и даже замкнутым. Все равно старался делать все возможное, чтобы гости не чувствовали себя у него неуютно, сумели отдохнуть и хотя бы бегло ознакомиться с забытыми письменами, оставленными Бог знает кем и когда на этих «каменных пергаментах» седой древности.

Так было до сих пор. И пока что обходилось без особенных приключений. Но этот человек… Кто он? Почему так угрюмо и обреченно бредет он сюда? Какие мысли угнетают его, какие порывы души ведут к «Андскому Гнездовью» и вообще в горы? И почему, наблюдая за ним, он, Микейрос, ощущает все возрастающее беспокойство?

Вот незнакомец совсем близко. Теперь доктор Микейрос мог убедиться, что человек этот мощного телосложения, с плечами и ручищами штангиста-тяжеловеса. И лицо огрубевшее, с несколько необычными чертами: не индеец, не европеец, но и не метис. Возможно, японец? Нет, скорее индус или непальский шерп. Он остановился в нескольких шагах от хозяина«Андского Гнездовья» и с минуту молча изучал его. Но и Микейрос тоже получил возможность получше разглядеть его. Да, скуластое, туго обтянутое красновато-желтой кожей лицо, пронизывающий взгляд больших черных глаз – утомленных, но тем не менее завораживающих.

– Вы и есть владелец этого дома? – негромко спросил пришедший, глядя при этом куда-то в сторону далекой вершины. Он говорил по-английски, но с заметным непривычным акцентом.

– Я. Все зовут меня доктором Микейросом. Так же можете звать и вы. Но сначала представьтесь и объясните, что привело вас сюда. – Доктор вынул изо рта давно погасшую трубку и настороженно ждал ответа. Даже очень хорошо разглядев этого пришельца, он нисколько не успокоился. Было что-то настораживающее в его фигуре, поведении, языке… Само присутствие его порождало какое-то подсознательное предчувствие чего-то необычного, а возможно, и страшного.

– Мое имя ничего не скажет ни вам, ни вообще жителям этой страны. – В голосе гостя – ни усталости, ни волнения. К тому же,

пришельца, кажется, нисколько не волновало то, как хозяин этого пристанища воспринимает его появление. – Обращайтесь ко мне «господин Оранди», если вас это устроит.

34.

Октябрь 1943 года.
Германия. Замок Викингбург
на побережье Северного моря.

Трубку фюрер бросил на рычаг, не попрощавшись. Однако Дениц еще несколько секунд стоял над аппаратом с трубкой в руках, словно не верил, что Гитлер может вот так положить трубку, не сказав еще чего-то очень важного, ради чего, собственно, и затеял весь этот разговор. Наконец, словно бы очнувшись после гипнотического внушения, гросс-адмирал положил трубку и как-то растерянно, скрывая неловкость, улыбнулся.

Он вдруг вспомнил, как однажды стал свидетелем телефонного разговора министра иностранных дел Риббентропа с Гитлером. В конце этого разговора Риббентроп вдруг резко поднялся с кресла, низко поклонился аппарату и произнес: «Благодарю вас, мой фюрер, за то, что выслушали. У меня все».

Дениц тогда мог дать голову на отсечение, что к тому времени фюрер свою трубку уже положил. А еще в те минуты он вдруг почувствовал, что не потерял детской привычки чувствовать себя неловко за поступки других людей еще сильнее, нежели за свои собственные.

Так вот теперь он пытался представить себе, как чувствовал себя при их разговоре с фюрером коммодор Вилли Щтауф.

– …И вы, Штауф, имели неосторожность при всем этом присутствовать, – произнес Дениц, стараясь не смотреть при этом на командира «фюрер-стаи».

– Но ведь это был фюрер…- тоже внимательно рассматри-вал носки своих ботинок коммодор.

– Честно признаюсь, что, когда я сказал, что представлю вас к чину контр-адмирала, фюрер своего «да» не произнес.

– Но ведь это – фюрер! – наконец-то поднял глаза Штауф.

– И главное не в том, чтобы он сказал свое спасительное «да», а чтобы мы не услышали его убийственного «нет».

– Потому что это было бы решением фюрера! – щелкнул каблуками коммодор.

– И мы его не услышали. По крайней мере, сегодня. Вы подготовили доклад о походе?

Штауф подошел к столу и протянул гросс-адмиралу два листика с отпечатанным на пишущей машинке текстом.

– Это не доклад, коммодор, – пробежал взглядом по тексту Дениц. – До этого разговора с фюрером, я, возможно, и

принял бы его, но теперь – нет.

– Однако никаких особых происшествий в «стае» не было. И потом, от меня всегда требовали краткого доклада. Правда, кое-что потом приходилось излагать в устном докладе, который оставался между нами, так сказать, в узком кругу.

– Мое объяснение отказа вы уже слышали, коммодор. Постарайтесь быть столь же многословным в своем письменном отчете, как в разговоре со мной. Только более аргументированным. А если говорить проще… Изложите все, что вы знаете о «Базе-211», – ритмично ударял кулаком в стол главком Кригсмарине. – При этом меня совершенно не интересует, кто из моряков проклинал тот день, когда оказался на субмарине, я и сам не раз проклинал его; и кто посылал к чертовой матери гросс-адмирала Деница вместе с его «Фюрер-конвоем» и самим фюрером. Меня интересует – что происходит на «Базе-211».

– Но мы были только у причалов. Вглубь подземелий нас не пускали.

– Вы обязаны, – не стал выслуживать его оправдания Дениц, – изложить все, что видели, все, что слышали, все, что предполагаете, и даже все то, что вам привиделось, причудилось, померещилось, приснилось или пригрезилось в горячечном бреду. Главное, чтобы все это происходило в водах Южной Атлантики, во время пребывания у берегов Антарктиды. Вы все поняли, коммодор?

– Если бы я не слышал вашего разговора с фюрером, то наверняка признался бы, что так ни черта и не понял. Но ведь я действительно был свидетелем этого разговора.

Гросс-адмирал положил его доклад на край стола и произнес:

– Свидетелей подобных разговоров обычно убирают самым жесточайшим образом. Но вас я пощажу. Сейчас одиннадцать двадцать утра. В пятнадцать ноль-ноль жду вас с самым обстоятельным докладом. Времени, как видите, у вас предостаточно.

И не успел коммодор оставить кабинет, как гросс-адмирал нажал на кнопку переговорного устройства и услышав голос своего адъютанта, приказал:

– Начальника Антарктического отдела оберштурммбаннфюрера Лигвица – ко мне.

35.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Микейрос достал из кармана плоскую серебряную табакерку и, не сводя глаз с Оранди, начал медленно набивать свою трубку. В мире миллионы людей, имена которых ничего не говорят жителям Анданачи и всех остальных городов этой благословенной страны. Что из этого? Разве его вилла должна служить приютом только для знаменитостей?

Правда, иногда у него действительно бывают люди по настоящему известные. Мог ли он, например, забыть, что в свое время почти всю ночь провел у камина с поэтом Пабло Нерудой?

Сам Микейрос никогда не увлекался поэзией. Да в тот вечер Пабло и не прочел ни одного стихотворения. Просто они сидели, курили трубки и грелись у огня – это было в один из тех холодных, влажных осенних дней, когда более или менее уютно чувствуешь себя только возле камина или очага, – и говорили о горах, о людях, которых эти горы одновременно и разделяют, и соединяют; о душевной и физической зрелости, да еще о старости, которая всегда подкрадывается неожиданно. И, конечно же, о таинственных каменных плитах с пиктограммами.

Именно Пабло назвал эти плиты забытыми письменами, поскольку; создав их, люди затем умудрились забыть самих авторов, историю появления рисунков и вообще разучились понимать назначение этих посланий седой древности.

Да, тот вечер с Пабло остался в его памяти как один из немногих по-настоящему счастливых вечеров, проведенных в «Андском Гнездовье». И память о нем хранят три сборника стихов Пабло с его автографами. Это были экземпляры первого его сборника «Сумерки», второго «Риск бессмертного человека» и первый том книги «Местожительство – Земля».

Прочтя в течение следующей ночи все три книжки Пабло, Микейрос наутро записал в своем дневнике: «Я счастлив: в моем доме, у моего камина провел ночь Великий Поэт Анд»,

– Все же мне хотелось бы узнать, сеньор Оранди, что, какой случай привел вас, чужестранца, в горы.

– Случайно в Анды не попадают. Всегда существует цель. Но что касается вашей виллы, то сюда меня загнал ливень. Промок, как видите, до нитки. Хотелось бы согреться, если будете столь любезны. Ясное дело, я мог бы добраться и до городка…

Доктор Микейрос еще раз окинул его взглядом и лишь теперь

обратил внимание, что путник-то появился в горах без рюкзака, альпинистского снаряжения и вообще без вещей. Правда, на боку у него висела прикрепленная к широкому ремню кожаная сумочка, похожая на те, которые любят носить местные индейцы, но и она казалась совершенно пустой.

– Это открытие заставило Микейроса еще раз задаться вопросом: «Кто же этот человек: альпинист, оставивший вещи в укромном уголке у подножия, или бродяга, умудрившийся нарушить законы многих стран и теперь ищущий пристанища в таких вот отдаленных жилищах и селениях, куда редко наведывается полиция?» Тем более что на прямой вопрос о том, что привело его сюда, гость так, по существу, и не ответил.

– Было бы неучтиво с моей стороны, если бы вам пришлось вот так, промокшему, брести обратно в городок, – сказал он, закуривая трубку – Прошу в дом. Надеюсь, хозяйка накормит нас и даст по стакану старого вина.

– Хозяйка? Мне сказали, что вы живете здесь в одиночестве, - оглянулся Оранди на «Андское Гнездовье», – что-то вроде горного волка-одиночки.

– Волк-одиночка – скорее качество характера, нежели реальность бытия.

– Почти согласен. Хотя и реальность бытия – тоже.

– А хозяйкой этого дома является сеньора Оливейра. Впрочем, ваши слова свидетельствуют о том, что вы достаточно хорошо знали, к чьему дому приведет вас эта дорога.

– Естественно, – невозмутимо согласился Оранди. – Хотя и не имел удовольствия знать вас в лицо. Кроме сеньоры Оливейры, в доме есть еще кто-нибудь?

Микейрос уже направился к жилищу, но, услышав вопрос гостя, остановился.

– Вам крайне необходимо знать это? Вас что-то беспокоит? – сухо спросил он.

Все, кто наведывался сюда до сих пор, считали необходимым немедленно и как можно подробнее рассказать о себе, чтобы хозяин знал, с кем он имеет дело, и не задавал лишних вопросов. Однако сеньор Оранди, или как там его на самом деле, с откровениями явно не торопился. Это не то чтобы совершенно не нравилось Микейросу, однако излишне интриговало. А разгадывать подобные загадки он не любил. Достаточно с него тех, которые порождали самим своим существованием плиты с забытыми письменами.

– Не скрою, меня это действительно очень беспокоит, – все с той же невозмутимостью подтвердил Оранди. – Со временем даже объясню, почему. Итак, гостит ли у вас еще кто-нибудь?

– В одной из комнат отдыхает доктор Кодар. Он только вчера прилетел из Европы и, похоже, мертвецки устал.

Микейрос хотел вспомнить и о своей гостье, гляциологе и журналистке Герте Менц, отдыхавшей сейчас в отведенной ей комнатке на третьем этаже, но что-то его остановило. Ему вдруг показалось, что, умолчав о ее присутствии, он сумеет уберечь журналистку от опасности.

– Доктор Кодар? – насторожился Оранди. – Слишком редкостная фамилия, чтобы казаться настоящей. Вы знали его раньше? Давно знакомы с ним?

– Простите, вы из полиции? Нет, из контрразведки? – уже не скрывал своего неудовольствия Микейрос.

– Почему из контрразведки?

– Теперь, знаете ли, полмира истребляют друг друга, – обронил Микейрос и не спеша направился к дому

– Не думаю, что вы обладаете чем-то таким, что представляет интерес для разведки, – двинулся вслед за ним Оранди. – И потом, я ведь предупредил, что со временем все объясню. А пока что позволю себе повторить вопрос: вы давно знакомы с доктором Кодаром, прибывшим к вам из Европы? Может быть, слышали о нем, встречали в каких-то публикациях его научные труды?

– Я не достиг того уровня осведомленности, чтобы знать всех ученых мира, сеньор Оранди. Но если я правильно понял, доктор Кодар – серьезный ученый, занимающийся изучением наскальной живописи и древних манускриптов. В частности, он интересуется всем, что касается древней медицины. Несколько индийских и малайзийских фирм заключили с ним договор о том, что он будет снабжать их любой информацией, какую только удастся выудить из рукописей.

– Исчерпывающая информация. Выясняется, что до сегодняшнего дня вы никогда не виделись с доктором Кодаром, и никто никогда не рекомендовал его вам. Кроме того, вы забыли заглянуть в его паспорт и представления не имеете, гражданином, какой страны следует считать своего гостя.

– Разве это важно?

– Когда полмира – как вы изволили выразиться – истребляет друг друга?! И когда речь идет о коллекции ваших плит?! И вы еще позволяете себе задавать подобные вопросы?

36.

Октябрь 1943 года.
Германия. Замок Викингбург
на побережье Северного моря.

Минут через десять Лигвиц уже стоял перед гросс-адмиралом. Приземистый, непомерно располневший, с заплывшим багровым лицом закоренелого гипертоника, он переминался с ноги на ногу и вопросительно поглядывал то на Дениц, то на стул у приставного столика, с нетерпением ожидая, когда ему позволят опустить свое грузное тело на это вожделенное седалище. Но именно потому, что он так нетерпеливо порывался к стулу, гросс-адмирал по-садистски тянул с приглашением, наблюдая за тем, как эсэсовец дергается перед ним, словно его поставили босиком на раскаленные угли.

– Только что я беседовал с фюрером… - гросс-адмирал выдержал паузу, давая возможность офицеру СД проникнуться важностью разговора, однако тот не сменил ни позы, ни сонного выражения лица. Дениц встречался с этим человеком уже в шестой или седьмой раз, и всегда оберштурмбаннфюрер представал перед ним в облике человека, которого стащили с постели, не дав проспаться после недельного запоя. – Он очень обеспокоен состоянием безопасности операции «База-211»,

– Напрасно. Никто этой операцией не интересуется. По крайней мере, здесь, в замке Викингбург, – натужно выдыхал каждое слово Лигвиц.

– Вы в этом уверены?

– Так точно, господин гросс-адмирал, никто.

– А вот фюрер не уверен. Неужели не было ни одной попытки сблизиться с кем-то из ваших сотрудников или из офицеров «Конвоя фюрера»? – перекладывал Дениц бумажки на своем столе.

– Нами арестовано шесть человек, которые в разное время пытались разговорить кое-кого из участников антарктического похода

– Так-так, – прекратил изображать из себя занятого и делового главком Кригсмарине. – И что выяснилось?

– Ничего.

– Объясните.

– Нам даже запрещали их допрашивать. То есть мы, конечно же, делали попытку заставить их заговорить, так сказать, в предварительном порядке, но ничего от них не добились. А допрашивать их с применением пыток не имели права, это было

бы нарушением приказа.

– То есть вы даже не уверены, что они действительно имели какое-то отношение к иностранным разведкам.

– Уверен, что не имели. Но приказано было задерживать всех, кто проявляет любопытство и провоцирует на откровения ваших субмаринников. Все они были отправлены в Берлин, после чего следы их теряются.

– Да вы попросту не интересовались их дальнейшей судьбой и тем, что же они из себя представляют.

– Вы правы, господин гросс-адмирал, не интересовался. Не положено. В свое время я получил личный приказ самого Гейдриха, – по-пастырски поднял вверх открытую ладонь начальник Антарктического отдела СД, – знать как можно меньше. Чтобы в случае, если кто-то из сотрудников отдела попадет в руки иностранной разведки, он не в состоянии был сообщить что-либо, проливающее свет… Именно так и было сказано. И приказа Гейдриха никто не отменял,

– А что происходит на самой «Базе-211»?

– Понятия не имею.

Гросс-адмирал в очередной раз оторвал взгляд от какой-то бумажки, которую держал в руке, и удивленно уставился на оберштурмбаннфюрера СС.

– Что, вообще никакого? – вполне серьезно переспросил он, впадая в непростительную наивность, и только теперь милостиво указал Лигвицу на один из стульев. Шеф Антарктического отдела так обрадовался этому, что унизительно склонил голову в благодарственном поклоне.

– Точно так же как понятия не имею о том, что собой представляет сама «База», Ну, кроме того, что она возникла в каких-то подземельях Новой Швабии – о чем уже знают тысячи германцев. Но как идет ее строительство, какие предприятия и лаборатории там уже действуют – увольте.

– Я понимаю, что на «Базе» действует собственная служба безопасности…

– Во главе с полковником абвера Клаусом Мюкке, – напомнил ему Лигвиц.

– Но разве вы не поддерживаете между собой никакой связи? -

Лигвиц старательно вытер платочком предательски вспотевший лоб и снисходительно ухмыльнулся,.

– Поскольку вам еще не раз придется беседовать на эту тему с фюрером и Гиммлером, то я конфиденциально сообщу вам о том, о чем, наверное, не имею права сообщать даже вам. Надеюсь, вы меня не выдадите.

– Да, но если вы действительно не имеете права сообщать это даже мне… – на всякий случай подстраховался Дениц.

– У меня нет приказа, не сообщать этого вам, командующему «Конвоем фюрера». Дело в том, что на самом деле Антарктический отдел – это всего лишь ширма, или, точнее, приманка. Именно приманка для вражеских агентов. Мы всего лишь имитируем службу безопасности. Нет, конечно, трое моих сотрудников время от времени совершают рейды по портовым кабачкам ближайшего городка, а также Гамбурга и Киля. Но признаюсь вам, что пятерых из шести задержанных нам сдали агенты той реальной службы безопасности операции «База», которым приказано не засвечиваться. Что же касается нашей службы, то моим сотрудникам, наоборот, велено всячески проявлять непростительную болтливость и, впадая во хмель, подставлять себя вражеским агентам, столь же непростительно афишируя работу нашего Антарктического отдела.

Прошло не менее минуты глубокого молчания, прежде чем Дениц решился глубоко вздохнуть и взглянуть на Лигвица с такой же признательностью, с какой еще недавно шеф подставного отдела взглянул на него самого, за право на стул у приставного столика.

– Можете не сомневаться, Лигвиц, что все сказанное вами останется в этих стенах. Для меня это очень ценная информация, благодаря которой я начал многое понимать.

– Буду рад, если она вам поможет.

– В таком случае и я позволю себе сообщить вам то, о чем вы вскоре узнаете и без меня. Со вчерашнего дня безопасностью всей операции «База» поручено заниматься личному агенту фюрера по особым поручениям Отто Скорцени.

– Скорцени – так Скорцени, – Лигвиц вновь ухмыльнулся своей полусонно-похмельной ухмылкой и пожал плечами.

Имя первого диверсанта рейха не произвело на него никакого впечатления. Это даже задело гросс-адмирала: речь шла о явном обесценивании его информации.

– Не исключено, что уже завтра он будет инспектировать ваш отдел и именем фюрера требовать отчета. Как вы понимаете, просто так Скорцени сюда не присылали бы. В высших эшелонах власти вновь усиливается интерес к Новой Швабии, а значит, и возрастают требования к ее безопасности.

– Появление здесь Скорцени ничего не меняет.

– У меня создается впечатление, что вы не очень-то осведомлены о том, кто такой…

– Прекрасно осведомлен. Я с уважением отношусь к Скорцени как к истинному профессионалу. Но, ни он, ни Кальтенбруннер,

ни даже сам Гиммлер ничего в этой операции не решают.

– Тогда Геринг?

Лигвиц отрицательно покачал головой.

– Маршал знает не больше, чем мы с вами. Причем в последнее время его всячески отстраняют от потока даже той скудной информации, которую он получал до начала 1941-го, то есть до начала войны с русскими.

– И чем это вызвано?

– Отношением к Новой Швабии. К ее роли, ее значению. Раньше мы смотрели на нее лишь как на территорию, которую можно будет официально присоединить к рейху или которую можно будет использовать как сырьевую базу Германии. А теперь…- развел руками Лигвиц.

– Что «теперь», оберштурмбаннфюрер? Договаривайте, договаривайте. Разговор сугубо между нами.

– Все нынешнее руководство рейха – всего лишь раскрашенная в коричневый цвет вершина сигнального айсберга.

Услышав это, Дениц и себе потянулся за платочком, чтобы промокнуть лоб.

– Ну, это вы слишком, – вполголоса и совершенно неуверенно проговорил он.

– За операцией «База» стоит небольшая группа совершенно не известных нам людей, – ничуть не смутился Лигвиц.

– Не известных даже фюреру?

Шеф Антарктического отдела призадумался и, приподнявшись, потянулся через стол к главкому Кригсмарине.

– Я много думал об этом, господин гросс-адмирал. И если бы сейчас я ответил, что фюрер знает истинного руководителя этой операции, то был бы неискренен с вами.

– Бросьте Лигвиц, такого не может быть. В нашей стране, где власть фюрера безгранична, такого попросту быть не может

– Если вы потребуете прямых доказательств, – вновь опустился на стул оберштурмбаинфюрер, – то я отвечу, что, увы, у меня их нет. Но иногда к определенным выводам можно прийти, имея только косвеннее свидетельства, это известно любому следователю. А я начинал как следователь криминальной полиции.

В то же мгновение на столе гросс-адмирала опять ожил «имперский» телефон, прямая связь со ставкой фюрера.

– Я сейчас представлюсь, гросс-адмирал, но ни чина моего, ни имени вы произносить не должны, – послышался в трубке режущий слух громыхающий бас. – Здесь Скорцени.

– Слушаю вас, – встревоженно ответил Дениц, бросив взгляд на трусливо насторожившегося Лигвица.

– Фюрер? – почти не расслышав сказанного им, по губам вычитал гросс-адмирал. И тотчас же утвердительно кивнул.

Лигвиц втиснулся в стул, и платочек, которым на сей раз, он закрыл все лицо, начал бурно пропитываться обильным потом.

– Я слушаю ваш разговор. Техническая сторона вопроса не должна интересовать вас, точно так же как она не интересует и меня. Растяните разговор с Лигвицем. Пусть рассказывает, требуйте подробностей. Это в интересах фюрера и рейха. А теперь положите трубку на рычаг и, как ни в чем не бывало, продолжайте разговор.

– Как прикажете, мой фюрер, – молвил он уже исключительно для конспирации.

«Это проделки Геринга, – не стал и дальше предаваться удивлению Дениц. – Если он позволяет себе прослушивать прямой телефон фюрера, его разговоры с руководителями и дипломатами других стран, то уж Викингбург он наверняка напичкал десятками всевозможных подслушивающих устройств. Хотя со стороны Скорцени это все же непорядочно. Впрочем, – сказал себе Дениц, – ты должен быть признателен этому обер-диверсанту за предупреждение и откровенность»,

И он был прав. Выслушав короткий доклад одного из своих слухачей о том, что в кабинете Деница происходит очень важный разговор, который прямо относится к заданию, полученному первым диверсантом рейха от самого фюрера, Геринг счел возможным лично Позвонить ему и сказать: «То, что вы сейчас услышите, Скорцени, может помочь вам в вашей работе. Беседу ведут гросс-адмирал Дениц и начальник Антарктического отдела СД Лигвиц, Оставайтесь у телефона, наши сотрудники подсоединят вас к разработанной в наших лабораториях сети прослушивания».

– Однако вернемся к нашему разговору, оберштурмбанн-фюрер, – тем временем поспешно обратился гросс-адмирал к Лигвицу, пытаясь упредить его собственный вопрос.

– Не знаю, стоит ли, – почуял что-то неладное шеф Антарктического отдела СД.

– Теперь это уже имеет принципиальное значение, – как можно тверже заявил Дениц голосом опытного шантажиста.

И Лигвиц понял, что отступать и запираться поздно. Независимо от того, какие меры способен применить против него главком Кригсмарине, сейчас с ним лучше оставаться откровенным. Именно поэтому он как можно вежливее, почти льстиво выразил свою покорность.

– Если вы так считаете, господин гросс-адмирал.

– Напомню, что речь шла об истинных руководителях

операции «База». Так вот, я ценю ваш аналитический опыт следователя, но… Тем более что речь идет о многолетней операции, имеющей важнейшее, решающее значение для судьбы рейха.

– Повторяю: прямых доказательств у меня нет. Причем позволю себе высказать еще одну крамольную мысль: в судьбе нашего нынешнего рейха Новая Швабия решающего значения иметь уже не может.

– Почему не может? – в эти минуты Деницу уже безразлично было, подслушивает их разговор Скорцени или нет. То, о чем говорил сейчас Лигвиц, было крайне важно для него самого. – Я мог бы назвать десятки аргументов, которые отрицают ваше утверждение: начиная с того, что благодаря Новой Швабии территория рейха значительно увеличивается, а главное, переносится на другой континент.

– Потому что создается она уже для Четвертого рейха, лидеры которого, вполне возможно, будут совершенно по-иному воспринимать все то, чего добиваемся, за что погибаем и чем воодушевляемся все мы, в рейхе Третьем сущие.

Выслушав это, Дениц чуть было не впал в глубокое депрессивное молчание, но, вспомнив о еще одном, невидимом, участнике их разговора, мгновенно взбодрился.

– Допустим, в этом аспекте вы правы: после нынешней войны даже Европа будет представлять собой совершенно иной мир, иную цивилизацию, что уж говорить о некоем государстве, которое будет зарождаться вдали от Германии, в изолированных от мира подземных пространствах. Но вернемся к вопросу о руководстве, от идей и идеологии которого будут зависеть цели и идеология многих последующих поколений.

– Да, пожалуй, стоит вернуться.

– Мы оба знаем, что вот уже в течение нескольких лет комендантом «Базы-211» является вице-адмирал Готт, а начальником службы безопасности – штандартенфюрер СС барон фон Риттер, каждый из которых имеет свой тщательно подобранный штаб, а вместе они контролируют все лаборатории, предприятия и учреждения, создающиеся в «подземном рае» Антарктиды. В свою очередь, штаб «Базы» подчиняется рейхсканцелярии Германии, фюреру и его штабу. Почему вы считаете все это лишь видимой частью власти? И если существует еще и секретный штаб «Базы-21 1», то почему вы предполагаете, что он не подчинен фюреру?

– Такой секретный штаб, несомненно, существует, – спокойно принял полемический удар Лигвиц. – Руководители этого штаба известны фюреру, ну, еще, может быть, Гиммлеру. Но дело в том,

что эти известные фюреру сверхсекретные руководители являются такими, же подставными лицами, как и мы, сотрудники Антарктического отдела РСХА. В нужное время ими также легко и безболезненно можно будет пожертвовать, как и нами.

– Допустим, допустим, – нервно заерзал в своем кресле Дениц. – Во имя рейха мною, как, впрочем, и вами, пожертвовать, в общем-то нетрудно.

– Но при любых жертвах, которые будут принесены низовыми штабами, тот, высший штаб, созданный Высшими Посвященными, как называет их фюрер, по-прежнему останется неизвестным, невидимым и недоступным. В контакте с этими «высшими неизвестными», возможно, находится кто-то из секретного общества «Туле».

– То есть вы считаете, что «База-211» замыкается на руководстве общества «Туле»?

– Однако связь штаба высших неизвестных с тулистами осуществляется только по инициативе одной стороны – высших неизвестных, да и то в самом крайнем случае, не раскрывая имен, адресов и телефонов.

– Странно все это, – проворчал гросс-адмирал. – Неужели вы верите тому, о чем сейчас говорите?

– Точно так же, – не счел нужным отвлекаться на объяснения Лигвиц, – осуществляется связь между штабом неизвестных и тем видимым секретным штабом, который полностью известен только фюреру. Таким образом, известные фюреру штабисты и тулисты служат лишь агентами влияния да связными между руководствами двух цивилизаций.

Деницу понадобился небольшой тайм-аут, чтобы осмыслить все сказанное оберштурмбаннфюрером СС.

– Но тогда- получается, что… – попытался гросс-адмирал сформулировать ту мысль, которая всячески ускользала от него, – это правительство неизвестных диктует фюреру свою волю и оказывает влияние на все решения, относящиеся к Новой Швабии.

– Нетрудно предположить, – спокойно отреагировал начальник Антарктического отдела на предположение, которое сам Дениц высказывал с опаской и неуверенностью.

– Кажется, вы хотите сказать: «И не только на решения, касающиеся "Базы-211"».

– Можете быть уверены, не только.

– В таком случае возникает вопрос…

– «А кто же тогда правит Германией?»

Дениц представил себе, как напрягся в эти мгновения Скорцени, которому, наверное, не очень-то хотелось услышать ответ на этот вопрос из уст именно Лигвица. К тому же, гросс-

адмирал чувствовал себя одинаково неудобно и перед руководителем Антарктического отдела, и перед его подслушивающим коллегой Скорцени; получалось, что он, главком Кригсмарине, выступает в роли мелкого провокатора, такой себе подсадной утки. И только предаваясь подобным угрызениям совести, Дениц произнес:

– Нет, подобным вопросом мы задаваться не станем, поскольку нам, офицерам рейха, ответ на него известен. Он известен нам, Лигвиц, какие бы сомнения по этому поводу нас ни посещали и какие бы версии наших идеологических врагов нам ни навязывали,

– Но все, же вы им…- попытался, было, продолжить этот разговор Лигвиц, однако «фюрер подводных лодок» неожиданно резко прервал его:

– Спасибо за обстоятельные объяснения, оберштурмбанн-фюрер, вы свободны.

Как только Лигвиц ушел, гросс-адмирал вновь вызвал адъютанта.

– Свяжите меня со Скорцени, майор, – мрачно проговорил он, – Если я верно понял, наш обер-диверсант находится сейчас в замке Вебельсберг. Это срочно. – А еще через несколько минут, уже обращаясь к первому диверсанту рейха, тем же мрачным тоном произнес: – Вы не должны делать каких-либо поспешных выводов относительно Лигвица, штурмбаннфюрер.

– Естественно.

– Я буду чувствовать себя крайне неудобно, если вдруг…

– Можете считать, что я был не только участником, но и инициатором этого разговора.

– Именно так и должен был повести себя настоящий боевой офицер, Скорцени.

37.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Прежде чем взойти на крыльцо, доктор Микейрос оглянулся. Оранди остановился в трех шагах от него, и, казалось, решал: идти ему дальше или не стоит.

– Слушайте меня внимательно, доктор Микейрос, – негромко молвил он. – Вы уверены, что в эти минуты доктор Кодар действительно отдыхает?

– Абсолютно. Впрочем, это его дело.

– Как сказать, – мрачно проворчал Оранди.

– Вы знакомы и не желаете встречаться под одной крышей? Будьте уверены, мы с сеньорой Оливейрой помирим вас. Разве что он действительно не тот, за кого себя выдает?…

– Куда выходит окно его комнаты? – спросил пришелец, явно игнорируя все вопросы Микейроса.

– На противоположную сторону. Она – на втором этаже. Оттуда хорошо видны все плиты, – а доктору Кодару хотелось видеть их из окна.

– Вот как? Из окна?

– А еще оттуда открываются две улочки нашего городка. Наикрасивейшая его часть. Чудесный, скажу вам, вид.

Доктор Микейрос и сам был достаточно крепкого сложения, но, стоя рядом с Оранди, почти физически ощущал и силу его мышц, и силу воли. «Впрочем, вряд ли Кодар уступит этому пришельцу в силе», – подумал обладатель «Андского Гнездовья», и это сравнение как-то сразу успокоило его. Или, по крайней мере, приглушило опасения.

– Пейзажи меня не интересуют, – молвил Оранди. Микейрос развел руками мол, дело ваше. А немного помолчав, все же спросил:

– Что же вас в таком случае интересует?

– Теперь уже только ваш гость.

– Слишком откровенно, – с явным сожалением признал Собиратель Священных Плит, давая понять, что своим откровением пришелец лишь усложнил и его, и свое собственное Положение.

– Это потому, что у нас нет времени на дипломатические игрища. Сделайте так, чтобы какое-то время доктор Кодар о моем существовании не знал. Отредите мне комнатку на первом этаже и прикажите госпоже Оливейре молчать. Доктору Кодару я

представлюсь сам. Когда придет время, – добавил он, немного помолчав. – Можете оказать мне такую услугу?

– Разумеется, – поспешно ответил Микейрос. – Отдохнете в комнатке, которая рядом с гостиной и где к вашим услугам кровать и электрокамин… Устроит?

– Вполне. Постойте, так у вас даже есть электричество?

– Телефон – тоже. Напрямую к ближайшему городскому дому всего два километра, И чуть больше, если добираться пусть даже совершенно отвратительной горной дорогой.

– Кабель проложен по склону?

Микейрос вновь с удивлением взглянул на Оранди. Вопросы пришельца вызывали у него недоумение, а сама манера вести разговор – не придерживаясь никакой видимой логики и постоянно отвлекаясь на какие-то мелочи, способна была вызвать раздражение у кого угодно. Тем не менее, Обладатель Священных Плит мужественно объяснил:

– Последние метров двести – в каменной нише, высеченной в скальном грунте – Возможно, Микейрос и не вникал бы в такие подробности, но ведь интересно, же было знать, почему такая сугубо техническая деталь заинтересовала этого странника – Это имеет какое-то значение?

– О предмете, интересующем меня, я привык знать все, – жестко ответил странник. – От давних привычек отказаться трудно – знаете это по себе.

«Намек, что ли?» – озадаченно подумал доктор.

– Тогда уж скажите, – совсем тихо проговорил Микейрос, пропуская Оранди мимо себя в открытую дверь, – кроме вас, сюда может пожаловать еще кто-либо? Для меня это тоже очень важно.

Теперь уже настала очередь Оранди озабоченно взглянуть на хозяина «Андского Гнездовья». Предусмотрительность Микейроса начала импонировать ему.

– Вообще-то может. Мне нравится ваша догадливость.

– Напрасно. Должна настораживать.

– Нас трое. Мои товарищи здесь неподалеку. Однако ночевать будут в городке. Да успокойтесь, сеньор Микейрос, ни я, ни мои друзья не доставят вам никаких неприятностей.

– Мы с вами – в горах, – хрипло ответил Микейрос, которого заверения пришельца ничуть не успокоили. – У гор свои обычаи и свои законы.

– Мы будем придерживаться самых гуманных из них.

– Этого требует репутация любого порядочного человека, – пожал плечами хозяин. И, уже пропуская пришельца в угловую комнатку, поинтересовался: – Почему же ваши люди укрылись у подножия? Ждут, чем завершится ваш визит, им приказано ждать

сигнала?

– Они будут действовать, исходя из обстоятельств. Так будет точнее.

В комнатке было только самое необходимое: стол, стул, кровать, тумбочка – все это грубо сработанное из какого-то коричневатого дерева, породу которого знал только мебельщик. Сам Микейрос в этой комнатке всегда чувствовал себя, как в номере скромного альпийского приюта. То же самое ощутил, очевидно, и его гость.

– Да, а как я должен вести себя с этим доктором Кодаром, или кто он там в действительности? – спросил он Оранди. – Откровенно говоря, я не понимаю, что происходит, и в какую игру вы меня втягиваете. Но все же хотелось бы получить ваш совет.

– Держитесь с ним так, будто нашей с вами встречи небыло и вы ни о чем не догадываетесь.

– Вот как? Я должен чувствовать себя заговорщиком в собственном доме?

– Вы хотели услышать совет – и вы его получили. Кодар не должен замечать, что вы насторожены или начали относиться к нему с… определенной предвзятостью.

– Ни черта не понимаю. Может, лучше будет, если я воспользуюсь телефоном?

– Вы, конечно, склонны вызвать полицию?

– Самое время.

– И этим только все испортили бы.

– Что именно? – холодно уточнил Микейрос. Вашу игру?

– Вообще все. От таких людей, как я или доктор Кодар, полиции вряд ли удастся добиться чего-либо важного для нее. Тем более что мы – иностранные граждане, а никаких фактов, компрометирующих Кодара, у вас нет.

– Создается впечатление, что, опасаясь сеньора Кодара, вы, тем не менее, кровно заинтересованы в его безопасности.

– Ничего удивительного. Для меня этот человек представляет намного больший интерес, нежели для местной полиции. И нужен он мне здесь, в горах, а не где-то там, в полицейском участке.

Выслушав его, Микейрос какое-то время задумчиво молчал. Продолжать этот диалог не имело смысла. Похоже, что все, что пришелец мог сказать по поводу доктора Кодара, он уже сказал,

Микейрос снял с полки и положил на стол перед Оранди ключ от комнатки и, уже выходя, задумчиво произнес:

– Всю свою жизнь я посвятил науке. Только науке. Хочу, чтобы вы это знали. И вы, и сеньор Кодар. Независимо от того, кто вы в действительности и с какими намерениями прибыли сюда.

– Постараюсь помнить об этом, – почтительно склонил голову

Оранди.

38

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Фюрер появился в замке буквально за две минуты до начала совещания. Встреченный только комендантом Вебельсберга штандартенфюрером Визнером, он сразу же направился в Рыцарский зал, в котором обычно проходили все секретные совещания высшего руководства СС и где уже собрались все участники этой встречи, Причем у входа в зал тем троим, что пытались войти вместе с ним – Визнеру, личному адъютанту Шаубу и личному телохранителю Раттенхуберу [90], было приказано вернуться и ждать его в комнате для охраны.

– Этот день настал, – плавным, дирижерским каким-то, движением руки Гитлер позволил рыцарям-руководителям Черного ордена СС опуститься в свои троноподобные кресла и только тогда направился к своему, стоявшему на возвышенности, окаймленной двумя стелами-полусферами из черного мрамора. – Он настал, как настает любой другой день выбора день принятия важного государственного решения.

Гитлер опустился в свое кресло и, обхватив руками подлокотники, с минуту задумчиво смотрел куда-то в пространство за пределами овального стола, за которым сидели рыцари СС Скорцени понял, что фюрер прибыл сюда,так и не сформулировав те основные мысли, которыми хотел поделиться с со бравшимися. Трубя этот сбор, он, конечно, исходил из какой-то поглотившей его идеи, но для того, чтобы донести ее до высшего руководства СС, ему не хватало вдохновения, порыва, первой фразы, того эмоционального взрывателя, который помог бы ему ввести себя в состояние ораторского экстаза.

Почти не поворачивая головы, боковым зрением Отто прошелся по лицам Гиммлера, Кальтенбруннера, «гестаповского» Мюллера, Шелленберга, обергруппенфюрера СС, командира личной охраны Гитлера Йозефа Дитриха, командира дивизии «Дас рейх» Хауссера… Все они замерли в тех позах, в которых застало их вещее молчание фюрера. Они ждали. Никто не смел, ни обменяться с кем-либо взглядом, ни шелохнуться, ни даже громко вздохнуть. Скорцени, очевидно, был единственным, кто позволял себе, в это время молча, пронизывающим взглядом осмотреть почти каждого из присутствующих. И каждый из них почувствовал этот взгляд и воспринял как взгляд… личной агента и теперь уже самого доверенного человека фюрера.

– В этой войне мы проиграли несколько очень важных битв, – поразил рыцарей СС тихий, слегка удрученный голос фюрера. – Битву с Англией, битву за Северную Африку, битву за Кавказ, под Сталинградом и Курском. Мы не будем анализировать сейчас причины, которые привели к этим временным неудачам. Как видите, я не приглашал сюда представителей высшего командования вермахта, Кригсмарине, люфтваффе, командующих группами войск и того же адмирала Канариса. То есть никого из тех, кто в той или иной степени повинен в наших поражениях. С ними у меня будет отдельный и очень трудный разговор. – Только теперь фюрер слегка приподнял голову и из-под свисающей на лоб челки внимательно осмотрел сидевших за столом, словно бы пытался убедить себя в том, что никто из повинных в поражениях рейха сюда не проник. – Сегодня же, как видите, я собрал только вас, высших посвященных ордена СС, людей, от которых, в конечном итоге, и будет зависеть судьба рейха, судьба германской нации, судьба арийской расы.

Как ни удивительно это было, однако голос фюрера все еще оставался поразительно спокойным и по-мессиански умиротворенным. Он принадлежал человеку, овладевшему самым высоким и сложным искусством всечеловеческого сосуществования – умением прощать. Но дело в том, что Скорцени уже достаточно хорошо знал Гитлера, чтобы убедиться: этот правитель прощать так и не научился.

«А ведь еще вчера он назвал бы предателем и паникером каждого, кто осмелился бы в его присутствии огласить этот скорбный список поражений, – сказал себе Скорцени. – Что-то произошло. Он действительно решился на какой-то очень важный шаг».

– В этих битвах мы потеряли сотни тысяч отважных воинов Германии, в том числе и многие тысячи тех, кто составлял цвет элиты нашей армии и государства – воинов СС. Однако та жертвенность, с которой воины СС идут в бой и защищают интересы рейха, находясь в пределах страны, на службе в СД, гестапо, в элитных охранных батальонах и армейских дивизиях СС, – свидетельствует, что идея создания служб и подразделений СС оказалась в высшей степени правильной.

Что будущее нашей национал-социалистской рабочей партии, будущее германской армии, будущее нации – за их элитой, которая талантливо воплощается в образе воина СС. Поэтому сейчас, – с каждым новым словом крепчал голос фюрера, – вам, Гиммлер…

Слушаю, мой фюрер. Скорцени все же показалось, что вождь СС подхватился прежде, чем успела прозвучать его фамилия, вот

только Гитлер не обратил на него никакого внимания; он уже не видел присутствующих; поднявшись со своего места, он уставился в резной дубовый потолок, словно апостол, общающийся с самим Господом.

– И всем нам нужно сделать все возможное, чтобы объединить в рядах СС лучших представителей партии, а значит, и всей нации. Здесь, в СС, мы должны подходить со значительно более суровыми мерками к подбору своей элиты, нежели подходят к своей элите в партии. Прежде всего, мы обязаны предъявлять более жесткие требования к свойствам характера и поведению тех, кто зачислен в наши ряды, чем предъявляет партия. Идейно-воспитательная работа в СС должна проводиться в гораздо более широких масштабах, нежели в партии, и давать более эффективные результаты. В то же время мы должны помнить, что СС – это лишь малая часть партии, и численность их должна оставаться незначительной, чтобы мы и впредь могли сохранять их элитарный характер. Ни в коем случае, слышите, ни в коем случае, нельзя одинаково оценивать тех, кто зачислен в войска СС, и тех, кто служит в подразделениях СС, непосредственно подчиненных партии.

Только теперь, убедившись, что фюреру совершенно безразлично – стоит он или нет, Гиммлер растерянно взглянул на сидевших напротив него Кальтенбруннера и Мюллера и на стул свой стал опускаться медленно, неуверенно, словно бы опасался, что фюрер расценит это как неуважение к себе и рявкнет: «Стоять! Я все еще говорю!»

– Тех, кто зачислен в войска СС, в настоящее время нужно оценивать как солдат, и такой подход должен сохраниться и в будущем. Что же касается тех, кто служит в подразделениях СС, непосредственно подчиненных партии, то в первую очередь следует рассматривать сдержанность и мудрость их поведения, твердость их характера, их заслуги перед партией и народом. В этих подразделениях под началом рейхсфюрера СС, – только теперь Гитлер отыскал взглядом вновь подхватившегося Гиммлера и удивленно уставился на него; он словно бы только сейчас заметил, что магистр Черного ордена все еще стоит,- должны служить лучшие представители партии и нации. Я подчеркиваю: партии и всей нации! А рядом с ними должны стоять уже непосредственно сами войска СС, под знаменами которых вы, рейхсфюрер СС, именно вы, обязаны собрать всех, кого вдохновляет великогерманская идея, и воспитать из них стойких в идейном плане бойцов [91].

«Но ведь собрал он нас не для того, чтобы говорить о достойном пополнении войск СС, – не воспринял вдохновенности

его речи Скорцени, – Конечно, это тоже важно, но не настолько, чтобы созывать нас в ритуальном зале этого "монастыря СС"».

Поправив лежавшую перед ним фуражку, обер-диверсант недовольно прокряхтел, поерзал плечами и откинулся на спинку кресла. Всем своим видом он как бы говорил: «Я прибыл сюда для того, чтобы постичь ясность». Заметив эти вызывающе раскованные движения Скорцени, сидевший слева командир дивизии СС «Дас рейх» растянул губы в какой-то загадочной ухмылке, подался к нему и едва слышно проворчал:

– Я, старый солдат, думаю о том же. – И обер-диверсант так и не понял, о чем же на самом деле думает «старый солдат СС» Хауссер: то ли о том, что сказал фюрер, то ли о том, что не может высказать вслух он, Скорцени.

Тем временем, фюрер медленно прошелся за спиной Гиммлера и всех сидевших в его ряду и остановился возле бригадефюрера, имени которого Скорцени не знал и которого, кажется, видел впервые в жизни.

– Вы, бригадефюрер…

– Бригадефюрер СС Альфред Ширнер, – с прытью старого служаки подхватился тот к кому Гитлер обратился.

– Имен своих генералов я не забываю, – внушающе уставился на него Гитлер, – Да-да, Монке, не забываю, – почему-то обратился он к сидевшему напротив Ширнера командиру дивизии СС «Адольф Гитлер» Вильгельму Монке.

– Верю, мой фюрер, – осипшим голосом молвил бригадефюрер СС, Скорцени запомнил этого неразговорчивого генерала с тех пор, когда впервые принимал участие в одном из совещаний высших чинов СС, происходившем здесь же, в Вебельсберге. Слегка располневший, невысокого, явно не «эсэсовского» 92 роста и близоруко щурившийся, он тогда вклинился между ним, Скорцени, и бригадефюрером СС Хауссером и, глядя на генерала, кивнул в сторону обер-диверсанта:

«Что это за гауптштурмфюрер? Что-то я не припоминаю».

«Да это же Скорцени, черт побери! – взорвался Хауссер, – шеф диверсантов СС. Уж этого-то парня ты мог бы и запомнить!»

«О-ва! Скорцени. Уже наслышан, – не очень-то уверенно заявил генерал от СС. – А я – бригадефюрер Монке, с вашего позволения».

А еще через какое-то время, уже прощаясь, Монке поинтересовался:«Если вы действительно такой храбрец, как об этом говорят, то почему вы не служите в моей дивизии СС "Адольф Гитлер"»?

«Я не знал, что там служат все храбрейшие солдаты Германии, – попытался было отшутиться Скорцени. – А то,

конечно же, попросился бы».

«В рейхе об этом знают все! – вскинул подбородок бригадефюрер Монке, считая, что шутки в данном случае неуместны. – Где им еще служить? Не у Хауссера же! Не забывайте, что речь идет о дивизии СС "Адольф Гитлер"».

«Мы, в РСХА, тоже служим под штандартами Адольфа Гитлера, – вежливо напомнил Скорцени. – И в рейхе об этом тоже все знают. Или обязаны знать».

«В любом случае, – раздосадованно прокряхтел Монке, – я бы не допустил, чтобы такой офицер, как вы, Скорцени, до сих пор пребывал в гауптштурмфюрерах».

«Как только меня выставят из Главного управления имперской безопасности, я попрошусь к вам».

«Зачем ждать, пока выставят?! – искренне удивился Монке- – Сегодня же подавайте рапорт. Батальона так сразу не обещаю, но лучшую из моих рот вы получите. Вы слышали, Скорцени: лучшую из моих рот!» – произнес он, по-заговорщицки приложив ко рту ладонь.

– Я никогда не забываю имен своих генералов, – продолжил свою речь фюрер после слегка затянувшейся паузы. – Тем более тех, кому недавно был пожалован чин генерала СС.

– Благодарю за доверие, мой фюрер.

– Чин, который еще стоит оправдать.

– Буду стараться, мой фюрер.

– А вот говорить, Ширнер, вы будете только тогда, когда вам позволят, – вновь болезненно поморщился Гитлер.

– Яволь, мой фюрер!

– Откуда он взялся, этот болтун? – проворчал Хауссер, но слишком громко для того, чтобы слова его можно было воспринимать лишь как ворчание.

– Вы, Ширнер, обязаны были доложить, что происходит в специальном Коварском арктическом учебном центре.

– Господин фюрер, господа. По вашему приказу мой фюрер, секретный Арктический учебный центр в Коварах [93] был создан летом 1940 года. Начальником лагеря был назначен я.

– Роковая ошибка, – проворчал бригадефюрер Пауль Хауссер, оставлявший за собой право комментировать всё, что происходит в его присутствии.

– Обучение в нем проходили солдаты вермахта, которые имели опыт службы в Скандинавских странах, а также принимали участие в боях на севере России. В число кандидатов подбирались рослые, выносливые, физически сильные парни с максимальной чистотой арийской крови.

– Вот именно, физически выносливые и с максимальной

чистотой арийской крови. Но мне послышалось слово «проходили». Сейчас там никто не обучается?

– Не обучается, мой фюрер. Осенью прошлого года приказом командования вермахта Арктический центр был закрыт, а все его курсанты и инструктора отправлены на фронт. В основном, в группу армий «Север».

Гитлер недовольно проворчал, прокашлялся, прошелся к двери и обратно.

– Оказывается, консул Внутреннего Мира прав, – отрешенно как-то проговорил он, – мы действительно увлеклись агонией погибающего континента. Забывая, что будущее рейха не здесь, а там, на базах Внутреннего Мира…

– Простите, мой фюрер, я не понял…

– Вас, Ширнер, это не касается, – раздосадованно отмахнулся от него вождь. Он терпеть не мог, когда кто-то решался вторгаться в его собственный внутренний мир.

– Простите, мой фюрер.

– Слушайте мой приказ, бригадефюрер: всех бывших инструкторов этого Арктического учебного центра, которые уцелели на фронтах, собрать, где бы они в данное время ни служили. Центр немедленно восстановить. Только на этот раз он должен действовать не в польских Судетах, а в заснеженных Баварских Альпах, неподалеку от моей ставки в Берхтесгадене. Более конкретные координаты вам будут указаны завтра. Я лично намерен инспектировать работу этого центра. Теперь о выпускниках. Вам известно, где именно, в какой дивизии, каких подразделениях они служат?

– Нет, такими сведениями не располагаю. Известно только,

что большая часть первых двух выпусков была направлен, на какую-то арктическую базу. Куда именно, этого я сказать не могу. Знаю только, что из них был сформирован особый от ряд морской пехоты для высадки из подводных лодок гросс адмирала Редера.

– Да, вы действительно не знаете, куда были направленны выпускники ваших курсов?

– Извините, мой фюрер, не знаю.

– Это хорошо, – потер фюрер руки так, словно они озябли. – Значит, требования абсолютной секретности в большинстве случаев выполнялись.

– Курсанты остальных выпусков, – взбодренно продолжил свой доклад бригадефюрер, уже глядя в спину Тикеру, – использовались в боях на Кольском полуострове, в десантах на русские берега Ледовитого океана и в боях на Кавказе.

– И на Кавказе… – проскрежетал зубами фюрер. – Все верно, они вполне могли быть использованы в боях на кавказских

перевалах. Но то ли слишком плохо мы их готовили, то ли слишком мало их оказалось там, специально подготовленных…

_ – Слишком мало, мой фюрер. Я пытался доказывать, что центр закрывать нецелесообразно, однако командование вермахта…

– Теперь это уже не имеет никакого значения, – устало прервал его Гитлер, садясь в свое кресло. – Свяжитесь со штабом вермахта и в ближайшие две недели попытайтесь собрать всех выпускников курсов. Каждый из них должен будет пройти дополнительную диверсионную подготовку, в чем вам помогут «Фридентальские коршуны» Скорцени, – вы слышите меня, штурмбаннфюрер?

– Помогут, – спокойно подтвердил обер-диверсант рейха.

– А практику они будут проходить на субмаринах «Конвоя фюрера», которым командует лично гросс-адмирал Дениц. Из них будет сформирован полк морской пехоты войск СС, подчиненный командованию Кригсмарине. Требования к новым курсантам те же, что и прежде. Предпочтение отдавать тем, кто остался без близких родственников или же круг родственников крайне ограничен,

– Будет учтено, мой фюрер.

– Да, генерал Ширнер… Когда вы отбирали кандидатов в свой Арктический центр, вы, конечно же, отдавали предпочтение тем, кто был награжден медалью «Зимняя кампания» [94] .

– Медалью «Зимняя кампания»? – Скорцени мог поклясться, что бригадефюрер СС так и не вспомнил, что это за награда. – Извините, мой фюрер, но такого приказа не было.

– Считайте, что вы его только что получили. А что касается в целом Арктического центра… Вы, Гиммлер, слышали приказ, полученный Ширнером. Сегодня же свяжитесь со штабом вермахта. Все, что связано с деятельностью Арктического центра, отныне принадлежит к делам особой государственной важности. Курсантов, которые успешно пройдут подготовку и переподготовку, принять в ряды Ваффен СС [95].

«А вот теперь мы переходим к самому важному, - подумалось Скорцени, пока фюрер жадно опустошал стакан с минералкой. – И сейчас очень важно понять, насколько откровенным и решительным окажется фюрер в своих антарктических планах. И насколько он сумеет подчинить усилия страны в этом направлении в ближайшие дни после совещания».

– Все вы уже поняли, – размеренно принялся фюрер ударять по столу костяшками согнутых пальцев, – что я собрал вас для того, чтобы обсудить идею создания в Антарктиде нового, Четвертого, по историческому счету, рейха. Я хочу, чтобы вы

осознали, что в истории Германии решение о создании нового арийского государства в Антарктиде имеет не менее важное значение, нежели решение о создании самих СС. В свое время мы начали создавать подземную базу СС в Судетской области, в районе Одера, которая получила название «Город дождевого червя» [96]. Еще одну надежду на создание здес, в Германии, страны германского будущего, страны СС, а значит, и страны арийцев, мы связывали с созданием Франконии [97]. Как вы понимаете, полноценное воплощение этих идей в создавшихся условиях уже невозможно. Здесь, в узком внутреннем кругу посвященных, мы обязаны это признать.

Каким-то боковым зрением Скорцени видел, как Пауль Хауссер уперся кулаками в поверхность стола, и ему показалось, что командир «старой гвардии СС», как, подражая Наполеону, этот генерал называл свою дивизию, вот-вот подхватится, чтобы бросить в лицо самому «императору»: «Нет! Никогда! Никакого поражения! Никаких пораженческих признаний!» Но комдив так и замер в позе чиновничьего сфинкса – не осознав, не решаясь, не смея…

– Однако признавать это мы можем только здесь, только в нашем узком кругу! – вновь сорвался фюрер на крик. – Пока весь мир будет следить за тем, как германский народ мужественно сражается против большевизма и его западных союзников здесь, в Европе, мы будем создавать новую страну, новую нацию, новую арийскую германскую расу. И все это - во Внутреннем Мире Земли, в подземном рае Антарктиды. Предупреждаю, что это будет нелегко. Нам предстоит в абсолютной секретности перебрасывать в Новую Швабию большое количество солдат, ученых и рабочих, техники, продовольствия, горючего и оружия. Создавать там новые города, строить самые современные заводы, научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и лаборатории.

«И мне придется организовывать безопасность всего этого, сидя в подземельях Антарктиды?!» – почти с ужасом подумал Скорцени.

После снегов и морозов Подмосковья, в которых он чуть было не погиб зимой 1941-го, всякое воспоминание о севере, льдах, айсбергах и всем прочем вызывало у штурмбаннфюре-ра чувство жесточайшего душевного отторжения. Всякий раз, когда ему предстоит операция на каких-либо северных территориях, он неминуемо вспоминает полночь 21 июня 1941-го, когда бригадефюрер Хауссер, стоя на танке, говорил им, сгрудившимся внизу офицерам дивизии: «Воины мои! Пройдет всего несколько недель, и мы устроим парад победы в Москве, в столице

исконного врага Германии – славянской России!»

А затем ему являлось видение похорон своих однополчан, происходивших в каком-то подмосковном городке. «Поскольку похоронить своих убитых, – облек он это видение в словеса своего дневника, – в насквозь-промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал их руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся большую яму трупы погибших за последние день-два» [98].

А ведь в Антарктиде и церкви за тысячи миль не отыскать!

Тем временем фюрер, которого никакие фронтовые видения сейчас не мучили, подхватился, сжал у груди кулаки и, выстреливая снизу вверх и потрясая ими, прокричал:

– Но самое важное, что нам придется создавать там, – это новый человек, новая раса, новое мышление! Каждые семьсот лет человечество поднимается на новую ступень своего исторического и духовного развития; на новую, высшую ступень своего сознания и своего сближения с космосом! И залогом успеха этой беспрецедентной борьбы за Посвященного Сверхчеловека служит явление нам сыновей Бога и посланцев Шамбалы. Да, сыновей Бога и посланцев Шамбалы!

Скорцени вспомнил, что нечто подобное он уже слышал из уст Гитлера тогда, во время своего первого появления здесь, в Вебельсберге, тем не менее с огромным вниманием вслушивался в каждое его слово.

– Пройдет еще немного времени, – входил в раж Гитлер, – и вся творческая сила, весь воинственный дух, вся энергия Вриля [99], которая накопилась в нынешнем поколении германцев, вся непоколебимость непобедимой германской нации трансформируются и сосредоточатся в новой, теперь уже арктической расе. Именно там, во Внутреннем Мире нашей планеты, в Рейх-Атлантиде, избранные и посвященные Третьего рейха будут овладевать знаниями и тайнами Высших Посвященных, которые из всех народов по-настоящему познали и признали в качестве своих духовных и физических преемников только нас, германцев, только нас, лучших и самых достойных даже среди сущих на земле арийских племен. Это говорю вам я, фюрер Великогерманского рейха: они признали нас! Они уже во второй раз прислали к нам Консула Внутреннего Мира, который находится в эти минуты здесь, в замке Вебельсберг и с которым я

встречусь сразу же после завершения нашего совещания!

Скорцени так и не понял, что произошло дальше: почему они все как один сорвались со своих мест и принялись бурно аплодировать. Казалось бы, никакого знака фюрером или кем-то другим подано не было, но какая-то струя энергетики, какой-то разряд эмоциональной молнии заставил их наэлектризоваться и долго, бурно аплодировать, не позволяя фюреру продолжить его речь.

– Но уже сейчас, – заговорил он, так и не дождавшись конца верноподданнических экзальтации руководителей СС, – еще до беседы с Консулом Внутреннего Мира, я имею право заявить: это нам с вами предстоит взрыхлить почву духовного мира планеты, для того чтобы возродившиеся в Шамбале потомки. Высших Посвященных смогли засеять ее семенами новой расы, новой космической цивилизации. Эти Высшие Посвященные [100] уже решили, что настало время выйти из недр Земли, окончательно соединиться с разумом космоса и, мужественно восприняв гибель современной человеческой цивилизации, уже сейчас, имея в запасе чуть более ста лет, постепенно зарождать новую расу на новом континенте – Антарктиде. Да-да, вы не ослышались в Антарктиде, которой вскоре суждено, будет оголиться ото льда и воды которой потопно погубят большую часть ныне существующего человеческого мира – со всеми его государственными, политическими строями, идеологиями и армиями; с его многовековой враждой между странами и народами. Это мы и наши потомки станут гражданами Рейх-Атлантиды, это мы, германцы, станем повелителями планеты Земля. И для этого нам не понадобится ни уничтожать английские танки на берегах Ла-Манша, ни истреблять неисчислимые орды русских полуазиатов на берегах Волги! Потому что нам, уготована иная судьба, и эта судьба ведет нас сейчас к великой жизни в глубинах того континента, который всегда считался почти безжизненным. Конечно же, нам предстоит довести начатую нами войну с большевизмом до конца. Но, каким бы он ни выдался, мы с вами должны помнить, что все жертвы, которые мы уже принесли в этой войне и которые нам еще предстоит принести, – отныне должны восприниматься нами уже как жертвы высшего порядка жертвоприношения!

Только теперь все вновь заняли свои места. Скорцени вдруг почувствовал на себе свинцовый взгляд Гиммлера, пропущенный им через круглые, основательно помутненные стекла очков, словно через дула спаренного пулемета. В какое-то мгновение обер-диверсанту показалось, что рейхсфюрер хочет что-то сказать ему, однако не решается из-за страха перед фюрером.

– В свое время, – как-то незаметно перешел Гитлер на спокойный деловой тон, – каждый из вас получит свое, особое задание. Но уже сейчас я хочу высказать несколько принципиальных требований, которые должны быть известны всем вам, для общей ориентации и для того, чтобы вы могли координировать свои действия. Вы, Скорцени.

– Я, мой фюрер.

– На вас возлагается общее руководство силами безопасности Рейх-Атлантиды Причем имеется в виду, что вы будете заниматься безопасностью,самой «Базы-211», «Конвоя фюрера», а также его базы «Нордберг» и других мест базирования специальных антарктических субмарин. Строжайшая секретность. Любой человек, который, при каких бы то ни было обстоятельствах, упомянет о существовании Рейх-Атлантиды, уже должен рассматриваться как болтун и предатель,

– Безопасность и секретность этих баз мои люди обеспечат – жестко проговорил Скорцени.

– Надеюсь, ваши курсы особого назначения «Ораниенбург» все еще действуют? Вы не распустили их, как кое-кто умудрился поступить с совершенно секретным разведывательно-диверсионным Арктическим центром?

– Они существуют и по-прежнему готовят лучших в мире диверсантов.

– Срочно создайте там особую, секретную «антарктическую группу. Как их готовить – вы знаете. Не забудьте позаботиться о том, чтобы костяк ее составили парни, прошедшие закалку фронтом, а также моряки и морские пехотинцы. Отдельно вы создадите группу из людей, прошедших летную подготовку. Не будем забывать, что в Новой Швабии нам понадобится очень много пилотов.

– Обе группы немедленно будут созданы. Лучшие из этих курсантов станут сотрудниками службы безопасности «Базы-211». При этом я создам группу журналистов, которые станут опровергать любые более или менее правдивые зарубежные публикации, касающиеся Рейх-Атлантиды, но при этом будут заниматься активной разведкой и столь, же активной дезинформацией.

Услышав это, фюрер едва заметно улыбнулся. Нет, что бы там ни говорили о зверином характере Скорцени, а этот парень ему нравился. Еще бы с десяток-другой таких!…

– Если признаться честно, о создании группы разведчиков-дезинформаторов я не подумал. Но идея мне нравится. Редактор нашей газеты «Дас Шварце Кор» Гюнтер д'Алькен [101] в тайну «Базы-211» в силу понятных причин, посвящен быть не может. Но,

избегая прямых указаний на Антарктиду, вы с его помощью можете подобрать несколько подающих надежды молодых журналистов и студентов. Хотите еще что-либо добавить, Скорцени? – решил фюрер продемонстрировать свой интерес к любой мудрой инициативе подчиненных.

Скорцени не ожидал такого предложения, поэтому на несколько мгновений замер. Все присутствующие – кто так же растерянно, а кто сочувственно, а то и со злорадством – следили за обер-диверсантом рейха.

– Всего лишь хочу заметить, – довольно быстро овладел своими чувствами и мыслями Скорцени, – что в числе курсантов этой группы будут и люди, которые сумеют пресекать любую утечку, информации и любые попытки германских или зарубежных ученых и журналистов подобраться к тайнам Рейх-Атлантиды[102]. Это будут интеллектуалы, получившие прекрасное воспитание и обладающие аристократичными манерами, в прекрасно сшитых черных вечерних костюмах…

– Так-так, – подался к нему Гитлер. Сейчас он напоминал школьного учителя, который неожиданно для себя обнаружил в доселе неприметном ученике зародыши истинного таланта.

– Поначалу они станут запускать дезинформацию, затем попытаются усмирить слишком любопытных с помощью увещеваний и угроз, а когда все прочие методы будут исчерпаны жесточайшим образом устранят этих любопытствующих вместе с их архивами.

– Если ваши люди в черном решат, что в определенных ситуациях следует нарушать установленный порядок и сразу же прибегать к «последней стадии внушения», – это им простится. – Фюрер не удержался, приблизился к Скорцени и пристально взглянул ему в глаза, – Вы понимаете, о чем я?

– Мои «люди в черном» будут приучены к тому, чтобы в ответственный момент, принимать решения самостоятельно, – спокойно выдержал обер-диверсант рейха холодный и в то же время, гипнотизирующий взгляд фюрера, – что в условиях Рейх-Атлантиды представляется крайне важным.

– Как и на завершающей стадии войны – здесь, в условиях рейха, – уточнил фюрер.

– Они составят корпус наземной Черной гвардии Рейх-Атлантиды, оставаясь при этом ее агентами, рейдерами, диверсантами, разведчиками и контрразведчиками и, когда это будет необходимо, исполнителями приговоров, вынесенных Верховным судом Рейх-Атлантиды тем лицам, которые, находясь здесь, на поверхности, решатся проявлять враждебность по отношению к гражданам Рейх-Атлантиды и ее идеям,

– Вот видите, Скорцени, как важно, чтобы такие люди появились у нас как можно скорее.

– И они появятся. Мы создадим в нашей Рейх-Атлантиде Черную гвардию фюрера.

– Если бы я в этом усомнился, – вновь просветлело лицо Гитлера, который смотрел сейчас на Скорцени с почти отцовской нежностью и восхищением, – я бы нашел себе другого личного агента по особым поручениям. Садитесь, штурмбаннфюрер.

– Благодарю за понимание и поддержку, мой фюрер.

39.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Со второго этажа доктор Кодар спустился с закатом солнца, получив приглашение сеньоры Оливейры отужинать вместе с ней и доктором Микейросом. Она пригласила также и госпожу Менц, но та решительно отказалась.

Собиратель Священных Плит заметил гостя еще на лестнице. Он только что заходил к Оранди, интересовался, как тот себя чувствует, и остался доволен тем, что его добровольное заточение скитальца, как Микейрос называл его про себя, пока что не угнетает. Вот только от ужина он тоже решительно отказался.

– Благодарен вам, доктор, за приют, – хриплым мужественным голосом проговорил Кодар, – и за возможность чудесно отдохнуть.

– Думаю, вечер тоже пройдет для вас не хуже, – вежливо ответил хозяин, и, войдя вместе с ним в гостиную, предложил одно из кресел. – Если зам действительно понравилась моя горная обитель, можете оставаться, сколько позволяет ваше время.

При этом хозяин «Андского Гнездовья» успел заметить, что лицо гостя кажется еще более уставшим, чем тогда, когда он поднимался в отведенную ему комнату. Сейчас у Кодара 6ыл вид человека, не знавшего сна, по крайней мере, трое- четверо суток. И Микейрос не был уверен, что он не уснет прямо за столом, с ножом и вилкой в руках. А ведь одно это уже должно было показаться подозрительным, даже столь не склонному к подозрительности человеку, как он,

– Обитель понравилась, однако оставаться еще на сутки я уже вряд ли смогу.

– Выглядите вы не лучшим образом. Поспать не удалось? Очевидно, какое-то время мешал ливень? – осторожно поинтересовался он. – Лично я в ливень уснуть не в состоянии.

– У меня – наоборот, – неохотно возразил Кодар. – Во время дождя мне всегда хорошо спится. Правда, гром несколько раз заставлял просыпаться, но это не в счет. И потом, впереди ведь целая ночь. К тому же – ночь в горах.

– Да, ночь в горах… – мечтательно согласился Микейрос/ понимая, что каждый из них вкладывает в эти слова только, ему понятный смысл.

Доктору было за сорок. Во всяком случае, об этом

свидетельствовали седоватые, гладко зачесанные волосы и короткая, тоже с легкой проседью, шкиперская бородка. Но она же оставалась и единственным признаком зрелости доктора, потому что тело его – мощное, мускулистое, как у хорошо тренированного борца, могло принадлежать и человеку не старше' тридцати, и даже юноше. Тем более, что лицо его лишь едва-едва покрылось первыми, почти незаметными морщинками.

– Простите, сеньор Микейрос, что задаю подобный вопрос… – вежливо, почти вкрадчиво заговорил Кодар, дождавшись, пока Оливейра поставит на стол перед ним тарелки с жареной рыбой и рисовым гарниром и выйдет. – Эта сеньора – действительно ваша супруга? *

«Ну вот, оказывается, и этому тоже кое-что известно, – усмехнулся про себя Микейрос. – как и Оранди».

– Большей частью она живет в моем городском доме. Но и там, и здесь исполняет обязанности личного секретаря.

– Секретаря – я верно понял?

– Не пытайтесь казаться бестактным. Иногда она еще и выступает соавтором моих работ. Кстати, по образованию она историк. Кроме того, по собственной инициативе она взяла на себя обязанности горничной и кухарки, однако пошла на этот шаг только потому, что не желает, чтобы в доме находилась еще хотя бы одна женщина…

Услыхав это, Кодар понимающе кивнул, и на лице его вырисовалось нечто похожее на улыбку.

– Не скрою, что как женщина она достаточно привлекательна, – доктор Микейрос сказал эти слова исключительно из самолюбия. Он еще помнил свой разговор с Оранди, который не очень-то радовал его своим присутствием. – К тому же, она была матерью моей дочери. Хотя законной женой так и не стала. Не пытайтесь выяснить, почему Этого-то я и сам не знаю.

Из вежливости Кодар никак не отреагировал на объяснение хозяина, и несколько минут они просидели молча. Хозяйка поставила перед мужчинами по чашечке кофе, поинтересовалась, не требуется ли еще чего-нибудь и, слегка прикоснувшись к плечу Микейроса, – Кодар уже обратил внимание, что таким образом она прикасалась к нему при малейшей возможности, – вышла.

Казалось бы, вечер должен был завершиться без возобновления разговора, однако, допив свой кофе, Кодар неожиданно вскинул голову и, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– Нам с госпожой Менц необходимо пробыть в вашем пристанище еще двое суток. Она хотела бы сделать снимки некоторых плит, чтобы заинтриговать ими своих читателей и

зрителей. У вас есть веские причины отказать нам в столь длительном приюте? Само собой разумеется, что мы свое пребывание оплатим.

– Никаких причин нет. Мы с Оливейрой рады любому гостю, который удостаивает нас подобной чести. Что ни говорите, а в горах довольно одиноко. Это ощущаем даже мы, люди, привыкшие к горному одиночеству.

– Охотно верю, поскольку тоже немало лет пришлось прожить в горах. К тому же, я давний и прирожденный альпинист. Как, очевидно, и вы?

– В молодости, – заметил Микейрос. – Вы сказали: «Прирожденный альпинист»… В этом есть нечто философское.

– Странно, мне казалось, что вы до сих пор не отреклись от альпинизма. И даже знаю, какие обстоятельства способствовали этому, – там, на секретной германской базе в Пунта-дель-Эсте, Готт-Кодар получил основательную справку о жизни владельца «Андского Гнездовья», и это еще раз убедило его, что к операции «Священные письмена» Посланник Шамбалы и фюрер готовились давно; во всяком случае, уругвайские агенты абвера успели основательно потрудиться.

– Все относительно, – помрачнел Микейрос, не желая, чтобы Кодар напоминал ему об этих обстоятельствах. – Кстати, откуда такие сведения?

– Вам уже пора привыкнуть к своей популярности и к тому, что со временем некоторыми страницами вашей жизни будет интересоваться все большее число абсолютно незнакомых вам людей.

– Совершенно упустил это из виду. Да, в общем-то, и не задумывался.

– Задумывались, но не придавали особого значения, – безапелляционно уточнил доктор Кодар. – И коль уж завязался такой разговор… Что удерживает вас на плато? Всего лишь давнишнее увлечение горами? Или что-то другое?.

– Вам прекрасно известно, – проворчал Микейрос, – что самое важное для меня сейчас – плиты, священные андские плиты.

– Но ведь их в любое время можно перевезти в городишко, за ограду вашего уютного особняка. Мало того, вам уже не раз предлагали перебраться в столицу, где вы смогли бы организовать уникальный музей, который сразу же приобретет огромную популярность. Для вас, с вашим финансовым положением, это не проблема.

– Мне нравится логика ваших размышлений. Но в жизни всё значительно сложнее,

– Пугают расходы на перевозку экспонатов и оборудование

столичного музея? – Микейрос с удивлением отметил, что гость спросил об этом абсолютно серьезно. Как человек, которому хотелось бы знать сумму расходов, и он даже готов поразмышлять над ней.

– Дело не только в финансовой стороне вопроса. Уверен, что плиты по-прежнему должны оставаться здесь, на плато Эндано. Ибо только здесь, в своей стихии, они приобретают естественный смысл, здесь они взывают: «Прочтите нас, проникните в смысл того, что закодировано в наших криптограммах и пиктограммах людьми иной цивилизации, сумевшими накопить огромные, порой неведомые вам знания».

Доктор Кодар демонстративно поморщился. Микейрос, конечно, был прав, однако гостю не нравилось, как – с пафосом школьного учителя – он излагал свою позицию.

– Знающие люди сообщили, что собирать эти камни начали не вы. И что горный музей священных плит под открытым небом – тоже не ваша идея. Не знаю, правда ли это.

Микейрос молча, поиграл желваками. Ему не нравилось, что их беседа начала приобретать форму допроса. Мало того, он начал понимать, что сеньора Менц специально отказалась от ужина, чтобы не мешать их разговору. Однако отступать было поздно. А грубить гостю он не мог из прирожденной деликатности.

– В какой-то степени да. Собирать начал не я. Известно, что эту виллу построил сеньор Альфредо Команес. Об этом человеке вам может рассказать любой старожил города. К сожалению, лично мне не представилась возможность сколько-нибудь близко познакомиться с этим сеньором. Знаю только, что по происхождению своему отец его был тибетцем.

– Вот как? – живо отреагировал Кодар. – Вам это тоже известно?

– А мать принадлежала к одному из местных индейских племен.

– Верно.

– Сам Альфредо начинал свою карьеру моряком на венесуэльских кораблях, поскольку судьба каким-то образом забросила его именно в эту страну, но затем вернулся сюда, на родину, увлекся альпинизмом и долгое время зарабатывал себе на жизнь тем, что сопровождал в Анды богатых туристов, возомнивших себя покорителями вершин. Вот, собственно, и все, что мне удалось узнать о первом владельце «Андского Гнездовья».

– Но ходят слухи, – напомнил барон фон Готт, – что у Команеса не все так просто складывалось…

Микейрос оживил погасшую, было трубку и угрюмо взглянул

на Кодара-Готта. Пересказывать слухи ему не хотелось, но в, то же время он понимал, что гость его затеял весь этот разговор не случайно. И владельцу «Андского Гнездовья» важно было понять, какой интерес движет этим человеком.

– Действительно, многие задавались вопросом: откуда у Команеса появилось столько денег, что их хватило на строительство такой роскошной виллы.

– А действительно, откуда?

– Существуют разные версии. Одни считают, что он попросту убил нескольких богатых американцев с Севера, подстроив все так, будто бы они погибли в горах во время обвала, и завладел их деньгами и драгоценностями. Другие уверяют, что деньги эти он частью заработал, частью получил в наследство. Меня это, собственно, не интересует. Достаточно того достоверного факта, что Команес сумел-таки построить виллу «Андское Гнездовье» и завезти на нее около двух сотен каменных плит, которые к тому времени уже сумел собрать.

– Кажется, вы были одним из первых ученых, заинтересоавшихся его плитами?

– На лавры первооткрывателя не претендую, но факт есть факт.

И очень обрадовались, когда сеньор Команес согласился уступить вам за сравнительно небольшую сумму и виллу, и коллекцию?

– Вот видите: все, что только можно знать обо мне, вы уже знаете, – сказав это, Микейрос припомнил, что часа два назад нечто подобное он уже вынужден был сказать другому неожиданному гостю, который отсиживается сейчас в угловой комнатке десять шагов отсюда. Доктор сразу же почувствовал себя, как-то неуютно: с чего вдруг такая вспышка интереса? А еще у него вдруг возникло желание признаться, что в доме появился еще один гость, который кажется ему очень подозрительным.

– Я всего лишь высказал предположение, с которым вы любезно согласились. – Микейрос не сомневался, что он, говорил неправду. Просто Кодару не хочется, чтобы хозяин подозревал его в стремлении, во что бы то ни стало залезть ему в душу. – До сих пор ученым и путешественникам удавалось находить довольно много всяких наскальных рисунков и пиктограмм. Сцены охоты, изображения животных и растений… Однако никто и никогда не придавал им такого значения и не выдвигал таких теорий, как вы, а теперь уже – и ваши последователи. Хотя последователей у вас пока еще не так уж и много, как бы вам хотелось.

– Справедливо, – пробормотал Микейрос. – Их совсем немного. Но все же есть.

– Но чем объясняется столь преувеличенное внимание именно к этим изображениям? Мне интересно знать вашу личную точку зрения.

– Простите, она интересует именно вас, и только вас, или же за вами стоит какая-то организация или хотя бы какой-то человек с огромными возможностями, которому действительно небезразлично, как будут истолкованы тексты моих плит? Я имею в виду профессиональное небезразличие.

На какое-то мгновение они встретились взглядами, и Микейрос почувствовал, что, возможно, впервые за весь вечер он допустил ошибку, причем довольно серьезную. Ему не следовало задавать этот вопрос. Не следовало…

– Все, о чем я спрашиваю, представляет интерес только лично для меня.

– Вы меня в этом не убедили.

– …Даже если бы при этом оно интересовало еще кого-либо, – не резко, но довольно твердо объяснил Кодар. – Если вам что-то не нравится в моем вопросе, можете не отвечать. Но почему бы двум ученым, которых судьба столь провидчески свела под одной крышей в этих святых горах, не поговорить откровенно о том, что давно входит в круг их интересов?

– Если это действительно входит в круг ваших интересов, – проворчал Грэг Микейрос.

– Тем более что мы с госпожой Менц намерены купить у вас эту виллу, вместе с коллекцией плит, за очень приличную сумму.

– Купить мою виллу?! – буквально опешил Микейрос. – Так на самом деле вы прибыли сюда, чтобы купить у меня: виллу?!

– Причем никто, даже нотариус, который будет оформлять нашу сделку, никогда не узнает, какую именно сумму денег вы: получили в действительности. И еще одна немаловажная для вас деталь…

– Какая? – явно оживился Микейрос.

– Во всех публикациях, которые будут когда-либо и где либо появляться, мы обязательно будет указывать ваше имя – как имя собирателя и бывшего владельца плит. А также будем-ссылаться на ваши изыскания и расшифровки. Согласитесь, что для вас как ученого это имеет принципиальное значение.

40.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Гитлер вернулся к своему троноподобному креслу, однако опускаться в него не стал, а оперся рукой в его подлокотник и всем телом навалился на высокую, обтянутую малиновым бархатом спинку. Пока он собирался с мыслями, присутствующие должны были проникаться важностью момента и исключительной глубиной того, что им предстоит услышать.

– Завтра же я отдам приказ о строительстве восьми субмарин нового типа, которые по своим объемам будут в три раза больше, нежели обычные подлодки. Эти субмарины, наряду с уже действующими подлодками, будут заниматься переброской людей, оружия, техники и продовольствия в Антарктиду, Вы, Шелленберг…

– Слушаю, мой фюрер, – медлительно и почти вальяжно поднялся шеф службы внешней разведки РСХА.

Ваша задача – позаботиться о создании наших баз-поселений в Южной Африке, берега которой ближе всего подходят к берегам Новой Швабии, а также баз в южных районах Аргентины, Чили и Уругвая, впрочем, возможно, и в некоторых других странах, власти которых то ли с пониманием будут относиться к нашим, идеям, то ли полностью окажутся под нашим контролем. В частности, это может быть одна из карибских стран или стран Океании. Причем это должны быть вполне легальные поселения, готовые легально или нелегально принимать тех наших людей, которым придется оставить Германии в случае неудачного для нас исхода войны. Да-да, – не дал опомниться присутствующим Гитлер, – теперь мы с вами вынуждены предусматривать и такое завершение этой всемирной драмы. Но главное заключается в том, что наиболее доверенные обитатели этих поселений станут нашими надежными связными между Внутренним Миром и миром внешним, а еще через эти базы мы сможем наладить тайные закупки и поставки всего того, что нам понадобится в первые, послевоенные годы, пока не добьемся полного автономного существования Рейх-Атлантиды. Через них мы будем поставлять и свежий людской материал, необходимый нам для обновления генофонда, а равно как и для обновления рабочей силы.

– Я сегодня же начну изучать наши возможности в названных вами странах и регионах, используя уже действующую там

агентуру.

– Да уж, потрудитесь! – не скрывая своей иронии, молвил фюрер. – И как можно старательнее.

– Будет выполнено.

Ни для кого не оставалось тайной, что Гитлер всегда с мягкой иронией относился к этому красивому тридцатидвухлетнему выскочке из Главного управления имперской безопасности, который волей совершенно непонятного, даже самому фюреру, случая сумел оказаться во главе иностранной политической разведки РСХА. Как не оставалось тайной и то, что в отсутствие Шелленберга фюрер даже позволял себе называть его недоученным медиком и переучившимся юристом [103]. Однако дальше иронии он не заходил.

– Я слышал, что в последнее время вы, Гиммлер, нередко посещали один из наших Лебенсборнов.

– Вы попросили меня проинспектировать их, – попытался оправдаться рейхсфюрер, но к тому моменту генерал Хауссер уже успел едва слышно, однако вполне «сочувственно» прокомментировать:

– Инспектировать Лебенсборн? Ответственнейшее военное задание!

Услышав это, Шелленберг взглянул на Хауссера, как на самоубийцу: иронизировать над самим рейхсфюрером СС?! Зато Кальтенбруннер воспринял эту поддевку с явным удовлетворением и приготовился наблюдать за дальнейшим противостоянием этих людей, как за боем быков. Однако ему не повезло – «быки» оказались в неравных условиях: Гиммлер не имел права отвлекаться сейчас на ответный удар Хауссеру, поскольку фюрер терпеть не мог любого проявления невнимательности к себе и своим словам.

Скорцени знал, что Хауссер считает Гиммлера человеком, в военных вопросах совершенно безграмотным и бездарным. И даже не пытался скрывать это, выражая недоумение по поводу того, что войсками СС, по существу – отдельной, отборной армией командует человек, не имеющий ни военного образования, ни достаточного армейского опыта: «Мы-то с вами, Скорцени, знаем, – доверительно заявил он как-то, комментируя очередной военный провал войск СС, – что некомпетентность Гиммлера в военном деле общеизвестна» [104].

– Да это хорошо, что вы зачастили туда, Гиммлер, – благодушно, но тоже не без ехидства похвалил его фюрер. – Нет, действительно, на какое-то время мы упустили Лебенсборны из вид, а следовательно, забыли о святой обязанности каждого

эсэсовца позаботиться об истинно арийском потомстве в облике белокурых детей рейха. И потом, все мы должны помнить о специальном приказе рейхсфюрера Гиммлера, который распространяется на всех без исключения членов СС, – «О внебрачных половых связях эсэсовцев-фронтовиков ради продолжения рода» – так, кажется, он назывался? [105] Так что не тушуйтесь, Гиммлер, не тушуйтесь.

Я всего лишь строго выполнял ваш приказ, – более жестко, и явно не скрывая своей обиды, произнес рейхсфюрер СС.

– Кстати, сколько у нас теперь Лебенсборнов, Гиммлер? – явно проигнорировал его душевное состояние вождь рейха,

– Три, – едва слышно ответил тот.

– В том числе и лебенсборн «Святилище арийцев» во главе с Эльзой Аленберн, – вновь продемонстрировал свои познания фюрер. – Этого мало.

– Мы увеличим их количество, – поспешил заверить его Гиммлер, вновь обретая деловой тон. – Создадим столько, сколько понадобится.

– Этого мало, – сделал фюрер вид, что не расслышал его, – поскольку ариек как минимум двоих лебенсборнов нам понадобится переправить в Рейх-Атлантиду. Пусть рожают там, пусть закладывают основы новой расы в подземельях Антарктиды. Подумайте, как бы переправить их, не перегружая столь нежными прелестями наши субмарины.

– Мы сможет сделать это, – сдавленным голосом проговорил Эрнст Кальтенбруннер: в присутствии фюрера у него всегда пересыхало в горле, – используя свои каналы в Южной Африке, где у нас уже есть надежная база и надежные люди. Туда мы сможем доставить наших ариек с помощью самолетов или кораблей других стран, а оттуда перебросить в Новую Швабию на подводных лодках «Фюрер-конвоя» и таким образом строго засекретить всю операцию.

– Продумайте ее до мелочей, Кальтенбруннер, до мельчайших деталей,

– Я продумаю, мой фюрер, – как-то не очень уверенно ответил начальник РСХА.

– Отбирая женский материал, особое внимание обратите на то, чтобы у девушек или вообще не было родственников, или же они уже находятся в концлагерях. Но при этом строжайше проследите, чтобы ни у кого, ни у одной из них, не было ни капли еврейской, цыганской и даже славянской крови.

– Этой капли не будет.

– И еще… Каждая из них вновь должна будет пройти через чистилище СС санитатетсхауптамта» [106].

– Они начнут проходить его завтра же.

– Кстати, отдельный набор девушек следует провести среди молодых врачей и санитарок. Будет хорошо, если и наши лебенсборянки тоже получат хотя бы начальную медицинскую подготовку.

– И они получат ее, мой фюрер.

– И, наконец, последнее, – начал было Гитлер, но вдруг умолк и удивленно уставился на дверь.

Скорцени тоже повернул голову и метнул взгляд в сторону двери: там стоял комендант Вебельсберга штандартенфюрер Визнер – невысокого роста и ужасно располневший, он напоминал сейчас застывшего перед нападением борова

Даже после того,как фюрер обратил на него самое пристальное внимание, «боров» еще несколько мгновений стоял молча,словно начинающий актер, потерявший дар речи перед своей первой, но уже роковой фразой на сцене: «Кушать подано!»

И его: «Он здесь, мой фюрер! Он готов принять вас!» – прозвучало, как слова папы римского, произнесенные на площади Святого Петра. Услышав их, Скорцени вздрогнул:

«Кто посмел?! – вот то первое, что пронизало его сознание. – Это кто там, дьявол меня расстреляй, "готов принять"… самого фюрера?!»

Если бы готов был принимать кого-либо фюрер – это выглядело бы естественно; однако боров Визнер вещает о чем-то совершенно ином. Так почему же фюрер не поставит его на место, почему не взорвется, почему прямо здесь же, на пороге ритуального зала, не пристрелит?! И тоже – вполне ритуально:

Но фюрер не просто молчал. Он растерянно осмотрел всех присутствующих, словно прощался с ними перед вызовом из тюремной камеры, за которым, возможно, последует расстрел, и совершенно растерянно пробормотал:

– Он здесь? И готов принять? Это очень важно.

– Тогда надо бы поторопиться, – уже совершенно обнаглел Визнер, – он ждать не любит. К тому же у него слишком мало времени.

При всем этом комендант Вебельсберга, которого Скорцени хоть сейчас готов был вздернуть прямо здесь, в зале, вряд ли осознавал, что обращенные к фюреру – к самому фюреру Великогерманского рейха! – слова: «Он готов принять вас», а тем более – «Он ждать не любит», – прозвучали в этом ритуальном СС-зале, в присутствии всей СС-элиты не только вызывающе неестественно, но в какой-то степени и кощунственно.

Но каково же было удивление Скорцени, когда, вместо того чтобы и в самом деле взъяриться на коменданта, Гитлер, доселе

все еще стоявший у своего кресла, как-то слишком уж суетливо заторопился к выходу, забыв закрыть совещание или хотя бы просто попрощаться. И удалялся он какой-то шаркающей походкой, нервно подергивая при ходьбе худенькими опущенными плечиками…

«А ведь так – дьявол меня расстреляй – может торопиться только запуганный розгами раб, прекрасно знающий нрав своего грозного хозяина!»

Только достигнув двери, Гитлер вдруг словно бы опомнился, медленно оглянулся и, растерянно пожав плечами, так же растерянно произнес:

– Вы слышали: он здесь! – поднял он вверх руку с устремленным в поднебесье указательным пальцем, словно сообщал о явлении Христа. – И он готов принять меня.

Все присутствующие, поняв, о ком идет речь, молча, поднялись и, склонив головы, готовы были проводить его так, словно провожали в последний путь. И вся эта сцена так и вошла бы в их память – ритуально загадочной и потусторонне торжественной, если бы фюрер не испортил ее совершенно неуместной рейхсканцелярской фразой:

– Вам, Скорцени, следует пойти со мной. Вы, как никто иной, должны видеть и слышать его.

– Да я-то, дьявол меня расстреляй, готов, – воинственно молвил штурмбаннфюрер, воспринимая это приглашение как приказ фюрера выступить в роли его телохранителя.

41.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Понадобилось еще несколько минут молчания, прежде чем Микейросу удалось овладеть собой, и он сумел достаточно непринужденно улыбнуться.

– Во-первых, мне и в голову не приходило, что вас может интересовать моя вилла, и вы даже готовы приобрести ее.

– Зато теперь вы можете относиться ко мне и госпоже Менц с большим доверием. Разве не так?

– Совершенно справедливо. По крайней мере, теперь мне понятна истинная цель вашего визита

– Не заблуждайтесь, доктор. Истинную цель мы назвали сразу же – фильм и книга. Но вчера вечером мы с госпожой Гертой Менц посоветовались и пришли к выводу, что в данном случае следует идти дальше. А она – человек состоятельный.

– Предложение заманчивое, однако я не готов обсуждать его прямо сейчас.

– Я на это и не рассчитывал. Достаточно того, что вы назвали мое предложения заманчивым, что уже свидетельствует о том, что вы – человек деловой и предприимчивый. Мы пробудем здесь, еще как минимум двое суток, так что у вас будет время для раздумий. А пока что вернемся к плитам. Как вы уже поняли, меня интересует абсолютно все, что с ними связано. Если мы с Гертой верно поняли, пока что вам и вашим коллегам удалось расшифровать не более четверти плит этого собрания?

– Но безусловным является тот факт, что плиты эти - вернее, значительная их часть – были обнаружены в культовых центрах и охранялись инками как послания к людям конца XX, а возможно, и XXI столетия. И напоминаю: в моей коллекции около трех тысяч плит.

– Вы называете реальную цифру? – заинтригованно подался к нему Полярный Барон.

– В данном случае ввести кого-либо в заблуждение почти невозможно. Сосчитать их может каждый, кому придет в голову засомневаться в правдивости моих слов. На плато за домом выставлена лишь незначительная часть коллекции. Собственно, наибольшие по размеру плиты. Но довольно много их, более мелких, находится в комнатах, а также в двух пристроенных к вилле мастерских и в подвале. Кроме того, более трех сотен плит ждут своего часа в моем городском доме. И все же боюсь, что мне

не удалось стать обладателем даже трети всей оставленной нам каменной библиотеки, которая по богатству сведений не уступает легендарной Александрийской.

– Значит, речь идет о целом состоянии.

– Как видите, я живу довольно скромно. Если же оценивать мою коллекцию как состояние, то им владеет вся страна, а точнее – все человечество. Я всего лишь сторож, да еще, в меру своих знаний и способностей, исследователь.

– Что тоже немаловажно. – Кодар поднялся и, задумчиво покачавшись на носках, словно балерина на пуантах, по-рысьи прошелся перед хозяином «Андского Гнездовья», посматривая при этом в окно, словно боялся прозевать чье-то появление.

– Не скрою, многие ученые считают меня чудаком и крайне скептически относятся к моей теории происхождения этих плит. Правительство тоже не спешит с созданием специальной комиссии из ученых, которая, используя наиновейшие методы и средства исследования, а также привлекая специалистов из-за рубежа, могла бы серьезно взяться за изучение этой каменной летописи… Тем не менее летопись существует. Уверен, рано или поздно она все же дождется своего звездного часа.

– Именно «звездного», – охотно согласился Кодар, имея в виду совершенно не то, о чем думал сейчас обладатель «Андского Гнездовья», поскольку сейчас ему вспомнились Посланник Шамбалы, фюрер, институт «Аненербе»… – Отдавая эти плиты нам, причем за немалые деньги, вы можете быть спокойны за них. Мы организуем все: правительственные и международные научные комиссии, симпозиумы, лучших шифровальщиков Европы и Азии, широчайшую, прессу. И у всех на устах будет имя доктора Микейроса, который, как мы станет утверждать, бесплатно передал эти плиты мировому сообществу ученых.

– Это уже соблазн, – признал Микейрос.

– Не скрою, соблазн. Но вы не торопитесь, думайте. Кстати, хотя бы в общих словах, что существенного сообщают нам ученые погибшей цивилизации? Если, конечно, это не государственная, или ваша, сугубо научная, тайна?

42.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Несколько минут обладатель «Андского Гнездовья» напряженно молчал, затем, грустно вздохнув, поднялся из-за стола и подошел к камину. В нем уже лежали поленья, однако разводить огонь, Микейрос не спешил. Даже после ливня в комнате было достаточно тепло. Но он любил посидеть у камина, этого изобретения англичан, которому был обязан беседами у огня со многими интереснейшими людьми. Преданность огню оставалась у него еще от альпинистских походов, от костров, что согревали, а нередко и спасали ему жизнь там, высоко в горах, на перевалах, в ущельях да по горным лугам. Нет, уж кто-кто, а он знал цену костру

Так и не разведя в камине огня, Микейрос устало опустился в стоявшее возле него кресло. В ту же минуту Кодар выскользнул из-за стола и тоже чинно уселся в стоявшее напротив низенькое кресло-качалку

– Давайте-ка вместе поразмышляем, – задумчиво произнес Микейрос. – Вам, очевидно, не хуже, чем мне, известно, чего достигла наша цивилизация в развитии культуры, техники, естествознания. Но, достигая всего этого, мы одновременно все ближе подходим к той грани, когда, увлекшись одним из военных конфликтов, можем уничтожить если не всю планету, то, но крайней мере, ту часть человечества, которая обеспечивает научно-технический прогресс общества.

– Гипотетически – да, такой исход возможен, – без всякого энтузиазма согласился Кодар.

– И поскольку такая угроза существует вполне реально, то позаботились ли мы о том, чтобы в случае какой-либо грандиозной катастрофы оставить после себя сведения о наших достижениях, словом передать что-либо в наследство тем, кто останется на планете после нас и, возможно, будет вновь, уже в который раз, начинать с каменного топора? А такое не исключено,

– Гипотетически – да, – с тем же вальяжным меланхолиз-мом признал гость,

– Тогда зададимся вопросом: в чем, каким образом сохраняются все наши знания, закодированные нами в теоремы, формулы, схемы, теории, достижения? И вспомним, что хранилищами всей этой информации пока что являются книги,

фильмы, бумага да магнитофонные ленты. Однако нетрудно предположить, что во время любой из глобальных катастроф все это погибнет вместе с нами. И нетрудно представить себе достояние того незначительного количества, людей, которые, будем надеяться, каким-то образом уцелеют, но останутся без библиотек, без всех прочих информационных источников. Чего мы стоим без них? Что сумеет создать, изобрести или внедрить каждый из нас, если вдруг погибнет сей коллективный мозг цивилизации?

– Гипотетически вы правы. Гипотетически… Микейрос болезненно поморщился. Этим своим «гипотетически» Кодар явно выводил его из равновесия.

– Исходя из этих, в общем-то, элементарных соображений, я допускаю, что когда-то здесь, на нашем континенте или на земле, прилегающей к Южной Америке, – возможно, это и была та, легендарная Атлантида, – человечество достигло довольно высокого уровня цивилизации. Что позволило ему предусмотреть и свою гибель, и гибель всего континента. И вот тогда земляне задумались: как сохранить приобретенные знания? Как передать их цивилизации, которая возродится после них? На чем описать свое наследство? На бумаге, пергаменте, глиняных дощечках? Вот тогда и был найден единственно верный выход: закодировать наиболее важную часть знаний в пиктограммах, на каменных плитах. Только камень, решили они, сумеет уцелеть вовремя любых катастроф, пережить века и донести до грядущих поколений все, что на нем закодировано.

– То есть, по вашей версии, авторы этих посланий погибли?

– Не совсем так. Я склонен считать, что значительная группа ведущих ученых все-таки сумела спастись с помощью кораблей, стартовавших с космодрома на плато Небраска.

– Но ведь пока что никто не способен доказать, что это был именно космодром, а не своеобразная астрофизическая обсерватория, жертвенник или что-то в этом роде.

– Согласен, никто. Но я глубоко убежден в этом. Предвидя гибель Атлантиды, условно будем ее называть так, эти ученые, вместе с тысячами своих земляков, заблаговременно переселились сюда, на американский континент, где тогда еще обитали полудикие племена, и построили здесь космодром. А в самое трагическое время их корабли отправились к одной из планет, которая уже была им известна и на которой успели побывать их астронавты.

– Чем же им не понравился этот континент? Условия для жизни вполне приемлемы. К тому же, на своей планете.

С ответом Микейрос не спешил. Кодар знал, куда наносить

удар: мотивация этого решения творцов плит по-прежнему оставалась самым слабым звеном теории Хранителя Плит.

– Версий может быть несколько. Одна из них, наиболее вероятная, – пришельцы опасались местных воинственных племен, которые истребили бы их или поглотили и растворили в своей массе. А на планете, к которой они устремились, уже господствовала их община. У космодрома пылали костры их соплеменников.

– Но, прежде чем попрощаться с Землей, ученые силой или убеждением заставили своих собратьев день за днем высекать на каменных плитах рисунки, схемы и всяческие изображения, смысла которых эти резчики, возможно, и не понимали, – развил его мысль Кодар-Готт.

– Многое поняли бы каменотесы нашего времени, если бы ученые вдруг предложили им зашифровать на подобных плитах современные достижения науки?

– Логично, доктор Микейрос.

– Таким образом, резчики исписали пиктограммами пять, шесть, а может быть, и десять тысяч плит, разбросав их по континенту, что вновь-таки увеличивало гарантию их сохранности. Иного толкования сути этих плит просто не существует.

– Но ведь можно предположить, что на нашей планете остались носители высших знаний.

– Вот только где они?

– Думаю, что вскоре они заявят о себе.

– Но и это тоже из области предположений.

– В таком случае вы почти убедили меня, сеньор Микейрос, – с великосветской- снисходительностью улыбнулся гость. – Почти. Ибо возникает вопрос: а не могла ли техническая элита какой-то цивилизации, высадившейся в Андах, специально скрыть от аборигенов, то есть от американских индейцев, определенную научно-техническую информацию, чтобы направить их развитие на естественное сосуществование с природой, проявление собственных биологических возможностей? Вам никогда не приходило такое в голову, сеньор Микейрос?

– Скрыть? – переспросил хозяин «Андского Гнездовья». – Вы допускаете даже такую возможность?

– А что претит существованию этой, совершенно безобидной, гипотезы?

– Да, собственно, ничего. Честно говоря, иногда мне тоже приходило в голову нечто подобное. Но считал, что лучше на подобной версии не настаивать. Знаете, есть в ней что-то такое… Что-то антигуманное. Это все равно, как если бы развитые

страны, вдруг решили изолировать африканский континент или страны Океании от технического прогресса, заставив их и впредь оставаться где-то там, на уровне каменного века. Разве в этом просматривается здравый смысл? Подобное решение имело бы какое-то оправдание в глазах человечества?

– Тут я с вами не согласен. Конечно же, имело бы, – убежденно возразил Кодар. – То, что человечество пошло по пути сугубо технического прогресса, а не по пути собственного физического и духовного самоусовершенствования, является, на наш взгляд, фатальной ошибкой.

– «Наш»? – вновь переспросил доктор Микейрос. – То есть вы все же не одиноки? Вы кого-то представляете? Что это за организация? Ну говорите уже, говорите…

– Конечно, представляю, – пожал плечами Кодар. – И вообще, пора открывать карты. В любом случае наша беседа и наши отношения будут складываться таким образом, что я вынужден буду говорить правду. Ясное дело, я представляю здесь международную организацию, товарищество, или называйте ее, как хотите… Но об этом чуть позже.

43.

Октябрь 1941 года.

Германия. Замок Вебельсберг, в окрестностях Падерборна,

земля Северный Рейн-Вестфалия.

Тот, кто был «готов принять» фюрера, ждал его в Арийском зале. Устланный старинным персидским ковром и украшенный богемскими гобеленами с изображениями рыцарских поединков зал этот формировался вокруг огромного, окаймленного белым мрамором камина, выложенного на полукруглом выступе стены. Поддаваясь очертаниям этого каминного выступа, сам зал тоже казался полукруглым, и это создавало иллюзию дополнительного» уже, скорее, семейного, тепла и уюта, таких несвойственных этим холодным нордическим стенам.

Еще на подходе к залу, Скорцени успел вполголоса спросить коменданта Вебельсберга, кто это там не любит, когда, направляясь к нему, фюрер задерживается; однако штандартенфюрер СС Визнер лишь вяло шевельнул круглыми плечами и с трудом повел жирной шеей в сторону шедшего чуть впереди фюрера. Что означало: «Только с его согласия!»

– Я и сам не знаю, кто он на самом деле, – неожиданно отреагировал Гитлер, еще раз натолкнув Отто на мысль, что ведет он себя как-то слишком уж непривычно, не по-фюрерски.

– Но тогда, может быть, я пойду первым и основательно по говорю с ним, – рванулся было Скорцени пытаясь обойти вождя в узком переходе к южному крылу «монастыря ордена СС».

– Нет! – рыкнул на него фюрер.

– Но ведь…

– Я сказал: нет! – еще жестче прорычал Гитлер, и в рыке этом отчетливо просматривался непререкаемый приказ хозяина, требовавшего оставаться «у ноги».

– Этот человек сейчас очень важен для нас, - попытался смягчить жесткость его «поводка» Визнер. – Не сказал бы, что он с большой охотой прибыл сюда. Дважды уточнял, не лучше ли было бы встретиться в Берхтесгадене.

– Человек гор, – обронил фюрер. – Предпочитает Баварские Альпы. И потом, ему понравилась моя ставка «Бёргхоф» [107]. Впрочем, она нравится очень многим. Единственное доброе дело, которое сумел сделать для нашего движения Борман, – так это возвести замок Бергхоф [108]. Там он действительно постарался.

– А что будет, если этому пришельцу понравится ваш Коричневый дом? [109] – не одобрил его благодушия Отто

Скорцени.

– Мне и самому еще далеко не все известно, Скорцени, почти сквозь сжатые зубы процедил Гитлер. – Даже мне они говорят не все. Хотя и пытаются убеждать меня в своей искренности. Чего-то они недоговаривают… – сокрушенно покачал головой Гитлер. – Даже в беседах со мной. Но мы не можем не учитывать ту силу и ту власть, которые представляет здесь этот Посланник Шамбалы и этот, как его, – пощелкал пальцами Гитлер, апеллируя к Визнеру.

– Консул, – подсказал тот. – Точнее, Консул Внутреннего Мира.

– Внутреннего Мира, – едва заметно развел руками фюрер, – о котором мы почти ничего не знаем. Ни я, ни адмирал Канарис с толпой своих бездельников из разведки Верховного командования. Почему так происходит: мир, этот самый, Внутренний, существует, а мы с вами о нем абсолютно ничего не знаем? Так не должно быть, Скорцени! Чего мы тогда в этом своем внешнем мире стоим как империя?

– Вы правы, фюрер: так быть не должно.

Однако все эти имперские стенания уже остались в коридорах и мрачных переходах замка Вебельсберг, и теперь фюрер и Скорцени (Визнеру опять приказано было – «Когда вы понадобитесь, вас позовут!» – оставаться за дверью) предстали перед Посланником Шамбалы. Это был рослый, за два метра, плотно скроенный, широкоплечий мужчина лет сорока пяти, в элегантном, военного покроя, костюме из темно-зеленого сукна, который вполне можно было бы принять за мундир, если бы на нем обнаруживались, хоть какие-то знаки различия.

– Приветствую вас, фюрер, – неспешно поднялся со своего глубокого прикаминного кресла Консул и, едва заметно склонив голову, тотчас же вскинул ее и проницательно взглянул на Скорцени – именно на Скорцени, а не на фюрера – с высоты своего роста и таинственности своего положения.

– И я приветствую вас, Консул, – проговорил Гитлер,

– Наши общие друзья из «Черного солнца» неоднократно сообщали, что вы хотите встретиться со мной, – все еще не сводил он взгляда со Скорцени, заставляя при этом нервно подёргиваться самого Гитлера, пытавшегося привлечь его внимание к своей особе. – Как видите, я здесь, в вашем благословенном Богом Вебельсберге, и готов выслушать вас. Присаживайтесь. Скорцени обратил внимание, что у камина стояло три кресла, словно бы Консул догадывался, что фюрер прихватит с собой еще и его, своего личного агента

– Я не представил вам, – проговорил Гитлёр, прежде чем

опуститься в среднее кресло, так чтобы быть между Посланником Шамбалы и первым диверсантом рейха. – Это – Скорцени, начальник отдела диверсий Главного управления…

– Простите, господин Гитлер, но все, что можно знать об Отто Скорцени, я уже знаю.

– От кого? – мгновенно отреагировал фюрер, и оба разведчика понимающе ухмыльнулись. Такие вопросы в таком обществе не задают. – Впрочем, и так понятно, – попробовал исправить свою оплошность Гитлер. И тоже попробовал улыбнуться, однако и Скорцени, и Посланник Шамбалы обратили внимание, что, уже усевшись в кресло, фюрер еще долго и безуспешно пытался справиться с дрожью в руках, а главное, пытался как-то поудобнее пристроить сами руки.

– Только что я назначил Скорцени начальником службы безопасности всей операции «База-211», – неуверенно произнес фюрер и вопросительно взглянул на Консула, то ли испрашивал у него разрешения, то ли пытаясь уколоть его: «Уж этого ты знать никак не мог!»

– Вполне прогнозируемое и логичное решение.

– Поэтому при нем вы можете быть откровенным.

– Абсолютно откровенным я не бываю никогда и ни с кем, – бесцеремонно заявил Посланник Шамбалы, по-прежнему чувствуя себя хозяином положения. – Что касается господина Скорцени, то он может присутствовать при нашей встрече только при условии, что он примет обет вечного молчания. Сейчас, в нашем присутствии,Вы готовы поклясться хранить тайну нашей встречи и принять обет вечного молчания, штурмбаннфюрер?

– Вы готовы, Скорцени? – с надеждой спросил Гитлер. Первый диверсант внимательно всмотрелся в глаза сначала фюрера, затем Посланника Шамбалы. Он никогда и никому не давал повода усомниться в верности фюреру и верности клятвы офицера СС. Но в то же время он пытался понять, в чем суть того спектакля, который здесь разыгрывается. А главное понять, зачем он понадобился здесь фюреру. Для моральной поддержки? Для гарантии личной безопасности? Для психологического воздействия на Посланника Шамбалы?

– В вашем присутствии, господа, я принимаю обет вечного молчания. Если так нужно фюреру и Германии.

– Нужно, – безмятежно заверил его Посланник Шамбалы, – Германия вошла в полосу очень трудных решений и очень трудных потерь.

Скорцени выжидающе взглянул на фюрера: «О чем это он?!» Конечно, германская армия потерпела несколько серьезных поражений и понесла немало потерь, но неужели это уже начало

краха?!

– Это так, Скорцени. В нашем узком кругу я могу это признать.

Скорцени вежливо промолчал – это все, чем он мог помочь сейчас своему фюреру.

Казалось бы, все формальности были пройдены, однако Гитлер все оттягивал начало серьезного разговора, то ли не знал, с чего начать, то ли Посланник Шамбалы умудрился выбить его из седла еще до того, как он принял решение броситься в атаку.

– Однако еще не все потеряно, – наконец заговорил фюрер, и голос его звучал глухо и неуверенно. – Верховное командование делает сейчас перегруппировку сил. Идет формирование новых воинских частей, в том числе танковых и авиационных. На Восточный фронт, который является для нас стратегически более важным, будет подброшено несколько свежих танковых и пехотных армий, а к весне наши подводный флот и авиация сумеют окончательно взять под свой контроль пути доставки коммунистам их союзниками техники и прочих грузов. Я отдал приказ, – неожиданно сорвался он на крик, – увеличить количество дивизий СС за счет призыва в них добровольцев из близких нам по крови прибалтийских народов! Мы объявим – тотальную мобилизацию на всей территории Германии, а также потребуем тотальной мобилизации сил наших союзников! Уже сейчас наши конструкторы испытывают новые ракеты Фау, которые позволят нам обстреливать английскую столицу с баз на германском побережье. Это будет битва, которая…

– …Которую вы, господин Шикльгрубер, а также ваша пар тия и ваша армия уже проиграли, – спокойно, но очень твердо прервал его монолог Посланник Шамбалы. Церемониться с фюрером он явно не собирался. – Вы ее проиграли, – повторил Посланник почти по складам, демонстрируя свой странноватый восточный акцент. И Скорцени вдруг понял: для этого человека Гитлер уже «господин Никто». И сейчас этот шамбалист не бравировал – он действительно смотрел на фюрера, как хозяин на работника, в услугах которого в этом доме уже никто не нуждается.

– Я с такой оценкой решительно не согласен, господин Консул! – потряс сжатыми кулаками у своего подбородка – жест, которого с вожделением и страхом ожидали во время выступления Гитлера перед собранием народа все без исключения германцы - и фанатичные поклонники его, и столь же фанатично настроенные враги. – И вы там, у себя, господин Посланник и Консул… Ну, в общем, у себя, – замялся Гитлер, не зная, как именно обозначить то место на планете, откуда Консул прибыл, и

ту страну и силу, которые он представляет, – должны знать, что у германского народа еще достаточно сил, чтобы переломить не только ход этой войны, но и ход истории европейской цивилизации.

– Таких сил у вас, господин Шикльгрубер, уже нет.

– Но это неправда Вас, очевидно, неверно информируют ваши люди из «Черного солнца», «Туле», «Вриля», или еще откуда-то. И с этим еще нужно разобраться, – спасительно взглянул он на своего личного агента, будучи уверенным, что достаточно отдать приказ – и, спустя несколько дней от всех этих тайных обществ останутся одни воспоминания, причем названия их в Германии будут произносить только шепотом.

– С этим действительно следует разобраться, – пророкотал своим камнедробильным басом Скорцени, однако Консул даже не взглянул на него. Он напряженно всматривался в зев камина, словно в эти мгновения ему являлись оттуда видения грядущих событий.

В зале воцарилось какое-то странное молчание, при котором все трое вели себя так, словно потеряли всякий интерес к дальнейшей встрече. В подобной ситуации гость должен был покинуть замок, вот только Посланник Шамбалы гостем себя не чувствовал.

«Ведет он себя, конечно, нагло, – мрачно пережевывал свои явно заторможенные мысли первый диверсант рейха. – Однако дело не в нем, а в фюрере, который эту наглость терпит. И вопрос: почему он это терпит? Разве что предложить фюреру оставить меня наедине с этим мерзавцем шамбалистом? Впрочем, пристрелить я его могу и в присутствии фюрера. Было бы согласие вождя».

– Его, этого согласия, не последует, Скорцени, – ворвался в эти размышления Консул, заставив первого диверсанта рейха вздрогнуть. – Вы неплохой солдат, штурмбаннфюрер, – я знаю, как вы вели себя на вершине Абруццо. Однако то, что мы сейчас обсуждаем, выходит за пределы видения из-за окопного бруствера. И на всякий случай запомните: то, что вы произносите мысленно, мне так же понятно, как и то, что вы, произносите вслух. – И, не давая Отто опомниться, тотчас же обратился к фюреру: – Я случаю вас, господин Шикльгрубер, слушаю. У нас мало времени.

– Вы обещали помочь нам секретным сверхоружием. «Так вот откуда,фюрер черпал веру в то, что у Германии вот-вот появятся какое-то Сверхмощное оружие, способное сокрушить не только Англию, но и Россию и даже США! – познавал всю горечь этой сокрушительной разгадки Отто Скорцени. – Когда фюрер

развязывал войну против России, то был уверен, что в самый трудный момент ему это оружие предоставят. Его подвели. Нет, его предали! Предали и отвернулись от него – вот что происходит сейчас на твоих глазах, шгтурмбаннфюрер!»

И Скорцени было совершенно безразлично, проникает ли в эти минуты в его сознание Посланник Шамбалы или нет. На его глазах творилось предательство. И он прекрасно понимал, что крах фюрера- это крах СС, крах вермахта, крах прекрасной идеи – создания империи арийской нации. – Мы обещали оказать вам помощь в создании такого орудия, – невозмутимо уточнил Посланник Шамбалы. – И мы уже подсказали вам некоторые секреты создания летающего диска. – Но лишь некоторые. И слишком поздно, – фюрер опять попытался взвинтить себя, и уже поднес было худые дрожавшие кулачки свои к подбородку, но, натолкнувшись на преисполненный холодного аристократического презрения взгляд Посланника Шамбалы, остановился, замер, медленно опустил кулачки на точно так, же дрожавшие коленки, и лишь вцепившись в них костлявыми пальцами, совершенно изнеможенно проговорил: – Дайте нам свои летающие диски. Дайте их нам. Мы подготовим своих пилотов. Штурмбаннфюрер Скорцени уже набрал добровольцев, готовых пожертвовать своими жизнями во имя Великой Германии:

– Я слышал об этой диверсионной школе, созданной на секретной вилле «Эмилия», принадлежащей князю Борге-ве. В ней обучаются ваши камикадзе, или, как вы их еще называете, любимцы смерти, завербованные Отто Скорцени [110], Люди-бомбы, люди-торпеды, диверсанты из «отряда акул», Гибнущие вместе с вражеским кораблем… В свое время я очень внимательно изучал организационные и философские основы специального отряда летчиков-смертников, сформированного японским командованием на авиабазе острова Формоза. Там все определяется формулой, доступной в своем глубинном понимании только японцам: «Жизнь человеческая легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы». Однако вам тоже удалось разработать достаточно влиятельную философско-пропагандистскую основу подготовки смертников.

– Именно так я и оцениваю усилия Скорцени и его подчиненных по созданию наших германских камикадзе, – попытался Гитлер вернуть Посланника Шамбалы в первичное русло их разговора. – Но у нас нет летающих дисков. Передайте нам хотя бы три-четыре таких машины, и мы морально подавим психику противника, уничтожим его военно-воздушные и военно-морские силы, установим господство в небе и в океане…

– Но силы, которые я представляю, не желают этого, – прервал его Посланник Шамбалы.

– Что?!

– Они больше не желают видеть вас властелином Европы, а тем более – властелином мира,

– Но почему?

– По нескольким причинам, излагать которые я не уполномочен. По крайней мере, сегодня.

– Но ведь когда я начинал…

– Ставку сделали на вас – это, несомненно. Вам дали возможность, вам позволили, дали шанс. Вы им не воспользовались. Но вам хорошо известно, что многое из того, что ваши конструкторы под командованием группенфюрера Ганса Каммлера проектируют сейчас, исходя из плана группы «Дора» [111], мы позволили вам позаимствовать из техники и технологии вашего, земного будущего.

– Но Фау нам уже не помогут, К тому же наши конструкторы не могут овладеть некоторыми секретами создания и запуска ракет, способных поражать цели за сотни километров,

– На одной из ваших секретных баз уже готовится к пробному запуску первый летающий диск.

– Но конструкторы неуверены, что он взлетит.

– Можете передать им, что тот образец, который они изготовили, – не взлетит.

– Да, вам это уже известно?! – вновь вспылил Гитлер. – Почему же вы не вмешаетесь?

– Я не являюсь конструктором летающих дисков.

– Речь не о вас. У вас ведь есть свои конструкторы.

– У вас тоже появились неплохие конструкторы.

– Но они заявляют, что понадобится еще хотя бы два года, чтобы эти диски стали хорошо пилотируемыми и прекрасно вооруженными летательными машинами люфтваффе.

– Они правы, фюрер.

– Вот только правота их погибельна; у нас нет столько времени. Мы запаздываем с нашими разработками. Вы ведь видите: против нас восстал почти весь мир…

– Он действительно восстал против вас. Вот только странно, что вас это не удручает. В то время как адепты Внутреннего Мира и Шамбалы не желают делать ставку на вождя, против которого восстает весь земной мир. В том числе готовятся восстать и его собственные генералы. И в этом одна из причин того краха, к которому идете и вы лично, и Третий рейх.

– Мои генералы?! – мгновенно отреагировал Гитлер, – Они не собираются восставать. Мои генералы верны мне.

– Восстанут, причем очень скоро.

Фюрер мгновенно перевел взгляд на Скорцени.

– Но Скорцени все еще не генерал, – насмешливо уточнил Консул, приходя на помощь штурмбаннфюреру. – И не начальник службы безопасности СС.

– Я знаю, кто таков Скорцени, – вновь совершенно неожиданно для первого диверсанта рейха сник Гитлер. Отто не

переставал удивляться этой его способности совершенно непрогнозированно возгораться и столь же пылко впадать в депрессию. – Однако я хорошо знаю и своих генералов. – Мы не будем продолжать обсуждение этой темы. А что касается будущего заговора генералитета… Естественно, мы попытаемся спасти вас, однако у нас уже есть адепты, которые считают, что в земном, материальном, мире вы свою роль и свои силы исчерпали. Вы прекрасно понимаете, что речь идет о том, чего вы так панически боитесь – о земной, материальной смерти. Кажется, я ответил на все ваши вопросы, фюрер?

– К сожалению, вы не ответили ни на один из тех вопросов, на которые я и мой народ мучительно ищем сейчас ответы. И напомню вам, что даже те секреты движущей силы летающих дисков, которые мы в конце концов заполучили, пришлось добывать с помощью медиумов и контактеров из института «Аненербе». И нам стоило больших трудов, чтобы расшифровать их видения, равно как и разглагольствования слышимых ими «голосов». То есть вы к этому не имели никакого отношения.

Посланник Шамбалы поднялся и легкой пружинистой походкой прошелся по комнате. Лицо его оставалось похожим на индейскую боевую маску – со вздернутым подбородком и воинственно-мечтательным взглядом, устремленным в никуда.

Подойдя к узкому, бойничного типа окну, он остановился у него спиной к своим собеседникам и несколько секунд покачивался на носках.

– А ведь Мария Отте [112], Людвиг Шванк, Ганс Краузер и другие медиумы и контактеры сообщали вам, что сведения они получают благодаря магическим знаниям древних жителей Атлантиды, прародины арийской расы,

– Возможно. И что из этого следует?

– А то, что на самом деле они получали их от адептов уже известного вам Внутреннего Мира, населенного в недрах Антарктиды потомками древних атлантов, а значит и потомками древних арийцев, сохранивших, к слову, чистоту арийской расы.

– Так это они давали нам сведения? – удивленно переспросил Гитлер.

– Они.

– Но ведь там, в районе «Базы-211», они крайне редко выходят на контакты с нашими людьми!

– Вы правы: крайне редко,

– Почему, черт побери?!

– На более тесные контакты они пойдут тогда, когда им будет позволено, – ответил Посланник Шамбалы, все еще заслоняя своими могучими плечами окно-бойницу.

– А ведь сведений, которые нам удалось от них получить, пока еше недостаточно.

– Вполне достаточно для вашего уровня научно-технического развития.

– Но почему, же они не выводят нас на новый уровень, недоступный для остальных наций?! – раздраженно спросил Гитлер.

– Выведут, когда им это будет позволено.

– Хорошо, в таком случае скажите мне со всей ответственностью; я могу поговорить об этом с человеком, которого вы представляете как Посланник Шамбалы?

– Не можете, – последовал резкий, категоричный ответ, и Скорцени еле удержался, чтобы не воскликнуть: «Но почему?!» Однако воздержался так же, как и фюрер.

Отто уже понял, что на вопросы, которыми фюрер пытается уточнить свое положение, а главное – отношение к нему и к Германии адептов Шамбалы и Внутреннего Мира, отвечать обстоятельно и правдиво Консул попросту не имеет права. И бессмысленно пытаться заставить его преступить силу этого запрета. Хотя фюрер прекрасно понимает, что Посланник Шамбалы знает намного больше, нежели говорит.

– А встретиться с Правителем Внутреннего Мира?

– Тоже исключено.

– Но встречался же с ним командир «Швабенланда» барон фон Риттер. Или, может, это его выдумки?

– Встречался. И, насколько мне известно, он очень подробно информировал вас об этой встрече.

– Но она состоялась почти четыре года назад. Тогда в рейхе была совершенно иная ситуация.

– Вы правы, тогда в рейхе не скорбели по погибшим германским армиям под Москвой, Ленинградом, Сталинградом и Курском.

– В таком случае я ничего не понимаю! – нервно подхватился со своего места Гитлер.

– Именно поэтому я и прибыл сюда, – довольно своеобразно попытался успокоить его Консул.

И Скорцени отдавал ему должное: этот человек умел вести

себя. Было в его осанке, в его взгляде, в манере поведения что-то от традиций и манер высшего аристократизма. Во всей фигуре его, в осанке, в словах и взглядах – нечто царственное.

– А теперь слушайте меня очень внимательно. Все, что я. сейчас скажу, будет иметь прямое отношение к будущему вашего рейха.

44.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Микейрос поднялся, взял с журнального столика зажигалку и, присев у камина, поджег два пучка сухой горной травы, на которую были положены дрова. Кодар внимательно следил за каждым его шагом, каждым движением, хотя пытался не подавать никаких признаков беспокойства. Через несколько минут, которые они просидели молча, в камине, наконец появился слабенький огонек, и только-тогда Микейрос спросил его:

– Что же вы предлагаете теперь человечеству? Я имею в виду вашу международную организацию – уничтожить всю технику отказаться от всех приобретенных знаний и вернуться в леса, к пещерам? Браться за каменные топоры? – Сейчас, при огне, он как-то сразу почувствовал себя увереннее. Словно в случае беды огонь мог спасти его так же, как спасал многих предков. Как это, по-вашему, может выглядеть в реальной жизни?

– Мы действительно советовали бы человечеству прибегнуть даже к таким крайним мерам. Ради его же спасения, ради спасения планеты, которая, согласно нашим философским воззрениям, сама является живым существом, а следовательно, главным порождением природы. То есть все мы, сущие на ней, – люди, рыбы, птицы, муравьи – приблизительно то же самое, что мириады мелких животных и микробов в нашем с вами организме. Но поскольку человечество уже уничтожило свою экологическую нишу и продолжает уничтожать практически все другие, а кроме того, погибельно влияет на структуру самой планеты, то разве не пора ему задуматься над тем, как остановить это разрушение, спасая при этом и род людской, и саму планету? Да, может быть, даже вернуться к первобытности, как однажды мы уже, по невыясненным причинам, возвращались. Вы сами подтверждаете это своей гипотезой.

– Увы, рассчитывать на то, что человечество прислушается к вашему совету, не стоит. От технического прогресса оно не откажется и технику не уничтожит.

– Но хотя бы замедлить процесс технократизации планеты, дальнейшее распространение технического прогресса на Африку, Азию и Океанию – разве все это выходит за пределы наших реальных возможностей? К тому же учтите, что наших сторонников становится все больше и больше, и со временем мы превратимся во всемогущее братство единомышленников.

Регулируя, численность населения Земли и поддерживая определенный уровень технического развития общества, мы одновременно направим все его усилия на развитие психофизиологических возможностей каждой личности, как это уже давно делают йоги или племена, которые мы условно можем называть сообществами, например, бегунов и ныряльщиков – в Африке; огнеходцев – в Индии.

– Вот оно что! – покачал головой-Микейрос. Все это время хозяин «Андского Гнездовья» неотрывно смотрел в огонь, и порой Кодару казалось, что он попросту забыл о его существовании.

– Кстати, задумывались ли вы над таким странным явлением: по всему миру разбросаны племена или, просто группы людей – остатки древних племен и народов, – которые, собственно, все свое существование направляют на определенный эксперимент? По существу каждое из этих племен определяет возможности человека в одном из видов физического или психофизиологического усовершенствования. Вы не согласны?

– Всего лишь в виде предположений…

– Пусть даже предположения… Так вот,цель этого суперэксперимента – показать людям, какими безграничными возможностями для выживания, мудро сосуществуя с окружающим миром, они владеют. Мы убеждены, что в конце концов, основываясь на этих достижениях, человечество создаст качественно новое общество – общество титанов физической силы и духа, способных выживать при любых катастрофах, катаклизмах и природных аномалиях, а главное, как уже было сказано, мудро сосуществовать с самой природой планеты.

– Декларации, доктор Кодар, декларации… Кого ими в наше время удивишь? Но коль уж вы затеяли сей разговор,-Хотя бы в двух словах об обществе, которое вы представляете. Кто его создал, где оно базируется, что послужило основанием для его появления, кто лидер? Если только это не ужасная тайна, которую нельзя разглашать под страхом мучительной ритуальной смерти.

– Именно так, тайна. Вот почему полностью удовлетворить ваше любопытство я не сумею. Но кое-что все, же разъясню. Как-никак, вы тот ученый, в имени которого мы крайне заинтересованы. Нам хотелось бы, чтобы вы были с нами – вот что вы обязаны осознавать, прежде всего, доктор Микейрос. Вы, очевидно, знаете, что уже в древние времена в мире существовало общество, целью которого было не допускать распространения какого бы то ни было вида оружия, способствующего массовому уничтожению человечества?

– В него входили даже некоторые европейские монархи.

Именно они, по легендам, пытались не допустить распространения алебарды, а позднее – и пулемета… Вот, собственно, все, что мне известно.

– Не так уж мало, – подбодрил его доктор Кодар. – Уточню, что создано было это общество тибетскими монахами. И все мы, воспитанники монастырей, помним об этом. Увы,я, все еще не принадлежу к руководящей касте.

– «Все еще», – заметил Микейрос.

– А потому не могу знать и тысячной доли всего того скрытого в древних книгах, летописях, и, кстати, зашифрованных на каменных плитах, дожидающихся своего часа в тайных хранилищах монастырей, в труднодоступных пещерах и подземельях. Но мне кажется, что часть древних рукописей или их копий, с описаниями технических достижений прошлых цивилизаций, которые официально считаются погибшими, на самом деле пребывают под опекой тибетских монахов.

– Вы это одобряете? – удивился доктор Микейрос.

– Что их бережно хранят?

– Что к ним не допускают наших ученых и технарей. Каков тогда смысл в их хранении? Вдруг там содержится нечто такое, что способно совершить революцию в умах наших ученых.

– Время от времени в прессе действительно появляются сообщения по поводу того, что в древних вавилонских, арабских, персидских манускриптах есть описания воздушных боев неких летательных аппаратов, запуска ракет и всего прочего. Но вы правы: мы, члены этого сообщества, делаем все возможное, чтобы подобные публикации появлялись как можно реже или, во всяком случае, не привлекали особого внимания к самим рукописям. Мало того, в большинстве случаев вообще стараемся поставить под сомнение достоверность изложенных фактов, дискредитировать автора.

– По-моему, вы говорите об этом с гордостью,

– Естественно.

– Но я не вижу причин для того, чтобы не рассказать людям правду, доктор Кодар. Если уж мы не способны предвидеть свое будущее, то, по крайней мере, должны иметь представление о том, что происходило с родом человеческим в прошлом. И если в монастырских книгохранилищах действительно покрываются пылью древние рукописи, в которых содержится хоть что-нибудь новое о развитии погибших цивилизаций, то люди, скрывающие их, совершают гнуснейшее преступление.

Кодар поднялся и медленно, легкой кошачьей походкой, словно подкрадывался к своей жертве, прошелся по комнате.

– Жаль.

– Чего это вам жаль? – достаточно резко спросил Микейрос.

– Что не удалось убедить вас.

– Стоит ли жалеть об этом, доктор Кодар или кто вы там на самом деле? Все равно убедить меня в целесообразности такого подхода к наследию погибших цивилизаций невозможно. Даже если бы за это взялись монахи всех монастырей Тибета. И чтобы уж окончательно выяснить, кто есть кто… Только абсолютно откровенно… вы прибыла сюда, точнее, вас прислали специально для того, чтобы убедить меня уничтожить все мои плиты? Или, по крайней мере, большинство из них? А на тот случай, если я не соглашусь с таким решением, выкупить их вместе с виллой?

45.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Видя, что Гитлер все еще стоит, Скорцени тоже поднялся, и они, молча переглянулись. Сейчас они напоминали двух соратников, представших пред судом шефа: единственное, что они могли противопоставить ему, так это сочувствие друг другу и гладиаторскую солидарность «обреченных на гибель во славу императора».

В ту же минуту до их слуха донесся гул приближающихся бомбардировщиков. Германским самолетам летать над Вебельсбергом, в дни пребывания там фюрера, было строжайше запрещено. К тому же самолеты шли с запада на восток. Ни одна германская зенитка не встретила их огнем своего ствола, однако же и ни одна бомба вблизи замка не упала.

Все то время, пока бомбардировщики пролетали над башенными шпилями бурга [113], Гитлер стоял с запрокинутой головой, и пытался провожать их взглядом через толщу каменных сводов, как провожают стаю слишком рано улетающих журавлей.

– В вашем распоряжении – полтора года.

– Всего лишь полтора? - непроизвольно вырвалось у Гитлера, однако Посланник Шамбалы не стал ни повторять, ни объяснять причину появления именно этого срока:

– За это время вам следует перебросить в Рейх-Атлантиду группу конструкторов и инженеров, способных разрабатывать и воплощать в металле все более совершенные типы летающих дисков. Но при этом к весне сорок пятого…

– Весна сорок пятого, – истерично подвел сжатые кулаки к подбородку Гитлер, – я так и предполагал.

Но и на этот раз Посланник Шамбалы не стал отвлекаться на охлаждение его чувств. Все еще стоя у окна-бойницы спиной к ним, он каждое слово произносил так, словно провозглашал его с амвона папского собора

– Но при этом вы должны оставить часть научно-технического персонала у себя, с таким расчетом, чтобы он оставался

публичным вплоть до захвата ваших исследовательских центров и испытательных полигонов войсками противника. Союзники-победители должны быть уверены, что им в руки попала вся аэрокосмическая элита рейха, а какие-то жалкие наброски и намеки на проекты летающих дисков и межпланетных ракет победители должны воспринять как свидетельство ваших истинных достижений в этом водовороте прогресса. И понадобится как минимум восемьдесят лет, чтобы в Вашингтоне, Лондоне и Москве убедились, что Внутренний Мир в Антарктиде действительно существует и что там уже создан Четвертый рейх, готовый выйти на поверхность планеты и установить свое господство над всем, что еще не разру-шено природными стихиями и геологическими катаклизмами. Подчеркиваю, им понадобится почти сто лет только для того, чтобы убедиться, в существовании Рейх-Атлантиды, поскольку до этого, Высшим Советом Внутреннего Мира определенного, срока каждая сколько-нибудь стоящая публикация на эту тему будет жесточайше опровергаться; каждый исследователь, который попытается физически проникнуть в тайны подземной Рейх-Атлантиды, окажется убитым или плененным ее гарнизоном; а всякий, кто станет подбираться к нам, благодаря своим кабинетным изысканиям, в одно солнечное утро исчезнет без вести или же, что для нашего общего дела предпочтительнее, будет объявлен сумасшедшим, прилюдно выпорот своими научными оппонентами и жесточайше осмеян общественностью.

– Обычная практика контрразведки, – проговорил Скорцени.

– Совершенно с вами согласен, – не оставил без внимания его реплику Посланник Шамбалы и, уже обращаясь к фюреру, продолжил: – Каким образом следует достигать подобного уровня дезинформации, деморализуя разведку противника и создавая псевдонаучную оппозицию любому из серьезных исследователей, господин Скорцени и его ученики знают лучше нас с вами, господин Шикльгрубер. Поэтому решая вопрос о назначении начальника службы безопасности всей операции «База-211» (уже в самой нумерации которой закодирован год 2211 – восстановления полного господства на планете арийской расы, арийской философии и арийского порядка), мы и остановились на личности штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. И вы правильно поступили, господин Шикльгрубер, что не возражали против такого решения.

В ответ Скорцени лишь тактично и многозначительно прокряхтел. Еще несколько минут назад он предпочитал бы услышать одобрение этого решения руководства Главного управления имперской безопасности и высшего командования СС

из уст фюрера, но теперь ему вдруг открылось, что на самом деле решение принималось где-то там, под километровой толщей антарктического льда. А это совершенно меняло и ход его мыслей, и отношение его к самой идее Рейх-Атлантиды.

– К массированной переброске в Антарктику людей и грузов приступайте немедленно. Вы, господин Шикльгрубер, нарушили нашу договоренность и по существу прекратили формировать Рейх-Атлантиду, уверовав в свою непобедимость здесь, во внешнем мире.

– Для нас слишком много сил отнимал фронт. Мы обязаны были концентрировать весь свой научный поиск, все наши инженерные возможности…

– Не нужно исповедей и оправданий, господин Шикльгрубер, – вновь, в который уже раз, прервал его Посланник Шамбалы, но только теперь повернулся к фюреру и Скорцени лицом – суровым и презрительно непроницаемым. – Еще осенью прошлого года вы получили достаточно полный прогноз развития событий на Восточном и Западном фронтах. И еще тогда вам было сказано, что в идеологической сущности своей германский национал-социализм должен претерпеть существенные изменения.

– Простите, Посланник, какие именно? – решил вторгнуться в его монолог Отто Скорцени. – Поймите, это очень важно для тех людей, из которых я буду формировать специальные команды легионеров Рейх-Атлантиды.

– Отряды легионеров, – чуть подправил его Посланник Шамбалы. – Так и называйте их. Атланты Внутреннего Мира приемлют римскую терминологию. Что же касается новой идеологии национал-социализма, то она по-прежнему должна строиться на величии арийской крови и арийского духа. Но при этом *нельзя* формировать это величие исключительно на ненависти ко всем остальным расам и нациям. У каждой расы и нации есть свой, волею Повелителей Космоса очерченный, путь космического восхождения, ведущий их от священного таинства зарождения до величия духа, а через величие духа к священному таинству смерти. Однако в пределах этого пути они имеют право на вольномыслие, на сотворение своих мессий и вождей, героев и злодеев, на свои социальные революции и эволюции, на Политические эксперименты и авантюры, на свои земные взлеты и падения.

– Такова традиционная история человеческих наций, – то ли признал, то ли попытался возразить Гитлер.

– Это право дано им Повелителями Космоса, и оно настолько неприкосновенно, что даже сами они не решаются его нарушить, а посему жесточайше противостоят попыткам любых земных или

космических сил вторгаться в определенный и освященный ими процесс космического восхождения каждой из рас. Вы же, господин Шикльгрубер, вторглись в сферу Повелителей Космоса, возомнив себя повелителем Земли. То есть вы предались такому же миражу величия, какому в свое время предался адепт общества Сиона Ленин. В том, что так поступать и так вести себя, как поступал и вел себя Ленин, – нельзя, Наставники Космоса не раз пытались убедить землян и всевозможными пророчествами людей не от мира сего, и устами известных и почитаемых ими личностей. Вот один из меморандумов, который был сформулирован и преподнесен землянам устами известного вам английского политика Уинстона Черчилля…

– Только не Черчилля…- проворчал фюрер. – Что способно познать человечество, если к нему станут обращаться такими скверными устами, как уста Черчилля?! – вполголоса апеллировал он, но не к Консулу, а к Скорцени.

Тем временем Посланник Шамбалы невозмутимо извлек из бокового кармана небольшой аппарат, внешним видом своим очень напоминавший электрический фонарик, и навел его луч на темную стену. К удивлению Гитлера и Скорцени, там появились строчки текста, написанного германской «готикой»:

«Ни один азиатский завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан не пользовались такой славой, как он (Ленин). Его оружие – логика, его расположение души – оппортунизм. Его симпатии холодны и широки, как Ледовитый океан; его ненависть туга, как петля палача. Его предназначение – спасти мир, его метод – взорвать этот мир. Абсолютная принципиальность, в то же время готовность изменить принципам… Он ниспровергал все. Он ниспровергал Бога, царя, страну, мораль, суд, долги, ренту, интересы, законы и обычаи столетий; он ниспровергал целую историю и такую структуру, как человеческое общество.

Он один мог вывести Россию из трясины. Однако русские люди остались барахтаться в болоте. Их величайшим несчастьем было его рождение, но их следующим несчастьем была его смерть.

Уинстон Черчилль».

Посланник Шамбалы погасил экран и, опустив аппарат в карман, вернулся к своему креслу. Садясь в него, он забыл предложить сделать то же самое своим собеседникам, однако Скорцени почему-то показалось, что это не было проявлением его неуважения к истинным хозяевам замка. Просто в эти минуты шамбалист уже пребывал в каком-то ином мире, ином измерении и не придавал никакого значения условностям европейского этикета.

– Талантливые ученые; молодые арийцы, которые будут составлять генофонд будущих поколений рейх-арийцев; несколько легионов отборных воинов СС, способных составить надежный гарнизон «Базы-211»; отряды хорошо подготовленных пилотов и моряков; специально сформированные команды физически выносливых и, желательно, профессионально подготовленных пленных, представляющих собой рабочую силу; семенной фонд различных культур, предназначенных для подземных плантаций; набор учебников по естественным наукам достаточно большой арсенал оружия…- все это следует готовить к отправке и переправлять в Антарктиду Причем действовать следует быстро, решительно, интенсивно и… совершенно секретно.

– Секретность, Скорцени, – ворвался Гитлер в его монолог со своими наставлениями первому диверсанту рейха. – Жесточайшая секретность во всем, что хотя бы отдаленно касается «Базы-211».

– Можете считать Рейх-Атлантиду своим вторым фронтам, – продолжил Консул Внутреннего Мира, терпеливо выслушав фюрера, – на разворачивание которого следует мобилизовать все оставшиеся ресурсы нации. Все ее стратегические ресурсы. Специалисты Внутреннего Мира ознакомились с проектом вашей гигантской, по сегодняшним земным понятиям, подводной лодки, водоизмещением свыше пяти тысяч тонн. Там сделаны кое-какие поправки, которые позволяют уже завтра, без какого-либо риска, приступать к строительству этих подводных гигантов;чтобы затем использовать их грузоподъемность, то есть с минимальным вооружением на борту, на линии «База-211». Но главное заключается в том, что атланты усовершенствовали задуманный вами конвертор Ганса Колера.

– Конвертор? – поморщил лоб Гитлер и, только теперь с трудом оторвав взгляд от Консула, перевел его на Скорцени.

Я еще только начал знакомство с секретными материалами «Базы», – суховато ответил первый диверсант рейха, чувствуя, что благоговейный трепет перед вождем нации, который еще час назад царил в его душе, постепенно развеивается. Перед ним уже был не богоподобный и всесильный фюрер, а человек, не оправдавший надежды тех, истинных хозяев рейха, благодаря которым он взошел на свой шаткий трон и какое-то время безбедственно удерживался на нем.

– Это особый преобразователь гравитационной энергии в электрическую, – напомнил ему Посланник Шамбалы, – который служит основой для магнитогравитационных двигателей. Именно тех, принципиально новых, двигателей, которые вы сможете

установить и на сверхмощных субмаринах «Фюрер-конвоя», и на пробных, испытательных летающих дисках. Благодаря им субмарины смогут доходить до Рейх-Атлантиды без дозаправок, а гравитационное поле, которое будет создаваться во время их движения, сделает их почти неуязвимыми для торпед и глубинных бомб противника. Двигатели этого же типа вам будет позволено установить и на «Базе-211», что сделает вас независимыми от внешних поставок угля, нефти и всего прочего. К тому же во Внутреннем Мире мы обнаружили неисчерпаемые залежи урановой руды, топлива для новых видов электростанций… Впрочем, я, кажется, увлекся.

– Но ведь, благодаря этому м-м-м, как его там… конвертору, мы получаем доступ к сверхоружию, – сразу, же воспрял духом Гитлер, и штурмбаннфюрер заметил, как просияло его посеревшее лицо, ожили уже, казалось, необратимо погасшие глаза. – Это и есть то чудо-оружие, которое мы обещали своей армии и своему народу!

– Вы неверно поняли меня, господин Шикльгрубер, – всякий раз, когда Посланник Шамбалы хотел унизить фюрера и поставить его на место, он прибегал к его настоящей фамилии. И Скорцени так и не мог понять*:* оскорбляет ли этот «великосветский» дипломатический ход Посланника Шамбалы самого фюрера или же, благодаря опыту предыдущих встреч, он с этим давно смирился. – Боевые летающие диски у вас появятся только после окончания войны и только у командования Четвертого рейха. Не вашего, ныне сущего, Третьего, а именно Четвертого. И те несколько гигантских субмарин, которые вы успеете построить, будут использоваться вами только на линии Германия -Рейх-Атлантида. Мы не позволим, чтобы это сверхмощное, а посему сверхсекретное оружие оказалось на вооружении армий, участвующих в нынешней войне.

– Но ведь перед нами полмира врагов! – воскликнул фюрер. – И вы, те, кто называет себя арий-атлантами, потомками древних арийцев, не можете предать нас в самый трудный период нашей борьбы.

– …Потому что в таком случае, – спокойно продолжил свою мысль Посланник Шамбалы и Консул Внутреннего Мира, – затеянная вами мировая война могла бы стать погибельной не только для наземного, но и для Внутреннего Мира. Вы и так слишком близко подошли к разработке ядерного оружия, хотя ни ваши фельдмаршалы, ни сами ученые-ядерщики представления не имеют о том, сколь губительным оно является не только для армии противника, но и для всего живого на земле, для самой планеты.

– Но разве не из ваших источников наши ученые получили подсказку, приведшую к идее создания такого оружия?! – вновь вспылил фюрер,

– Не из наших, – поджав губы, процедил Консул, однако фюрер то ли не расслышал его слов, то ли не успел их осмыслить.

– А ведь восставали мы против Востока и Запада только потому, – с прежней агрессивностью продолжал он, – что полагались на создание вашего чудо-оружия! Да-да, некоего чудо-оружия, которого миллионы моих солдат мучительно ждут на всем пространстве от Волги до Ла-Манша и Средиземного моря! И перед которыми я предстаю откровенным лгуном!…

– Вы не поняли меня, господин Шикльгрубер: я ведь уже сказал, что получали вы эти сведения не из наших, а из других источников, – задумчиво произнес Консул Внутреннего Мира.

– Что?! – осекся на полуслове Гитлер.

– Начальные сведения о ядерном оружии вы получили не из источников Страны арий-атлантов,а от сил, не желающих, чтобы после очередной всепланетной катастрофы, которая произойдет приблизительно через двести земных лет после завершения Второй мировой войны, планета Земля оказалась во власти арий-атлантов.

– Но ведь медиумы и предсказатели из института «Аненербе» выходили на связь…

– У вас своя служба безопасности, фюрер, – наконец-то смилостивился над самолюбием вождя германцев Посланник Шамбалы, назвав его фюрером, а не Шикльгрубером, – а у нас своя. И нам прекрасно известно, что многими техническими идеями ваши конструкторы подпитываются от медиумов, которые в свою очередь получают их в полузакодированном виде во время связей с адептами то ли одного из параллельных миров, то ли мира мертвых; или же, входя в контакт с черными лженаставниками Космоса…

В зале воцарилось гробовое молчание. Подхватившись, фюрер нервно прохаживался по комнате, время от времени останавливаясь у кресла Посланника Шамбалы. Он явно пытался что-то сказать, однако слова, как и эмоции, уже оказывались неподвластными ему.

Для Скорцени становилось очевидным: только теперь фюрер понял, что он окончательно проиграл, причем на всех фронтах – военных и политических – сразу.

– Однако никогда раньше вы не информировали меня, – наконец-то вернулся к фюреру дар речи, – о том, что и на ваших, поднебесных, фронтах не все так радужно, как мы, здесь, в рейхе, могли себе представлять.

– Вы и сами должны были знать, что мир значительно сложнее, чем мы себе способны представить. И потом, вас ведь предостерегали от того, чтобы медиумы, предсказатели, контактеры и прочие шаманы из вашего института «Аненербе» не вторгались в те сферы, в которых они ничего не смыслят.

– Но только благодаря тому, что они все, же вторгались туда, мы сумели получить хоть какие-то общие, начальные знания по многим наукам, помогающим нам создавать новинки военной техники. Вы же появляетесь только для того, чтобы уведомить нас о крахе.

– Предупредить, господин Шикльгрубер, предупредить. И предложить сотрудничество в создании новой арийской цивилизации.

– А что прикажете делать с нынешней, старой… арийской цивилизацией? – негромко, но тем не менее на взвинченных нервах поинтересовался Гитлер.

– Старую может спасти только мир. Вам следует немедленно вступить в переговоры со всеми воюющими сторонами и, пуская в ход все приемы дипломатии, попытаться вывести Германию из войны.

– Сейчас, в разгар войны? Это невозможно! Я заявляю: это в принципе невозможно!

– Конечно же, в создавшихся крайне неблагоприятных для вас условиях достичь мирного соглашения удастся только с большими территориальными потерями, с известной долей национального позора, с «потерянным лицом» великого фю-рера как политика, вождя и полководца…

– Вот именно! Наконец-то вы вспомнили и о таких понятиях, как честь и «лицо»!

– …Зато своевременно спасая жизни миллионов людей, – продолжил свою мысль Посланник Шамбалы, – спасая национал-социалистическую идеологию и великогерманский рейх.

Они уже прощались, когда Посланник Шамбалы вдруг обратился к Скорцени:

– Как ответственный за безопасность операции «База-211», вы, штурмбаннфюрер, должны помнить: для того, чтобы операция прошла успешно, вы должны пожертвовать частью ученых и их работами, создавая видимость того, что враг захватил вас врасплох и что ему достались ученые и конструкторы, которые занимались разработкой сверхсекретных образцов новой военной техники, и даже какими-то образцами этой техники, ее чертежами. Если вы этого не сделаете, они бросят *все* свои разведслужбы на поиски исчезнувших лабораторий конструкторских бюро. И ничего страшного, если среди тех, кем

вами придется пожертвовать, окажется Вернер Браун и несколько его коллег. Оказавшись в конструкторских бюро ваших нынешних врагов- англичан, американцев, французов, они будут делать все возможное, чтобы те воспользовались плодами их былых разработок как можно позже. Через десятилетия, в то время в конструкторских бюро и на подземных авиазаводах Рейх-Атлантиды уже будет налажен выпуск летающих дисков пятого-шестого поколений. – Это верный ход, – признал Скорцени. – Точно так же вам придется пожертвовать и значительной частью руководства рейха, дабы создать у победителей иллюзию полного краха гитлеровской Германии, – присутствие при этом разговоре самого Гитлера его, похоже, не смущало. – Подчеркиваю: полного краха. – Мне понятен ваш замысел, господин Консул- Пока ваши победители будут упиваться плодами победы над Третьим рейхом и медленно погрязать в холодной войне идеологий и пропагандистских приемов, предаваясь химерам так называемой демократии, в подземельях Новой Швабии бу-дет сотворяться могучий, непобедимый, монархический Четвертый рейх. Наш, чистокровный арийский рейх, обладающий сверхмощной военной техникой и имеющий связи с космическими цивилизациями. При этом мы будем делать все возможное, чтобы другие расы и нации сумели установить контакты со Страной атлантов и с инопланетянами не ранее чем через сто лет. Да и то под нашим жесточайшим контролем.

46.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Кодар вернулся в свое кресло, и какое-то время сидел неподвижно, не отводя взгляда от огня. Лицо его озарялось при этом не только пламенем камина, но и каким-то внутренним жертвенным огнем давно овладевшей им идеи, на котором он сгорал, как еретик – на костре инквизиции: не страшась и не раскаиваясь.

– В интервью одной из парижских газет вы, сеньор Микейрос, заявили, что на имеющихся у вас плитах обнаружены схемы переливания крови от донора к больному, а также – рисунки, отображающие процесс превращения гигантского суперконтинента – в результате его разлома – на Северную и Южную Америки.

– Можете убедиться, что это действительно так.

– Кроме того, вы уверены, что, расшифровав все те сведения, что закодированы в пиктограммах, мы узнаем о принципиально новом виде топлива, энергия которого позволила древним астронавтам переселиться на другую планету, а также получим некоторые сведения об инопланетянах и немало новой информации о строении Вселенной. Вы и в самом деле убеждены, что все эта сведения зашифрованы в имеющихся у вас пиктограммах?

– Мне и моим коллегам, которые перерисовывают пиктограммы и схемы, а затем работают над их прочтением, кое-что уже удалось расшифровать. Однако немало информации еще надлежит извлечь. Убежден, эти плиты содержат такие сведения, о характере которых мы, возможно, и не догадываемся.

– В таком случае наши оценки плит в основном совпадают.

– Но вам-то, откуда знать?

– Недооцениваете, – улыбнулся Кодар. – У нас уже имеются фотографии многих из них. – Он вновь отошел от окна, на сей раз остановился спиной к хозяину «Андского Гнездовья», В сумраке комнаты застывший силуэт его казался привидением. Микейрос попытался увидеть то, что, стоя в двух шагах от окна, мог видеть его гость. Однако видеть в общем-то было нечего. Разве что вершины гор, уже тускло освещенные лунным сиянием, хотя самой луны еще не было видно.

– А вот мне поручено предложить вам интересное

соглашение, господин Микейрос. – Доктор Микейрос и Кодар оглянулись и увидели в проеме двери Оранди, решившего не извиняться за вторжение…

– Я забыл представить вам, господин Кодар, еще одного своего гостя, господина Оранди,

– В какую сумму вы оцениваете свою коллекцию? – не стал отвлекаться на церемонию знакомства Странник. – Я имею в виду реальную сумму, в пределах которой можно было бы вести переговоры.

– Хотите приобрести? – довольно спокойно спросил Микейрос, краем глаза поглядывая на Кодара и призывая его понять, что у него уже появился конкурент. И вряд ли Оранди мог догадаться, чего стоило ему это наигранное спокойствие.

– Будем считать, что да, – сказал Странник, – хочу приобрести.

– Я так понимаю, что мне следует оставить вас тет-а-тет? – напомнил о себе Кодар, обращаясь к Микейросу

– Можете оставаться, – ответил вместо него Оранди, – вы нам не мешаете.

– В таком случае я действительно предпочту остаться, чтобы присоединиться к вашему, ну, скажем так, ученому спору

– Мы запросто могли бы скупить все эти послания, – вновь обратился Оранди к Хранителю Плит, – и вывезти в неизвестном направлении. Но ученый мир Латинской Америки и Европы не простит вам исчезновения таких реликвий. Да и правительство вряд ли разрешит провезти их через границу. Однако все это мы предусмотрели. Поэтому предлагаю вот что: вы с госпожой Оливейрой на недельку-вторую переедете в свой городок. Еще лучше – в столицу. А сторож, который находится сейчас в городке, но в ваше отсутствие обычно живет здесь, мог бы на это время приболеть. А то возьмете да отпустите его к родственникам, в деревню Чепчиано. Ведь он родом оттуда, разве не так?

Доктор Микейрос не ответил. Но Оранди не очень-то и рассчитывал на его ответ. Главным для него было – подавить хозяина виллы и его гостя своей информированностью, И он достиг этого.

– Я слушаю вас, – глухим, неуверенным голосом проговорил Микейрос, – излагайте свои условия.

– Тем временем пресловутая «группа Неизвестных» напала бы на вашу загородную виллу и, подобно вандалам, часть плит раздробила бы и позабрасывала, а речку, а часть увезла с собой, как пишут в таких случаях газетчики – в неизвестном направлении, – Вы говорите ужасные вещи. И меня поражает, что

говорите это именно вы – доктор Оранди.

Гость поблагодарил его «за столь высокое мнение о себе» снисходительной улыбкой и аристократичным кивком головы.

– Определенное количество плит, – наименее значимых – мы все же оставили бы. Следовательно, ваши гости, а также туристы, которым вы, как и раньше, разрешали бы наведываться сюда, по-прежнему могли бы восхищаться коллекцией сеньора Микейроса.

– Вот как?!

Учтите: это было бы сенсационное ограбление. О нем писала бы пресса всего мира. Ваше имя не сходило бы с газетных страниц до очередного покушения на президента США или папу римского. Однако популярность популярностью, а на ваш счет поступила бы немалая сумма. Которую, при желании, вы могли бы получить наличными, в драгоценностях… Мы готовы обсудить любые варианты. Ведь не станете же вы убеждать меня, что человек вы все еще состоятельный. Ясное дело, пока что вы не нищенствуете, однако же и к сильным мира сего тоже не принадлежите. А на средства, которые мы вам предоставим, можно приобрести акции нескольких предприятии, позаботиться о том, чтобы рядом с виллой появился ресторанчик для туристов, и вообще, о рентабельности вашего частного музея. Как видите, мы достаточно гуманны по отношению к вам. Хотя, согласитесь, могли бы уничтожить вместе с вашими плитами. Единственной платой за этот гуманизм должно быть ваше согласие стать членом нашего общества и его консультантом.

– Остановитесь, доктор Оранди! И одновременно – опомнитесь! Я действительно не миллионер. Но я – ученый, а не подонок, согласившийся сотрудничать с негодяями, которые будут грабить его виллу, и уничтожать бесценные плиты. Так и сообщите своему шефу: я не соглашусь ни с одним условием, которое он выдвигает.

– «А ведь мир все еще у наших ног, – ухмыльнулся про себя фон Готт. Он стоял между окном, ведущим в сторону ущелья, и дверью, скрестив руки на груди и в любую минуту готовый к схватке с этим проходимцем. Фрегаттен-капитан понимал, что по каким-то причинам Микейрос умышленно скрыл от него появление на вилле этого человека. Но при этом, очевидно, не сообщил самому Оранди о том, что в доме уже находится двое гостей, поскольку, похоже, что этот кретин с наклонностями ярмарочного шантажиста не понимает, что теперь за владельца «Андского Гнездовья» есть, кому вступиться. Если разобраться, то этого идиота послал мне сам Господь. После такого напора шантажиста Микейрос наверняка станет сговорчивее».

– Мне кажется, вы погорячились, сеньор Микейрос, –

продолжал тем временем свой аллюр неугомонный Оранди – Или же не поняли сути наших предложений.

– Наоборот, я все чудесно понял. И только что вы слышали мое окончательное решение.

– Послушайте, вы, – наконец-то Оранди вновь вспомнил о Кодаре-Готте, - думаю, вам все же лучше оставить нас вдвоем. И вообще, мой вам совет, как можно скорее оставляйте эту виллу, этот городок и эту страну и убирайтесь в свою Европу.

Фон Готт почувствовал, как в нем закипает звериная сопоставимая с той, с какой он в свое время расправляйся со стаей волков или стаей портовых грабителей.

– Я обдумаю ваше предложение, – с холодеюй вежливостью заверил он Оранди, прислушиваясь к едва уловимым звукам за дверью. Такой едва слышной кошаньей походкой могла ходить только Норманния фон Криффер. – Сеньор Микейрос, вы тоже хотите, чтобы я оставил вас наедине с этим дурно воспитанным сеньором?

– Да, оставьте нас, – после некоторого колебания произнес обладатель «Андского Гнездовья», – нам нужно завершить этот разговор. Тем не менее, вы по-прежнему считаетесь моим гостем. Вы – настоящий, честный ученый, а я это ценю.

Оказавшись за дверью, он увидел, как фон Криффер тенью вышла из комнаты Оранди и, приложив палец к губам, дулом пистолетного ствола ткнула в сторону окна, которое уже было слегка приоткрыто. А когда фрегаттен-капитан согласно взмахнул рукой, кошкой взобралась на подоконник.

– У него сообщники, – едва слышно проговорила воспитанница лучшей германской диверсионной школы, стоя уже по ту сторону окна. – Оливейра слышала. Надо разобраться, что за народ. В комнате оружия, похоже, нет.

Прикрыв окно, фон Готт зашел в комнатку, расположенную напротив гостиной, и успел заметить, как сидевшая за столом Оливейра мгновенно опустила на рычаг трубку телефона,

– Меня вы можете не опасаться, – едва слышно проговорил он. – Звонили в полицию?

– Одному знакомому полицейскому, И знакомому юристу.

– Дальновидный поступок.

Фон Готт подошел к столу и снял трубку

– Видите ли, – явственно услышал он доносившийся из гостиной голос Оранди и понимающе взглянул на Оливейру, но та отвела взгляд, – до сих пор мы всего лишь обменивались мнениями. Но теперь это уже серьезный разговор. Наша организация не столь часто и не столь активно вмешивается в общественную жизнь, как бы мне этого хотелось. Но если она не

настолько известна, чтобы самим названием своим нагонять страх, как это делает сицилийская мафия или наркомафия вашей страны, из этого еще не следует, что нашими предложениями можно легкомысленно пренебрегать.

– Вы слушали весь этот разговор? – почти шепотом поинтересовался Готт-Кодар, прикрыв рукой трубку телефона.

– Почти весь.

– Тогда нам легко будет понимать друг друга

Оливейра согласно кивнула.

– Повторяю, – говорил тем временем Оранди. – ваша коллекция, ваша вилла, да и вы сами, простите за откровенность, можете исчезнуть и без каких-либо соглашений. И вот об этом уж действительно позаботится все та же мафия или какая угодно другая гангстерская шайка.

47.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг, в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Фюрер выслушивал Посланника Шамбалы, конвульсивно вцепившись руками в спинку кресла, и было мгновение, когда Скорцени казалось, что он намерен повергнуть его на землю вместе с креслом. О намерении завершить эту аудиенцию, было забыто. Наоборот, теперь фюрер готов был поддерживать этот разговор столько времени, сколько это было возможно.

– Во всех своих планах вы исходите из того, что нынешний рейх должен погибнуть.

– Что уже неминуемо.

– Но вы, же прекрасно знаете, что для нас, руководителей рейха, эта концепция неприемлема.

– Давайте уточним: для некоторых руководителей рейха, – откровенно шантажировал его Консул. – Среди высокопоставленных чинов рейха давно вызревает мысль о том, что фюрер не способен привести страну к победе и что следует заключить мир с западными странами, чтобы общими силами победить коммунистов.

– Речь идет о заговоре? – нервно подергал спинку кресла фюрер.

– Скорее, об усталости и разочаровании. Устали народы, устала планета, устало небо.

– Это может как-то проявиться? Здесь, в рейхе?

– Будущий год станет для вас тяжелым годом осознания всей той ненависти к вам, которая накопилась в высших кругах армии.

– Но если вы многое знаете и многое можете, почему вы не вмешаетесь в ход событий?

– Это наш принцип. К тому же, нам не позволено вмешиваться в ход земных дел.

– Опять станете ссылаться на Космических Покровителей?

– Не только. В Стране атлантов прекрасно понимают: если правители ведущих стран получат ядерное оружие и власть над евразийским и североамериканским континентами, – мир древних атлантов окажется таким же беззащитным перед мощью наземных армий и имперскими амбициями наземных вождей, как и те многие страны и народы, которые подобного оружия получить уже не смогут. И речь тогда уже будет идти не о спасении отдельных наций и империй, а о спасении самоуправляемого биокосмического корабля, называемого у нас

«Планета Земля».

– Так вы считаете, что на самом деле Земля – самоуправляемый биокосмический корабль? – как можно деликатнее переспросил Скорцени.

Посланник пристально посмотрел на него, и молча кивнул, и закрыв глаза, опустил подбородок на мощную, выпяченную вперед грудь. Это была поза человека, не скрывающего своей неземной усталости. Хотя мощи его грудной клетки мог бы черно позавидовать любой штангист или борец.

– В таком случае много проясняется, – молвил Скорцени, чувствуя, что этот человек все больше нравится ему. Было в нем что-то такое, что свидетельствовало об исключительной силе воли и истинном мужестве. И принадлежал он к тем людям, которым хотелось, и можно было, почти по-детски подражать – как Наполеону или Спартаку.

– Или, наоборот, запутывается, - возразил фюрер, пытаясь таким образом урезонить первого диверсанта рейха. – Если адепты Шамбалы, правители Внутреннего Мира или кого вы там на самом деле представляете, – обратился он теперь уже к Консулу, – не способны прийти нам на помощь, мне придется обратиться иным, более мощным, силам.

Фюрер отошел к окну и, скрестив руки на груди, с решительным видом уставился в высокий сводчатый потолок, словно собирался обратиться к этим «иным силам» прямо сейчас, не выходя из Арийского зала.

– Мы должны воспринимать это как угрозу?

– Как официальное заявление.

Консул открыл глаза и едва заметна улыбнулся. Это была улыбка искреннего сожаления и… сочувствия.

– Ваша угроза настолько бессмысленна, что мы даже не станем обсуждать ее, ни здесь, ни на Высшем Совете Арий-Атлантиды. Думаю, что завершить нашу беседу следует прекрасным проектом «База-211», мудрым и перспективным. Немедленно приступайте к строительству сверхмощных субмарин и к переброске в Рейх-Атлантиду людей и грузов на уже имеющихся подлодках «фюрер-конвоя». Вы, Скорцени, завтра же начинайте готовиться к переброске на «Базу-211».

Услышав это, первый диверсант рейха вздрогнул. Он уже знал святое правило Рейх-Атлантиды: человек, который ступил за портовые строения ее морской базы, возвращению в Германию не подлежит.

– Это невозможно, мой фюрер, обратился он к своему единственному спасителю и даже впервые за несколько бесед с ним употребил это подобострастное и ненавистное ему «мой

фюрер». – Оттуда не возвращаются. А я нужен здесь.

– Вы, конечно же, нужны здесь, – твердо заверил его Гитлер, - не может быть и речи о вашем исчезновении из рейха.

– Успокойтесь… мой фюрер, – иронично ухмыльнулся Посланник Шамбалы, явно смакуя это сакраментальное «мой фюрер». – Для Скорцени, самого страшного человека Европы, как его окрестила одна английская газета после похищения Муссолини, мы сделаем исключение.

– Мы найдем другого достойного этой операции офицера СД, – поспешил заверить его Гитлер, явно обратив внимание на иронию гостя рейха.

– Просто Скорцени станет единственным человеком, который сможет вернуться в Германию и доложить вам, фюреру рейха, что же происходит там, в подземном мире Антарктиды, на самом деле. Человек, отвечающий за безопасность всей операции «База-211», должен иметь представление о том, что же он, в конце концов, охраняет. И поскольку ваш, штурмбаннфюрер, визит в Рейх-Атлантиду будет строго засекреченным, то официально будет объявлено, что вы направляетесь в экспедицию в Гималаи и Тибет на поиски чаши Грааля.

– Что вполне приемлемо, – заверил его Скорцени, В общем-то, он был не прочь побывать в Рейх-Атлантиде, и потом, Консул прав, если уж ему, Отто Скорцени, поручили заниматься безопасностью Рейх-Атлантиды…

– В руководстве рейха знают, что вы уже занимались этими богоугодными, но совершенно бессмысленными поисками – некоей чаши Грааля, так что мотивы вашего исчезновения из поля зрения рейх-генералитета и иностранных разведок будут вполне реалистичными. Об истинной цели вашей экспедиции будет знать только фюрер. И я. О том, как вас доставить в Южную Африку, избавив от опасного и изнурительного месячного плавания на субмарине, мы поговорим через три дня.

– И все же я считаю, – решил настоять на своем Гитлер, однако Посланник Шамбалы резко поднялся со своего места и решительно прервал его:

– Верните себе способность реально оценивать ситуацию, господин Шикльгрубер. Миллионы ваших подданных все еще верят в вашу способность предвидеть будущее – в чем вы их так мастерски сумели в свое время убедить. Так не спешите окончательно разочаровывать их. В мире нет ничего страшнее для монарха, чем разочарование в нем подданных. А все идет к тому, что в марте – апреле 1945 года именно Скорцени, рискуя собственной жизнью, вынужден будет заниматься эвакуацией, а точнее, – не стал он щадить фюрера, – бегством, именно так,

паническим бегством высшего руководства Германии из погибельно осажденного и разрушенного Берлина. Так вот, во время этой экспедиции он сумеет пройти и профессионально отследить тот путь, тот канал, по которому ему придется переправлять основную массу ваших чиновников и генералов в Южную Африку, "Латинскую Америку, а нескольких, избранных, и в Рейх- Атлантиду. И вот тогда опыт его окажется неоценимым.

– Вы говорите о марте-апреле 45-го – как о свершившемся факте, – холодно возмутился Гитлер.

– Как о факте, который неминуемо свершится, даже если учитывать определенную вариантность событий.

– Это потому, что вы окончательно предали нас.

– Мы это уже обсуждали, господин Гитлер. Предполагаю, что последняя наша встреча состоится в вашей ставке «Адлерсхорст» [114], перед тем как вы направитесь в прифронтовой Берлин, чтобы командовать его защитой из бункера своей рейхсканцелярии.

– Вы предали нас, предали, предали! – истерично заорал Гитлер – Вы самым подлым образом предали меня и всех нас! – потрясал он руками, мечась по комнате.

– Это вы предали нас, господин Шикльгрубер, когда, пренебрегая нашими советами, отдавали приказ расчленить Польшу, напасть на Францию и бомбить Лондон. Единственное ваше правильное стремление, которое было нами поддержано, – это попытка уничтожить коммунистический режим в Советском Союзе. Но вместо того, чтобы выступать перед миром спасителем народов от коммунистического идиотизма, вы принялись беспощадно истреблять их, превращая уцелевших в рабов рейха. Вот тогда-то Покровители Космоса и правители Страны атлантов отвернулись от вас, а вместе с ними отвернулась и ваша удача полководца, отвернулась судьба.

– Так чего же вы теперь хотите?!

– Мира. Умиротворения.

– Ах, теперь вы хотите мира?! Так ведь и я тоже хочу его! Но разве во все те времена, когда Гитлера не было на свете, на земле царил мир?! Это, по-вашему, я, Гитлер, устраивал все те тысячи и тысячи войн, которые вспыхивали в течение всей истории человечества на всех континентах: между родами, племенами, великими и малыми правителями, между великими и малыми державами; за власть, за землю, за веру, за женщин, за несметные стада; за Гроб Господень и прочие истинные и мнимые святыни, да и просто потому, что полководцам не сиделось в четырех стенах своих домов или за стенами своих мрачных замков, под боком у сварливых и стремительно стареющих жен?! Оказывается, все эти войны происходили только потому, что мир жил в

предчувствии появления фюрера Ве-ликогерманского рейха?!

«Только бы он не впал в окончательную истерику! – с какой-то трудно преодолимой брезгливостью взмолился Скорцени, вспомнив рассказ одного из своих агентов, который в свое время стал невольным свидетелем истерики, закатанной Гитлером в декабре 1932 года, накануне своего прихода к власти.

Это происходило в берлинском отеле «Кайзергоф», во время решающей встречи Адольфа со «вторым человеком в НСДАП» Грегором Штрассером, впоследствии без суда и следствия расстрелянным в гестаповской тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе. Тогда, обвинив Штрассера в стремлении организовать вместе с командованием СА «путч штурмовиков» с целью захвата власти в партии, а следовательно, в измене, Гитлер «катался по полу бился в конвульсиях *и* от ярости вгрызался зубами в ковер, выкрикивая бессвязные ругательства по адресу Штрассера и его ближайших помощников» [115].

Чтобы фюрер, его великий фюрер, при разговоре с соратником по партии мог кататься по полу и вгрызаться зубами в ковер?! Нет, поверить в такое Скорцени не мог. Тогда не мог. Разоблачая лживость этого, под рюмку коньяку сочиненного рассказа офицера СД, он даже пригрозил, что вздернет его на ближайшем суку, если тот осмелится еще кому-либо рассказывать подобные истории. Но теперь он, первый диверсант рейха, рисковал превратиться в такого, же невольного свидетеля.

– Мой ответ будет прост, поскольку он продиктован всем ходом развития человеческой цивилизации, – спокойно парировал Посланник Шамбалы. – Война является неотъемлемой частью человеческой истории и одним из самых действенных стимулов развития той или иной нации, расы, страны и цивилизации в целом. Извержение вулкана тоже кажется бессмысленным в своей жестокости, но только благодаря неоднократным извержениям множества вулканов планета регулирует давление в реакторах своего естественного двигателя, своего внутреннего солнца, и только благодаря их извержениям происходит обновление земной коры, обновление жизненного слоя внешнего мира планеты. Так вот, хотя всякое сравнение, как говорят у вас, хромает, однако в жизни любой из наций война – это извержение ее неизрасходованной энергии, стимул к развитию науки, техники, оружия и ремесел.

Но рано или поздно одна из наций рождает Чингисхана, Тамерлана, Наполеона или… Гитлера, которые мнят себя повелителями сначала своего народа, затем континента, а потом и всей планеты. И вот тут адептам Шамбалы и Внутреннего Мира приходится каким-то деликатным образом вмешиваться,

восстанавливая естественный ход истории. На этом позвольте откланяться.

– Нет, прежде чем уйти, вы все же выслушаете меня! – истерично заорал Гитлер, останавливая Консула у самой двери. А затем, нервно ощупывая задний карман, в котором всегда носил пистолет, двинулся было в его направлении.

Опасаясь самого худшего, что могло сейчас произойти, Скорцени пошел ему наперерез, пытаясь заслонить собой Посланника Шамбалы.

И тут произошло то, чего первый диверсант рейха никак не ожидал. Выбросив вперед руку с поднятой вверх ладонью, Консул какой-то неведомой силой сковал волю и движения первого диверсанта рейха, заставив его замереть на месте с полусогнутыми руками и приподнятой левой ногой. А в следующее мгновение таким же движением он все той же неведомой силой приподнял тело фюрера, «пронес» его в воздухе и швырнул в то кресло, в котором еще недавно сидел сам.

– У вас, господин Шикльгрубер, есть ровно две минуты, – громовым, и, как показалось медленно приходящему в себя Скорцени, совершенно не свойственным ему голосом проговорил Посланник Шамбалы, – чтобы высказать все то, чем вы намеревались удивить меня.

– Что значит «ровно две минуты»? Если уж вы прибыли, чтобы обсудить наше сотрудничество, то давайте для начала, выслушаем друг друга.

– И не пытайтесь еще раз хвататься за пистолет, – спокойно предупредил его Посланник Шамбалы, – а то я сожгу оружие вместе с вашей рукой. Итак, я возвращаю ваше сознание и внимательно слушаю… Кстати, спасибо вам, Скорцени, за попытку спасти меня от пули и ярости вашего неуравновешенного фюрера.

– Я не знал, что помощь моя не понадобится, но считаю, что арена переговоров не должна превращаться в гладиаторскую.

– Традиции рыцарства, – скупо одобрил гость рейха.

48.

Февраль 1939 года,
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

… А тем временем разговор в гостиной «Андского Гнездовья» продолжался. Выслушав ультимативные угрозы Оранди; доктор Микейрос резко поднялся. Спокойно, с подчеркнутой вальяжностью поднялся и все более наглеющий пришелец

– Не делайте глупостей, доктор, я владею двадцатью способами убить человека голыми руками, одним-двумя ударами, – насмешливо сказал он, чувствуя, что доктор Микейрос вздрагивает от ярости. – Сегодня я, конечно, не воспользуюсь ни одним из них. Но только сегодня, поскольку вы приютили меня.

– Не в этом дело, – поморщился Микейрос. – Здесь находят приют многие. Но вот так вот – стоять и рассуждать о моем убийстве!… – нервно пожал он плечами.

– Вы сами спровоцировали меня на этот разговор. Так что… Ночевать я у вас не останусь. Но мы ещё увидимся. И советую хорошенько подумать над нашими предложениями. Даю вам на это ровно, -он взглянул на часы, – шесть часов. То есть до рассвета. На более длительный срок у меня попросту нет времени. Нами и так уже интересуется полиция. Если вы согласны принять наши условия, статуэтка, находящаяся на колонне у ворот, должна быть повернута лицом к строению. Это будет признаком того, что вы с пониманием относитесь к людям, сделавшим вам столь заманчивое предложение. И тогда мы продолжим разговор. А пока что проводите меня. Кстати, вспомните, что у вас уже были неприятности. Ведь нашелся же кто-то, кто осмелился уничтожить несколько ваших плит, разве нет?

– Мало ли в нашем мире безумцев, не ведающих, что они творят, – спокойно ответил доктор Микейрос. – Кстати, человек, совершивший это, покончил жизнь самоубийством, метнувшись в ущелье, то самое, куда сбрасывал плиты- Вам известно, почему и при каких обстоятельствах он это сделал?

Только теперь Микейрос зажег в комнате свет. Однако доктор Оранди решил, что самоубийство безумца – не тема для разговора и, довольно небрежно бросив: «Я свое слово сказал», – вышел из комнаты.

– Что-то случилось? – в тот же миг в коридоре появилась Оливейра, дослушавшая конец разговора, стоя у телефонного аппарата, уже без Кодара.

– Я провел у вас несколько чудесных часов, сеньора Оливейра, – сдержанно молвил Оранди. – Жаль, что вынужден покинуть ваш дом.

– Покинуть?! В одиннадцать вечера? – удивленно развела руками Оливейра. – Не имея машины? Даже если решитесь бежать, до городка доберетесь после полуночи. Вы ведь знаете наши дороги.

– Я и в самом деле собираюсь бежать, – саркастически ухмыльнулся Оранди. – Беганье по полуночным горным тропам – развлечение моего детства,

– Но что-то все, же случилось? Научный спор? Успели поссориться? – обратилась уже не столько к Оранди, сколько к вышедшему вслед за ним мужу.

– Я скоро вернусь, – не стал вдаваться в объяснения Микейрос, тоже выглядевший озабоченным. – Позакрывай окна на втором этаже. В доме сквозняк.

Уже провожая Оранди к воротам, доктор Микейрос вдруг заметил, как над краем обрыва промелькнула и тут же исчезла за выступом скалы чья-то тень.

«Неужели Кодар? – подумал он, бросив встревоженный взгляд на своего гостя. – Входная дверь была закрыта. Как он мог выскользнуть из дома? Разве что показалось или какая-то мистика».

Что же касается Оранди, то он вроде бы ничего не заметил или же притворился, что не замечает.

Ночь выдалась тихой, влажновато-холодной и почти беззвездной. Но все, же Микейрос, привыкший чуть ли не часами простаивать здесь, на краю плато, и на сей раз остановился, чтобы, запрокинув голову, всмотреться в ночное небо. Обратив на этом внимание, Оранди тоже поневоле остановился и устремил взгляд в поднебесную черноту.

– Скажите, если уж на то пошло… – нарушил молчание Хранитель Священных Плит. – Допустим, я согласился бы. Какой смысл вашему обществу тратить столько денег, чтобы выкупить эти плиты, если вы, как сами утверждаете, в состоянии попросту уничтожить и их, и этот дом… «и меня», – добавил уже мысленно. – Не вижу логики. Без консультаций моих вы тоже спокойно обойдетесь. Какой в них смысл, если плит уже не будет?

– Я ждал этого вопроса, – ответил Оранди, не опуская головы. Сейчас они оба вели себя так, словно обращались не друг к другу, а к Господу, который, впрочем, не проявлял к их речам никакого, интереса. – Услышав ответ, вы, возможно, проникнитесь большим доверием и к людям, предлагающим вам столь странные, на первый взгляд, условия. Мы действительно готовы потратить

немалые деньги. Но не потому, что наше общество – клуб миллиардеров-расточителей, хотя уже сейчас у нас имеются сторонники даже среди очень богатых и влиятельных людей вашей страны, не говоря уже о странах Ближнего Востока…

– На рекламу своего общества вы не скупитесь, – проворчал Микейрос.

– Наоборот, до сих пор мы не только не предавались политическим экзальтациям, но и, по возможности, держались в тени. Стоит в какой-то там Италии или Голландии появиться некоей жалкой организации численностью в сорок-пятьдесят боевиков, как она тотчас же поднимает такой шум, что о ней сразу же узнает весь мир, причем в ход идет буквально все: скандалы, теракты, подкупы должностных лиц. Мы же – члены организации, создавшей довольно важную для человечества программу, до сих пор предпочитали вести с интересующими нас людьми сугубо частные доверительные беседы, решать проблемы спокойно и благородно. Однако времена меняются, и сейчас высший совет организации решил, что пора выходить из подполья и заявить о себе как о значительной социально-политической силе, которая со временем сможет оказывать влияние не только на решения правительств отдельных стран, но и на решения Лиги Наций.

– Вынужден огорчить. Все те мелкие группки, о которых вы только что отзывались с великосветским презрением, исходят из тех же амбиций и предпосылок, что и ваша. Вот откуда у них политическая наглость, вот где они находят моральную поддержку своего террора и своих авантюр.

– Склонность к излишнему обличительству – не лучшее ваше качество, сеньор Микейрос. Переполох, который поднимется после исчезновения плит, – чудесная прелюдия к открытому обсуждению нашей программы. Понятно, мы огласим ее не сразу, а только тогда, когда страсти несколько поулягутся и цивилизованный мир в состоянии будет спокойно поразмышлять над тем, что, собственно, ему предлагают. Потому-то и заинтересованы, чтобы ни вы лично, ни ваша вилла не пострадали. Пусть мир знает, что мы – не мафия и что уничтожение плит – акция вынужденная, как одна из форм нашего идейного протеста; проявление нашего мировоззрения.

– Истребление того, что является достоянием не одного человека, не страны, а сразу двух великих общеземных цивилизаций, не может служить оправданием задуманного вами варварства.

Оранди вновь взглянул на небо, словно бы призывая его в арбитры, затем – на полуосвещенную виллу Микейроса и,

раздраженно вздохнув, направился к спуску в долину.

– Увлекшись пиктограммами каких-то древних плит, – бросил он уже издали, - вы перестали понимать все то, что кодирует своими пиктограммами наша бренная современность. Именно в этом, доктор Микейрос, ваша трагедия.

49

Октябрь 1943 года. Германия.
Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна,
земля Северный Рейн-Вестфалия.

По тому, как быстро и в общем-то безболезненно фюрер овладел собой и заговорил, Скорцени определил, что он все еще остается под влиянием некоей магической силы Послан-ника Шамбалы. Гитлеру приказали успокоиться и говорить, и – он подчинился этому приказу, как некстати разбушевавшийся новичок в казарме старой гвардии.

– Видите ли, господин Посланник Шамбалы, я хотел сказать, что…

– Не утруждайте себя, фюрер. Сейчас я слово в слово проговорю все то, что намереваетесь сказать вы, – не дожидаясь согласия вождя нации, принялся цитировать его, с абсолютной точностью копируя голос, жесты и мимику: – «Если вы действительно желаете установить окончательный мир на земле, то вы должны сделать все возможное, чтобы в Европе установилось полное господство арийской расы. Ибо только арийская раса, которая всем ходом истории определена, как раса господ, способна навести и поддерживать железный порядок! Да, какие-то страны, такие как Советский Союз, Польша и Франция, а также ряд более мелких, должны будут исчезнуть. Что же касается Англии, то уничтожать ее мы не намерены; лишив былую владычицу морей наиболее прибыльных колоний, мы на какое-то время превратим ее в подвассальную страну, а затем, когда к власти в Альбионе придут национал-социалисты, она, как нынче Италия, станет нашим надежным союзником. Еще несколько стран, чье население очень близко, почти родственно с нами, арийцами, а именно: Швеция, Финляндия, Норвегия, равно как и Испания – будут восприниматься нами в роли вспомогательных. И когда все это произойдет… Кто тогда осмелится нарушить мир в Европе?! Кто осмелится напасть на такой союз народов?! Союз, который со временем почти бескровно, исходя из величия национал-социалистской идеи, установит господство над всем остальным миром, чтобы потом соединиться своей арийской кровью с кровью арий-атлантов Внутреннего Мира. Так кто осмелится отрицать тот очевидный факт, что развязанная нами война является последней войной в человеческой истории, которая наконец-то принесет этой планете вечный мир? Которая, в прямом понимании этого слова, повергнет человечество в никогда доселе не ведомый ей

благодатный мир!…

Если Посланник Шамбалы и прервал на какое-то время свою мастерски исполняемую «Речь фюрера», то лишь для того, чтобы пристально, проницательно взглянуть на Гитлера. Это было молчание опытного актера, прекрасно умеющего держать сценическую паузу, а значит, и держать зрителя.

Сам же зритель, в образе сидевшего в ближнем партере фюрера, замер с полураскрытым ртом и натужно, до разорванных сосудов, выпученными глазами. То, что происходило сейчас «на сцене», настолько поразило Гитлера, – который своим ораторским мастерством и сам не раз доводил слушателей до исступления или до гипнотического транса, – что он уже не в состоянии был хоть как-то отреагировать на слова и действия Консула.

Совершенно по-иному вел себя поначалу было застывший «на галерке» Скорцени. В отличие от Гитлера, он постепенно начинал осознавать, что происходит на самом деле. А происходило то, что в реальном материальном мире происходить, в общем-то, не должно было: Посланник Шамбалы заставлял фюрера вещать с помощью… его же, Посланника, чревовещания, выступая при этом в роли своеобразного медиума. Даже если бы фюрер попытался отречься от прозвучавших здесь слов, это выглядело бы слишком неубедительно.

В то же время Посланник Шамбалы еще раз напомнил этим двоим зазнавшимся арийцам, что они имеют дело с представителем совершенно иной цивилизации, находящейся на сту-пень выше в своем развитии, нежели та, которую они,столь амбициозно пытаются здесь презентовать.

– Вы, повелители Шамбалы и Арий-Атлантиды!… – все же решил завершить свою «Фюрерскую речь» Консул Внутреннего Мира. – Если *вы* действительно хотите предстать перед современным человечеством в облике пацифистов, тогда знайте: тот, кто искренне добивается победы пацифизма, должен всеми средствами добиваться завоевания мира нами, германцами! [116]

Он умолк и, по-наполеоновски скрестив руки на груди, еще раз победно осмотрел совершенно повергнутую его талантом публику. Цветы и овации выглядели бы излишеством, без которого он привык обходиться.

– Господин Гитлер, – наконец вернул себе собственный голос Посланник Шамбалы, – будьте так добры: позаботьтесь, чтобы меня доставили к аэродрому у деревни Рейнеке.

Понадобилось еще несколько секунд, чтобы фюрер хоть немного пришел в себя и, мучительно сморщив лоб, выразил некое подобие изумления:

– К аэродрому у… Рейнеке?!

– Что вас так удивляет? Мои пилоты уже заждались меня.

– У Рейнеке? – вновь переспросил фюрер, беспомощно взглянув при этом на своего личного агента.

– Насколько мне известно, – пробормотал Скорцени, – это ближайшая деревня, километрах в трех отсюда,

– Но там… нет аэродрома! – неуверенно заявил Гитлер.

– Есть, мой фюрер, есть, – развеял его сомнения Посланник Шамбалы.

– Это исключено! – амбициозно набычился Гитлер, почувствовав: гость рейха пытается убедить его, фюрера, что не столь уж он всевластен над своей страной, каким все еще сам себе кажется.

– …На небольшом плато, на котором в глубокой древности находилось языческое святилище германцев. Просто вы не догадывались об их существовании: и святилища, и аэродрома дисколетов Страны атлантов, который в течение многих веков служит и пришельцам из других галактик… в роли, скажем так, запасного, аварийного космодрома.

– И это рядом со священным замком СС?! – сокрушенно покачал головой фюрер: Сегодня у него выдался убийственно тяжелый день открытий и разочарований.

– А вам не показалось странным, – по-садистски добивал его гость рейха, что вот уже в течение нескольких дней ни один вражеский самолет не сбросил на замок и его окраины ни одной бомбы? В том числе и те девять бомбардировщиков, которые пролетели над нами всего несколько минут назад.

– Но в окрестностях замка расположены три зенитные батареи!

– Ни одна, из которых тоже не послала в небо ни одного снаряда. Кстати, могу выдать вам тайну пилотов: за три десятка километров, отсюда на всех самолетах начинают «беситься» приборы, напрочь отказывают рации, а сами пилоты впадают в неподдающийся объяснению панический страх и пытаются как можно скорее проскочить этот проклятый Богом участок.

– Но артиллеристы их видят.

– Они пребывают точно в таком же состоянии, – иронично ухмыльнувшись, заверил его гость рейха. – И не их вина в этом. Просто нельзя допускать, чтобы своей стрельбой они разрушали то поле, которое создают вокруг Вебельсберга наши пилоты.

– И все это происходит под носом у Геринга и прочих наших маршалов! – удрученно подытожил фюрер. – Однако мы увлеклись; вернемся к космодрому у деревни Рейнеке.

– Меня это очень заинтересовало. Что еще вы могли бы сообщить об этом объекте?

– Обратите внимание своих медиумов, что местные жители до сих пор поклоняются островерхим скалам в восточной части этого, от глаз людских скрытого, плато, как небесным камням. У этих камней они собираются, чтобы молитвенно просить у Господа дождя и заступничества от всех бед, в, том числе и от такой непоправимой беды, как война. Изучайте легенды своего народа, изучайте его древние легенды! – словно пастырскую заповедь, провозгласил гость рейха. А, уже стоя в дверном проеме, за которым его ждал комендант замка «штандартенфюрер Визнер, он архиерейским басом прогрохотал: – Провожать меня не нужно. И еще… не вздумайте загонять крестьян-язычников из Рейнеке в концлагеря и печи крематориев только за то, что, пребывая в трех километрах от священного замка СС Вебельсберга, они поклоняются не вам, возомнившему себя земным богом, а своим богам, небесным… мой фюрер!

50.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Микейрос все еще стоял и смотрел вслед Оранди. И продолжалось это до тех пор, пока тот не исчез за выступом скалы. Услышав, как где-то там, за скалой, взревел мотор автомаши- ны, Собиратель Плит удивленно качнул головой: о появлении здесь машины он даже не догадывался. Странно, ведь должен же был бы слышать гул мотора. Впрочем, он был так поглощен событиями этого дня, что мог и не обратить на него внимания. Впрочем, тревожило его сейчас другое.

Ясное дело, его каменные плиты – не ритуальные африканские маски и не драгоценности королевской семьи времен Людовика XIV, Ими не украсишь роскошную виллу и не похвастаешься перед богатыми знакомыми. Тем не менее, часть из них представляет интерес для всякого, кто знает толк в старине. Вот почему в принципе людишки из никчемного мира черного бизнеса рано или поздно должны были заинтересоваться ими. Его даже не раз предупреждали об этом полиция, сотрудники министерства культуры и просто наученные горьким опытом коллеги.

И все же, как бы он ни готовился к конфликту с мафией, как к неизбежности, то, что он услышал сейчас от Оранди, превосходило всякие ожидания. Ведь люди, которых представляет этот проходимец, собираются не коллекционировать плиты, не торговать ими, а уничтожать! Что в корне меняет ситуацию. И вообще, что это за люди, за общество такое, объединяющее, видите ли, тибетских монахов и… боссов нефтяного бизнеса? Что свело их? Что у них общего?

Доктор Микейрос хорошо понял все, что изложил ему непрошенный гость, вник в элементарную сущность намерений его организации, и все же не мог объяснить себе, к чему в конечном итоге стремятся эти масоны или кем они там считают себя; чего добиваются, какая сверхидея толкает их на подобные визиты, угрозы, а затем и преступления.

Прежде чем вернуться в дом, доктор Микейрос поднялся на возвышенность около обрыва и еще несколько минут постоял на ней, задумчиво вглядываясь в едва освещенное пробивающимся лунным светом облачко, зависшее над перевалом. Сколько раз, днем и ночью, он останавливался здесь, между плитами, и изумленно вглядывался в горное небо, стремясь найти хоть

какой-либо признак той связи, которая существует – должна существовать! – между небом и горами, космосом и землей, галактическим разумом, функционирующим – он был убежден в этом – где-то в беспредельностях галактики, и разумом, «интеллектом» его родной планеты а следовательно, и его собственным разумом.

Да, простаивая здесь поздними вечерами, он почти подсознательно ожидал чуда, какого-то небесного озарения, которое позволит ему разгадать тайну появления священных плит, судьбы и намерений их создателей, происхождения земных цивилизаций и их связи с цивилизациями трансгалактическими. И кто осмелится упрекать его в том, что он, совершенно искренне веривший в посещение инопланетянами Земли, в особое призвание острова Пасхи и космодрома на плато Небраска, столь же искренне верил и в появление около своего «Андского Гнездовья» одного из космических кораблей? Разве он не имел права на подобный визит? Не мог быть удостоенным такой чести?

На кораблях, на планете, с которой эти летающие диски стартовали, – и где, по его убеждению, знают практически все, что делается на Земле, – уже не могли не заметить, что их забытые письмена землянами наконец-то обнаружены. Ими заинтересовались. Там уверены, что плиты еще раз должны утвердить современных землян в мысли: «Своим взлетом мы обязаны еще и взлетам предыдущих цивилизаций», – а значит, приучить их к вере уже не в Бога, а в силу и могущество братьев по разуму освоивших другие планеты.

Многие из коллег считают его чудаком. Да, он чудак. Если только можно считать чудаком человека, основательнее и искреннее всех остальных на Земле подготовившегося к встрече пришельцев из космоса, способного понять их, проникнуться их намерениями. Он так долго и с такой убежденностью ожидает их, что со временем земная суета, земные хлопоты стали казаться ему невыносимыми. Представилась бы возможность, он бы-первым присоединился к экипажу одною из летающих дисков, даже если ему и не гарантировали бы возвращения на Землю.

«Слушай, ты, старый фантазер!… – проворчал Микейрос, с трудом отрывая взгляд от лучезарного облачка, все четче приобретавшего форму лодки, только основательно измятой льдинами- – Сколько можно? Признайся, что ты смертельно устал. Собрать тысячи плит… Кто потрудился на этом поприще больше тебя? И хватит. Продай отшельническую келью; продай или подари такому же мечтателю, как ты сам, коллекцию плит и доживай свой век у домашнего камина»,

«Мир непостижим, – говорил он себе, медленно бредя к

жилищу. – И в этом он может сравниться разве что с непостижимостью человеческой души. Но ты устал от всего этого… И от неизъяснимости, всю жизнь довлеющей над тобой, – тоже…

51.

Февраль 4939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

После словесного столкновения доктора Микейроса с Оранди прошло ровно сутки. Ранним утром Кодар и сеньора Менц отправились на вызванном ими такси в городок, а вернулся Кодар только под вечер, и уже без журналистки. О том, где осталась сеньора, он ничего не сказал, о желании купить у него виллу не напоминал, персоной Оранди тоже не поинтересовался. Молча, зашел в свою комнату и вел себя настолько бесшумно, словно его вообще не существовало.

Так прошло около трех часов. Почти все это время Микейрос бродил окрестностях виллы, коротая время в созерцаниях и раздумьях. Нет, сейчас он старался не думать ни о беседе с доктором Оранди, ни о промелькнувшей у скалы таинственной тени, ни о не менее таинственном человеке по имени Кодар. Как не хотелось ему вспоминать и безумца самоубийцу, который, прежде чем броситься в пропасть, столкнул туда – из ненависти ко всем, кто существовал на этой земле, до него и будет существовать через тысячу лет после его гибели, – четыре очень важных для познания плиты. Хорошо еще, что не все из тех, которые приготовил к уничтожению, – некоторые этому негодяю просто не под силу было донести до обрыва.

Привыкший к глобальным, всечеловеческим обобщениям и к размышлениям о судьбах человечества, Микейрос и на сей раз предавался им с увлечением, неисправимого романтика.

Проходя мимо дома, Микейрос внимательно присмотрелся к узенькому окошечку-бойнице той комнатки, в которой обосновался Кодар. Свет погашен. Спит? Или, может, стоит у окна и наблюдает за ним?

– Я уже трижды носила кофе сеньору Кодару, – усилила его подозрения Оливейра, как только доктор ступил на порог. – Вернее, пыталась занести. Он не отзывается. А ведь стучала довольно громко.

– Он спит, – как можно увереннее произнес Микейрос.

– Слишком рано для такого гостя, – усомнилась Оливейра, понизив голос. – И вообще, что они за люди? Он и этот доктор Оранди? Что привело их сюда? То, что это не обычные университетские исследователи, я почувствовала сразу.

– Не обычные, это, несомненно, – спокойно подтвердил Микейрос. – И ничего тут не поделаешь.

Он прошел по коридору и постучал в дверь, из-за которой должен был откликнуться один из странных гостей.

– Сеньор Кодар! – позвал он после нескольких попыток заставить пришельца отозваться на стук. – Можете выходить; сеньора Оранди все еще нет! Вы слышите меня?!

– Ну вот, точно так же отмалчивался и на мои приглашения поужинать, – прошептала Оливейра, приблизившись к мужу.

– По идее, он должен был бы спать, – вслух размышлял Микейрос, решительно дергая дверь и убеждаясь, что она закрыта.

– Давай позвоним в полицию. Пусть пришлют хотя бы того сержанта, который наведывался вместе с офицером. По-моему, он человек порядочный. Вдруг и Кодар тоже решил уйти из этого мира?

– Что это им, вилла самоубийц? – возмущенно пожал плечами Микейрос. – Только этого нам не хватало!

– Возможно, с сегодняшнего дня именно так она и будет называться, – пробормотала Оливейра. – Не удивлюсь, если услышу нечто подобное из уст городских сплетников. Сейчас я принесу запасной ключ. А ты уж поступай, как знаешь, то ли открывай сейчас, то ли жди до утра.

Она и в самом деле отыскала ключ, но тут, же выяснилось, что дверь взята на запор.

– Неужели выскочил в окно? – вновь заговорила Оливейра, какое-то время, молча наблюдавшая, как Микейрос пытается справиться с дверью. – Оно ведь легко открывается.

– Все может быть, – устало согласился Микейрос. – Хотя… второй этаж, да учитывая цокольное помещение… Слишком высоко. Да и выходит оно на ущелье.

Они вместе дошли до угла дома и остановились у стены, которая после прошлогоднего обвала оказалась в полуметре от пропасти. Идти по кромке до окна они не решились, тем более что и так хорошо видно было: окно прикрыто. Многозначительно переглянувшись, они вновь вернулись в дом и на втором этаже еще раз подергали дверь, ведущую в комнату Кодара.

– Давай поднимемся на второй этаж и уляжемся в моем кабинете, – устало предложил Микейрос.

– Дверь там крепкая, к тому же у тебя винтовка, – нарочито громко поддержала его Оливейра, рассчитывая, что ее услышат и по ту сторону двери. – Телефон, по которому легко можно связаться с полицией, – тоже в кабинете.

– Успокойся, – негромко молвил Хранитель Плит, – полиция не понадобится.

Однако, сам Микейрос не был уверен в том, что говорил. Едва

очутившись в кабинете, он сразу взял дверь на задвижку, проверил, работает ли телефон и, зарядив винтовку, положил ее на кожаное кресло, предварительно подтянув его к дивану. Теперь к оружию он мог дотянуться, не поднимаясь, - Здесь можно держаться, как *в* средневековой крепости, – остался довольным своими приготовлениями Микейрос и принялся раздеваться. – Но, думаю, страхи напрасны. Все-таки я больше верю в человеческую доброту, нежели в злодейство. К этой вере меня приучили горы.

* * *

«Да, горы… – повторил он уже мысленно, ложась на диван рядом с Оливейрой, которая сразу же свернулась калачиком и затихла, прижавшись щекой к его предплечью. Она всегда засыпала именно так, но, прежде чем уснуть, умудрялась задать ему несметное количество всяких вопросов. Причем таких, что, отвечая на них, Микейросу порой казалось, что разговаривает он не со взрослой многоопытной женщиной, а с дочуркой. Той самой, что погибла в горах, когда они с Оливейрой взяли ее с собой. В своей любви к детям все родители в какой-то степени ненормальные. Но это святое безумие. Они же обезумели в своей любви к горам и даже попытались вовлечь в это безумие четырнадцатилетнюю дочь. А ведь Амика и в самом деле оказалась не по годам выносливой, и ее тоже неудержимо влекли горы… Что тут ни мудри, а она была прирожденной альпинисткой. Как, впрочем, и ее мать – альпинистка экстра-класса Оливейра Андеррас. Но разве это оправдывает их, или способно пригасить горе?

В тот август они совершали восхождение на вершину Ачукан. Такая несложная третьеразрядная гора, как раз для начинающих. К тому же, они затеяли сугубо семейное восхождение, приуроченное к четырнадцатилетию Амики. Где-то на высоте трех тысяч они установили палатку и решили переночевать, чтобы добраться до вершины утром, с восходом солнца. И он, и Оливейра хорошо знали этот маршрут. Им оставалось еще метров двадцать более-менее крутого подъема, а дальше, до самой вершины, путь пролегал по пологому гребню: поднимайся и любуйся горами. Погода тоже выдалась чудесной. Удивительная была погода в тот вечер, он хорошо это помнит.

Пока Оливейра и Амика мудрили над ужином, Микейрос

решил пройти эти двадцать метров в одиночку, основательно подготовить их к восхождению жены и дочери. И прошел. Довольно легко. Даже успел полюбоваться пейзажем, открывающимся с выступа, на который он взобрался, прежде чем спускаться вниз… А еще помнит, что из-под его ноги сорвался только один камень. Один-единственный. И он просто не мог видеть, что в это время к горной стенке подошла дочь с бутербродом в руке – призом за восхождение. Какой это был ужас! Ни он, ни Оливейра даже не услышали ее крика.

Потом они проплакали над ее телом всю ночь, самую страшную в его жизни. Жизни человека, которого в альпинистском братстве считали человеком с железным телом и железной выдержкой.

К счастью, утром к ним поднялась четверка кубинских альпинистов, преодолевавших уже третью андскую вершину. Узнав, в чем дело, и увидев, в каком состоянии родители, они почти силой вырвали из их рук тело девочки и спустились с ним в долину. Затем двое из них помогли спуститься ему и Оливейре. При этом оба кубинца опасались, как бы они не покончили жизнь самоубийством, поскольку имели все основания для таких опасений.

Амику они похоронили в горной долине, сразу за хребтом, открывающимся из окна их дома, рядом с могилой какого-то индейского вождя. Эта удивительной красоты долина время от времени снится Микейросу вот уже на протяжении четырех лет. И просыпается он после этих снов, как после ужасных видений.

– Почему ты молчишь, Оливейра? – спросил он теперь, чувствуя, что жена так и не уснула. – Страшновато?

– Нет, Мика.

Мика. Этим именем Оливейра называет его с того первого вечера, когда они познакомились. Она и дочку только потому назвала Амикой, что это имя было созвучно с именем мужа.

– С тобой мне никогда не страшно. Ты же знаешь… Бывают, конечно, минуты. Но я перебарываю себя.

Микейрос погладив ее волосы, поцеловал в щеку, а потом, совсем нежно, - как тогда, в ту их первую ночь в горах, – в уголки губ. Впрочем, он и любил ее так же нежно, как и в молодости. Почти так же. Хотя и боялся признаться в этом даже самому себе. Хотя, что в этом странного? Оливейре ведь нет еще и сорока. И она все еще до сумасшествия красивая. Они ведь познакомились, когда ей только-только перевалило за двадцать, но уже тогда она была признанной альпинисткой, умудрившейся побывать даже на одном из семитысячников. Оливейра вырастала в альпинистской семье, и впервые отправилась в горы, как позже и дочь Амика, в

двенадцать.

– Все будет хорошо, – вздохнул Микейрос – Все несчастья, какие только могли подстерегать нас, уже подстерегли. И все они остались там, в горах.

– Не надо о горах… – прошептала она, – Только не о горах.

– Прости.

О горах он, конечно, вспомнил исключительно по своей неосмотрительности. Не надо было, на ночь глядя…

В какое-то мгновение Микейросу вдруг показалось, будто скрипнула ступенька лестницы. Сжав руку жены, чтобы она замерла, с добрую минуту прислушивался. Нет, похоже, опять показалось.

В глубине оконного мрака медленно вырисовывался овал запоздалой луны. Голубовато-багровый, он тускло осветил небольшую комнатку, наполнив ее какими-то несуразными тенями.

– Оли… – позвал Микейрос, прикоснувшись рукой к жене. Однако она не ответила и не пошевелилась. И дыхание оставалось ровным и спокойным. Осторожно, чтобы не разбудить, он погладил ее по щеке. Очень хотелось поцеловать, но для этого нужно было бы пошевелиться, а Микейрос боялся потревожить ее сон.

По профессии своей Микейрос был археологом – доктором истории и археологии. Но еще с первого курса университета увлекся альпинизмом, и именно это увлечение во многом определило потом и род его занятий, и способ жизни. Да и друзей – настоящих друзей, а не тех, кого, из вежливости, приглашают на чашку кофе, – тоже приобрел или же навеки потерял там, на склонах и вершинах гор, на перевалах, на речных переправах и горных разломах.

Анды Кордильеры, Килиманджаро, Гималаи, Тибет… Сколько их, известных и неизвестных гор, пиков, вершин, на которых уже побывал или о которых до сих пор мечтает!

Не случись тогда трагедия с дочерью, через год он планировал отправиться с пятеркой североамериканских альпинистов на Эверест. Уже существовала принципиальная договоренность, и Микейрос даже решил, что это будет его последнее восхождение. Самая высокая вершина мира – о чем еще может мечтать человек, по роду деятельности призванный не втайне предаваться соблазну гор, а всю жизнь копаться в земле, в культурных слоях X-XII веков?

Однако отправиться туда после гибели Амики Грэг уже не мог. Точнее, не позволила Оливейра. Слишком боялась, что горы возьмут и его. Как оказалось, устами ее вещало само

предчувствие, сам рок: вся шестерка американцев и два шерпа, составлявших эту группу, навечно остались под снежной лавиной в одном из базовых лагерей, где-то на высоте около шести тысяч метров. Гибель их Микейрос и Оливейра перенесли почти так же трудно, как и гибель дочери. «Горы окончательно предали нас, – сказал он тогда Оливейре. – Они не терпят, когда слишком напористо вторгаешься в их мир».

«Как жаль, что мы не поняли этого еще год назад».

С тех пор его экспедиции ограничивались плато Небраска, да ближайшими плоскогорьями, в окрестностях которых выискивал *платы с* пиктограммами, которые по-прежнему, как и в юности, будоражили его воображение. И, как и раньше, во всех этих поездках его сопровождала Оливейра. Вот только к альпинистскому снаряжению они уже не притрагивались.

Да, Оливейра всегда оставалась преданным другом. Она происходила из древнего рода. Родители ее были потомками испанских конкистадоров, которым удалось сберечь чистоту крови. Как оказалось, они действительно придавали этому огромное значение, поскольку никто из их родов не происходил от негров или индейцев и не принадлежал к какой-либо другой нации, кроме испанской. Они переехали в эти края из соседней страны, спасаясь от мести местной мафии, да так и остались здесь навсегда.

А познакомился он с Оливейрой в Кордильерах, в альпинистском лагере, куда на время каникул съезжались студенты из многих университетов. Тогда она была студенткой первого курса того же факультета, который когда-то окончил он сам. Никакое происшествие, никакие особые обстоятельства знакомству их не предшествовали. Просто однажды у традиционного вечернего костра они оказались рядом. Сидели себе, молча, слушали рассказы болтунов и шутки остряков да время от времени делали несколько глотков вина из бутылки, которую передавали друг другу.

Но со временем вечерний костер превратился в ночной, затем – в предрассветный. Все, кто сидел у него, постепенно исчезали: одни зашли в лагерный отель, другие забрались в палатки, но большинство, разбившись на пары, разбрелось по долине. Только они вдвоем все еще продолжали сидеть у погасшего костра, поскольку на рассвете Оливейра уснула, склонив голову ему на плечо. И он не решался потревожить ее.

– У тебя удобное мягкое плечо, – ничуть не смутившись, проговорила она, как только проснулась, припекаемая лучами жаркого солнца. – По-моему, я еще никогда в жизни так быстро не засыпала, со сном у меня всегда были проблемы.

И, не попрощавшись, не назвав своего имени – он узнал его чуть позже, – ушла сонной походкой королевы Кордильер. Именно так: королевы Кордильер.

А днем, во время похода в горы, она неожиданно присоединилась к его группе. Инструктор попытался возразить: самовольно переходить из группы в группу строго запрещалось.

Но Оливейра испуганно как-то ухватилась за Микейроса и, припав к его плечу, молча уставилась на инструктора, давая понять, что никакая сила разлучить их уже не сможет. И вечером, уже в базовом лагере, у костра, она вновь уснула, все так же склонившись ему на плечо.

С тех пор, сколько Микейрос помнил ее, всегда получалось так, что, где бы они ни были, в какие бы ситуации ни попадали, Оливейра неизменно засыпала у него на плече.

В столицу они возвращались вместе. Оливейра сразу же согласилась поселиться в его квартире и с тех пор стала самым преданным его товарищем и самой надежной помощницей. Однако выйти за него замуж так и не согласилась. Даже после рождения Амики.

Поначалу это страшно удивляло Микейроса, он умолял Оливейру, угрожал порвать с ней всякие отношения, пытался выяснить причину, вынуждающую ее воздерживаться от брака, но со временем смирился, окончательно предавшись одной-единственной спасительной мысли: «Судьба. Такая уж у меня судьба!»

Что же касается Оливейры Андеррас, то вряд ли она и сама способна была объяснить – пусть даже самой себе, – почему столь долго и упорно остается приверженной своей девичьей природе. Разве что свято придерживалась заповеди родителей: во что бы то ни стало сохранять чистоту крови? Но ведь ребенок-то у них все равно был. Иное дело, что для нее крайне важно было сознавать себя свободной, всегда – свободной, признавая одно-единственное условие их совместной жизни – любовь.

Впрочем, какими бы принципами она ни руководствовалась, Грэг уже давно смирился с ними. Да и кто бы не смирился? По-настоящему красивая, умная женщина, искренняя в своих чувствах, неприхотливая во всем, что ее окружало, словно всю жизнь собиралась прожить в альпинистских лагерях…

Чего еще оставалось желать мужчине, которому посчастливилось найти и очаровать такую женщину? На судьбу ему жаловаться грех. Она все еще милостива к нему. Причем милостивой была там, в горах, во время его восхождений- если бы только не гибель дочери; милостивой оставалась в научных поисках и даже в семейной жизни.

С этой утешительной мыслью он и уснул.

52.

Октябрь 1943 года.

Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Приближаясь к Рыцарскому залу, фюрер и Скорцени увидели, что участники совещания все еще ждут их, сгрудившись у двери. Состояние их было приблизительно таким же, как у пилотов английских бомбардировщиков, пролетавших над небесными камнями.

– Я забыл отпустить их? – вполголоса спросил Гитлер, не сбавляя темпа ходьбы.

Скорцени не мог вспомнить, отпускал ли фюрер своих «меченосцев», но на всякий случай сказал:

– Им было приказано ждать.

– Им было приказано… – машинально повторил Гитлер, пытаясь утвердиться в своей решительности. – Однако знать о моих переговорах с Посланником Шамбалы они, как и все прочие, должны только то, что услышат из моих уст. – Да и то под обетом вечного молчания.

– Под обетом, Скорцени, строжайшим обетом, Я правильно сделал, что в свое время назначил вас своим личным агентом, Скорцени.

– А я не привык разочаровывать людей, которым доверяю сам и которые доверяются мне.

И еще, прежде чем отправитесь в Рейх-Атлантиду, постарайтесь выяснить все, что кому-либо известно о космодроме под этой чертовой деревушкой. Не забудьте при этом вытряхнуть души из местного священника и командиров зенитных батарей.

– …Этих небесных мечтателей, – подтвердил понимание своей задачи штурмбаннфюрер СС. Хотя и признался себе, что теперь он станет вытряхивать из них души не для того, чтобы отдать под военно-полевой суд или в руки гестапо, а чтобы понять, что же происходит с ними в те минуты, когда они безвольно созерцают над своими головами стаи вражеских бомбардировщиков. Конечно, если бы он получил данный приказ до встречи с гостем рейха, он и в самом деле воспринимал, командиров бата-рей и орудий как последних мерзавцев, предающих Германию и фюрера. Но буквально несколько минут назад он сам оказался в роли безвольного кролика, не сумевшего защитить, ни Консула от фюрера, ни затем фюрера – от Консула.

«Мне бы с десяток таких солдат, – сказал себе Скорцени, – я бы прошел с ними от Атлантики до Тихого океана и от полюса до

полюса».

– Эта встреча состоялась! – решительно произнес Гитлер, когда все приглашенные расселись по своим местам. И выдержал такую многозначительную паузу, которой позавидовал бы теперь сам Посланник Шамбалы, как и бурным аплодисментам, которыми она завершилась.

Поддавшись воцарившейся здесь театральной истерии, Скорцени тоже пару раз хлопнул в ладоши и при этом даже не устыдился своих чувств. Если бы не впечатления от заключительных сцен прощания с Посланником Шамбалы, в которых Гитлер выглядел мальчиком для битья, Скорцени наверняка вновь восхитился бы его исключительной силой воли и влиянием на своих соратников по борьбе. Но теперь он ощущал только внутреннюю неловкость.

– Она была трудной, – при этом фюрер отыскал взглядом Скорцени, как единственного участника и свидетеля, и гипнотизирующе уставился на него, заставив весь генералитет СС тоже перевести свои взгляды на теперь уже любимчика судьбы и фюрера. – Но она стоила наших моральных и дипломатических усилий! Я не стану пересказывать все то, о чем шла речь, вы узнаете об этом из моих ближайших приказов и действий. Скажу только, что мы получаем доступ к космическим технологиям сверхсекретного оружия, которое станет оружием нашего возмездия. Оружие возмездия – так оно отныне будет именоваться во всех моих приказах и распоряжениях, и, встречая в бумагах имперской канцелярии эти слова, вы будете знать, о чем идет речь и какие силы вовлечены в развернувшуюся здесь, на земле, борьбу.

– Раньше мы говорили об оружии победы, – проворчал бригадефюрер СС Пауль Хауссер. – Так почему теперь я должен говорить своим парням из дивизии «Дас рейх» об оружии возмездия, а не об оружии победы? Я, старый солдат, понимаю это так.

– Успокойтесь, Хауссер, – сумел расслышать его слова Гитлер. – Объясните своим «бессмертным», что поражение порой терпят даже такие непобедимые полководцы, как бригадефюрер СС Хауссер. Именно из-за его поражений, – завершал фюрер уже под смешок Гиммлера и Кальтенбруннера, – нам и приходится прибегать к оружию возмездия.

– Простите, мой фюрер, но я, старый солдат, понимаю это так, – не стал ударяться в более подробные объяснения командир дивизии «Дас рейх».

Однако фюрер даже не удостоил его взглядом: стоит ли отвлекаться на мелочные замечания кого-то из генералов СС?

– Я убежден, – подергивал у груди согнутой в локте правой рукой Гитлер, – что Высшие Неизвестные, в чьей воле находится верховная власть на этой планете, теперь будут значительно понимать и ситуацию, которая сложилась сейчас в Европе, и наши истинные цели. Очень скоро эти Высшие Неизвестные поймут, что для достижения истинного господства на планете им нужна одна нация – германская и одна раса – арийская. И что мир, спокойствие и железный порядок на Земле восстановятся только тогда, когда на ней воцарится власть Великогерманского рейха. Если они действительно проникнутся пониманием этого, уже через несколько лет мы будем жить на совершенно иной планете, с совершенно иным миропорядком.

Гитлер умолк, но никто не знал, завершена ли его речь, поэтому почти с минуту все ждали, пока фюрер выйдет из очередного забытья, оторвет от груди подбородок и обратит свой взор на кого-то из присутствующих

«Жаль, что фюрер не решился пригласить гостя рейха на встречу со всем этим СС-генералитетом, – подумалось Скорцени, – интересно, какое впечатление это произвело бы на него. – Но тотчас, же ответил себе: «Удручающее». Поэтому все на своих местах: точно так же, как между Высшими Неизвестными восстает Посланник Шамбалы, так и между Посланником и СС-генералитетом должен восставать фюрер».

– Гиммлер.

– Я, мой фюрер.

– Вам лично было поручено заниматься всеми вопросами, связанными с созданием первого поколения этого оружия возмездия – ракеты Фау-2" [35].

– Я сам попросил вас об этом, мой фюрер,

– Завтра же поезжайте в Пенемюнде[36], а затем в Нордхаузен и очень внимательно изучите все, что касается создания не только ракет Фау, но и более грозного оружия. Пришла пора оживить эту работу и подумать об ускоренном создании нового типа…- впрочем, вы знаете, какой вид оружия я имею в виду.

– Знаю, мой фюрер.

Скорцени прекрасно понимал: даже если бы Гитлер решился указать, что речь идет о проекте «Хаунебу» [37], вряд ли кто-либо из присутствующих, кроме Гиммлера, догадался бы, что им предусмотрено создание летающих дисков. Не говоря уже о том, что и само название «летающий диск» дало бы только самое общее и наивное представление об этом оружии. Но фюрер был прав: круг лиц, осведомленных о таких проектах, должен быть предельно, узок.

– И последнее… Мой личный агент штурмбаннфюрер СС Отто

Скорцени возглавит экспедицию в Тибет, где ему, возможно, удастся получить сведения о судьбе чаши Грааля, проникнуться тайнами легендарной Шамбалы. Членов экспедиции Скорцени может определить сам. Срок на подготовку – неделя. Перед вашим вылетом на Восток я обязательно встречусь с вами, штурмбаннфюрер. Вы получите самые конкретные инструкции как полномочный представитель рейха при переговорах с любым представителем Внутреннего Мира.

Услышав это, Скорцени обронил: «Яволь, мой фюрер» и сразу же внимательно осмотрел присутствующих, чтобы убедиться, что ни один из них не обратил внимания на оговорку Гитлера. Речь якобы шла об экспедиции в Шамбалу, но, забывшись, фюрер употребил название «Внутренний Мир», под которым, конечно же, предполагалась антарктическая Страна атлантов.

53.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Из своей комнатки Кодар вышел только к завтраку. Он был небрит и, как показалось Микейросу, выглядел основательно уставшим и даже заметно осунувшимся.

– Как вам спалось, доктор Микейрос? – присвоил себе гость фразу, которую, согласно законам гостеприимства, надлежало произнести хозяину.

– Чудесно, сеньор Кодар. Надеюсь, вы тоже не страдали бессонницей. Прошу к столу. Или, может, сначала душ? Знаете, он у нас здесь примитивный. Мы сами греем воду.

– Я уже искупался – в речке. Оказывается, здесь неподалеку чудесный спуск, а вода достаточно холодная, чтобы мгновенно снять усталость. Знаю, сеньора Оливейра, что вечером вы приглашали меня на чашку кофе. А потом, встревоженные молчанием, пытались открыть дверь одним из запасных ключей. Неудача привела к тому, что укладывались вы чрезвычайно обеспокоенные моим молчанием.

– Желаете каким-то образом объяснить его? – сдержанно поинтересовался Микейрос, подождав, пока Оливейра расставит на столе тарелки с жареной рыбой и чашечками с кофе. Он вовсе не собирался прощать бестактность его поведения.

– В отличие от человека, называющего себя доктором Оранди, я пытался скрыть только то незначительное, что не составляет для вас особенного интереса. Видите ли, в чем дело: я не люблю засиживаться в комнатах, это вредит мне, А чтобы не мешать вашей возможной беседе с господином Оранди, я покинул здание через окно. Вы ведь обратили внимание, что оно оставалось приоткрытым?

– Да? Может быть, – неуверенно пробормотал Микейрос.

– Но не заметили свешивающейся из него тонкой шелковой лестнички. Ничего удивительного: днем она кажется почти прозрачной, поэтому заметить ее трудновато,

– Но зачем вам понадобилась вся эта конспирация, сеньор Кодар?

– Мне крайне необходимо было знать, кто ждет доктора Оранди здесь неподалеку, за скалой, на тропе. Сколько их будет, марку их машины. Для этого и пришлось пробираться почти по склону ущелья, рискуя сорваться вниз. И вот что любопытно: хотя сам Оранди не *явился,* слежка за вами и вашим домом

продолжалась весь вечер и всю ночь.

– И сколько же их? – не удержался от любопытства Микейрос.

– Трое. Всего трое. Как мы и предполагали, начиная нашу операцию.

– Значит, я не ошибся: вы все же из тайной полиции?

– Нет. Но могу сообщить, что мы с сеньорой Менц и одним нашим помощником действительно наладили контакты с вашей полицией, поскольку самим вашим полицейским с этим криминальным делом не справиться. Люди Оранди обладают огромным опытом грабежей и покушений. Он нанял их в Гонконге по специальным рекомендациям. Приемами дзюдо, джиу-джитсу, каратэ и прочими они владеют в таком совершенстве, что стесняются хвататься за нож или пистолет. Тем не менее, единственное, что пока что требуется от вашей полиции – невмешиваться, и по возможности не мешать. Конечно, при надобности она должна будет помочь нам. Но не раньше, чем ее об этом попросят.

– Вы говорите мне об этом, чтобы заверить, что не конфликтуете с властями вашей страны?

И чтобы, при случае, вы и сеньора Оливейра могли напомнить об этом полицейском. Влюбом случае меня и моих людей можете не опасаться.

Доктор Микейрос никак не отреагировал на столь неубедительное успокоение, и позавтракали они молча. Хотя Кодар время от времени удивленно посматривал на хозяина «Андского Гнездовья», не понимая, почему тот прервал разговор в самом важном для себя месте. Однако Микейрос продолжал хранить молчание. И длилось оно до тех пор, пока не встали из-за стола.

– Самое время побродить над ущельем, подышать утренним воздухом гор, – мрачно предложил он, больше обращаясь к Оливейре, нежели к гостю.

– Будь осторожен, Мик, – взглянула на него женщина усталыми, печальными глазами.

В ответ доктор Микейрос подбадривающе сжал ее плечо.

– Недавно у вас тут произошло странное событие, – молвил Кодар, выходя из дома вслед за Микейросом. – Какой-то идиот начал было уничтожать ваши плиты.

– Им оказался психически больной. После этой экзекуции он свел счеты со своей бредовой жизнью, бросившись с этого вот обрыва в каньон. Исход весьма символический.

– Да уж… Но следует ли считать, что этот варвар действительно бросился в пропасть? Подобная версия выглядит слишком наивной. Нет, официально он и дальше может

числиться самоубийцей, это снимает массу проблем. Но вы, лично вы, должны знать, что покончить жизнь самоубийством ему помогли. Иначе, войдя в раж, он уничтожил бы, по меньшей мере половину вашей коллекции.

– Помогли?! Вам известно имя убийцы?

– К подробностям этого происшествия вернемся чуть позже. Долина, в которой раскинулся городок, уже была освещена утренним солнцем, и отсюда, с возвышенности, казалось, что мерцающий над ней голубоватый туман на самом деле – плес какого-то горного озера, а проглядывающие сквозь него крыши домов – отражение горных вершин. К вилле лучи еще не дотягивались, поскольку мешал склон горы, но и здесь уже зажигались росинками стебельки проросшей в ложбинке травы и листья укоренившихся в расщелинах деревьев.

Сотни, может быть, тысячи раз Микейрос встречал утро именно так, стоя на краю плато, но всякий раз давно знакомый ему ландшафт представал в новых красках и очертаниях и, казалось, подлежал иным измерениям. Вот почему всякий раз доктор воспринимал его так, словно видел впервые.

Пока Микейрос любовался пейзажем, Кодар задумчиво стоял рядом с ним и терпеливо ждал. Ландшафты его совершенно не интересовали, эмоциям он подвержен не был. Всей невозмутимостью своего вида Готт-Кодар как бы подчеркивал: «Я – человек дела, человек идей, весь нацеленный на них, как стрела на оленя. И, пока не добьюсь своего, никаких иных интересов для меня не существует».

– Очевидно, вас интересует, о чем мы говорили с доктором Оранди, после того, как вы вышли из комнаты? – нарушил молчание Микейрос.

– Не стоит. Вряд ли вы сумеете сообщить мне что-нибудь новое.

– Тогда позвольте один вопрос: когда мы с доктором Оранди вышли во двор, я заметил какой-то силуэт, метнувшийся в сторону. Это были вы?

– Я. Мало того, я не готов определить, кого именно вы заметили. Вполне возможно, что это как раз и был тот человек, который, при иных обстоятельствах, должен был убить вас.

– Убить?! – нервно передернул плечами доктор Микейрос. Меня?! Но за что?!

– Не переигрывайте в своей наивности, сеньор Микейрос. Доктор Оранди уже все объяснил вам. Отказавшись сотрудничать с ним, вы подписали бы себе смертный приговор.

– Вот оно что, – пробормотал Микейрос. – Понимаю, понимаю…

– Знаете, я альпинист, и в общем-то, насколько это, возможно, привык к риску. Но в том-то и дело, что риск, к которому я привык, всегда был связан с горами, снежными лавинами, словом – с природой, стихией. Вот почему любого встретившегося в горах человека воспринимал, как шанс на помощь, как надежду, спасение. Кстати, что вы имели в виду, говоря: «При иных обстоятельствах»?

– Вот этого я не знаю. Несколько иных, нежели те, что сложились в ходе ваших контактов с Оранди. Возможно, этот человек ждал его сигнала. Или же рассчитывал, что вы появитесь во дворе один.

– Мне непонятна логика ваших предположений.

– Я тоже заметил эту «тень гор». И знаю, что он долго наблюдал за вашим домом. Топтался, заметно нервничал. При этом слишком невнимательно поглядывал в ту сторону, где лежат плиты – и где отдыхал на теплых ночных камнях я.

– То есть вы следили за ним?

– Естественно. Как только вы закончили беседу, я спустился по веревочной лесенке с тыльной стороны виллы. В то время как человек Оранди наблюдал за ней со стороны фасада…

– Неужели это действительно так важно для них: уничтожить плиты, уничтожить меня? Люди, живущие где-то на Тибете, в Гималаях… Какое им дело до того, что на плато в далеких Андах или Кордильерах лежат какие-то там плиты с забытыми письменами? Да и вам, сеньор Кодар… какое до них дело? Почему вы здесь? Что привело вас сюда? Давайте откровенно. Доктор Оранди, этот гангстер или кто он там, уже исповедался. Может, это у них обычай такой; исповедаться жертве, прежде чем отправить ее на тот свет?

– Говорите тише, сеньор Микейрос. Во дворе появилась сеньора Андеррас. Зачем ей знать о наших страхах и подозрениях? – Микейрос оглянулся и увидел Оливейру, с кувшином к небольшому водопаду, ниспадавшему со скалы неподалеку от виллы. – Так вот, вы уже знаете о тайном обществе «Стражи Земли», которое представляет здесь Оранди.

– Да, они осмелились на такое название «Стражи Земли»? Оранди не называл его.

– Решил, что со временем сможет познакомить вас с этой полумасонской ложей более обстоятельно, – едва заметно ухмыльнулся Кодар и с удовольствием поскреб ногтями свой подбородок. – Чтобы долго не разглагольствовать, скажу: мы – люди, пришедшие вам на помощь, занимаем по уже известным вам вопросам совершенно иную позицию, а потому являемся самыми яростными противниками «стражей».

– Неужели мои плиты стали причиной войны между двумя тайными организациями?

– До войны пока что не дошло, ограничиваемся мелкими стычками. Однако существа дела это не меняет. Вы достаточно много слышали о летающих дисках и инопланетянах, зачитывались гипотезами о былых посещениях Земли посланцами из космоса. К этим гипотезам и сообщениям очевидцев люди относятся по-разному. Одни верят в существование дисков, другие – решительно отрицают их.

– Что вполне естественно.

– Так вот, несколько лет назад группа выходцев из Тибета основала орден космических братьев. Исследовав множество старинных книг, летописей и легенд, учредители ордена пришли к выводу, что практически все они так или иначе свидетельствуют: Землю действительно уже не раз посещали посланники с других планет, они имели контакты с землянами и в наши дни продолжают следить за развитием земной цивилизации.

– Однако не вмешиваются, – дополнил его рассказ Микейрос, – ожидая, пока достигнем такого уровня технического развития и такой ступени межнациональной консолидации, когда с нами можно будет контактировать и вести переговоры, как с единым государством, единой нацией. Ничего нового в таком подходе нет.

– Мы и не претендуем на оригинальность идеи. Главное наше достоинство – в сплоченности вокруг нее. По существу, мы создали общечеловеческую партию, готовящуюся к роли представителя земной цивилизации в контактах с инопланетными обитателями Вселенной. Зная о существовании такого ордена, инопланетяне не станут опасаться, что технические достижения, которыми они поделятся с землянами, будут направлены на новый раздел мира, утверждение политических амбиций и элементарное уничтожение друг друга

– Уже сейчас могут не опасаться этого?!

– В будущем, конечно. Впрочем, уже сейчас они знают о землянах абсолютно все, что желают знать, и надеются, что в скором будущем все мы, сущие на земле, искренне поверим в первородство внеземных цивилизаций, с нетерпением будем ожидать гостей из космоса, а потому встретим их не истребительными ракетами, а как и надлежит встречать братьев по Вселенной.

– То есть, по существу философия и устав ордена, морально-этические взгляды его членов представляют собой зародыши новой религии – религии XXI века?

– В принципе это может быть истолковано и таким образом, – согласился Кодар. – Кстати, мы должны веровать. Но не в каких-то там мифических богов, а в космических братьев по разуму. Только такая вера приобретает хоть какой-то смысл. В конечном итоге основатели нашего ордена пришли к выводу, что все притчи о мессиях, пришествиях на землю богов, равно как и молитвы о вознесении на небо – и есть отголоски тех древних контактов землян с инопланетянами.

– Такая точка зрения существует, но… – обескураживающе развел руками Микейрос, – но она все еще остается не более чем точкой зрения.

– Это потому, что большая часть человечества не имеет возможности получать исчерпывающую информацию о былых и нынешних контактах. Даже те факты, которые кажутся неопровержимыми, утрачивают свою ценность из-за маниакального стремления газетчиков к сенсации, их профессиональной лживости, из-за всяческих конъюнктурных опровержениях ведущих ученых.

«Мы без промедления пытаемся поставить под сомнение достоверность фактов… дискредитировать автора…» – вспомнились Микейросу слова доктора Оранди. – Так не из-за усердной ли старательности "Стражей Земли" в мире и поныне господствует такая информационная неопределенность во всем, что напоминает о контактах с гуманоидами?

– А вот что касается ваших плит, то они – неопровержимое доказательство того, что в свое время на Земле уже существовала высокоразвитая цивилизация. И, в конце концов, не так уж и важно: являются эти, как вы говорите, забытые письмена каменными визитками инопланетян или же их следует считать завещанием высокоразвитой земной цивилизации, научная элита которой успела переселиться на другую планету. А может, даже существует в космосе, на некоем гигантском корабле-планете.

– Корабль-планета? Такой вариант в голову мне почему-то не приходил, А ведь… все может быть.

– Так или иначе, мы, члены ордена космических братьев, кровно заинтересованы в существовании вашей коллекции, в научно-техническом прогрессе и в пропаганде идей космического братства. И мы никогда не прибегали, к каким бы то ни было сомнительным акциям, наподобие тех, коими не брезгуют «Стражи земли». И лишь узнав, что они снарядили сюда группу, которая должна уничтожить ваши плиты шантажировать лично вас и на фоне этих событий развернуть вербовку в свои ряды новых сторонников, – мы тоже вынуждены были предпринять кое-какие ответные меры.

54

Октябрь 1943 года.
Германия. Окрестности Падерборна,
земля Северный Рейн-Вестфалия,

После совещания Гиммлер предложил Скорцени сесть в его лимузин и, устроившись рядом с ним на заднем сиденье, приказал водителю поднять за своей спиной пуленепробиваемое стекло. Теперь они могли говорить, не опасаясь, что водитель их услышит.

Какое-то время они ехали молча. Похоже, было, что Гиммлер, не имевший достаточного опыта общения с «самым страшным человеком Европы», в самом деле, не знал, каким образом начать этот разговор, или же просто провоцировал его заговорить первым. Однако Скорцени прекрасно понимал, с какой целью рейхсфюрер СС пригласил его в машину: руководителю СС, по существу – второму человеку в государстве, нужны были правдивые сведения о том, что же на самом деле происходило во время встречи Гитлера с Посланником Шамбалы. Вот только, исходя из этики отношений, это свое любопытство он должен был удовлетворять в беседе с фюрером. И не он, Скорцени, виной тому, что отношения вождя СС с вождем нации в последнее время становились все более напряженными, что-то там у них не складывалрсь.

– Я понимаю, Скорцени, что фюрер потребовал от вас молчания, – наконец заговорил Гиммлер и, повернувшись к нему лицом, навел два свинцовых окуляра своих очков, словно два спаренных ствола.

– Потребовал, – жестко отрубил Скорцени, не желая делать ему снисхождения.

– Но если в самых общих чертах… Каково отношение гостя рейха и тех Высших Неизвестных, которые стоят за ним, к рейху и…

– В самых общих чертах высказать это невозможно. – Скорцени понимал,что ни пресекать этот разговор, ни лгать Гиммлеру не имеет смысла. Не исключено, что во время очередного перемирия фюрер сам разоткровенничается с вождем СС, и тогда уже Гиммлер не простит ему лжи. Не то чтобы Скорцени боялся Гиммлера, просто он давно решил для себя, что закаляться и добывать славу следует в борьбе с внешними врагами рейха, а не в кулуарной грызне с его высшими чиновниками.

– И все же, – более настойчиво поинтересовался рейхсфюрер СС, буквально наваливаясь на его правое плечо. – И можете не

сомневаться, что все сказанное останется сугубо между нами.

– Вы ставите меня в очень сложное положение, господин рейхсфюрер.

– Понимаю. Но фюрер вел себя как-то странно,

– Фюрер – есть фюрер, – уклончиво ответил Скорцени. – Он неординарен, причем во всем.

– Я не об экстравагантности фюрера, я – о другом. Чутье подсказывает мне, что на самом деле встреча оказалась более сложной, нежели фюрер мог предположить,

«Он не отстанет, – понял Скорцени. – Дорога к Берлину станет дорогой пытки».

– Предчувствие вас не обмануло, рейхсфюрер.

– А в деталях? Хотя бы в самых общих выражениях.

– Если в самых общих, то ситуация сложная. Высшие Неизвестные – будем называть их так – уже не верят в нашу победу. И не позволят нам создать оружие возмездия до того, как русские и их союзники войдут в Берлин.

– А когда русские войдут, мы для кого будем создавать это оружие – для коммунистов?

– Для себя и своих потомков, но уже в Рейх-Атлантиде. О Германии времен Гитлера они говорят уже в прошедшем времени; интерес для них представляет только то, что мы успеем заложить и сотворить до конца войны в раю, открытом для нас подводными асами гросс-адмирала Деница.

– То есть Высшие Неизвестные уже не приемлют Гитлера как лидера европейской цивилизации…- наконец-то убрался Гиммлер с плеча Скорцени и даже отвел спаренные свинцовые стволы очков-велосипедиков.

– Можно предположить и такое объяснение того, что происходит между фюрером и неизвестными нам, но довольно властными господами.

– Они не согласны с методами его кровавого восшествия на европейский престол - вот в чем причина их охлаждения.

Он возомнил себя богом, а те, истинные, боги такого не прощают. Можете не отвечать, Скорцени. То, что вы имели право сказать, вы уже сказали, и я признателен вам за откровенность. Теперь говорить буду я. Уверен, что разочарование Гитлером как полководцем и лидером нации не привело к разочарованию идеей мирового господства арийцев. Вы не согласны, штурмбаннфюрер?

– Не привело. Не следует забывать, что во Внутреннем Мире Антарктиды тоже господствуют арийцы, причем потомки тех арийцев, которые когда-то создали цивилизацию, известную у нас под названием цивилизации атлантов.

– Но в таком случае они не должны забывать, что в рейхе

существуют и другие известные личности, другие вожди.

– Вы позволили мне не поддерживать этот разговор, рейхсфюрер.

– Откажетесь отвечать? – с ехидцей поинтересовался Гиммлер, очевидно вспомнив сейчас об одном из любимейших своих подчиненных – Мюллере, с его гестапо и гестаповской тюрьмой на Принц-Альбрехтштрассе, в которой обычно казнили высокопоставленных оппозиционеров фюрера. – Я понимаю – вы личный агент фюрера, национальный герой, Скажите прямо, я вас пойму.

И вот тут Скорцени почувствовал, как в нем вскипает ярость. Он прекрасно знал свою натуру: в тех случаях, когда люди обычно тушуются перед угрозами и шантажом власть предержащих, начинают паниковать или, по крайней мере, осторожничать» – он впадает в неудержимую ярость.

– С вашего позволения, – процедил он, – я ограничусь ролью благодарного слушателя,

– Не согласен, Скорцени. Вы, конечно, имеете право не реагировать на мои слова, но замечу, что роль у вас теперь вырисовывается куда более ответственная, нежели роль слушателя проповеди из церковной массовки.

– Я не терплю, когда меня заставляют выбирать между собой и фюрером, – молвил Скорцени, прежде чем успел вспомнить, кто является его собеседником. – Извините, конечно, господин рейхсфюрер… Но вы должны понять меня, – продолжил он далеко не извиняющимся тоном.

И тут Гиммлер прибег к тому единственному, что выводило из конфликтного штопора их обоих,

– Почему вы решили, что вас ставят перед выбором? Мы оба – люди фюрера, люди, преданные Германии и фюреру. И все, что предпринимаем, делается во имя фюрера. Разве не так?

– Это несколько меняет ситуацию, – благоразумно смягчил свою позицию и штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, не забывая, что как офицер службы безопасности СС он такой же подчиненный Гиммлера, как и гестаповский Мюллер.

– Когда вы отправляетесь в Тибет?

«Значит, он не догадывается, что на самом деле лететь мне придется не в Тибет», – понял Скорцени и решил для себя, что уж по этому поводу откровенничать он не станет. Даже с рейхсфюрером СС. И если вдруг эта беседа станет известной фюреру, сохранение тайны экспедиции в Рейх-Атлантиду ему зачтется.

– На подготовку мне отведена неделя. Думаю, что в реальности приказ на выступление в экспедицию последует дней

через десять. Или чуть позже.

– От чего это может зависеть?

– Фюрер предупредил, что перед началом экспедиции он обязательно встретится со мной.

– То есть он будет ждать, когда вы доложите о готовности группы.

– Очевидно, да.

– В таком случае дата начала экспедиции зависит не от фюрера, а от вас. Это упрощает нашу задачу. Думаю, группа должна состоять не более чем из пяти человек. Чтобы придать экспедиции наукообразный вид, вам понадобятся два специалиста-востоковеда. Завтра же они будут подобраны.

– Это важный момент.

– Не волнуйтесь, контингент ученых будет состоять из проверенных людей, а значит, все то, что должны будем знать только вы и я, – останется между нами. Официальный отчет тоже будет таковым, каким мы его утвердим. Зато вы можете быть спокойны, что эти ученые не станут исповедоваться в застенках гестапо. Мало того, мы позаботимся о том, чтобы в нужное время ученые стали учеными-призраками. Вы понимаете, о чем идет речь.

Скорцени, естественно, понимал, что призраками ученые станут после того, как их, уже в качестве отработанного материала, отправят в концлагерь. Но это уже в не его компетенции.

– Двух других для этой экспедиции мне позволено будет подобрать самому?

– Естественно. Причем одним из тех офицеров, которых вы, Скорцени, подберете сами, могла бы стать одна известный вам унтерштурмфюрер СС.

– Кто именно?- безмятежно поинтересовался штурмбаннфюрер, не заметив подвоха

– Ваш «меч судьбы», прекраснейшая из германок, Лилия Фройнштаг [38].

Скорцени напрягся и удивленно посмотрел на рейхсфюрера СС. Вот уж чьего имени он не ожидал услышать сейчас, так это имя Фройнштаг.

– «Меч судьбы», говорите?

– О нет, избавьте меня от каких-либо подозрений! Уж кто-кто, а Фройнштаг – не мой человек, – редко Скорцени приходилось видеть улыбку на лице этого, поражавшего своей жесткостью, рейхсфюрера СС. Но сейчас Гиммлер явно не поскупился. – Наоборот, ваш. Во всех отношениях.

– Но, видите ли, – явно смутился первый диверсант рейха,

прекрасно понимая, какой подтекст заложен был рейхсфюрером в этом определении – «ваш человек». – Наши былые отношения с госпожой Фройнштаг…

– А я знаю, – не дал ему договорить Гиммлер, – что она прекрасно заявила о себе и во время подготовки к операции по похищению папы римского [39], и в ряде других ситуаций.

– Не возражаю, она действительно показала, что достойна мундира офицера СС.

– Мы убедились в этом еще тогда, когда она была офицером охраны женского концлагеря гестапо. Не зря ее назначили командовать взводом надзирательниц. Как записано было в послужном деле, «ее истинно арийская твердость, – все еще не сгонял улыбку со своего лица Гиммлер, но только теперь она уже становилась по-настоящему садистской, – проявлялась с безупречной жесткостью и преданностью фюреру». Иное дело, что проявлялась эта жесткость не только по отношению к заключенным, но и по отношению к подчиненным ей надзирательницам. И порой это уже была не жесткость, а настоящая жестокость, причем… ну, скажем так, с некоторыми сексуальными склонностями.

– Мне известна ее биография, господин рейхсфюрер, – резко напомнил ему Скорцени. Уж он-то хорошо знал, что под сексуальными склонностями Гиммлер имеет в виду те лесбиянские забавы, которым в женском концлагере предавалась не только Фройнштаг и прелестям которых сама Лилия была подвержена менее остальных. К тому же, они никак не повлияли на ее сексуальную ориентацию.

– Смею надеяться, что известна. Иначе вы не были бы офицером СД. Кстати, пора бы ее повысить в чине. Если, конечно, вы не станете возражать.

– Почему я?

– Потому что только вам известен самый страшный ее недостаток.

– Как у всякой уважающей себя женщины, у Фройнштаг их несколько.

– Я говорю о самом страшном. При этом я имею в виду не пухлость ее бедер и изысканность талии и даже не ее былые лесбиянские пристрастия, – все же не отказал себе вождь СС в удовольствии напомнить Скорцени, что же на самом деле представляет собой его «меч судьбы».

– В таком случае речь идет о ревности.

– О немыслимо жестокой, беспощадной, вплоть до выхватывания пистолета, – ревности. Да не тушуйтесь вы, Отто. Любой диверсант может позавидовать вам: иметь такую женщину

для прикрытия и разведывательно-диверсионной легенды!…

– Оберштурмфюрер Фройнштаг будет включена в группу.

– Мудрое решение, Скорцени. Это не женщина – это меч судьбы. И учтите: «меч судьбы» – это ее выражение.

– Кажется, однажды я слышал его.

– Тогда вам несказанно повезло, Скорцени, Обычно она произносит эти слова как окончательный, обжалованию не подлежащий приговор. Правда, после того как встал вопрос то ли, за исключительную жестокость в обращении с заключенными, отдавать ее под суд, то ли за эту же жестокость награждать ее, Фройнштаг стала крайне осторожной с подобными приговорами.

– Так вы советуете включать ее в состав экспедиции, или же, наоборот, отговариваете от этой затеи?

– Рекомендую, Скорцени; но рекомендую, предупреждая. Хотя вряд ли Фройнштаг догадывается, что сама она и есть не что иное, как меч судьбы.

Тема была исчерпана, и какое-то время оба эсэсовца молча смотрели каждый в свое боковое окно, за которыми неспешно проплывали обрамленные холмами и скудными перелесками деревушки Вестфалии, за которыми вот-вот должны были возникнуть предместья Падерборна [40]. Скорцени не очень нравились эти места, ему больше импонировали суровость Баварских Альп или украшенные миниатюрными рыцарскими замками роскошные долины чешской Шумавы, по которым он будет тосковать где-то там, под километровой толщей антарктического льда, который даже сравнить нельзя с альпийскими ледниками его родной Австрии. -

– Поскольку речь зашла о формировании состава экспедиции, – первым нарушил затянувшееся молчание Скорцени, – то сразу же должен уточнить: Тибет, чаша Грааля и зов священной крови, о которых начнут писать наши газеты, возвещая о мирной, сугубо научной экспедиции рейха, – все это лишь прикрытие. На самом деле мне предстоит побывать на «Базе-211», в Рейх-Атлантиде.

Услышав это, Гиммлер оторвал взгляд от видового стекла и с грустью взглянул на Скорцени.

– Я терпеливо ждал, когда вы решитесь на это признание, Скорцени. Я не мог знать с достоверностью, однако прекрасно понимал, что вряд ли фюрер решился бы рисковать вами ради какой-то совершенно не нужной сейчас, после визита в Вебельсберг Консула Внутреннего Мира, погибельной экспедиции в Шамбалу. Одним из условий Повелителя Внутреннего Мира было ни один из побывавших в Рейх-Атлантиде не должен вернуться в Германию. Я так понимаю, что для вас сделали исключение.

– Иначе пришлось бы пробиваться с оружием в руках. И двое ваших аненербистов мне по-прежнему нужны, только уже для создания ложной экспедиции.

– Почему ложной? Как и предвиделось, в Тибет отправятся пятеро, и все под вымышленными именами. И нет ничего странного в том, что под одним из псевдонимов в Тибете будет находиться некий Отто Скорцени. Только сумасшедший решится доказывать, что в действительности Скорцени в это время развлекался с красотками из Внутреннего Мира в несуществующей Стране атлантов.

– Благодарю вас, рейхсфюрер, за понимание.

– А мы должны учиться понимать друг друга, Скорцени, мы должны этому учиться. Это прекрасно, прекрасно, что вы сумеете побывать там. Мы должны знать, что нас будет ждать в этих подземельях, причем важно все: климат, пейзажи, общая атмосфера в колонии, царящий там психологический климат, отношения рейх-атлантов с аборигенами и пленными.

– Вы забыли спросить, почему вдруг такая спешка с активизацией «Базы-211».

55.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Кодар умолк и некоторое время стоял, задумчиво оглядывая склоны гор, словно желал убедиться, что там нет никого, кто бы мог угрожать им. Потом подошел к плитам, которые лежали под дощатым навесом, и попросил подойти туда же доктора Микейроса.

– Вас заинтересовали зти послания? – глухо проговорил хозяин «Андского Гнездовья», приближаясь к нему

– Все, что я мог сообщить вам о своем ордене, я уже сообщил. Теперь хотелось бы, чтобы вы столь же охотно ответили на мои вопросы. Скажите, вот эти три плиты… Что, по-вашему, на них изображено? Какая информация закодирована?

– Почему вас заинтересовали именно эти? «Ты становишься слишком подозрительным и неучтивым, – упрекнул себя Микейрос. – Это не оправдывает тебя даже со ссылкой на старость».

– Хочу убедиться, что не ошибаюсь.

– Я уже говорил о них в интервью одному из парижских еженедельников и могу лишь повторить то, что в нем уже было написано. Посмотрите на изображение, выбитое вот на этой плите. Не подлежит сомнению, что здесь схематично изображен процесс переливания крови от донора к больному. То есть то, чему наши медики научились сравнительно недавно.

– Чтобы установить это, не нужны никакие эксперименты, – подтвердил Кодар, пристально всматриваясь в пиктограмму. – Но все же я хотел бы убедиться, что наша с вами фантазия не подводит нас. Вы показывали эту плиту медикам?

– В том числе и крупнейшему специалисту США по проблемам болезней крови профессору Ронарду.

– Авторитетно.

– А еще плиты могут открыть нам тайны запуска ракет, лечения ржа, способны поведать множество других изобретений и открытий древней цивилизации. В сущность некоторых из них наши технократы проникнут разве что в будущем столетии.

– А народ, оставивший эти ныне забытые письмена? Каковой могла быть его судьба? Помню, что уже спрашивал вас об этом,- но теперь мы с вами более откровенны в своих высказываниях,

– Точной информации, как вы понимаете, нет. Есть предположение. Судя по всему, правители и жрецы знали о

неминуемой гибели своих подданных - отсюда и страсть к увековечиванию знаний на плитах. Незадолго до трагедии узкий круг правящей элиты улетел в космос. Туда, откуда пришло предупреждение о гибели. Не исключено, что это потомки, улетевших наведываются сейчас на Землю на летающих дисках.

– У вас имеются аргументы в пользу этой версии?

– Нет, ни один из дисков визита нам не наносил.

– В любом случае вы, профессор, могли бы стать одним из самых образованных и уважаемых членов нашего ордена, в число которых уже входит несколько известных ученых.

– Вынужден вас огорчить: я никогда не буду принадлежать ни к одной организации, ни к одному ордену или масонской ложе, – мрачно ответил Микейрос. – Это мой принцип. В моем возрасте отказываться от своих принципов – просто смешно.

– Понимаю, – вежливо склонил голову Кодар. – Кстати, по мнению некоторых членов нашего Ордена, в этих космических кораблях летают не сами инопланетяне, а созданные ими биологические роботы, скопированные с нас, землян. И то, что на сегодня зафиксировано несколько типов астронавтов, лишь подтверждает нашу версию: речь идет всего-навсего о нескольких поколениях роботов. На мой взгляд, цилоты последнего поколения наиболее совершенны. По существу, по внешним признакам они не отличаются от физически более совершенных из нас. Не исключено, что они скопированы с потомков тех людей, которые стартовали когда-то с Земли в поисках новой планеты обитания.

– Если учесть, что роботы неприхотливы, не поддаются влиянию земных вирусов, их легко запрограммировать на определенный круг действий, избавив от ненужных эмоций… – соглашаясь с ним, размышлял Микейрос. – А следовательно, отпадает множество проблем, связанных с моральным климатом на кораблях, проявлением инстинктов…

– Да гибель такого экипажа ни у кого особой печали не вызывает, – процедил Кодар. – Вскоре человечество будет запускать в космос точно таких же фантомов.

Выслушивая Кодара, доктор Микейрос краем глаза наблюдал за тем, как от водопада с кувшином воды возвращается Оливейра. Грэг не мог видеть ее лица, но знал, что сейчас оно влажное и раскрасневшееся. Каждое утро жена ходила с этим высоким, полебяжьи изогнутым кувшином, подаренным ей каким-то мастером на рынке в Рабате, к водопаду, долго умывалась ледяной водой и, не утираясь, медленно возвращалась в дом. Она почему-то считала, что вода из этого водопада каким-то чудодейственным образом сохраняет красоту женского лица.

Микейрос как-то поинтересовался у сведущих людей из городка, существуют, ли на сей счет какие-либо легенды или предания, но оказалось, что не существует. Ни о каких-то целительных свойствах его никто никогда не слышал. Родник как родник, каких в окрестных предгорьях множество. Если через год-второй сюда начнут сходиться девушки со всей округи, то автором легенды, созывающей их сюда, следует признать Оливейру.

– Допустим, вы ликвидируете эту группу «Стражи Земли»… – проговорил Микейрос, все еще наблюдая за Оливей-рой. – Уверены ли вы, что не пришлют сюда другую группу?

– Не стану успокаивать, – довольно сурово молвил Кодар. – Угадать трудно. Одно знаю: если нам удастся ликвидировать посланную к вам группу или посадить ее за решетку, на какое-то время «Стражи Земли», наверное, успокоятся. У них не так уж много боевиков, подобных Оранди, чтобы продолжать поединок с нами. К тому же, они побоятся огласки. Если пресса узнает – а она, конечно же, узнает, это я "стражам" могу гарантировать – о методах их деятельности, всем станет понятно, что появилась еще одна террористическая, экстремистская группа, еще одна коза ностра. В то время как они во что бы-то ни стало стремятся предстать в ипостаси принципиально новой общественной силы.

– Ваш орден пытается создавать себе точно такой же имидж, – довольно бестактно заметил доктор Микейрос.

– Если откровенно – то да, тоже, – передернул плечами Кодар: – Но, как бы вы ни относились к «Стражам Земли» и к нам, помогать все-таки придется нам. Уже хотя бы потому, что это в ваших интересах, интересах вашей страны, а главное – в интересах науки. Мы исходим именно из этих соображений,.

56.

Октябрь 1943 года.

Германия. В окрестностях Падерборна.

Гиммлер вздохнул и на какое-то время вновь уткнулся лбом в боковое стекло.

Скорцени тоже готов был уткнуться в стекло со своей стороны. Встреча с гостем рейха оставила на его душе отвратительнейший отпечаток. Ничего, кроме безысходности. Которая обычно вызывает у него не страх, а ярость.

– Наверное, потому, что все плохо именно настолько, – сказал он, не отрываясь от стекла, – насколько нам с вами это уже прекрасно видится.

– Или еще хуже.

– У них там, судя по всему, неплохие контактеры и предсказатели. Консул Внутреннего Мира наверняка делился какими-то прогнозами?

– Весна сорок пятого.

– Он так и сказал: «Весна сорок пятого»?

– Дал понять, что времени у нас осталось в лучшем случае до весны сорок пятого.

Гиммлер остервенело покачал головой, словно пытался вырваться из полупьяных-полусонных бредней. Он не мог, он попросту отказывался верить в подобные предсказания.

– Это ужасно, Скорцени. Столько лет борьбы, столько усилий и крови, столько растраченных иллюзий и похороненных надежд. Но нам хотя бы удастся заключить с русскими и англичанами мир? Рубежи Германии отстоять нам удастся?

– Нет.

– Хотя бы те, прежние?

– Нет.

– Неужели?… То есть вы хотите сказать, что? – То, что должно было последовать за этими недомолвками, казалось Гиммлеру настолько страшным, что он так и не решился облачить его хоть в какую-то словесную формулу.

– Я так понял, что последние из нас будут покидать осажденный Берлин уже тогда, когда русские танки ворвутся на Александр-плац.

Гиммлер сцепил пальцы рук и долго, с нескрываемым наслаждением, хрустел ими в какой-то безумной круговерти кистей, «И у него тоже нервы сдают», – констатировал Скорцени, не ощущая при этом сладостного чувства мести.

– Но фюрер хотя бы пытался договориться с этим гостем

Рейха?

– Безуспешно.

– …Сказать ему, что на самом деле эти его Высшие Неизвестные уже известны нам как закоренелые сволочи?

– У них там совершенно иная логика мышления, иной способ мышления, другие взгляды на происходящее в наши дни в Германии, в России, на нашей планете.

– Потому что они способны предвидеть будущее, а мы – нет.

– Они считают, что то будущее, которое мы себе подготовили зимой сорок первого под Москвой, бросая сотни тысяч своих солдат в сорокаградусные морозы в легких шинельках и хромовых сапогах, – предвидеть было не так уж и трудно. И открыто заявляют об этом фюреру.

– Но ведь фюрер действовал, исходя из их наставлений и благословений.

– Которых никогда не получал. Думаю, что на этом нам следует остановиться, господин рейхсфюрер.

– Боитесь, что завтра нас обоих арестуют как заговорщиков?

– А я – диверсант и предпочитаю действовать в глубоком тылу врага, а не в глубоком тылу рейха.

– Вы – настоящий солдат, Скорцени. Вам не в чем упрекать себя. Тем более, что оба мы принадлежим к черным СС [41], и нам нечего скрывать друг от друга.

– Понимаю, – обронил Скорцени, делая вид, что с трудом отступает от своего намерения прекратить этот опасный разговор, все больше смахивающий на сговор. Хотя на самом деле все самое тайное уже было сказано.

– Простите за назойливость, Скорцени, однако нам предстоит прояснить еще один очень важный момент. Чтобы потом уже к этой теме не возвращаться. Несмотря на все сказанное вами, Скорцени, мне показалось, что Гитлер все еще верит, что Высшие Неизвестные спасут нас, вручат нам оружие возмездия, что они защитят нас своим библейско-космогоническим покровом.

– Уже не верит.

– Этот вывод может быть поспешным.

– Гость рейха самым жестоким образом лишил его каких-либо иллюзий.

– Значит, все то, что происходило в Рыцарском зале после его беседы с Консулом Внутреннего Мира, тоже было очередным спектаклем, со все теми же вариациями на темы видений имперского медиума?

– Я этих слов не произносил, но по существу…

– А спасать нас, хотя бы правящую «верхушку рейха, они собираются?

– То есть, позволят ли укрыться в Рейх-Атлантиде?

– Вы все правильно поняли.

– Вряд ли. Уже хотя бы исходя из своей маниакальной конспирации. В Стране атлантов прекрасно понимают; если союзники узнают, где скрывается высшее руководство рейха, они бросятся атаковать их подземелья. Всей имеющейся в США и в Европе военной мощью. Поэтому руководство Внутреннего Мира окажется перед выбором: то ли пожертвовать верхушкой рейха, бросив ее победителям на растерзание, то ли заменить их здесь, в рейхе, на двойников и в этих ипостасях умертвить, а трупы сжечь.

– «Приятную» же перспективу вы обрисовали, Скорцени!

– Но вполне прогнозируемую.

Прежде чем как-то отреагировать на его слова, Гиммлер несколько раз подряд пожал плечами, и, как показалось первому диверсанту рейха, всякий раз этим пожиманием завершалась неудачная попытка заговорить о том, что более всего волновало рейхсфюрера в эти минуты.

– Но кто же тогда будет править Рейх-Атлантидой, если учесть, что основным населением ее станут подданные фюрера и что прежде всего она – рейх, а уж затем – Атлантида?

– Ради этого я, собственно, и отправляюсь в Рейх-Атлантиду.

– Но уже сейчас появились какие-то версии, которые кажутся вам вполне приемлемыми…

Скорцени добродушно улыбнулся.

– Что вас рассмешило? – не осталась незамеченной его реакция.

– Приятно удивило. Ваше умение провоцировать на откровенность.

– Не провоцировать, а побуждать, И этого у меня не отнимешь.

– Согласен.

– Хотя я знаю, о чем вы, сталкиваясь со мной, думаете: «Почему ни известный журналист из "Фелькишер беобахтер" Йозеф Берхтольд, ни опытный полицейский агент Рихард Хайден удержаться во главе СС не сумели, а бывший владелец птицефабрики Генрих Гиммлер не только удержался на этой должности, но и сумел сотворить СС такой мощной и грозной, каковыми они сейчас являются?» [42].

«Не хватало только; чтобы он вспомнил всем известное прозвище, которое до сих пор гуляет коридорами высшей власти рейха: «Гиммлер-навоз», и которое вызывает в нем приступы мстительной обиды. Вспомнил и потребовал выказать свое отношение к нему».

– Все мы до прихода в НСДАП и СС имели какие-то

гражданские специальности и привязанности, – уклончиво ответил Скорцени, благоразумно обходя расставленные ловушки.

– А с другой стороны, как бы я смог руководить целой плеядой таких же дотошных и скрытных подчиненных, как *вы?* Так что вы хотели поведать?

Слева от шоссе появились старинные особняки падернборнского пригорода. Война их пока что не коснулась, если не считать светомаскировки на окнах да каких-то руин, открывавшихся где-то вдалеке, в створе между двумя лесистыми холмами,

– Мне показалось, – вновь заговорил Скорцени, – что арии-атланты действительно намерены сотворять двойников: двойник Гитлера, двойник Геринга…

– Гиммлера.

– И, конечно же, Геббельса, без которого германцы в своей Рейх-Атлантиде сразу же затоскуют.

– С двойником Геббельса им особенно придется потрудиться, – язвительно заметил Гиммлер, никогда не скрывавший своего легкомысленного отношения к наклонностям и занятиям министра пропаганды. – Как считаете, они сами будут создавать их или станут полагаться на наших, доморощенных?

– Им будет очень трудно создавать двойников, в которых бы поверило наше поколение германцев. А создавать их следует прежде всего для нашего. У молодого поколения появятся свои собственные герои. Причем сложнее всего будет с фюрером. Я знакомился с секретной папкой «Базы-211». Там нет основательного отчета капитана авианосца «Швабенланд» Альфреда фон Риттера. Именно того отчета, в котором речь шла о посещении им Внутреннего Мира. А ведь не следует забывать, что он был первым и, по-моему, пока что единственным из германцев, кто получил туда доступ и кто, как мне представляется, встречался с Правителем Страны атлантов:

– А что мешает допросить этого, как его, фон Риттера?

– Он возглавляет службу идеологии и внутренней охраны «Базы-211» и возвращению в рейх не подлежит. Остается загадкой, кто именно изъял этот отчет. Скорее всего, Геринг. Но знает ли об этом фюрер? Я, конечно, воспользуюсь встречей с фон Риттером на самой «Базе». Но было бы хорошо, если бы нам удалось ознакомиться с этим сверхсекретным отчетом до моей экспедиции в Рейх-Атлантиду.

– Опять этот чертов Геринг. Вы знаете, как он ведет себя в вопросе об институте Геринга.

– Я встречался с ним на его вилле «Каринхалле» и ультимативно потребовал, чтобы этот непонятно чем занимающийся институт был передан в ведение института

«Аненербе», а следовательно, под ваше личное руководство.

– Я этого не знал, почему сразу не доложили?

– Не представлялось возможным. Да и происходило это только вчера, когда я неожиданно был приглашен рейхсмаршалом на его виллу.

– Как он вел себя?

– Поначалу очень агрессивно, а потом вспомнил, как я похищал из горного прекрасно охраняемого отеля «Кампо Императоре» великого дуче Италии, и решил не рисковать.

– Я поручу своим людям выяснить, у кого находится этот отчет. Если только его удастся выудить, вы получите возможность ознакомиться с ним самым подробным образом. Кроме того, в Антарктиду вы отправитесь, имея документ, наделяющий вас практически неограниченными полномочиями, вплоть до замены высшего руководства.

– А как быть с двойниками?

– Если у них и культивируется какой-то двойник, то это двойник фюрера. Только вряд ли им удастся использовать его в Рейх-Атлантиде. Там знают, что фюрер нужен Германии и останется с ней до конца.

– …Дьявол меня расстреляй! – в свойственном ему духе подтвердил эту мысль Скорцени.

– Впрочем, если вам удастся встретить там двойника Гиммлера, передайте ему привет от оригинала,- но при этом выскажите ему все, что думаете о настоящем Гиммлере. По если говорить серьезно, то попытайтесь выяснить, что они намерены делать со своими двойниками, их реальные намерения, а также степень подготовленности этих эрзац-вождей.

– Я так понимаю, что вопрос, прежде всего, заключается, том, где именно эти двойники будут править: в Германии или в Рейх-Атлантиде.

– …Поскольку, Скорцени, от этого будет зависеть очень многое: и в судьбе нынешнего руководства рейха, и в судьбе нынешней Германии.

– Я понимаю это, как, очевидно, понимает и господин оберст-фюрер Шутцштаффель Гитлер [43],

Услышав из уст Скорцени этот давно всеми призабытый чин Гитлера в войсках СС, Гиммлер замер от удивления. Уж от кого-кого, а от Скорцени, известного своим скептическим отношением к чинопочитанию, услышать этот чин фюрера он не ожидал. Заметив это его замешательство, Скорцени ухмыльнулся про себя, сохранив при этом мертвенно-невозмутимое выражение лица. Он знал, что Гиммлер не любил, когда кто-либо из старой гвардии СС вспоминал о том, что в этой организации существует более

высокое должностное лицо, чем сам он, Гиммлер.

К тому же, Скорцени еще хорошо помнил реакцию самого Гитлера на упоминание его чина. Она была почти такой же, как и у Гиммлера. В свое время Гитлеру действительно был присвоен этот самый высокий чин СС, однако он не мог припомнить, чтобы кто-либо когда-нибудь обращался к нему с его упоминанием. Мало того, постепенно утвердилось мнение, что носителем самого высокого чина в СС является рейхсфюрер Гиммлер. И фюрера приятно удивило, что первый диверсант рейха знает и помнит о том, кто именно находится на вершине иерархической лестницы в СС. Это имело принципиальное значение именно сейчас, когда его отношения с Гиммлером становились все более прохладными.

– Что же касается вашей миссии, Скорцени, – продолжил тем временем Гиммлер, но уже более жестким, официальным голосом, – то надеюсь, что разоблаченных разведчиков казнить у них не принято, – озарил он свое лицо въедливой ухмылкой. – А если и казнят, то без средневековых пыток. Когда-нибудь германские историки так и будут говорить: «А вот во времена великого гуманиста Генриха Гиммлера…»

– Не позволь нам, Господь, услышать, что о нас, «великих гуманистах», будут говорить когда-то историки, – покаянно взмолился самый страшный человек Европы.

– Но ведь что-то, же они вынуждены будут говорить.

– Причем самое страшное для нас, что, говоря всё то, что они думают о нашем времени, они уже не станут опасаться ни гестапо, ни концлагерей.

– Но вы-то их все еще опасаетесь, а, Скорцени? Или уже нет? Может, я уже что-то упускаю из виду?

57.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Страшный крик этот, похожий на вопль предсмертного ужаса, Грэг Микейрос услышал как бы в полусне, но даже в этом состоянии сразу, же узнал голос Оливейры. Уже окончательно проснувшись, он какое-то время все еще лежал с закрытыми глазами, считая, что это ему почудилось. Грэг лежал и ждал, что крик повторится или же он вновь, и теперь уже на самом деле, проснется и поймет, что это ему приснилось.

И крик действительно повторился. Однако в этот раз кричала не Оливейра. Со двора, откуда-то от ущелья, через открытое окно до него донесся короткий, хриплый крик, очень похожий на рычание смертельно раненного зверя.

Вскочив, Микейрос бросился к окну, но, поскольку из него открывалась лишь незначительная часть обрамленной крутыми берегами-скалами долины, разглядеть что-либо он так и не смог.

– Эй, кто там?! – крикнул он, однако, не дожидаясь ответа, сорвал со стенды еще с вечера заряженную винтовку и, не одеваясь, бросился по ступенькам на первый этаж.

В доме было тихо. Резким ударом он открыл дверь и уже с крыльца огляделся: два каменных идола – у деревянной арки ворот, орел с широко распахнутыми крыльями – над скалой, с которой ниспадает водопад… Наверное, захотелось пить, но крик вспугнул его, Ага, вот… Неподалеку от водопада, над обрывом – фигуры двух мужчин, с остервенением, хотя и молча, набрасывающихся друг на друга – в попытке сбить с ног, рассечь, затоптать. Что это за люди, почему дерутся, и в кого он должен был целиться из винтовки, которую воинственно сжимает в руках – ничего этого Микейрос пока не знал.

Не отводя взгляда от этих двоих, он сошел с крыльца и осторожно, пригибаясь, словно охотник, подкрадывающийся к занятому добычей, а потому потерявшему бдительность зверю, начал приближаться к ним. Однако, дерущиеся действительно не замечали или попросту не желали замечать хозяина этого двора, пусть даже вооруженного. Похоже, они так увлеклись своими убийственными приемами, что никакое оружие впечатления на них не производило.

– Кто вы? – крикнул Микейрос, но в, то, же мгновение заметил неподалеку от дерущихся, рядом с водопадом, Оливейру. Она лежала вниз лицом, резко подогнув ногу, будто споткнулась,

упала и теперь собиралась подняться. Вот только почему-то медлила.

Мгновенно забыв о бойцах, Микейрос бросился к жене, перевернул вверх лицом, припал к груди и, уже поняв, что произошло, дрожащей ладонью вытер ее запыленное лицо, на котором смерть еще даже не успела оставить своей страшной печати. Еще даже тень ее не легла на это удивительно красивое лицо сорокалетней женщины, красота которой каждый день возрождалась ледяной прохладой горного водопада.

– Оливейра!… – испуганно прошептал он, осматривая ее плечи, грудь, пытаясь найти рану или что-то такое, что послужило причиной ее гибели. – Как это случилось, Оливейра?! – шептал Микейрос, сотрясая ее за плечи, хотя понимал, что она уже ушла от него, ушла навсегда

Рядом, в каком-то шаге от тела жены, лежал разбитый кувшин, и из-под его черепков еще струилась тоненькая струйка воды. Грэг дотянулся до одного из этих черепков, поднял голову Оливейры и попробовал влить *в* рот остатки воды. Сейчас он не смог бы объяснить, зачем делает это. Чисто инстинктивное желание спасать, во что бы то ни стало спасать! И только тогда заметил, как неестественно посинела шея жены возле сонной артерии. Опухла и посинела, словно кто-то рубанул ее тупой стороной сабли.

– Стреляйте, Микейрос! – вдруг донесся до него голос Кодара, – Стреляйте!

Микейрос опустил голову Оливейры и резко оглянулся. Теперь он увидел рыцаря ордена космических братьей в одном из тех двоих, что все еше продолжали схватку. Кодар стоял, полусогнувшись около самого края обрыва и, наверное, не мог опомниться после удара ногой, нанесенного ему противником, который, тоже обессилев во время боя, все же опять по-кошачьи приближался к Кодару, готовясь к решительному прыжку

Не отводя от него взгляда, Микейрос нащупал винтовку и так, не вставая, выстрелил. Наверное, заряд догнал нападающего уже в момент прыжка, потому что он как-то слишком уж высоко подлетел и упал на спину, как гимнаст, которому не удалось хорошо отработанное им упражнение: переворот назад, через себя.

58.

Январь 1939 года. Германия.
Ставка фюрера «Бергхоф» в окрестностях Берхтесгадена, в Баварских Альпах.

Последние километры, отделяющие его от ставки фюрера в окрестностях Берхтесгадена; генерал-адмиралу Эриху Редеру пришлось пробиваться, сидя в машине, которая медленно, «похоронно», продвигалась вслед за бульдозером. И по тому, что ему первому пришлось прокладывать путь к ставке «Бергхоф», главком флота без труда мог определить, что ни командующего Верховного командования вооруженных сил Кейтеля, ни начальника Штаба оперативного командования вермахта Йодля, который неофициально считался начальником личного армейского штаба фюрера, – в зимней ставке Гитлера еще не было.

Как не было, очевидно, и начальника партийной канцелярии рейхслейтера Бормана, если только он не прибыл в «Бергхоф» еще вчера, поскольку был единственным из верхушки рейха, кому-позволено оставаться в ставке на ночь. Это право он добыл себе тем, что в свое время был ответственным за строительство «Бергхофа», или, как его попросту называли, Горы.

Кстати, вилла самого Бормана находилась лишь в нескольких километрах отсюда. Однако, прибывая на совещание из Берлина, рейхслейтер редко заезжал в свое, как он теперь считал, родовое поместье, дабы фюрер не думал, что в столь ответственное для страны и партии время руководитель парт-канцелярии отдыхает у себя на вилле. Зато ужин с фюрером!… Сколько раз Редеру приходилось слышать, как с волнительным придыханием Борман произносил это свое: «А вот во время недавнего ужина с фюрером на Горе…», или «Недельку назад фюрер пригласил меня отужинать вместе с ним в "Бергхофе?…».

Может, это и к лучшему, что их не будет, – размышлял генерал-адмирал, меланхолично наблюдая за тем, как машина медленно приближалась к вершинам одного из заснеженных хребтов Баварских Альп. – Кейтелю, конечно же, нужны деньги на вооружение вермахта. Геринг вообще уверен, что армия должна состоять из авиации и нескольких дивизий пехоты, которые бы пожинали плоды работы его асов. Даже Гиммлер, и тот вдруг решил превратить свои войска в самостоятельную армию и амбициозно планирует сформировать несколько дивизий, причем некоторые из них могли бы состоять даже из легионеров-иностранцев. А тут еще он, Редер, со своим флотом…

Однако у Редера была своя аргументация. Ему нетрудно будет убедить фюрера, что и захват Чехословакии, и особенно нападение па Польшу вызовут болезненную реакцию Англии, Франции и даже США. Не говоря уже о России, И пытаться противостоять этим государствам, не обладая могучим, в том числе и подводным, флотом – стратегическое безумие.

«Именно так я и назову это в присутствии руководства, – обрадовался Редер удачно найденной словесной формуле - стратегическое безумие. Остальное же пусть они прочтут в его книгах «Война на море», «Крейсерская война в зарубежных водах» и «Деятельность легких крейсеров "Эмден" и "Карлсруэ"», благодаря которым он давно признан ведущим специалистом в области крейсерских операций флота.

Причем он является не, только голым теоретиком этих операций, как это пытается представить кое-кто из современных генералов вермахта и СС, которые сами пока, что и за километр от фронта не побывали. Он, Редер, никому не позволит забыть, что является участником сражения времен, Первой мировой при Доггер-банке, и что именно он отличился в Ютландском сражении, что это ему принадлежат разработки операций по минированию прибрежных вод Англии и обстрелу флотской артиллерией ее берегов.

Не далее как в ноябре прошлого года на совещании у фюрера Редер так прямо и заявил: «Если война начнется в течение двух лет, то флот к ней будет не готов». Да, кое у кого из генералов это вызвало недовольство: они-то пытались убедить фюрера, что морской флот, как и вермахт, хоть сейчас готовы пройти Европу от океана до океана. Особенно старался Кей-тель, который, из-за угодничества своего, уже справедливо прозван его же подчиненными Лакейтелем.

Теперь, после разговора с начальником Главного управления имперской безопасности Гейдрихом, главком флота Эрих Редер окончательно убедился: фюрер все-таки пойдет на захват Чехословакии! И произойдет это, скорее всего, в марте. Если операция удастся, в конце лета или в начале осени войска рейха войдут в Польшу.

Мало того, теперь генерал-адмирал Редер точно знал, что операцию поглощения Чехословакии фюрер намеревался осуществить по австрийскому образцу, то есть, заставив созданное после отторжения от Чехии Судетской области прогерманское правительство президента Гахи подписать договор о добровольном вхождении Чехии в состав рейха. К тому же, прилагались усилия для того, чтобы, поддержав словацких сепаратистов, расчленить Чехословакию.

Редер специально встречался по этому поводу с Герингом, который, по поручению фюрера, проводил у себя на вилле «Каринхалле» переговоры с представителями доктора Тиса, некими Дурчански и Махом. И рейхсмаршал сказал ему то же самое, что уже успел сказать фюреру:«Стремление Словакии отделиться надо всячески приветствовать. Чехия без Словакии будет отдана нам на милость. Для того чтобы Чехия вошла в состав Германии, нам не понадобится ни одной дивизии; воевать будут только дипломаты, которым мы предоставим полную свободу действий».

Ясное дело, рассчитывать на то, что Гитлеру вновь удастся созвать руководителей ведущих западных стран на мюнхенскую конференцию [44], и подписать соглашение о присоединении Чехии к рейху, как это было сделано при решении «судетского вопроса», – не приходилось. Но все же при осуществлении операции по захвату Чехословакии, предусмотренного «Зеленым планом» [45], фюрер решил использовать опыт австрийского аншлюсса, операцию по проведению которого Гитлер разрабатывал лично и назвал довольно странно – «Случай Отто»

Главком ВМС прекрасно понимал, что ни при каком из трех предусмотренных «Зеленым планом», вариантов развития событий флот его задействован не будет. Осознав это, любой другой адмирал сказал бы себе, что это не его праздник жизни. Но только не Редер. В конце 1938 года он подготовил подробный план возрождения германского флота, который получил название «План зет», и теперь, затаившись с ним, ждал удобного случая, чтобы предстать перед фюрером.

Однако затаился он лишь по отношению к фюреру; что же касается всех остальных сильных рейха, то, наоборот, генерал-адмирал старался как можно основательнее ознакомить их с основными положениями этого плана, дабы заручиться поддержкой. И не зря он начал с разговора с начальником РСХА Гейдрихом, которого в 1931 году, будучи тогда начальником военно-морского командования, лично нагнал из флота «за моральное разложение».

Ясное дело, Редеру тогда и в голову не могло прийти, что но истечении какого-то времени офицер, изгнанный из флота как моральный разложенец, окажется во главе политической полиции рейха! Он не раз намекал фюреру, что Гейдрих – не тот человек, на которого можно возлагать подобную миссию, но фюрер, кажется, приветствовал то, что между его ближайшими подчиненными существуют серьезные разногласия, исходя из принципа: «Если не мирятся, значит, не сговорятся!»

Еще больше накалились их отношения после того, как шеф

гестапо Мюллер пожаловался своему руководителю Гейдриху, что главком флота противится проникновению во флот партийных структур, – он и сам, дескать, стал членом НСДАП только в 1937 году, да и то под нажимом Гитлера и Бормана, причем членство его оставалось сугубо почетным. Но самое жуткое – что Редер под любым предлогом изгоняет из флота всякого, кто заподозрен в сотрудничестве с гестапо, заявляя, что флот – это каста, и в его рядах не место агентам тайной полиции и прочим доносчикам. А в последнее время дошел до того, что запрещал выдворять из флота священников и даже умудрился отстоять по службе нескольких специалистов-евреев, хотя приказ об очистке от них Кригсмарине был жестким и исключений не предполагал.

Все это время Редер демонстративно подчеркивал, что натянутость отношений с самым страшным человеком рейха его не страшит. Но теперь он решил хоть в какой-то степени нормализовать свои отношения с Гейдрихом, не скрывая, что делает это во имя развития флота. Кажется, ему это удалось. Во всяком случае, Гейдриху явно льстило, что, прежде чем направляться к фюреру, упрямый адмирал решил посоветоваться с ним.

– Так что там происходит в Антарктике? – озабоченно поинтересовйлся фюрер, как только Редер вошел в гостиную, где Гитлер сидел в глубоком кресле у дышащей теплом кафельной печи. Обычно гости сидели здесь на скамьях возле стен, поскольку в комнате не было ни одного кресла или стула, кроме того неохватного венского кресла, в котором восседал сам фюрер. Однако на сей раз по другую сторону печи стояло еще одно кресло, которое хозяин ставки вальяжным движением руки предложил генерал-адмиралу.

– А что… там? – опешил главком флота, напряженно вглядываясь в посеревшее, с запавшими щеками, лицо фюрера.

– Почему вы не докладываете, как проходит экспедиция,

– Три дня назад я передал в канцелярию…

– Я говорю не о тех бумажках, которые вы передаете в канцелярию, – прервал его фюрер. Он вел себя так, словно специально вызвал главкома флота для доклада о ходе секретной антарктической экспедиции.

– Только вчера фон Риттер радировал, что операция подходит к завершению и что он намерен возвращать «Швабенланд» в территориальные воды Германии.

– Возвращать… с чем? – откинулся Гитлер на спинку кресла, и только теперь Редер заметил, что ноги вождя старательно укрыты теплым меховым пледом, на котором лежала обложкой вверх недочитанная книга.

Редер не брался угадывать, что это была за книга, но не сомневался, что за пледом просматривалась заботливая рука светловолосой баварки Евы Браун, которая, заняв место хозяйничавшей здесь ранее сестры Адольфа, быстро прибрала к рукам весь персонал виллы и научилась обставлять быт фюрера, вплоть до мелочей. Ни для кого не было секретом, что по-настоящему Ева чувствовала себя хозяйкой только здесь, в «Бергхофе», и что именно из-за нее фюрер предпочитает значительную часть своего времени проводить на Горе. Причем все чаще именно здесь он проводил всевозможные совещания и переговоры.

– Барон фон Риттер представит подробнейший отчет обо всей экспедиции сразу же, как только войдет в Гамбургский орт, – заверил фюрера генерал-адмирал, краем глаза посматривая на дверь, из-за которой вот-вот должна была бы политься с чашечками кофе сама Ева.

– То есть он не сообщал, ни о чем таком, что бы его смущало или вызвало какой-то особый интерес?

– Сказано было только, что у него имеются очень важные сведения. Но, как я понимаю, сведения эти все-таки имеются.

– Правильно сказано, – признал фюрер. – С докладом фон Риттер и командир команды гидропилотов сразу же обязаны явиться ко мне. Немедленно ко мне? Никто иной, кроме меня, их подробнейшего отчета видеть не должен. *И* никакой утечки информации. Под угрозой виселицы – никакой информации!

– Я прикажу фон Риттеру завершить работу над отчетом еще во время возвращения корабля в Германию. И представить его лично вам. Вместе с пилотом, гауптштурмфюрером Крозеттом.

– Кстати, я смотрел ваши донесения по поводу экспедиции «Швабенланда». Там утверждается, что пилоты обследовали *и* застолбили вымпелами более пятисот тысяч квадратных километров. Сегодня же предупредите командира «Швабенланда», что пилоты и барон фон Риттер обязаны доложить мне о шестистах тысячах километров. Я хочу, чтобы это была территория, значительно превышающая площадь Франции, на которой бы свободно смогли разместиться три метрополийные Великобритании, – хищно оскалился фюрер. – Я хочу, чтобы, узнав о наших претензиях на эту территорию, руководители Англии, Франции и США буквально взбесились.

– Кстати, ее надо бы как-то назвать, – подбросил ему идею Редер.

– Назвать? Да, действительно. А как мы с вами можем назвать ее? Новой Германией? Нет, тогда получится, что новая территория – некое самостоятельное государство, в то время как

она должна быть неотъемлемой частью рейха.

– Тогда, может быть, по названию авианосца, взлетая с которого, германские летчики обследовали берега Антарктиды?

– Швабия? – загорелся фюрер. – Швабенланд? Швабия – одна из тех территорий, на которых зарождались германская государственность и германский дух. Поэтому, в память о наших предках, отныне эту территорию мы будем называть Новой Швабией.

– Сегодня же прикажу мой фюрер, чтобы в своих донесениях он избегал упоминаний о Земле Принцессы Астрид и Земле Принцессы Марты и употреблял только название Новая Швабия, Это тем более важно, что на данную территорию открыто, претендует Норвегия.

– Мы посоветуем Норвегии хорошенько подумать над тем, как сохранить хотя бы ту территорию, которой она все еще, по чистому недоразумению, владеет, – подался вперед фюрер, неловким движением руки сбивая с колен книжку.

– Вы абсолютно правы, мой фюрер, – быстро дотянулся до нее Редер. Прежде чем подать ее фюреру адмирал мельком взглянул на обложку, однако прочесть заглавия не сумел: вождь вырвал книжку из рук и, поспешно закрыв, положил на стоявший слева от него столик.

– Извините, мой фюрер, – пробормотал Редер, почувствовав себя настолько неловко, словно пытался заглянуть в чужое письмо.

– Не надо извиняться, – вдруг тоже застеснялся Гитлер. – Как вы уже поняли, это книга о Наполеоне.

– Да? Признаюсь, что названия не заметил.

Однако фюрер уже не слышал его. Застывшим взглядом он всматривался в покрытое изморозью окно, из которого в более теплое время года открывалась седловина горного перевала, и мысленно был далеко от этой комнаты, от «Бергхофа», от той проблемы, которую они с главкомом флота только что обсуждали.

– … Но я хотел бы, чтобы вы, Редер, помнили: когда Наполеон уходил из Москвы, мороз достигал двадцати пяти градусов. Двадцать пять градусов мороза – вот о чем мы должны думать, готовя наших солдат к великой войне.

– Я думаю об этом – как никто иной из ваших генералов и адмиралов, мой фюрер.

– Правда? – оживился фюрер, и в глазах его промелькнул огонек признательности. – Вы тоже думаете об этом?

– В 1905-м, будучи курсантом военно-морской академии, я несколько месяцев находился в России, где изучал русский язык.

– Только поэтому? – не смог скрыть своего разочарования Гитлер.

– Но благодаря этой стажировке я хорошо знаю, какие зимы бывают в районе Москвы, к тому, же читал книги о том, как русские воспринимают зиму и переносят морозы.

Однако на сей раз Гитлер никак не отреагировал на его воспоминания, и Редер даже засомневался, расслышал ли их фюрер. Прошло не менее двух-трех минут неловкого, тягостного молчания, прежде чем фюрер «вернулся» в свой «Бергхоф».

– Поскольку речь уже идет о германской территории в Антарктиде, отправьте туда для патрулирования побережья новой Швабии два линкора. Сразу же после прибытия в Гамбург авианосца «Швабенланд» вы должны будете направить туда звено подводных лодок, в экипажах которых обязательно должны быть группы опытных водолазов.

– А сами командиры субмарин должны знать особенности плавания в условиях паковых ледовых полей, – добавил генерал-адмирал. – Если прикажете, мой фюрер, то в район Новой Швабии будут направлены линкоры «Граф Шпее» и «Адмирал Шеер».

– Ваши «карманные линкоры», – кивнул Гитлер.

– Сравнительно небольшие, маневренные и быстроходные. Именно такие и нужны для рейдирования в арктических водах, в паковых льдах.

– И пойдут они под командованием коммодора фон Готта? Редер так и не понял: следует ли считать это приказом или же фюрер всего лишь поинтересовался, будет ли назначен командиром отряда капитан цур зее фон Готт, однако на всякий случай подтвердил, что, естественно, командовать будет Теодор Готт.

– Правда, он еще не вернулся из экспедиции, и ему понадобится хотя бы несколько дней отдыха

– Разве в Южной Америке ему не удалось отдохнуть? – спросил Гитлер, однако, встретившись с растерянным взглядом Редера, решил уйти от этой темы: – Впрочем, – сказал он, – линкорам тоже лучше выйти на рейдирование после прибытия «Швабенланда». Думаю, что тогда многое прояснится. А пока что готовьте экипажи; и линкоров, и субмарин.

Он порывался сказать еще что-то, однако в это время в дверях появилась Ева с дымящимися чашками кофе на подносе, а вслед за ней – начальник личной охраны фюрера Ганс Раттенхубер, объявивший, что прибыли Борман, Кейтель и Геринг. И Редер не мог бы утверждать, что сообщение это взбодрило фюрера.

– У вас есть ко мне еще какие-то вопросы? – поинтересовался

он у генерал-адмирала, суетливо поднимаясь из кресла и забрасывая книгу о Наполеоне на небольшую этажерку.

– Я, собственно, хотел выяснить судьбу «Плана зет», представленного вам две недели назад. Мы с вами договаривались, что сегодня обсудим его.

– Мы его, понятное дело, обсудим с нашими товарищами по борьбе, но уже сейчас вы должны знать, что с планом я ознакомился и полностью поддерживаю его. Германии пора иметь по-настоящему сильный, мощный флот, в том числе и подводный. Помня при этом, что нам придется активизировать наши поиски в Антарктиде и наши связи с заморскими военными базами» в частности с базой в Монтевидео.

59.

Февраль 1939 года. Перу.
Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Наблюдая, как подергивается в конвульсиях тело застреленного им, Грэг поднялся и подошел к Кодару, так что тело убитого – это был не Оранди, Микейрос мог поклясться, что никогда в жизни не видел этого человека, – оказалось между ним и спасенным гостем, На какое-то мгновение взгляды их встретились.

– Ваш выстрел оказался очень своевременным, доктор Микейрос,- негромко проговорил Кодар… Я ваш должник.

Микейрос молча, кивнул. Он все еще не мог вымолвить ни слова. Хотя и порывался сделать это.

– Я пропустил его удар, – Кодар еще до сих пор стоял, пригнувшись и держась руками за подреберье. – Взглянул на вас и пропустил. К счастью, этот тип лишь слегка зацепил меня.

– Кто он? – так же тихо спросил Микейрос. – Что здесь произошло?

– Из шайки Оранди. Один из «Стражей Земли». Сам Оранди лежит за скалой, по ту сторону водопада. С минуты на минуту сюда прибудет полиция. Ее должна вызвать сеньора Менц. Вы не боитесь неприятностей?

– Я уже ничего не боюсь, – выдохнул Микейрос. – Причем достаточно давно.

– Как альпинисту, вам довольно часто приходилось рисковать жизнью, – согласился Кодар.

– Я не боюсь с тех пор, когда из-за моей собственной неосторожности погибла наша дочь. Если бы сегодня на месте Оливейры оказался я, это было бы очень кстати. Я давно ищу искупления. А вот Оливейра должна была жить. Она должна была жить.

– Вы мужественный человек, доктор Микейрос. Я не раз слышал об этом от самых разных людей. – Кодар вновь помассировал подреберье и с заметным усилием, но все, же выпрямился. – Сейчас тоже нужно оставаться мужественным.

– Я понимаю, – устало кивнул Микейрос и пошел к Оливейре. Винтовка выпала из его руки, но шедший за ним Кодар тут же подхватил ее. – Мир сошел с ума. Я знаю, почему инопланетяне не желают вступать с нами в какие бы то ни было контакты. Они не хотят иметь дело с цивилизацией безумцев. Наша планета – всего лишь гигантский всепланетарный сумасшедший дом.

– Не трогайте ее, доктор, – предупредил Кодар, когда Микейрос приблизился к телу жены. – С минуты на минуту должна прибыть полиция. Пусть сеньера Андеррас останется там, где ее настигла смерть.

– Она должна была жить, сеньор Кодар. Неделю назад она сказала мне, что ожидает ребенка.

– Вот как!?

– Чудовищная нелепость.

– Судьба, доктор. Мы не судьи своей судьбы, мы всего лишь ее адвокаты.

– Всего три дня назад… – прошептал Микейрос, закрывая руками лицо. – Не должен кто-либо в этом мире познавать столько несчастий сразу. Это несправедливо. За что ее убили, сеньор Кодар?

– Прежде всего – кто? Вы так и не уточнили этого.

– Но… Я так понял, что человек, которого я…

– Причастен…! Так мы и сообщим полиции. Однако убивал ваш гость, доктор Оранди. Я подстерегал его за камнями, по ту сторону скалы, но мне и в голову не приходило, что он способен напасть на женщину. Зачем, ради чего? Убив ее, он бросился бежать, однако его догнал мой нож. Хотите глянуть на убийцу своей жены?

Доктор Микейрос поднял глаза на Кодара, и тот прочел в них одно-единственное, почти мольбу: «Оставьте меня в покое! Оставьте меня! Дайте попрощаться!»

– Я понимаю, – проговорил Кодар и, обходя черепки, направился к водопаду Там он снял пропитанную потом рубашку подставил голову под ледяную струю и начал умываться. В тот же миг где-то на склоне возвышенности, за поворотом дороги, прозвучала сирена, а еще через минутку у арки ворот остановились одна за другой две полицейские машины. Вслед за ними подъехала и машина скорой помощи.

– Что здесь происходит?! – подбежал к Кодару капитан полиции. Другие полицейские, не ожидая разъяснений, бросились кто в дом, кто к убитому

– Они убили жену доктора, капитан, – объяснил Кодар, возникая из-под струи водопада. – Самого доктора тоже должны были убить. Вас проинформировали, кто такой доктор Микейрос?

– Нам это известно.

– В отношении меня, очевидно, тоже получили указания?

– Ясное дело, сеньор Кодар,

– Отлично. Подробности потом, – утомленно проговорил Кодар. – Поговорите с сеньором Микейросом. Тело жены лучшие немедленно увезти, только это и спасет доктора… – и Кодар

вновь подставил голову под ледяной поток водопада.

60.

Ноябрь 1943 года.Юго-Западная Африка, секретная база «Рейх-Зюд» в горах неподалеку от Брандкопа. Антарктида, «База-211», Рейх-Атлантида.

Вот уже третьи сутки Скорцени не покидало странное ощущение того, что он находится в каком-то совершенно ином, параллельном мире. Те же германские солдаты, большинство из которых, правда, набрано из местных германских колоний; те же армейские порядки, те же римские привестствия и те же портреты фюрера в домах, выстроенных из мощного дикого камня, с блиндажными крышами из толстых бревен в два наката. Однако за всем этим скрывалось какое-то непонятное благодушие людей, которые понятия не имеют, что такое настоящая война, которые даже вообразить себе не способны, что такое массированные налеты авиации, и которые необъяснимо смутно представляют себе, что такое современный рейх и что в нем, собственно, происходит.

Единственное, что абсолютно всем здесь было понятно, так это то, что все они, сто пятьдесят вооруженных автоматами, гранатами, короткими бушменскими луками, копьями и метательными ножами, солдат, должны знать о задачах и функциях своей базы ровно столько, сколько им положено. И Скорцени не понадобилось много времени, чтобы выяснить, что, кроме коменданта базы капитана Гриваса и трех его лейтенантов, ни один военнослужащий этой роты понятия не имеет, откуда прилетают и куда улетают самолеты с секретного, тщательно замаскированного арэродрома, прозванного здесь Гривасдро-мом; кто те люди, которые поселяются на какое-то время в строго охраняемом, отгороженном бревенчатым частоколом и колючей проволокой, поселке на склоне горы; для чего около трех сотен африканцев, под конвоем полусотни наемных охранников-африканеров, денно и нощно долбят окрестные горы, прокладывая штольни, ведущие к естественным горным пустотам.

Благодаря доставляемым сюда время от времени газетам капитан знал, чем прославился в Германии обер-диверсант Отто Скорцени; а еще ему по радио сообщили, что на его базу «Рейх-Зюд» прибывает начальник отдела диверсий РСХА, объявленный фюрером героем нации. И он вполне естественно решил, что столь высокий гость прибыл для того, чтобы проинспектировать боеспособность его роты. В свое время Гривас сам окончил диверсионно-разведывательную школу и прибыл сюда, на еще только создававшуюся тогда базу, с тремя своими

однокурсниками-диверсантами, которые командовали теперь взводами. Вот почему сейчас он с гордостью демонстрировал собственный тренировочный полигон, на котором и сам он, и его офицеры выступали в роли инструкторов.

Коренастый, плечистый, этот бывший крестьянин из баварской глубинки, казалось, воплощал собой всю мощь крестьянского тела, накопленную его многочисленными трудолюбивыми предками.

– Хотя мы числимся здесь как обычная отдельная пехотная рота, – объяснял он, стоя на пригорке, с которою обычно наблюдал за тренировкой своих солдат. – Однако всю подготовку мы проводим так, как если бы мои солдаты являлись курсантами разведывательно-диверсионной школы: стрельба из разных положений, рукопашный бой, методы ближней разведки, захват "языка", действия в одиночку и группами в тылу врага, выживание в горах. Я вообще считаю, что по такой программе следует готовить всех без исключения солдат рейха. И очень хотел бы, чтобы нашу базу официально называли разведывательно-диверсионной школой. Это сразу же подняло бы дух гарнизона.

– Я доложу командованию, и ваша просьба будет учтена. Считайте, что вы уже являетесь разведывательно-диверсионной школой, со своей базой и своим центром переподготовки прибывающих сюда солдат. Но главной вашей задачей все, же остается охрана аэродрома и секретного лагеря «Рейх-Африка», а также подготовка подземной базы для войск, которые сюда вскоре прибудут.

– Для нас это свято, господин штурмбаннфюрер.

Они оба прекрасно знали, что лагерь «Рейх-Африка» является базой отдыха для эсэсовцев-подводников, прибывающих сюда из «Базы-211», с той только разницей, что Гривас понятия не имел, где именно находится эта база и каково ее предназначение. Его делом было – обеспечить этих эсэсовцев нормальной едой, жгучими африканками и отдыхом на природе, на берегу небольшого искусственного озера с чистой проточной водой, над которым, в горном каньоне, даже в самые жаркие дни температура воздуха не превышала двадидти пяти – двадцати семи градусов, да еще время от времени устраивать для офицеров из «Базы-211» охоту в местном лесу.

Учения, которые капитан провел для демонстрации выучки своих солдат, показались Скорцени слишком уж театрализованными, но в то же время выяснилось, что, кроме своей роты, капитан сумел выставить взвод белых охранников-африканеров, две роты кое-как вооруженных рабочих и отряд африканских стрелков, численностью до сотни воинов, во главе с

сыном местного вождя.Это племя Гривас превратил в своего союзника, взяв его под защиту от других, более мощных племен.

Действия всех этих африканских стрелков получились довольно хаотичными, это Гривас и сам понимал, но зато они сбивали с толку противника, прореживая его ряды и втягивая в мелкие стычки на дальних подступах к базе. Сама же рота охраны, имеющая на своем вооружении три орудия и десять пулеметов, по существу должна была добивать тех, кто прорывался через заслоны стрелков. А прорываться было не так-то просто, поскольку к базе вели всего две дороги, одна из которых представляла собой обычную горную тропу. Почти вся остальная местность была труднопроходимой и очень удобной для обороны.

Уже из рассказов и карты капитана Скорцени узнал, что база «Рейх-Зюд» является центральной. А вокруг нее расположены еще три базы: одна – в горах, почти на берегу океана, – для прикрытия секретной базы подводных лодок; две другие перекрывали подступы к центральной базе и к аэродрому. Для гарнизонов всех этих баз «Рейх-Зюд» оставалась своеобразной крепостью, в сторону которой они могли отходить во время наступления врага. Хотя никаких вражеских войск в радиусе трехсот километров до сих пор здесь не наблюдалось.

Скорцени нравилось здесь решительно все: горы, густой лес, увенчанная озером речушка. Порой ему даже не верилось, что все это он видит в Африке, которая до сих пор представала в его фантазиях в виде то ли жарких пустынь, то ли какого-то полувыжженного редколесья.

Штурмбаннфюрер с удовольствием пробыл бы здесь еще с недельку, однако на рассвете, на столе рядом с его кроватью сигналом тревоги зазвонил полевой телефон, и капитан Гривас сонным голосом похмельно уведомил инспектора, что его ждет самолет из «Базы-211».

Отто редко предавался пьянству и разгулу, однако сейчас, оглядев свое бунгало, понял, что эту ночь ему придется зачислить в исключительные. Хотя почему на полу валяется великое множество пустых бутылок – это он понять мог, а вот почему между ними, на небольших ковриках, покоятся в различных позах сразу три молодые африканки – этого он понять не мог. Если это был подарок вождя местного племени – то слишком уж щедрый.

Как только самолет, в котором Отто оказался единственным пассажиром, поднялся в воздух, он тотчас же попал в какой-то странный вихрь, а затем за иллюминатором стало темно, как ночью. Скорцени попытался достучаться до пилотской кабины, однако дверь была закрыта и оттуда никто не отвечал. Впрочем,

продолжалась эта чертовщина недолго, уже через каких-нибудь полчаса этот тихоходный с виду самолетик оказался на льдине у антарктического островка, с которой его сняли моряки из субмарины "Атлантис".

Но, прежде чем сесть в шлюпку, которая должна была переправить его к субмарине, Скорцени увидел зависшую невдалеке, над материком, странную машину, очень похожую на дисколет Шернера, и понял, что именно этот дисколет в какие-то считанные минуты перебросил его самолетик за сотни километров от африканского побережья.

Подводно-подземный – как называл его командир Атлан-тиса капитан Блэк – порт представлял собой огромный грот, вода в котором никогда не замерзала. Ярко освещенные причалы его мало чем отличались от обычных причалов любого из германских портов. Единствнным отличием служило то, что возле них были пришвартованы только субмарины и ни одного надводного судна, кроме разве что двух маленьких портовых катерков, рассчитанных на передвижение в пределах акватории.

– Четыре из этих субмарин – наши, рейх-атлантидовские, остальные – из «Фюрер-конвоя», – объяснил вице-адмирал Готт, лично прибывший в порт, чтобы встретить Скорцени, официально явившегося сюда в роли инспектора рейхсканцелярии. – Порт у нас более-менее благоустроен: гостиница, три кабачка, с очень ограниченными порциями еды и еще более ограниченым отпуском спиртного, кинотеатр. Всю остальную территорию еще только обустраиваем.

Пока их гусеничный вездеход взбирался на некое подобие подземного перевала, Скорцени постепенно настраивался на то, что он увидит мрачные узкие штольни, наподобие тех, которые уже пришлось видеть в подземном центре «Дора». И каково же было его удивление, когда с высоты перевала ему открылась огромная долина, освещенная неярким, но все же довольно мощным светом, который непонятно откуда исходил, и посреди которой протекала извилистая речушка, водопадно уходящая куда-то в глубины материка. И здесь уже произрастал небольшой лесок, а в распадке между холмами высились несколько многоэтажных зданий, в одном из которых и находилась администрация Рейх-Атлантиды.

– Энергией нас одаривают соседи, атланты, – старательно относился к своей роли гида вице-адмирал. – Видите вон тот, уходящий в «небеса», туннель? Мы называем его «входом в рай», куда нас, простых смертных германцев, пока что не пускают грехи. Так вот, в конце этого туннеля, которого никому еще преодолеть не удалось, – начинается Страна атлантов. В свое

время, еще в 1939 году, там побывал фон Риттер, одна-. ко, скованный клятвой, он почта не распространяется о своем визите. Впрочем, все, что мы имеем право знать об этой Стране атлантов, мы знаем из фильма, который они нам дали и который мы прокручиваем для каждой вновь прибывшей команды. То, что мы там видим, действительно напоминает библейский рай. И фон Риттер утверждает, что это не бутафория; он видел всю эту красоту собственными глазами.

– Это верно,я знакомился с его секретным отчетом.

– У меня тоже состоялась встреча с одним из этих атлантов, который назвался Консулом. Он побывал здесь, осмотрел и наш жилой поселок, и промышленный центр, который мы разместили вон за тем перевалом и где уже работают три завода, и сказал: «У вас есть тепло, есть вода, есть руда и есть идея. Этого вполне достаточно, чтобы сотворить для элиты своего народа такой же подземный рай, какой сотворили атланты. Здесь вы защищены от враждебных соседей, от капризов погоды, от землетрясений, ливней и ураганов. Расширяйте свое жизненное пространство, осваивайте новые технологии и новые энергии и сотворяйте нового арийского сверхчеловека».

– Вот только делиться с вами техническими открытиями и новинками они не торопятся?

– И, очевидно, не будут делать это до тех пор, пока мы не порвем связь с рейхом и не научимся выживать самостоятельно, не нуждаясь в постоянных поставках из наземного мира.

А потом, сидя в небольшом уютном кинозале, они смотрели фильм, подаренный барону Консулом Внутреннего Мира. Ярко залитые лучами искуственного солнца луга, пирамидальные, из стекла и еще какого-то материала, похожего на вулканический туф, здания, элетростанции, которые не требуют ни мощи гидротурбин, ни традиционного земного топлива; дисколеты и какие-то сигароподобные самолеты; рослые красивые мужчины и женщины в одинаковых одеждах и приблизительно одного возраста.

– Да они и умирают там молодыми, прожив около пятисот лет! – возмущенно объяснил фон Готт, словно этим своим нестарческим долголетием атланты нанесли ему личное оскорбление.

– Вы знаете, что мы уже создали несколько баз в Южной Африке и Южной Америке, на которых ваши люди смогут отдыхать, как бы возвращаясь при этом к обычной земной жизни?

– Это хорошо, но нам категорически запрещено покидать Рейх-Атлантиду. Отсюда могут уходить только моряки

«Фюрер-конвоя», но они, в свою очередь, не имеют права

пере-секать тот перевал, который пересекли мы с вами» то есть они не имеют права покидать пределы портового городка.Так что на этих ваших базах мы, возможно, сумеем побывать только после окончания войны. Кстати, что там, в рейхе, происходит? Только честно. Моряки «Фюрер-конвоя» ни о чем не рассказывают. И это уже запрет фюрера.

Вместо ответа Скорцени достал из своего портфеля небольшой моток кинопленки и предложил Готту и подошедшему к ним фон Риттеру просмотреть ее. Скорцени знал, что все пятнадцать минут этого документального фильма – это пятнадцать минут ужаса: бомбардировки; заснятые с воздуха руины городов, отдельных заводов и портов; военные госпитали, заполненные ранеными и искалеченными людьми; похороны, старики и мальчишки – в роли последних защитников рейха…

– Что вы нам привезли, Скорцени?! – вскипел очень постаревший, с пепельно-серым лицом, фон Риттер, – Мы не сможем, мы не имеем права показывать солдатам нашего гарнизона такие пораженческие фильмы!

– Наоборот, – жестко молвил обер-диверсант рейха. – Я только для того и привез этот фильм, чтобы каждый из ваших людей сумел десятки раз просмотреть его и четко уяснить, что ему нечего стремиться сейчас в Германию. Что в Германии – это сущий ад, а вот Рейх-Атлантида, при всей ее временной неустроенности, это все-таки рай. И, наверное, правы атланты, запрещающие вам покидать этот Внутренний Мир. Чем скорее вы забудете о том, как выглядит мир наземный, тем легче вам будет смириться со своей судьбой рейх-атлантов.

Готт еще как-то держал себя в руках, а фон Риттер, как главный идеолог, которого здесь называли рейх-атлатным Геббельсом, был в шоке.

– Кстати, – нашел способ вывести его из этого состояния Скорцени, – что случается с теми из вас, кто все же пытается нарушить обет, даный атлантам, и покинуть Рейх-Атлантиду? Ведь были же такие попытки?

– Те, кто пытается пройти в рай атлантов, – объяснил фон Готт, – просто погибают на границе, которая нам определена. Причем причина смерти нам не ясна. Те же, кто пытается пробраться на подводную лодку и уйти вместе с ее командой, после выхода из «Базы-211», как правило, пускают в ход свое личное оружие или же сходят с ума и ведут себя так, что подводники вынуждены пристреливать их, а то и просто выбрасывают, при всплытии, за борт. То есть из этого следует, что все мы, в этом подземелье сущие, оказываемся каким-то образом меченными и за нами каким-то образом следят.

– Стреляются или сходят с ума… – вслух поразмыслил Скорцени – Причем делают это, не видя перед собой явного врага и не чувствуя явной угрозы. Надо бы этот метод изучить.

– Но эта афера с Рейх-Атлантидой может закончиться тем, что мы все здесь постреляемся или посходим с ума! – заорал фон Риттер. – Сделайте что-нибудь, Скорцени! Проведите переговоры с этим Консулом, с их Правителем Внутреннего Мира! Вытащите нас отсюда!

Скорцени долго и молча, выслушивал его, а затем совершенно спокойно спросил:

– Вы давно пользовались своим личным оружием, господин контр-адмирал?

61.

Февраль 1993 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Офицер задумчиво, с явным неодобрением проследил за омовением Кодара и вернулся к доктору Микейросу. Тело Оливейры уже осматривал врач. Санитары с носилками наготове стояли неподалеку, ожидая его распоряжений, в то время как двое полицейских, держа руки на расстегнутых кобурах, осматривали местность вокруг убитого.

– Отнесите тело сеньоры в машину – велел офицер санитарам, решив, что врач явно замешкался. Это был тот самый офицер, который наведывался в «Андское Гнездовье», выясняя подробности самоубийства «безумца», уничтожившего плиты. Микейрос сразу же узнал его.

– Она убита, – вынес, наконец, свой вердикт эскулап - Ударами в сонную артерию и в висок.

– Чтобы определить это, не обязательно заканчивать медицинский факультет университета, – иронично заметил капитан. Медики явно не пользовались у него уважением. – Положите ее на носилки, парни, – вновь обратился к санитарам. – Вы здесь больше не нужны.

– А тот? – кивнул врач в сторону перенесенного из-за скалы «стража».

– Того мы осмотрим сами. Для него будет лучше, если он окажется мертвым. В любом случае увезет его другая машина. Акт вы подпишете потом.

– Воля ваша, сеньор капитан, – повел плечами врач. Это был средних лет мужчина, которому не первый раз приходилось выезжать на вызовы с полицией, и он давно привык к стилю работы полицейских, а главное – приучился не задавать офицерам полиции лишних вопросов.

Когда санитары начали поднимать тело Оливейры, доктор Микейрос бросился к ним, но капитан преградил ему путь

– Не надо, сеньор Микейрос, – сказал он, еще плохо представляя, что означала эта попытка остановить санитаров. – Они – сильные ребята и знают свое дело.

– Куда они собираются ее везти?

– В больницу, – сдержанно ответил капитан, пытаясь не смотреть ему в глаза. – Как и полагается в таких случаях. Я – капитан Баррас. Вы в состоянии ответить на несколько вопросов?

Грэг промолчал. Не произнося ни слова, они проследили, как

тело кладут в машину скорой помощи, которая тут же умчалась в городок.

– Итак, доктор Микейрос, вы в состоянии ответить хотя бы на два-три моих вопроса?

– Может быть, – тяжело выдохнул Микейрос. – Спрашивайте, капитан. На несколько вопросов меня еще хватит. Но лучше спросите сеньора Кодара. По-моему, он знает абсолютно все. В то время как я – почти ничего. Мне вообще трудно понять, что здесь, собственно, происходит.

– Где он? – осмотрелся капитан.

– Как где? Вот он… – начал было Грэг, но, увидев, что у водопада рыцаря ордена космических братьев уже нет, осекся… – Очевидно, он в доме. Здесь произошла жуткая схватка, и он ужасно устал. К тому же, его чуть не покалечили.

– Позовите из дома сеньора Кодара, – приказал капитан полицейскому приблизившемуся, чтобы доложить, что никого больше поблизости не обнаружено.

– По-моему, туда никто не входил, – заметил тот.

– Проверьте. Значит, этого сеньора убил Кодар? – кивнул капитан на «Стража Земли», которого уже фотографировал

– Нет!

– Кто же, по-вашему?

– С прискорбием извещаю, что этого вынужден был застрелить я. Кодар всего лишь дрался с ним. Но поединок складывался не в его пользу. Они дрались без оружия, используя какие-то ужасные приемы.

– Странные вещи происходят в этом мире.

– Да, странные.

– Я имею в виду, что этот убитый оказался на вашем счету.

– Так уж случилось.

– Понятно, – кивнул капитан. Но, бросив взгляд в сторону своих подчиненных, как бы, между прочим, добавил: – Хотя лучше было бы, если бы вы не имели к этому никакого отношения.

– Очевидно, вы правы, сеньор капитан.

– Может, стрелял еще кто-то? – уже откровенно подсказывал ему Баррас. – Кодар, например, или кто-то из его единомышленников?

– Да нет, стрелял только я.

– Винтовка висела на стене, и ею мог воспользоваться любой из ваших гостей. Понятное дело, в любом случае вас… оправдают. Надеюсь, – уже не столь уверенно заключил он. – Увидев тело жены, вы имели право на этот выстрел, но речь не только о судьях. Зачем вам накликать на себя гнев террористов, которые,

конечно же, захотят отомстить за своего боевика.

– Да, сеньор капитан, это рискованно. Но стрелял только я. Капитан потер ладонь о ладонь, зачем-то глянул на солнце, будто прикидывал, долго ли оно продержится там, на утреннем небосклоне, и, по-боксерски передернув левым плечом, выразительно развел руками.

– Давая этот совет, я и так погрешил против устава полиции и нерушимости законов нашей благословенной страны, так что если вы настаиваете… Кстати, именно этот человек является убийцей вашей жены?

– Не могу сказать с уверенностью, но…

– То есть вы даже не уверены, что именно он убил вашу жену?! – изумился Баррас. – Послушайте, профессор… Свое отношение к вам я уже засвидетельствовал. Но поймите: если вы, то же самое подтвердите для протокола, это признание резко изменит само… понимаете, – с трудом находил нужные выражения капитан, – саму сущность вашего поступка, вашего выстрела, его обоснованность.

– Вы правы.

– Не уверен, что вы действительно понимаете это. Думаю, вам следует успокоиться и пока что стараться не отвечать на подобные вопросы. По крайней мере, столь категорично. Кстати, кто же, по-вашему, убил сеньору Микейрос?

– Андеррас, Оливейру Андеррас, – таково ее настоящее имя. Убийца лежит по ту сторону скалы, за водопадом.

– Что, там есть еще один?! – ошарашенно переспросил капитан.

– Мне успел сказать об этом Кодар. Сам я тела не видел.

– В доме никого не обнаружили! – крикнул полицейский, появившийся на крыльце.

Капитан извлек из кармана основательно потемневший от пота платочек и вытер обильно орошенный лоб.

– Сюжет закручивается, ~ прокомментировал он, исподлобья глядя на Микейроса. – Итак, убитый там? Почему вы не сказали об этом раньше, доктор? Впрочем, извините, – сразу же спохватился он. – Эй, сержант! – позвал одного из полицейских, которые, осторожно приближаясь к краю плато, осматривали все расщелины на его склонах в районе дома. – Пройдите-ка вон туда, за водопад! Там должен быть еще один убитый.

Выхватив пистолет, сержант бросился в том направлении, куда показал офицер. Туда же поспешил и второй полицейский-рядовой.

– Давайте и мы посмотрим, – молвил капитан, едва заметно прикоснувшись к плечу доктора Микейроса.

– Это ужасный день, сеньор Баррас.

– Согласен, в нашем городе такое случается нечасто. Выстрел, прозвучавший откуда-то из-за скалы, застал их

обоих у водопада. Микейрос замер на месте, а капитан метнулся под прикрытие скалы,

– Что там, сержант?! – встревоженно спросил он полицейского, залегшего неподалеку, за камнем.

Он ожил, черт бы его побрал?!

– Только для того, чтобы палить в полицейского?!

– Безумнейшее занятие.

– "Не стреляйте, он нам нужен! – не очень храбро выдвинулся Баррас из-за скалы.

Услыхав это, Микейрос вернулся на несколько метров назад и, показывая едва заметную тропу, позвал капитана. Петляя между камнями, они начали подниматься на гору, из-под вершины которой бил родник. А когда немного погодя оба взошли на миниатюрный перевал, то увидели, что там, внизу, прямо перед ними, на гладенькой, будто отполированной каменной плите, пятясь на четвереньках, отползает к обрыву человек.

Микейрос сразу же узнал его по одежде; это был доктор Оранди. Брошенный Кодаром нож все еще торчал в его спине, но Оранди находил в себе силы подползать все ближе и ближе к пропасти. В руке у него был пистолет, однако выстрелить он уже, видимо, не сумел бы. Что же касается выстрела, который недавно прозвучал, то, наверное, он был всего лишь предупреждением: «Не подходите. Дайте умереть так, как я хочу!»

Полицейские, осмотрительно залегшие за камнями, кажется, поняли его и молча, следили, ожидая, чем закончится эта трагедия. Микейрос тоже не решался поднять на него винтовку, хотя в другой ситуации ничто не удержало бы его от мести.

Вот Оранди сделал еще несколько конвульсивных движений и замер. Ступни его ног уже повисли над обрывом, *и* до цели, той страшной цели, к которой он стремился, осталось всего несколько движений, несколько напряженных рывков. Но почему он замер? Потерял сознание? Пытается выиграть какую-то минутку, чтобы попрощаться *с* жизнью, с мечтами, с этим миром?

Пистолет уже выпал из руки Оранди и лежал в нескольких сантиметрах от него. Вряд ли «Страж Земли» сумел бы дотянуться до оружия, если бы кто-либо осмелился приблизиться. Поверив в это, сержант поднялся с земли и не спеша начал подходить к нему

– Назад – крикнул ему капитан. – Ни шага без приказа!

Сержант резко оглянулся, отыскал его глазами и растерянно

развел руками. Перечить офицеру он не стал, наоборот, демонстративно отступил на два шага назад, показывая, что безропотно подчиняется распоряжению. Тем временем другой полицейский тоже, наконец, понял, что, слишком залежался за камнями, поднялся и, громко ругаясь, принялся отряхивать свой мундир. Не так уж часто приходилось ему валяться в пыли по укрытиям, чтобы теперь он легко мог смириться с этим приключением.

Возможно, крик офицера и вывел Оранди из оцепенения. Медленно оторвав голову от земли, он осмотрел людей, все это время внимательно следивших "за каждым его движением, и Микейросу показалось, что-на большее сил обреченного уже не хватит. Однако в последнее мгновение, каким-то неимоверным усилием воли, Оранди заставил себя оттолкнуться от каменной плиты, стать на колени и уже из этой позы, в умопомрачительном прыжке – Микейрос мог бы поклясться, что не сумеет воспроизвести его даже в воображении – бросился в бурлившую где-то там, на глубине добрых пятидесяти метров, реку.

Несколько минут спустя после исчезновения Оранди все они: полицейские, подоспевшие санитары и Микейрос - все еще стояли на своих местах и смотрели туда, где только что распорядился своей судьбой этот иностранец. Могло показаться, что они не уходят только потому, что ожидают продолжения трагедии.

– Ну что ж, на такой прыжок способен только хорошо тренированный и мужественный человек, – задумчиво проговорил капитан, спускаясь вместе с Микейросом с возвышенности,

– Страшно подумать, что люди десятилетиями овладевают тайнами всевозможных борцовских школ, закаляют волю и тело – и все-это только для того, чтобы осуществлять подлые убийства, а потом таким вот способом самим уходить из жизни.

– Может, это и хорошо, что его уже нет в живых, – все равно протянул бы он с ножом в спине, да после такой потери крови, недолго. Но еще сумел бы ответить на парочку вопросов журналистов и хотя бы подставить свое лицо под объектив фотоаппарата. Впрочем, уверен, что в разглашении этой истории никто никакой заинтересованности проявлять не будет. Иностранцы из какой-то международной террористической организации… Убийства. Попытка выкрасть или уничтожить таинственные плиты, давно считающиеся исторической ценностью нашей страны, а следовательно – дипломатические демарши… Существует ли кто-либо, кого все это способно привести в восторг?

– А я вот сожалею, что никто не бросился к нему и не спас, – вновь удивил капитана Микейрос. – Возможно, день-другой он

еще пожил бы, а это не так уж и мало, поверьте мне, капитан. Если можете сохранить человеку, хотя бы день его жизни – сохраните. Даже если человек этот – законченный негодяй.

Убедившись, что второго тела не будет, санитары отнесли в машину убитого Микейросом «Стража» и тоже отправились в город. Теперь Микейрос даже не был уверен, что тело этого несчастного отвезут в морг. Скорее всего, закопают где-нибудь на кладбище, а сторожу прикажут молчать.

– Вы устали, доктор Микейрос, – сжал его локоть капитан. – Вам следует отдохнуть. Хотя… Я понимаю. Кстати, сеньора Кодара парни мои так и не обнаружили.

– Странно, что он исчез, – проворчал Грэг Микейрос, думая о чем-то своем. – Впрочем, вам ведь не очень-то и хотелось, чтобы он попадался на глаза.

– Но ведь исчез он не из-за этого, правда? Просто он понял, что самое время исчезнуть – вот и все. Кстати, оставаться на вилле вам нельзя. Ни сегодня, ни вообще. Продайте ее, передайте коллекцию какому-либо музею и уезжайте.

– Вы тоже считаете, что виллу нужно продать, капитан?

– Уверен. За большие деньги, естественно.

– В таком случае мне вновь следует встретиться с Кодаром. А пока что я остаюсь в своем «Андском Гнездовье».

– Как знаете, сеньор Микейрос, – развел руками капитан. – Когда медицинские эксперты скажут свое слово, я позвоню. Тогда займемся и протоколами. Передать вашему сторожу, чтобы он прибыл сюда?

– Окажите любезность.

– Сержант! – крикнул капитан одному из полицейских. – Остаетесь здесь. Никого из посторонних на пистолетный выстрел к дому не подпускать. В шестнадцать ноль-ноль вас сменят.

Машины уехали. Сержант попросил разрешения расположиться в одной из комнат второго этажа, окна которой выходят на проселочную дорогу, и исчез в доме.

Оставшись в одиночестве, доктор Микейрос еще долго бродил по плато, пытаясь понять, происходила ли вся эта трагедия на самом деле, или она – всего лишь зловещй сон. А когда понял, что перед ним жестокая реальность, сел на камень у черепков разбитого кувшина Оливейры и так, под палящим солнцем, просидел почти до полудня, пока полицейский не спустился и почти силой не завел его в дом.

А под вечер к вилле подъехали три машины. За рулем одной из них сидела Норманния фон Крифер, известная Микейросу как журналистка Герта Менц, а в роли пассажиров восседали Кодар, капитан Баррас и еще какой-то европеец – крепкого

телосложения и с бычьей шеей циркового борца. Во второй машине сидели представитель министерства культуры страны, вице-мэр городка и местный нотариус; в третьей прибыли представитель германского посольства, призванный защищать интересы подданной рейха Герты Менц, и еще какие-то германцы, не скрывавшие своей военной выправки.

Визит обещал быть недолгим. Капитан Баррар заверил доктора Грэга Микейроса, что полиция получила от сеньора Кодара и мужественной сеньоры Герты Менц, лично ранившей и задержавшей одного из террористов, ответы на все интересующие следствие вопросы, и в связи с расследованием этого дела никто тревожить его больше не намерен. Вице-мэр тоже выразил Грэгу сочувствие от мэрии и всех горожан и заявил, что похороны сеньоры Оливейры будут проведены за счет мэрии.

Молчаливее всех оказался нотариус, бессловесно положивший на столик перед Грэгом Микейросом договор о купле-продаже виллы «Андское Гнездовье», владелицей которой, как и владелицей плит, намерена была стать сеньора Менц.

Увидев сумму, которую ему предлагали за виллу и плиты Микейрос удивленно взглянул сначала на нотариуса, а затем на Кодара и Менц.

– Вы действительно намерены предложить мне такую сумму? – удивленно спросил он.

– Почему «намерены»? – мягко улыбнулась ему графиня фон Криффер. – Уже предложили. Чек на указанную сумму находится в моей сумочке.

– Министерство культуры, – склонил перед ним голову столичный чиновник, – получило самые серьезные заверения в том, что плиты будут сохранены и тщательнейшим образом изучены.

– При этом ваше имя, – добавил представитель германского посольства, – навечно останется в истории священных плит. Автор любой публикации о них обязан будет ссылаться на ваш вклад в собирание и изучение их

– Как видите, господин Микейрос, мы свое слово сдерживаем, – пробасил Кодар-Готт, подбадривающе взглянув на двух крепких парней, уже занявших свой пост у двери виллы, намереваясь охранять ее от любых неожиданных визитеров.

На какое-то время в домашнем кабинете доктора воцарилось неловкое молчание. Все ждали решения владельца виллы.

– Ни вам, господин Кодар, ни вам, госпожа Менц, я не объяснил самого главного, – молвил Грэг Микейрос, заставив барона и графиню многозначительно переглянуться, – почему, с какой целью я приобрел в свое время эту виллу и собирал на

плато рядом с ней священные плиты.

– Так поведайте же нам эту тайну, – озарила его сиянием своих затянутых голубой поволокой глаз графиня фон Крифер.

Впрочем, сияние это исчезло сразу же, как только унтерштурмфюрер СС заметила, что владелец «Андского Гнездовья» так и не дотянулся авторучкой до того места в договоре, на котором должен был остаться его автограф.

– Давайте выйдем на несколько минут на плато, – предложил Грэг.

Графиня вопросительно взглянула на нотариуса, тоже немца по происхождению, чьи родители оказались в этой стране сразу же после Первой мировой.

– Может быть, вначале мы покончим с формальностями, сеньор Микейрос, - мгновенно бросился отрабатывать свои чаевые юрист. – Наши гости торопятся.

– Это займет буквально несколько минут, - заверил Микейрос Норманнию, подчеркнуто не обращая внимания на нотариуса.

Выйдя вслед за Микейросом из здания, фон Готт еще раз получил возможность убедиться в том, как рано и быстро темнеет в горах. Равнинное пространство перед домом уже потонуло в мерцающем лунном сиянии, заполнившем абсолютно все, и теперь плато казалось соединенным с горами, тускло серевшими по ту сторону каньона. Сам же хребет напоминал гигантский корабль, медленно дрейфующий в покрытом тонкими льдинками заснеженном море. И представал этот корабль угрюмым, полуразрушенным «летучим голландцем».

Наблюдая за ним, фон Готт подумал, что, вероятно, не так уж и весело живется доктору Микейросу в одиночестве. И что еще целую неделю, им с Норманнией тоже придется прожить, занимаясь оформлением бумаг, а главное, делая снимки каждой плиты, каждой нанесенной на ней пиктограммы.

Хотя окраина городка находилась недалеко от виллы, все равно она где-то там, в обжитой, освещенной электричеством долине, откуда, как и в прошлые, преисполненные тревог, вечера, доносятся мечтательные мелодии трогательных аргентинских танго.

Человек, ставивший на проигрыватель эти пластинки, жил у подножия возвышенности, являясь, таким образом, ближайшим соседом Микейроса. Наигрывая любимые мелодии, он, возможно, думал сейчас об одиноком вдовце, не желающем ни возвратиться в сбое городское жилище, ни взять к себе какую-либо женщину, а доживающем свой век вот так – в одиночестве, отшельником, подобно старому беркуту, вернувшемуся умирать в давно заброшенное и всеми забытое гнездо. И в этом старом вдовце

старый холостяк барон фон Готт сентиментально видел теперь самого себя, в своем не таком уж и далеком будущем.

– Так вот, я хочу вам признаться, – молвил доктор Микейрос, останавливаясь на краю плато, – что почти половину сваей жизни я действительно посвятил расшифровке научно-технической информации, которую сумели передать нам люди, рисовавшие пиктограммы на этих плитах. Однако главная цель моей жизни заключалась не в этом. Я почему-то уверен, что рано или поздно те, на летающих дисках, поймут, с какой стати я разложил столько плит по всему плато. И что именно человек, сумевший собрать эти забытые письмена, как никто иной из землян, ждет их; как никто иной, готов к встрече с ними, а главное, как никто иной, достоин того, чтобы ему оказали честь первого визита.

– То есть вся эта выставка под открытым небом, – попытался уточнить барон фон Готт, – была устроена вами, чтобы?…

– …Привлечь внимание пилотов летающих дисков, - спокойно ответил доктор Микейрос, перебивая фрегаттен-капитана. – В этом сущность моего замысла. Одинокий дом на высокогорном плато, собрание плит-посланий и… чудесная площадка для приземления… Я все предусмотрел. Не понимаю, почему они медлят. Ведь столько лет ожидания, столько лет надежды! Наверное, это потому, что я утратил контакт с ними.

– Контакт? Я правильно вас поняла, – включилась в их беседу графиня фон Криффер, – речь идет об утраченном контакте с инопланетянами? Значит, он, этот контакт, все же существовал?

– Только благодаря Олнвейре. Только, благодаря ей. Лично у меня ничего не получалось. Очевидно, как и миллионы других обывателей, я не способен настроиться на волну космического разума.

– Считаете, что такая волна существует?

– Я говорю это образно. Но что-то подобное действительно существует.

– Стало быть, эта связь поддерживалась благодаря сеньоре Оливейре Андеррас? – поспешил фон Готт со следующим вопросом. Теперь он подкрадывался к сути всего, что здесь происходило, словно охотник – к неуловимой диковинной птице, больше всего опасаясь при этом, как бы сеньор Микейрос вновь не замкнулся, не ушел в себя, и тогда наладить с мим контакт будет не менее сложно, чем ему – с космическим разумом.

– Именно так.

– Но это уже другая история, – вмешался капитан Баррас после того, как Норманния незаметно подтолкнула его локтем. – Которую вы сможете рассказать сеньору Кодару наедине. А пока давайте вернемся в ваш кабинет и завершим то дело, ради

которого мы все здесь собрались.

Вновь усевшись за стол Микейрос молитвенно взглянул на заглядывавшую в окно луну и, прежде нем подписать договор, негромко и почти умоляюще спросил графиню фон Криффер:

– Надеюсь, вы великодушно позволите мне провести еще одну ночь на вашей вилле «Андское Гнездовье»?

62.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Микейрос прошелся по краю плато, несколько минут всматривался в пенящийся в глубоком, окутанном голубой дымкой ущелье водоворот, и, когда уже казалось, что он или не расслышал вопроса барона Готта, или же просто проигнорировал его, наконец ответил:

– Видите ли, рассказывая вам всю эту историю, я специально опускал некоторые… как бы это поделикатнее выразиться… особенности нашей жизни с сеньорой Оливейрой, особенности ее поведения. Про себя я часто называл ее божественной. Да-да, понимаю… – предостерегающе помахал рукой хозяин, – влюбленные мужчины способны и на более изысканные сравнения. Но, поверьте, в этом моем определении было заложено нечто более глубокое, нежели простой комплимент. Когда бы мне ни хотелось сказать ей что-либо нежное, в голову почему-то всегда приходило именно это слово: божественная. Словно кто-то навевал мне его под гипнозом.

– И таким образом приучили к нему? – несмело подсказала Норманния.

– Да? – удивленно глянул на нее Микейрос. – А что, достаточно точно определено: именно приучил. Знаете, у нее была какая-то особенная походка. Она шла с кувшином к водопаду… Всего лишь к водопаду, с кувшином… А казалось, что восходит на вершину священной горы – так торжественно она ступала. Бывало, сидим, молча, по крайней мере, я вижу, что губы ее не шевелятся, и все же явственно слышу, как она мысленно обращается ко мне: что-то подсказывает, утешает, успокаивает. Иногда случалось и такое, что мне вдруг открывалось течение ее мыслей, будто прослушивал их… записанные на магнитофонную ленту.

– Но было еще нечто такое, что еще раньше заставило вас решить, что Оливейра – не обычная женщина, – напомнил ему фон Готт, расшевеливая хворостиной поугасшие угли, - и что у нее был контакт с космическим разумом и его посланниками.

Микейрос поднялся со стульчика, на котором сидел почти у самого водопада, и очарованно посмотрел на вершину горы Санта-Мигель. Он стоял неподвижно, лицо его затвердело и стало похоже на ритуальную индейскую маску.

С гор поддувал холодный, пронизывающий ветер, но

Микейрос, казалось, совсем не чувствовал его. А еще могло показаться, что там, на вершине, он что-то видит, однако то, что он видел – открывалось пока что только ему одному

– То, что я сейчас скажу вам, я не говорил еще никому. Никогда и никому – тихо промолвил Микейрос, все еще не отрывая взгляда от вершины Сан-Мигеля. – С одной стороны, и сам старался не задумываться над кое-какими фактами, суть которых загоняла меня в угол, с другой – не выяснял их у Оливейры, побаиваясь насторожить ее, расстроить, потерять… К сожалению, существовали темы, в которых она не допускала лишних вопросов. То ли не отвечала, даже если повторял их по нескольку раз, то ли ласково говорила: «Еще не время». Да, чаще всего я слышал от нее именно это: «Еще не время» – хотя, честно говоря, плохо понимал, что она, собственно, имеет в виду. А с другой стороны… эту виллу я приобрел еще до женитьбы на Оливейре, и коллекция плит уже тогда была довольно приличной. Вот только до появления Оливейры ни одной пиктограммы расшифровать мне не удалось. Я даже не знал, как к ним подступиться, как искать ключ к этому шифру.

– Следовательно, расшифровывала Оливейра? Или, по крайней мере, помогала вам? – смягчил фон Готт свой предыдущий вопрос, понимая, что он может показаться Микейросу некорректным, поскольку речь шла о репутации ученого.

И доктор Микейрос действительна несколько минут молчал, как-то беспомощно бросая на него и на Норманнию растерянные взгляды. То, что он собирался поведать сейчас иностранцам, относилось к тайнам, которые ему не очень-то хотелось разглашать. Однако же и молчать, по каким-то причинам, он уже тоже не мог: срабатывала потребность в исповеди.

– Если вы считаете, что это не подлежит разглашению, то все, что мы с этой минуты услышим, останется сугубо между нами, – попытался помочь ему фон Готт уже, хотя бы таким вот способом.

– Ну, почему же… – неуверенно возразил Микейрос, повернувшись, наконец, лицом к своим собеседникам. – Если вы и в самом деле намерены описать всю эту историю, причем сделать это правдиво, – то вы имеете право знать, хотя бы частицу того, что знаю я. Главное, до конца придерживайтесь этого принципа. А было так: в первый же вечер нашего знакомства, еще там, в горах, мы решили, что после восхождения поедем ко мне. Я привез ее в свой городской дом, намереваясь показать «Андское Гнездовье» только после того, как рабочие завершат ремонт. Замечу, что досталась мне эта вилла в совершенно запущенном состоянии. Однако уже на второй день Оливейра вдруг спросила меня,

почему мы не едем в дом, где спрятаны «небесные послания». Меня это очень поразило, поскольку о загородной вилле я ничего не говорил: посещение ее должно было стать моим свадебным сюрпризом. А уж тем более, словом не обмолвился о плитах, к которым, честно говоря, в те времена относился, как к экзотической коллекции, не придавая им особого научного значения. Поэтому-то мне и в голову не приходило называть их небесными посланиями. Я вообще впервые слушал такое определение.

– Но она могла узнать об «Андском Гнездовье» и плитах от ваших друзей, соседей, сказала графиня, которую весь этот сюжет захватывал все больше и больше.

Она вдруг подумала о том, что ведь, при ином раскладе карт судьбы, эта вилла могла бы стать гнездовьем и для них с Теодором фон Готтом, который и в самом деле мог бы добавить к своим титулам Полярного Барона и исследователя Антарктики еще и титул исследователя священных плит.

– До того, как произнести эти слова, Оливейра ни с кем в городке не контактировала. А в альпинистском лагере, о вилле я не распространялся, У нас не принято было хвастаться роскошью; ведь народ там собирался, в общем-то, не из аристократических салонов. Словом, пораженный такой осведомленностью, я спросил Оливейру, от кого она узнала о плитах и вилле, но она лишь растерянно смотрела на меня и молчала. Мне показалось, что она попросту не знает, как объяснить мне, чтобы я все верно понял. Само собой разумеется, что на следующий день мы наведались сюда. Я показывал ей плиты и вдохновенно говорил о них как об одной из величайших тайн человеческой цивилизации. Потому что именно тогда, во время ее посещения, по-настоящему понял, что это действительно своеобразные небесные послания, Вот только особенного впечатления на Оливейру они не произвели. Наоборот, мне показалось, что она уже видела их; по крайней мере, осматривала их так, будто делала это в сотый раз.

– – И ты сумел расшифровать хотя бы одно из этих небесных посланий? – поинтересовалась она, когда мы закончили осмотр.

– Расшифровать? Думаешь, это так просто? – ответил я. – Нужен ключ. Необходимо иметь опыт дешифровки. Понять саму причину их появления. Выяснить, кто, какой народ, какая цивилизация их оставила.

Мы вернулись в дом, и я достал из сейфа плакат со снимками плит, К тому времени их было всего лишь около пятисот, зато все они уже были сфотографированы и пронумерованы. Так, по каталогу, легче было ориентироваться в этом собрании.

– Но у тебя здесь не все, – вдруг заявила Оливейра, как

только мы разложили на столе фотографии. – Ты не заметил этого?

– То есть? – не понял я.- Почему не все? Каждая плита сфотографирована, я специально нанимал фотографа, который работает в судебной экспертизе, Профессионал самого высокого класса…

– Я не об этом, – сверкнула глазами Оливейра. У нее были удивительные глаза. Голубые планетки в ярко-зеленых нимбах – вот какие это были глаза!

– Мы видели их – напомнил фон Готт.

– Нет, – возразил Микейрос, – вы их не видели. Их нужно было уметь видеть. Их мог видеть только тот, кому Оливейра Андеррас позволяла заглянуть в них. Ни у какой иной женщины я подобных глаз не видел. Так вот, Оливейра и говорит мне: «Ты показываешь мне фотографии плит, которые собраны на вилле. А я веду речь о том, что у тебя еще не собрана вся библиотека.

– Вся?! – изумленно переспросил я. – Тебе известно, сколько этих плит на самом деле?

Почувствовав, что опять сказала что-то лишнее, она осеклась на полуслове. Я все время ловил себя на том, что Оливейра порывается сказать больше, чем ей это позволено. Вот только что мешало ей говорить? Иногда мне казалось, что она ведет себя, как учительница младших классов, вынужденная объяснять своим воспитанникам какие-то элементарные вещи, чтобы постепенно подводить их к более сложным понятиям.

– Я буду помогать тебе, – только и ответила она. – И, конечно же, попробуем собрать всю их космическую библиотеку.

– Их? – вновь переспросил я, пытаясь ловить ее на словах.

– …А пока что, – не отреагировала Оливейра на мою ловушку, – взгляни вот на эти фотографии. Если сгруппировать их таким вот образом, не кажется ли тебе, что какой-то одной плиты здесь не хватает? А вот если соединить эти две плиты, сразу видно, что вырисовываются контуры Северной Америки. Правда, такой, какой она была еще тогда, в ИХ времена. А теперь взгляни вон на ту плиту. Видишь, разве не похоже на суперконтинент, увиденный из космоса? А теперь взгляни на эту плиту тот же суперконтинент, но что-то словно бы разламывает его из середины. Это древние географы продемонстрировали нам, как образовались латиноамериканский и африканский континенты, которые затем разошлись, уплыли друг от друга, чтобы оказаться по обе стороны Атлантического океана.

– И она говорила все, это, впервые рассматривая фотографии?

– У меня сложилось впечатление, будто она уже давно была

знакома не с фотографиями, ясное дело, а с плитами, и даже с их расположением. Слишком уж легко находила те, которые ей нужны. Словно опытная карточная гадалка, отыскивающая в колоде карты одной масти. А всякий раз. когда я принимался за разгадывание криптограммы очередной плиты, она молча сидела против меня. Никогда ничего не объясняла, но я чувствовал, что кто-то словно бы подсказывает мне ключ к разгадке, направляет мои соображения в нужное русло. Когда же я оказывался в тупике, то беспомощно, как ученик на учительницу, смотрел на Оливейру. Мы встречались взглядами, и дальше все происходило, будто под гипнотическим внушением, под которым у человека с обычным интеллектуальным потенциалом вдруг открываются доселе не известные ему возможности.

– То есть вы допускаете, что Оливейра?… – спросил фон Готт. – Ну, что она могла быть?

– Нет-нет, – предостерегающе помахал руками доктор Микейрос, – У меня нет ни оснований, ни права утверждать нечто подобное. Будем считать, что она всего лишь вдохновляла меня. Испокон веков женщины владеют способностью творчески вдохновлять нас, не так ли?

Барон встретился с ним взглядом и почувствовал, что Микейрос говорит неискренне. Он, конечно же, имел свое мнение относительно того, какими именно знаниями обладала Оливейра, но не хотел акцентировать на этом внимание постороннего человека. Вопрос только: почему?

Задумавшись, фрегаттен-капитан не сразу обратил внимание на то, что доктор Микейрос вновь отвернулся. И внимание его снова было приковано к вершине горы Сан-Мигель. Теодор и Норманния тоже перевели взгляды на гору и вдруг четко увидели, что конус ее вершины озарен бледным, похожим на лунное, сиянием, в то время как сама вершина полыхала ярко-розовым пламенем.

Это длилось всего несколько секунд. Однако фон Готт хорошо различал и сияние, и пламя. В какое-то мгновение ему даже показалось, что это ожил давно потухший вулкан и расплавленная магма» подступившая к вершине кратера, вот-вот вырвется из тела горы, чтобы залить все вокруг, огненно поглотив и эту виллу, и само плато со всем его музеем небесных посланий.

– Что это было? – первой опомнилась графиня фон Криффер, и голос ее явно дрожал от волнения. – Что это в принципе могло быть?

– Где? – спокойно спросил Микейрос.

– Ну, там, на вершине? – повел подбородком фон Готт. – Что это за сияние? Ведь ни солнца, ни луны…

– Простите, – вдруг холодно и резко ответил доктор Микейрос, – не понимаю, что вы имеете в виду. Окутанная ночной мглой вершина горы Сан-Мигель – только и всего. – Но как изменился голос доктора Микейроса! Барону показалось, что он произносит эти слова, стоя где-то под сводами храма. – Совсем забыл: я ведь не показал вам свой настоящий рабочий кабинет, в котором я обычно занимаюсь… простите, – обратился к графине, – занимался расшифровкой плит и который обычно называл Лунным. Он на третьем этаже, в башенке. Там же находится и мой небольшой телескоп.

Один из охранников, который временно ведал связкой ключей, открыл большим «крепостным» ключом металлическую дверь, ведущую в башню, а ключ сразу же вручил Норманнии.

– Библиотека моя внизу, – объяснил доктор Микейрос, перехватив удивленный взгляд фон Готта.

В кабинете не было ни одного шкафа с книгами, зато вместо них там находились шесть или семь прислоненных к стене плит, большая полка, ячейки которой были заставлены разноцветными папками, и застеленный чистым бельем диван. Но больше всего Готту бросилась в глаза одна особенность кабинета, низенький овальный стол красного дерева стоял около такого же сферического окна, которое, как показалось барону, было застеклено не обыкновенным стеклом, а каким-то прочным материалом, возможно, тем, из которого делают иллюминаторы в самолетах. Поэтому,садясь в низенькое кресло, доктор Микейрос, наверное, чувствовал себя так, словно оказывался за пультом летающего диска.

По крайне мере, самому Готту показалось, что он действительно находится в кабине космического корабля. Тем более что впереди, «прямо по курсу», в свете огромной луны, сиял нимб вершины загадочной горы Сан-Мигель.

– Когда вы решите заняться расшифровкой плит или почувствуете, что созрели для книги, работайте здесь, в Лунном кабинете. В нем царит какая-то особая, поднебесная аура. А еще – первую ночь в роли хозяев виллы я тоже советовал бы провести в Лунном кабинете. Хотя бы для того, чтобы не нарушать традицию. А я проведу ее в своей спальне. Теодор и Норманния вопросительно переглянулись и согласно кивнули: «Мы так и сделаем».

– Я всегда считал, что землян следует активнее готовить к встрече с братьями по космосу, – молвил Грэг Микейрос несколько минут спустя, прежде чем пожелать барону и графине спокойной ночи, – До сих пор правительства ведущих государств намеренно скрывали от миллионов людей информацию,

нацеливающую их на эту встречу, убеждающую в существовании внеземных цивилизаций. По сути, это сговор правительств. Они боятся, что с появлением на земле наших космических братьев появятся и новые взгляды на государственные устройства землян, а значит, начнут разрушаться установившиеся общественные, социальные и политические институты, уходить в небытие идеологические догмы; население некоторых государств может в какой-то мере выйти из-под влияния и контроля правительств. Такая же опасность поджидает и существующие здесь религии с их догмами.

Микейрос ушел. Норманния разобрала постель, легла в нее и почти тотчас же уснула. Прежде чем погасить свет, фон Готт обратил внимание на фотографию Оливейры в полный рост, висевшую слева от стола в довольно скромной бронзовой рамке под стеклом.

Ростом женщина была не менее метра восьмидесяти. Идеально сложенная фигура четко вырисовывалась под светлым облегающим костюмом спортивного покроя, по образцу тех костюмов, которые фон Готт видел на пилотах дисколетов Страны Атлантов. Черты довольно привлекательного лица немного напоминали классические черты мадонны итальянских мастеров, и одновременно это был какой-то необычный тип: выразительные губы и широкий, выдающийся подбородок придавали ему некую особенную сдержанность, даже мужество.

Но больше всего завораживали непомерно большие лучезарные глаза, в которые даже здесь, на фотоснимке, можно было всматриваться, словно в далекие голубые планеты. Они сразу подчинили его взгляд, приворожили и не отпускали, снова и снова заставляя засматриваться в них.

«Не знаю, как там переживал свою влюбленность в Оли-вейру сам Микейрос, – подумал фон Готт, – но я не хотел, бы встретить в своей жизни женщину с такими глазами».

Однако главное заключалось не в этом. Все, что ему удалось узнать об Оливейре Андеррас, наводило его на мысль, что это не обычная женщина, что за ней стоят такие же тайные силы, как и за Посланником Шамбалы или за Оранди. Но, говорил он себе, если бы она была связана с Шамбалой или Внутренним Миром, Консул знал бы об этом, он свел бы их. Да и вообще, если бы у Золотой Пирамиды Жизни здесь, на вилле, в течение многих лет был свой человек, то зачем бы понадобились они с Норманнией?

Нет, здесь что-то не то. Если Оливейра и представляла какие-то силы, то они, очевидно, были связаны с какой-то инопланетной цивилизацией или с каким-то сверхтайным земным обществом. А его, как и Оранди, прислали сюда для того, чтобы убрать

конкурентов и завладеть секретами священных плит, важность которых только сейчас стала понятна мудрецам из Золотой Пирамиды.

Ну а для рейха эта вилла станет своеобразной базой для постепенной германизации всего Анданачи и превращения его в своеобразный латиноамериканский «рейх-бантустан», в плацдарм для захвата арийцами земли и власти на этом континенте. Фон Готт уже знал, что такие же «рейх-бантустаны» уже созданы в Южной Африке, в Уругвае, Аргентине и Парагвае.

Чем дольше барон фон Готт оцепенело, сидел в кресле, вглядываясь в лицо Оливейры, тем отчетливее чувствовал, что для него перестает существовать все остальное: эта неуютная комната, телескоп, вершина горы Сан-Мигель… Он чувствовал, что погружается в какое-то эйфорическое, очищающее созерцание, из которого, возможно, начинается новая, доселе неведомая фаза его личного познания окружающего мира. Вот только чего-то ему не хватает, чтобы это познание окончательно стало доступным.

Почему-то подхватилась и села в кровати Норманния фон Криффер. Она смотрит на сияющее от лунного света окно, а Теодора как бы ни замечает и вообще не осознает, где она и что с ней происходит.

– Кинокамера, где кинокамера? – доносится до него сонное бормотание женщины.

Кинокамера лежала там, где она ее положила, – на небольшом столике возле кровати, но барон не стал ничего говорить Норманнии, поднялся, силой, уложил ее на подушку и, погасив свет, вновь вернулся к окну-иллюминатору.

Время от времени он приникал к подзорной трубе, но ничего нового для себя пока что не видел: склон горы, который хорошо просматривался и без трубы; большая, почти идеально ровная площадка на венчающей плато возвышенности. Единственное, что бросалось в глаза, – сияние с вершины Сан-Мигеля снисходило как раз на эту площадку, освещая ее, как мощный прожектор.

«А, ведь идеальное место для приземления летающих дисков», – почему-то подумалось фрегаттен-капитану, и только теперь он вдруг открыл для себя, что снизу, с плато, площадки этой он не видел. К тому же, стенки возвышенности были почти отвесными, и если туда и могла вести какая-нибудь тропинка, то только со склона ущелья. Но тому, кто не нашел ее или не побывал на третьем этаже высокой башни Микейроса, и в голову не могло прийти, что эта мрачная скала увенчивается такой ровной, почти идеально отполированной площадкой. Так может, только поэтому гостей к этой башне и не допускают? А тем более

– на третий этаж ее, с которого стартовая площадка вообще видна как на ладони. Да и вершину Сан-Мигель, и ближайшие горы можно осматривать с нее, как с борта самолета.

«Идеальное место для приземления летающих дисков, – вновь, в который уже раз, поймал он себя на мысли, ставшей навязчивой. – Для контакта с космическим разумом, который является одновременно и разумом земным. Готов ли он к этому контакту? Проникся ли он вечностью бытия, объединяющей всех нас в космических сферах?…» – И вдруг фон Готт начал осознавать, что мысли эти уже, собственно, не его. Это кто-то обращается к. нему. Причем не на испанском, а на его. родном, германском, торжественным голосом Космических Сфер, голосом самой Вселенной: Готовься к встрече с Посланниками космического разума. Готовь к этому других. Знания и научные достижения Посланников могут стать приобретением землян только тогда, когда земляне сами почувствуют себя частичкой космического братства. Когда каждый из вас осознает себя частицей Космоса, а свой интеллект – частицей космического разума…»

Потом он уже не мог вспомнить, когда закрыл глаза и впал в гипнотическую полудрему. Но хорошо запомнил, что, открыв их, почувствовал себя свежим и бодрым, как после долгого, глубокого сна. А может, на самом деле и не проснулся. Но в каком бы состоянии он ни пребывал, он совершенно явственно различал на освещенной лунным светом площадке две мужские фигуры.

Но по-настоящему внимание барона привлекли не они. Там, на вершине горы Сан-Мигель, вдруг возникло чарующее голубовато-розовое, с зеленоватым отливом, сияние, из которого, четко вырисовываясь, постепенно материализовывались очертания летающего диска. При этом фон Готт отчетливо различал эллипсовидные иллюминаторы кабины пилота и как раз напротив него – окутанную серебристой дымкой фигуру пилота, медленно подводившего свой космический корабль к стартовой площадке, а по сути, надвигавшегося прямо на виллу «Андское Гнездовье».

Но перед Полярным Бароном не было пульта управления и, в отличие от пилота диска, он не мог, ни замедлить их сближение, ни отвратить столкновение с этим гигантским кораблем, который все увеличивался и увеличивался в размерах, наваливаясь на плато, словно исполинский оползень, сорвавший с места всю вершину Сан-Мигеля.

Фон Готт так и не смог сообразить: то ли от страха он снова закрыл глаза и на какое-то время впал в небытие, то ли корабль

действительно на какое-то мгновение исчез, но что некое звено в цепи событий, разворачивающихся за иллюминатором его башни, он прозевал – это точно. Вновь «экран» сознания зажегся для него лишь тогда, когда он увидел фигуру женщины, медленно, с неземной грацией спускавшейся на площадку, божественно являясь мужчинам, которые в глубоком поклоне приветствовали ее, как и подобает приветствовать высокого гостя – Посланницу Космоса. Вот только трудно было понять, откуда именно она вышла, ибо корпус космического корабля уже не просматривался, а спускалась она по лунной дорожке, пролегающей от вершины Сан-Мигеля через долину и ущелье – прямо к стартовой площадке.

И дорожка эта очень напоминала те самые обыкновенные лунные дорожки, которые полярнику фон Готту, как и всем прочим землянам, не раз приходилось созерцать лунными вечерами на глади моря, озера или речки и на которую всякий раз так отчаянно хотелось ступить.

– Норманния! – крикнул фон Готт, не столько для того, чтобы действительно разбудить свою любимую женщину, сколько для того, чтобы самому убедиться, что не спит. – Они прилетели! Вон они, Норманния! Я вижу их! Это Оливейра! Это она!

63.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Капитан Баррас – невысокого роста, широкоплечий, с уже заметно выпяченным животиком-дынькой устало опускается в кресло и, одну за другой бросая в рот три небольшие, в форме бобовых зерен, шоколадки, внимательно смотрит на фон Готта.

– Вы, сеньор Кодар, слава Богу, на месте, ваша спутница – тоже, что уже успокаивает.

– А что тревожит? – берет свою чашечку кофе Кодар-Готт.

– Пытаюсь выяснить, где сейчас находится доктор Микейрос.

– По всей вероятности, в своем городском доме.

– Там его нет. – Фон Готт пытается высказать еще одно предположение, однако капитан нетерпеливо прерывает его: – Нигде, где он мог бы обнаружиться, его нет и не было. В своем доме он тоже не появлялся, это подтверждено его управляющим.

– А в морге интересовались? – спросила Норманния. Она уже принесла мужчинам кофе и теперь поставила перед ними на журнальный столик вазу с печеньем и тарелочки с бутербродами.

– В морге? Почему вдруг в морге?! – резко реагирует на это предположение капитан.

– Хотя бы потому, что там все еще находится тело женщины, которую он любил и которую считал своей гражданской женой. По-вашему, этого недостаточно, чтобы предположить, что сейчас он находится там?

Баррас долго, внимательно смотрит на Морманнию, словно бы решается на что-то очень важное.

– В том-то и дело, что ни духа, ни тела этой женщины в морге нет, – наконец изрекает он, – однако мысль ваша правильна. Странно, что она не пришла в мою уставшую от мирских забот голову.

Капитан резко поднимается и идет к столу, на котором стоит телефон. Но как только он потянулся к трубке, аппарат оживает.

– Наконец-то вы обнаружились, доктор Микейрос! – говорит полицейский, облегченно поглаживая свой живот. – Что?! Вы в Лиме? Чертова связь! Такое впечатление, что звоните из-за океана или из космоса. Куда?! В Непал?! Приглашение королевской семьи? Ну, теперь вы состоятельный человек и можете себе это позволить. Но мы с самого утра разыскиваем вас, чтобы сообщить неприятную новость. Случилось то, чего никогда еще в истории Анданачи не случалось; из морга исчезло тело, да-да, я веду речь

о теле, сеньоры Оливейры Андеррас!

Как только он произнес это, фон Готт и фон Криффер встревоженно переглянулись и подхватились со своих мест.

– Вы каким-то образом причастны к этому, ну, скажем так, исчезновению? Нет?! Что?! – Капитан изумленно посмотрел на внезапно умолкнувшую трубку, повертел ее в своей массивной волосатой руке и бросил на рычаг. – Странно, – проворчал он, садясь на свое место за столиком, – очень странно.

Когда он жадно проглотил второй бутерброд с колбасой, Норманния переложила ему оба бутерброда из своей тарелочки, только бы он поскорее насытился и вновь обрел дар речи.

– Вы все слышали, - наконец прорезался у него чавкающий голос. – Тело Оливейры исчезло. Свою причастность к этому исчезновению сеньор Грэг Микейрос категорически отрицает.

– Вы всерьез могли бы предположить, что с похищенным из морга телом погибшей жены он отправился за двести километров, в столицу, чтобы оттуда отбыть вместе с ней в Непал?

– Ставить под сомнение полицейскую версию всегда легче, чем развивать ее, сеньора Менц, – не скрывал своего уязвленного самолюбия капитан Баррас. – По этому поводу я сам могу поиздеваться хоть над министром внутренних дел, но факт уже запротоколирован: тело сеньоры Оливейры из морга исчезло. И вам еще очень повезло, что обнаружился сам доктор Микейрос, иначе полиции пришлось бы…

– …Очень долго разрабатывать версию того, – не осталась в долгу фон Криффер, – как двое иностранцев похищали из морга тело не ими убитой женщины, чтобы похоронить в одной могиле с убитым ими сеньором Микейросом?

Капитан надолго замер с открытым ртом, до которого так и не смог донести остаток последнего бутерброда, а затем вдруг рассмеялся:

– Вот этот очень интересный поворот, сеньора журналистка, – со стремлением похоронить их в одной могиле. – Видно, что вы поднаторели на описании подобных сюжетов.

– Я их не описываю, сеньор капитан, – довольно рискованно парировала диверсионный унтерштурмфюрер СС Нормандия фон Криффер, – я их сотворяю.

И диверсантке еще очень повезло, что полицейский не собирался вникать в тонкости ее мстительных женских подковырок

– Хотите, сеньора, я дам вам еще больше повода для иронии?

– Окажите любезность.

– Услышав об исчезновении тела Оливейры, доктор Грэг Микейрос не выказал никакого удивления, а вся реакция его

заключалась в убийственной сентенции: «Этого следовало ожидать». И все, и ни звука больше. И потом, кто может объяснить мне поведение интеллигентного мужчины, который уезжает из города, прежде чем тело его жены будет предано земле? Разве это не вызывает подозрение? Но это еще не все. Выясняя мотивы убийства сеньоры Оливейры, криминальная полиция прошлась по ее биографии, то есть по тем анкетным данным, которые, со слов самой сеньоры Оливейры, были у нас в полиции. Так вот, всплывают любопытные факты. Прежде всего, выяснилось, что в названном ею университете, на факультете философии, студентка по имени Оливейра Андеррас никогда не обучалась. По крайней мере, в указанные самой Оливейрой годы. Дальше – еще интереснее: в школе, которую она якобы окончила, такой ученицы в те годы тоже не было. Но, что самое поразительное, в местечке Кавадес, родном городке Оливейры, никто никогда не слышал, ни об Оливейре, ни о семье адвоката Андерраса. Само собой разумеется, что паспорт и даже свидетельство о рождении оказались фальшивыми. Университетский диплом – тоже. В ассоциации альпинистов никто не мог вспомнить о такой альпинистке, ее имени нет в регистрационных маршрутных книгах восхождений. Как бы вы могли объяснить все это, а, доктор Кодар? Или вы, досточтимая сеньора?

Барон ошеломленно взглянул на полицейского, на Норманнию и вновь на полицейского. Он не сомневался, что теперь полиция захочет уточнить некоторые подробности из биографии доктора Кодара и журналистки Герты Менц.

– Биография человека, особенно сеньоры из высшего света, не может состоять из неточностей, – все еще не способен был угомониться капитан. – Сеньора не может свалиться с неба. Она где-то родилась, где-то жила, училась; у нее должно быть множество знакомых. В конце концов, она должна иметь родителей, родственников, близких. Кстати, быть агентом иностранной разведки она тоже не могла. Какой смысл засылать агента, чтобы он многие годы прожил на этом плато, несодержащем в своих камнях ни одной государственной тайны и куда имеет доступ любой иностранец? Исследования и гипотезы доктора Микейроса, замечу тоже, никогда не были государственной тайной. Или, может, я не прав, доктор Кодар?

– Слишком категорично утверждаете, что человек не может свалиться с неба, – сдержанно заметила новоявленная хозяйка виллы – Анализ необычной ситуации всегда требует необычных, неординарных подходов. Ну а во всем ином вы жестоко логичны.

– Не знаю, не знаю, сеньора. До сих пор все происходило

наоборот: люди уходили на небо. Появлялись же они на земле совсем иным способом, – по-солдафонски рассмеялся капитан и, поблагодарив за угощение, поднялся. – Мне пора, господа, – молвил он, ударяя ногтем указательного пальца по огромным часам, тикающим на его руке, словно мина с часовым механизмом, которая вот-вот должна взорваться. – Нам всем пора, господа, – многозначительно добавил он.

64.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Следующую ночь Теодор и Норманния провели в залитой лунным сиянием постели. Это была ночь любви, во время которой они ни словом не вспомнили, ни о проводившем ночь в своем рабочем кресле докторе Микейросе, ни об Оливейре, вообще ни о ком, с кем им пришлось иметь дело в эти андские дни, и ни о чем, что здесь в эти дни происходило. «Настоящий диверсант, – учили их когда-то в диверсионных школах, – это человек, который умеет прощаться с прошлым и не боится встречать удары будущего».

– Ты хотел бы остаться здесь навсегда? – спросила Норманния после того, как, устав от утренних ласк, они откинулись каждый на свою подушку и истомно закрыли глаза.

– Есть люди, которые молят судьбу о постоянстве и способны умирать в смертельной тоске, вызванной любыми переменами; и есть люди, которые смертной тоской боятся постоянства и молят судьбу, чтобы та позволила им умереть в дороге или во время очередной авантюры. Так вот, я принадлежу к этим, последним.

– Самое ужасное заключается в том, что и я тоже, очевидно, принадлежу к ним, – томно вздохнула Норманния,

– В таком случае мы родственные души.

– Что, к сожалению, проявляется не только в мании бродяжничества, мой Полярный Барон, – вновь потянулась к нему фон Криффер, но в это время в дверь постучали и один из охранников, не дожидаясь реакции хозяев виллы, прокричал:

– Сеньор Кодар! Вас к телефону! Срочно! Из Лимы!

– Дело не в Лиме. Кажется, о нас вспомнили в Берлине, – ворчал фрегаттен-капитан, с истинно солдатской быстротой бросаясь к одежде.

– Или же продолжила свои исследования криминальная полиция, и теперь нас не может забыть местная контрразведка, – заметила Норманния, все еще пребывая под впечатлением от разговора с капитаном Баррасом и изложенной им истории, связанной с исчезновением тела Оливейры.

– Ну, по нашим легендам им не так просто будет прогуляться, и потом, причитающуюся ему долю взятки капитан Баррас уже получил, – успокоил ее барон.

Прежде чем выйти из комнаты, он выглянул *в* окно. Ни машин, ни людей во дворе не было. Это уже успокаивало. Ущелье

и вершина хребта по ту сторону его были подернуты легкой дамкой, но даже сквозь нее просматривалась предгрозовая туча, зависшая на дальней шатроподобной вершине.

– Вы, очевидно, видели, как прошлым утром Микейрос покидал виллу? – поинтересовался фон Готт у охранника, прежде чем войти в кабинет.

– Видел, – охотно ответил тот, – Я уже рассказывал об этом капитану полиции.

– Потрудитесь еще раз.

– Он ушел на рассвете, сказав, что пришлет машину за книгами и личными вещами.

– Но не прислал ее.

– Прощаясь со своим кабинетом, он плакал! – с явным осуждением сообщил этот крепыш, очевидно, так ни разу и не познавший в своей, бестолковой пока что, жизни истинной горечи утрат и прощаний. – Буквально упал на стол и плакал.

– С людьми такое иногда случается.

– С женщинами, – поучительно уточнил этот профессиональный скулодробитель.

– Спасибо за напоминание.

Голос в трубке был незнакомым, но резким и властно начальственным:

– Звонят из посольства. Ваш самолет вылетает из Лимы завтра в четырнадцать ноль-ноль по местному времени. В одиннадцать ноль-ноль у виллы «Андское Гнездовье» вас и сеньору Менц будет ждать машина.

– Но сеньоре предстоит завершить кое-какие формальности, – попытался напомнить фон Готт.

Не забивайте себе голову подобными мелочами жизни. Сегодня, в восемнадцать, у вас появится гостья, которая впредь будет заниматься всеми делами виллы. Кстати, могу сообщить, что в рейхе вами довольны. Очень довольны.

– Это ваше личное мнение?

– В подобных случаях высказывать личное мнение дипломату не положено, – заметил его столичный собеседник. «Видно, утро такое сегодня выдалось, – решил фон Готт, – все меня поучают». – Это мнение Берлина. Вы и сеньора Менц награждены Железными крестами второй степени и повышены в чине. Поздравляю, капитан цур зее, и поздравления вашей спутнице, отныне – оберштурмфюреру СС. Дальнейшие инструкции, полковник флота, вы получите в аэропорту.

– И все это – в телефонную трубку? – решил преподнести дипломату некое подобие урока фон Готт.

– Все, кому положено в этой стране заниматься ее

безопасностью, прекрасно знают, с кем имеют дело. И потом, это не та страна, где кто-то повисает на телефонах.

– Значит, мир все еще у наших ног.

– Простите?

– Да это я так, поговорка молодости.

– Тем не менее, – вдруг вспомнил представитель посольства, который так и не назвал себя, – сообщите сеньоре Менц, что ей категорически запрещено оставлять территорию виллы и вообще лишний раз вступать в какие-либо контакты с кем-либо, вплоть до охраны. В целях ее же безопасности.

– С удовольствием посажу ее под замок. На горе местным ловеласам.

Но, судя по всему, предаваться шуткам германским дипломатам тоже не положено было.

– Через полчаса у вас появится пятеро сотрудников посольства и их консультантов, – невозмутимо продолжил собеседник барона, – которые займутся фотографированием плит. Прикажите охране обеспечить им доступ в подземелья виллы, в которых хранится основная часть этих каменных посланий, и при этом старайтесь не замечать их присутствия. Кстати, они прибудут с двумя охранниками, которые заменят парней, проведших эту благословенную Богом ночь в «Андском Гнездовье».

* * *

Когда фон Готт завершал разговор, Норманния уже стояла в проеме двери в легком спортивном костюме и с полотенцем на плече.

– Кажется, вы чем-то озабочены, мой фрегаттен-капитан?

– Уже капитан цур зее, - уточнил фон Готт, усаживаясь на краешек стола, – И прошу не забывать об этом. Кстати, вас тоже повысили. Теперь, вы – обер-лейтенант СС и кавалер Железного креста второй степени.

– Щедро.

– Заслуженно.

– Что же тогда не так, как бы вам хотелось?

– Теперь уже многое не так, но… Завтра мы вылетаем. Машину пришлют. Вас сменит женщина, которая прибудет сегодня в шестнадцать.

– Тогда почему вы говорите об этом так, словно вас не

повысили, а разжаловали? Тем более что появляется еще одна женщина.

– Погоди минутку, к водопаду пойдем вместе.

Хотя охранники уже обследовали окрестности виллы, тем не менее, фон Готт внимательно осмотрел пространство у водопада и цепким взглядом прошелся по предгорьям по ту сторону ущелья, где мог оказаться снайпер.

Для него оставалось необъяснимой тайной – как на такой высоте мог образоваться водопад, небольшая струя которого, казалось, зарождается прямо в скальном массиве. Но вода в нем была удивительной на вкус – очевидно, такой, какой она и должна была оставаться на этой планете в своем первозданном виде.

– У меня создалось впечатление, что уезжать отсюда тебе уже не хочется, – возобновила прерванный в доме разговор Норманния, с удовольствием наблюдая, как новоиспеченный полковник флота с наслаждением обмывает свой мощный торс ледяной водой.

Графине редко приходилось видеть такое мощное, мускулистое тело мужчины. К тому же она знала, что физической силы в этом человеке сокрыто значительно больше, нежели способны были породить его мышцы. Сила, соединенная с яростью, – вот что способно было превратить этого человека в демона, И если он и проигрывал в схватке со «Стражем», то лишь потому, что ему еще нужно налечь на приемы восточных единоборств.

– Очевидно, знакомство с доктором Микейросом и его плитами не прошло зря. Мундир то на мне военный, однако, в душе я остался полярником, исследователем, одним из немногих истинных скитальцев Антарктики, как называли себя зимовщики метеостанций и исследователи Приполярья. Не зря же меня, черт возьми, назвали Полярным Бароном. Похоже, что я им так и остался.

– Не сомневаюсь, что остался, – мечтательно улыбнулась фон Криффер.

– Трудно сказать, надолго ли хватило бы меня, но пока что мне кажется, что я с удовольствием остался бы здесь, чтобы остаток своей жизни посвятить исследованиям этих гор, этих плит и связям нашего мира с миром космического разума. И при этом время от времени отправлялся бы то ли в Антарктиду, то ли в Полярную Канаду.

– Так почему бы тебе не заявить об этом в Берлине?

Барон взял у нее из рук полотенце и долго, старательно растирал тело, возвращая ему естественное тепло и эластичность

мышц.

– Потому что судьба моя уже решена. Не исключено, что мне придется принять командование над базой, которая будет заложена в Антарктиде. – Он не стал делиться с Норманнией той информацией, которую получил от барона фон Риттера после его возвращения из Внутреннего Мира, не имел права этого делать. Однако не сказать ей о том, что вскоре ему на много лет придется осесть в Антарктиде, фон Готт не мог. Ведь он, конечно же, захочет видеть ее рядом с собой.

– Это уже официальные сведения?

– Официальными они станут тогда, когда появится приказ фюрера. Но вероятность их очень велика.

Норманния задумчиво повела подбородком и, умывшись, тоже долго и старательно вытирала лицо. Эта новость застигла ее врасплох, и она тянула время, не зная, как ее воспринимать.

– Если подходить объективно, то лучшую кандидатуру на эту должность, чем Полярный Барон, с его арктическим опытом и крепким здоровьем, найти трудно, поэтому тех, в Берлине, можно понять. Но если сам Полярный Барон категорически против такого назначения, то, после возвращения в Берлин…

– К сожалению, такие решения уже принимают не в Берлине, – обронил фон Готт. – И потом, это ведь будет не предложение, а приказ.

– То есть как это – не в Берлине?! – удивилась Норман-ния. – А где же еще их могут принимать?!

Барон фон Готт холодно взглянул на Норманнию и молча направился к зданию.

– Вы не ответили на мой вопрос, капитан цур зее, – напомнила Норманния. - А ведь нетрудно догадаться, что мне тоже небезразличны ваша судьба и ваши служебные назначения.

– Можете считать, что вы не слышали моих слов. А к разговору этому вернемся, когда поступит приказ о моем назначении.

Нормандии понадобилось несколько минут обиженного молчания, прежде чем, уже за утренним кофе, она сказала:

– Ладно, будем считать, что вы ничего такого не говорили, барон, а я ни о чем таком не спрашивала. Но впредь просила бы четко различать: когда спрашивает унтерштурмфюрер фон Крифер, а когда – женщина, которой вы в течение каждой проведенной с ней ночи как минимум дважды объясняетесь в любви.

– Да, иногда я умудряюсь делать это дважды в течение одной ночи? – обжегся горячим кофе фон Готт. – Это же какой формой лунатизма надо страдать!

65.

Февраль 1939 года.
Перу. Вилла «Андское Гнездовье»
в окрестностях Анданачи.

Гостья появилась ровно в восемнадцать, в сопровождении вереницы машин, продемонстрировав прежним хозяевам свою истинно германскую пунктуальность и аристократический размах. В свите ее уже были знакомый Готту и Крифер нотариус из Анданачи, какой-то юрист из Лимы, представитель посольства и два телохранителя.

Как и было условлено в, предварявшем ее приезд, телефонном разговоре, встречать прибывшую вышел только Теодор Готт, а Норманния ждала ее в кабинете.

Эльза Менц, сестра Герты, – представилась эта решительная тридцатилетняя особа, даже не останавливаясь возле барона. И вообще Готту показалось, что если бы он не отступил на шаг в сторону, Эльза попросту опрокинула бы его и разнесла в щепки, как броненосец – утлую лодчонку.

– Севилио Кодар.

– Не надо излишних церемоний,

– Как прикажете, С нетерпением ждем вас, – молвил Готт - Кодар, Одного взгляда было достаточно, чтобы уловить явное сходство между Эльзой и Гертой – Норманнией: очертания лица, линия носа и бровей, цвет глаз; мало того, барон вынужден был признать, что Луиза значительно красивее Норманнии, и опасался, что оберштурмфюрер вынуждена будет признать ее превосходство.

– Меня это не интересует, – обронила гостья. – Где Герта? – увлекла барона вслед за собой в коридор.

– В кабинете. Второй этаж, направо.

– Знаю. Все вы, – обратилась к своей свите, – остаетесь здесь, в гостиной. Нам нужно переговорить с сестрой с глазу на глаз. Вас, барон, это не касается, – обратилась к фон Готту нарушая его легенду о Севилио Кодаре. – Сопровождайте. – И у входа в кабинет пропустила его вперед, давая возможность представить себя.

– Тут объявилась ваша сестра, Эльза Менц, – хорошо поставленным голосом дворецкого объявил капитан цур зее.

– Впервые слышу о таковой, но все равно терпимо.

– А от вас никто и не требует родственных объятий.

Несколько мгновений женщины стояли друг против друга: одного роста, почти одинаковой комплекции, с одинаковыми

короткими стрижками одинакового цвета волос. Это была схватка взглядов, схватка выдержки и особого женского куража,

– Интересно, где вас сумели отыскать, такую, всю на Герту Менц похожую? – довольно добродушно поинтересовалась графиня фон Криффер.

– Это вас, душечка, где-то там подыскивали, – сухо парировала гостья. – А я и есть настоящая Эльза Менц.

– В самом деле?

– А кто в этом посмеет усомниться?

– И сестра у вас есть, по имени Герта?

– Была. Представьте себе, вашу легенду состряпали по ее биографии.

– А что произошло с ней самой?

– Тоже, что и со многими другими врагами Германии, которые забывают первую заповедь германца: фюрер всегда прав! В концлагере она. С коммунистами связалась, стерва. Впрочем, теперь то уже не имеет значения.

«А ведь она же сама и сдала свою сестру гестапо!» – молвил про себя фон Готт.

– Я не большой специалист по чтению мыслей, барон, но по глазам вашим вижу, что сейчас вы решили, будто я сдала свою сестру гестапо.

– Хотите сказать, что я ошибся?

– Мне не нужно было сдавать ее гестапо, я сама – офицер гестапо. И, к вашему сведению, терпеть не могу аристократов, коммунистов и прочих жидомасонов.

– Было бы странно, если бы вы их научились терпеть, – смерила ее презрительным взглядом графиня фон Криффер.

– Итак, наши дальнейшие действия, – откровенно проигнорировала ее замечание гестаповка, – Сейчас мы позовем сюда юристов, и вы, Норманния фон Криффер, мило улыбаясь, подпишете документы, удостоверяющие продажу этой провинциальной богадельни мне, своей любимой сестрице. Что и будет тотчас же удостоверено нотариусом, моим столичным юристом и подписями свидетелей.

– С удовольствием сделаю это.

– После чего сядете в мою машину, и водитель отвезет вас, в сопровождении телохранителей, прямо на столичный аэродром.

– Но нам известно, что наш самолет… – попыталась было уточнить ситуацию Норманния, однако Эльза резко прервала ее:

– Теперь вам известно только одно: что на Уругвай ваш самолет улетает на рассвете. Поэтому не советую задерживаться здесь ни минуты. Ночевать будете в машине, неподалеку от аэродрома. Билеты вам вручит некий господин Корильо,

скромный торговец техническими товарами, который, собственно, и будет отвечать за вашу безопасность [46]. Рядом с вами случайно окажется еще одна машина с парнями из прикрытия. Все они будут в полицейской форме. В десять утра вы уже должны покинуть столицу Уругвая Монтевидео на самолете одной частной авиакомпании. Место его приземления вам назовут в воздухе. Маршрут ясен?

– Ясен, – ответил капитан цур зее.

– Еще несколько слов о мерах безопасности. Мой водитель снабдит вас пистолетами. Он и телохранители тоже вооружены. При чьей-либо попытке остановить вас где-либо на шоссе открывайте огонь из всех пяти стволов. Причем палите даже в том случае, если на дороге окажутся торговки козьим молоком. Разлитое на шоссе молоко вам простится.

– Случилось что-то серьезное? – насторожился баран.

– Случилось, барон Теодор фон Готт. Вы тут действовали, как медведи во льдах Арктики, к тому же основательно наследили со всей этой историей с Оливейрой и Микейросом.

– Но это не наша вина, – огрызнулась неудавшаяся владелица виллы «Андское Гнездовье».

– В управлении их вшивой криминальной полиции в этом не уверены.

…Здесь вообще происходит какая-то чертовщина.

– Вы еще не знаете, что такое настоящая чертовщина, душечка. Это я им, бедуинам недоношенным, устрою здесь чертовщину. Но это уже не ваша проблема. Я тут сама с ними разберусь. Не пройдет и месяца, как в этом, Богом забытом городке исчезнет половина населения. Очень уж он приглянулся нашей службе СС, ведающей расселением германцев на новых территориях, а также чиновникам из «Рассе унд Зидлунгсхауптамт» [47]. На этом, континенте, и в частности, в этом «Андском Гнездовье», давно пора заложить основы для формирования всемирной арийской расы, на чистоту которой вам, душечка, – вновь обратилась Эльза к графине, – тоже не мешало бы проверяться.

«А ведь только такого склада характера хозяйка виллы здесь и нужна! – согласился с выбором руководства СС фон Готт. – Эта церемониться с романтиками плит и всевозможными "Стражами Земли" не станет. Как и засматриваться на "летающие диски". Истинная рейх-арийка, черти б ее побрали, особый сорт женщины, предвестница новой расы».

Когда Готт и Крифер въезжали в Анданачи, центральная улица которого вливалась в столичное шоссе, их ждала полицейская машина с тремя местными блюстителями закона.

Увидев рядом с водителем Норманнию, капитан Баррас, стоявший у передка своей машины, демонстративно перевел взгляд на вершину ближайшего хребта, а двое других полицейских тотчас же последовали его примеру.

– Не иначе как у капитана был приказ задержать нас. Согласны с таким предположением, барон? – молвила фон Криффер, все еще держа руку в открытой сумочке, в которой лежал пистолет.

Это были первые слова, которые она произнесла с тех пор, как они оставили виллу «Андское Гнездовье». До сих пор она оставалась не то чтобы мрачной или удрученной, а какой-то отстраненной от всего происходящего на склонах этих гор.

Эльза буквально задавила Норманнию своей неукротимой воинственностью и наглостью, так что только теперь графиня фон Криффер постепенно приходила в себя; только теперь к ней возвращалась былая уверенность.

– Столкнувшись с Эльзой, капитан Баррас будет вспоминать о вас, Норманния, как об ангеле во плоти, – рассмеялся фон Готт.

– Признайтесь, что она привела вас в восторг, барон.

– Ну, я бы не назвал это восторгом, – непростительно замялся фон Готт.

– Именно поэтому об Эльзе у нас будет отдельный разговор, правда? – не смогла скрыть своей ревности и простить своего поражения фон Криффер.

* * *

Это был тот же гидросамолет, который доставлял их в свое время из антарктического плато под горой Борг в Уругвай, на секретную германскую базу в Пунта-дель-Эсте. И посадили их в тот же маленький салон, в котором не было ни одного иллюминатора.

Да, здесь стояли, расположенные полукругом, три кресла, а перед ними находилось некое подобие окаймленного белым мрамором камина. Однако отсутствие иллюминаторов создавало эффект слишком ограниченного, замкнутого пространства, в котором Норманния чувствовала себя неуютно, поскольку оно вызывало, неосознанную тревогу

«С какой же быстротой летит этот самолет, если не прошло и часа, как мы перенеслись из далекой Антарктиды в Уругвай?» – недоумевала во время прошлого полета Норманния, когда их

самолет приземлился на каком-то озере посреди сельвы.

Она не знала о существовании Страны атлантов и их дисколетов, поэтому не могла, как это сделал фон Готт, предположить, что после того, как самолет поднялся в воздух, его втянул в свое чрево один из дисков и быстро перенес к побережью Южной Америки. А затем, освобожденный атлантами, самолет «Бог знает, откуда» появился в воздушном пространстве Уругвая.

Готта и его спутницу потому и размещали в салоне без иллюминаторов, чтобы они не поняли, что же на самом деле происходит с их самолетом. И теперь, во время их возвращения в Антарктику, все должно было повториться. Единственной особенностью второго полета стало то, что, едва самолет поднялся в воздух, как Теодор й Норманния погрузились в глубокий сон, из видений которого они вырвались только тогда, когда пилот посадил свою машину на плато у горы Борг.

Это был странный сон, во время которого барон спускался в глубокие подземелья, ангелом проносился по каким-то бесконечным туннелям, чтобы затем-предстать перед настоящим подземным раем – с залитыми ярким сиянием невидимого солнца долинами, с озером у подножия лазурного водопада и с огромной золотой пирамидой, возвышающейся между четырьмя пирамидальными – холмами, над каждым из которых парил летающий диск. А вокруг – украшенные массивными колоннами и лепниной здания некоего города, возведенные в эллинском стиле.

– Как вам спалось, графиня? – спросил он сразу же, как только полусон-полуявь был развеян голосом пилота, объявившего, что самолет идет на посадку.

– Странные какие-то видения, Я оказалась в обществе каких-то двух дам в серебристых комбинезонах, пытавшихся устроить мне экскурсию то ли по какой-то иной планете, то ли но настоящему раю.

«Значит, атланты устроили нам нечто похожее на просмотр своей кинохроники, – понял фон Готт. – Причем у каждого из нас был свой фильм».

– А что снилось вам, Полярный Барон?

– То же, что и всегда; женщины, только без комбинезонов, вообще без одежды, по облику и поведению своему напоминающие Эльзу Менц, изысканные ласки. И ощущение, не скрою, тоже было райским, – отшутился он.

– Вы неисправимы, барон, – вздохнула фор Криффер. – А вот сон действительно необычный: во-первых, слишком уж явственный, а во-вторых, у меня такое впечатление, словно мне показали наше будущее.

Как только Теодор и Норманния вышли из самолета, тот

сразу же сделал короткий разгон, почти вертикально взмыл метров на сто в высоту и на месте, как бы вокруг своей оси, развернувшись, умчался куда-то в глубины Антарктиды. Стоило ли удивляться, что, вместо того чтобы радостно приветствовать прибывших, командир гидропилотов гауптштурмфюрер СС Эрих Крозетт и пилот Ансен с удивлением смотрели вслед самолету, летные характеристики которого казались им слишком уж необычными.

– Нам бы такую технику, а, господа?! – восхищенно проговорил опытный полярный летчик Ансен, продолжавший всматриваться в ледяное пространство поднебесья даже после того, как самолет исчез из виду. – Представляю, как взвыли бы англичане, увидев такие машины в бою.

– А действительно, почему бы этим антарктидникам не поделиться с нами своей техникой? – поддержал его Крозетт,

– Не поделятся, – покачал головой фон Готт. – Заставят самих прийти к такому уровню боевых машин. И напоминаю, – властно проговорил он, – что ни о каких антарктидниках вы ничего здесь, в небе Антарктиды, не слышали и никакой, показавшейся вам странной, техники не видели. А теперь – в пилотскую кабину, и продемонстрируйте все, на что способны вы, бессмертные асы рейха.

Когда Ансен и Норманния уже находились в гидроплане, барон попридержал Крозетта за рукав и отвел чуть в сторону от трапа.

– Сколько всего полетов было совершено над Антарктидой? – спросил у Эриха.

– Четырнадцать. Завтра последний вылет – и «Швабенланд» берет курс на Германию.

– Это приказ из рейха?

– Скорее разрешение. У нас исчерпываются запасы. А вы? Как у вас сложилось? Кстати, Норманния успела сообщить, что теперь вы уже капитан цур зее.

– Сейчас речь не обо мне, – нервно прервал его фон Готт. – Что-то интересное, необычное во время этих ваших облетов территории не обнаруживалось?

– Два климатических оазиса, которые могут свидетельствовать, что под ними расположены какие-то источники тепла: вулканы, термальные родники или озера.

– Уже кое-что. А вам удалось определить по карте то место, на котором атланты передали нам фон Риттера?

– Нет. Мне удалось установить приблизительные координаты его, однако все три попытки обнаружить то кратерное плато, в котором эта встреча происходила, – ни к чему не привели. И

потом, как только мы приближались к установленным мною координатам, навигационные приборы начинали беситься, все вокруг мгновенно покрывалось серой пеленой, но самое страшное, что, как говорят в таких случаях пилоты, терялось ощущение неба, то есть пилоту трудно определять, где небо, где земля.

– А что говорят ощущения и предчувствия – ваши и других пилотов?

– Все кажется, что за нами постоянно кто-то наблюдает,а как только мы приближаемся к этому району Икс, перед нами попросту захлопывают «дверь», как перед нежелательными гостями.

– И мы должны быть благодарными хозяевам Внутреннего Мира уже хотя бы за то, что делают они это по-джентльменски, не наказывая вас за излишнее любопытство и за стремление во что бы то настало завладеть образцами их техники.

– А ведь даже трудно представить себе, что бы случилось, если бы они оказались более воинственными.

– Очевидно, не сумели взрастить своего фюрера.

66.

Февраль 1939 года.
Антарктика.
Борт германского авианосца «Швабенланд»

В Гельголандскую бухту, которой завершалось устье Эльбы, «Швабенланд» входил на рассвете. На материке уже должна была царствовать весна, однако Северное море все еще оста-

валось во власти негустого, но холодного тумана, сквозь который прибрежные скалы острова Шархерн просматривались, как отколовшиеся от Антарктиды и ушедшие далеко в океан айсберги.

Не зря барону фон Риттеру порой казалось, что Антарктика все еще не желает освобождать их из своего плена и что это по ее воле большую часть бесконечно длинного пути от Новой Швабии они прошли в холодных ветрах, штормовых дождях и в преисполненных таинственной сумеречности туманах.

Катер, появившийся откуда-то из-за островного мыса, так напропалую шел наперерез мощному авианосцу, что капитан цур зее едва успел скомандовать «лево руля», хотя в момент произнесения этих слов уже понимал, что слишком запоздал с ними!. И лишь мастерство рулевою катера спасло его самого и его суденышко от, казалось бы, неминуемой катастрофы.

– Кажется, у нас ожидаются гости, – проворчал только что поднявшийся на капитанский мостик фон Готт и на всякий случай выхватил из кобуры пистолет.

– Море неожиданных гостей не признает, – в тон ему мрачновато заметил командир «Швабенланда».

– Отряд СС, с оружием – на палубу, и действовать согласно инструкции! – тотчас же отдал распоряжение дежурному офицеру фон Готт. – Без команды или до первого выстрела противника – не стрелять!

– А ведь мы уже вроде бы у своих берегов, – задумчиво проследил фон Риттер, как проскочивший у самого носа корабля катер медленно разворачивается и вновь направляется в сторону «Швабенланда», словно готовится к повторной «торпедной» атаке.

Все прояснилось через несколько минут. Когда катер почти вплотную подошел к левому борту один из стоявших на его палубе офицеров в черном прорезиненном плаще взялся за рупор:

– Здесь группенфюрер СС Шауб [48], личный адъютант фюрера! Капитан цур зее фон Риттер, прикажите остановить корабль и спустить трап!

Поднявшись на палубу Шауб – невысокий широкоплечий

крепыш – поздравил барона фон Риттера и всю команду «Швабенланда» с успешным завершением экспедиции и приказал ему вместе с гауптштурмфюрером Крозеттом спуститься в катер.

– Но я должен привести корабль в Гамбург.

– Вы должны делать только то, что вам прикажет фюрер, – *довольно* вежливо и в то же время назидательно напомнил ему генерал-лейтенант СС. – Но даже когда приказа фюрера не поступало, вы все должны делать так, как если бы завтра вас отдадут под трибунал за его невыполнение,

– Глубокомысленно, – вынужден был признать фон Риттер. – Однако хотелось бы знать, чем вызван ваш визит?

– На острове ждет самолет, который доставит нас в Мюнхен. Фюрер хочет услышать ваш рассказ первым. И должен вам заметить, что это его право такое святое, как и право первой ночи. А «Швабенланд» доведет фон Готт. Уж с этим-то он наверняка справится.

Командир корабля уже подошел к трапу, когда Шауб вдруг спросил:

– А письменный отчет вы захватили?

– Нет.

– Немедленно взять.

– Но я не успел его завершить,

– А чем вы занимались все те недели, в течение которых «Швабенланд» шел в Германию? – искренне удивился личный адъютант Гитлера. – И запомните, фюрера вовсе не интересует то, сколько макаронов вы съели сами, а сколько скормили пингвинам. Его интересуют высшие интересы рейха.

Даже близость гор не могла заставить мюнхенцев забыть, что их благословенный фюрером город расположен на юге Германии. Весь тот путь, который проделал их «мерседес» из аэропорта в столицу Баварии, был соткан из изумрудных склонов небольших холмов, из таинства придорожных перелесков и очаровательных лугов, нарисованных кистью природы по берегам небольших речушек, наполнявшихся весенними потоками, ниспадавшими с окрестных предгорий. Только теперь, после нескольких месяцев пребывания в Антарктике и в открытом океане, барон фон Риттер по-настоящему учился замечать красоту всего того обыденного мира, который беззаботно открывался ему из-за стекол автомобиля.

Коричневый дом, о котором фон Риттеру приходилось только слышать, буквально поразил его величием своих архитектурных форм и необычностью убранства.

– И красота никакой Золотой Пирамиды Жизни Страны атлантов сравниться этим великолепием не может, – вырвалось у

барона, когда, в сопровождении все того же Шауба, они с Крозеттом проходили через Мраморный зал.

– Какой пирамиды? – приостановился от удивления личный адъютант фюрера.

– Пирамиды Жизни, – охотно объяснил барон. И лишь когда Шауб переспросил: «И эта пирамида находится в Стране атлантов?» – понял, что сболтнул лишнее.

– Только вы об этой пирамиде не слышали, господа, – резким голосом предупредил он. – Считайте это притчей из морского фольклора.

– А, – простодушно согласился Шауб, – вот и я удивился: – Причем тут пирамиды, если судно пришло из Антарктики?!

* * *

Первым фюрер пригласил в кабинет командира «Швабенланда», и Крозетту пришлось ждать своей очереди очень долго. Прежде чем задать фон Риттеру хотя бы один вопрос, Гитлер внимательнейшим образом прочел отпечатанный на пишущей машинке официальный отчет, в котором, естественно, ни слова не молвилось о посещении Внутреннего Мира; бережно разгладил последний листик его и, только теперь взглянув на лежавший в нише бокового столика магнитофон, поднял глаза на капитана цур зес.

– Так о чем вы все это время молчали, капитан? Говорите, говорите же, черт возьми! Что вы испытываете мое терпение? Рассказ получился долгим и нервным. Фюрер множество раз прерывал его, подолгу расспрашивал о его впечатлении от встреч с Посланником Шамбалы, заставлял пересказывать отдельные эпизоды встречи с членами Высшего Совета Страны атлантов, очень скрупулезно, подобно дотошному следователю, выспрашивал обо всем, что могло касаться лично его, фюрера.

Чем дальше углублялся фон Риттер в свои воспоминания, тем яснее открывал для себя то странное обстоятельство, на которое раньше, пребывая под впечатлением от необычности путешествия в подземный эдем, просто не обращал внимания. Открывалась странная и нелицеприятная картина: оказывается, ни Консул, ни Эфирный Наставник, ни, тем более, члены Высшего Совета Страны атлантов вообще не ннтересовались жизнью их фюрера, способами его правления, его здоровьем и планами на будущее. Особенно это стало очевидным для барона, когда, будучи не в

силах сдерживать себя, фюрер в очередной раз раздраженно прервал его:

– Но Правитель, этот их, так называемый Правитель Внутреннего Мира, он что, тоже не интересовался, ни моими взглядами, ни планами? Не высказывал никакого желания встретиться со мной?

– Нет, мой фюрер. Я не могу идти против истины. Ни Правитель, ни другие члены Высшего Совета не говорили ничего такого, что требовало бы согласования с вами или же касалось бы лично вас.

– Тогда почему вы не объяснили им, барон, что в этой стране, в этом, - врубался он костяшкой указательного пальца в стол, – нормальном земном мире все происходит так, как решу я, фюрер, а не так, как возжелают эти антарктические кроты?!

Я пытался, мой фюрер. Особенно когда речь шла о руководстве Рейх-Атлантиды.

– Вот-вот, вернитесь еще раз к тому, что они говорили о руководстве Рейх-Атлантиды.

– Как я уже говорил…

– Можете считать, что пока вы еще и слова не произнесли, капитан цур зее! Поэтому говорите, говорите, не упуская ни малейших подробностей!

Услышав свой чин в таком, почти саркастическом, произношении, барон поневоле вздрогнул. Он хорошо помнил примету которую высшие офицеры Кригсмарине и вермахта передавали из уст в уста: если, впадая в раздражение, фюрер вдруг начинает обращаться к офицеру с саркастическим упоминанием о его чине – значит, жди разжалования. В лучшем случае, фюрер возьмет его имя на заметку, чтобы потом долго не повышать данного офицера в чине. Причем в злопамятстве своем фюрер был уникален.

Единственное, что спасало сейчас фон Риттера что начальником базы, а следовательно, правителем Рейх-Атлантиды был назван не он, а барон фон Готт, Ему даже трудно было представить себе, как бы он чувствовал себя в эти минуты, называя в качестве первого лица подземного рейха самого себя.

Правда, к чести фон Риттера, у него хватило мужества не злорадствовать по поводу назначения фон Готта и не пытаться хоть как-то очернить его в глазах фюрера. Наоборот, самые лестные отзывы; жаль только, что сам фон Готт не может засвидетельствовать проявление такого рыцарского благородства. Вот именно, благородства. Особенно если учесть, что при одном упоминании имени фон Готта фюрер начинал конвульсивно подергиваться.

– И все же, капитан цур зее, – вновь впился в него взглядом вождь нации, – почему был избран именно барон фон Готт?

– Очевидно, потому, что Посланник Шамбалы и Правитель Внутреннего Мира, были прекрасно осведомлены о его арктических исследованиях.

– Но вы тоже слывете у нас полярником. И многие другие.

– Мне отводится роль начальника службы безопасности. – Только страх перед фюрером не позволил фон Риггеру признаться, что на самом деле ему отводилась иная роль – быть духовным лидером рейх-атлантов. Но не мог же он признаться сейчас в этом!

– Тогда как объяснить, что доступ во Внутренний Мир был открыт только вам, и именно вам, а не барону фон Готту? – неожиданно стукнул кулаком по столу Гитлер.

Барон не мог знать о том, что перед отправкой экспедиции в этом кабинете побывал сам Посланник Шамбалы и что разговор с ним у фюрера тоже не удался. Тем не менее, полярник почувствовал, что раздражение фюрера вызвано не только самоуправством Правителя Внутреннего Мира, позволяющего себе решать за фюрера рейха – кому править в подземном мире Новой Швабии, а кому нет.

Барону Альфреду фон Риттеру вдруг явственно открылась тайная подоплека всего того, что происходит вокруг Рейх-Атлантиды: фюрер почувствовал, что Высшие Посвященные Шамбалы отворачиваются от него, что он теряет былой авторитет; что тибетские, гималайские или какие-то еще учителя, перестают ставить на него как на политика и вершителя судеб народов. Что сейчас, выслушивая его рассказ, Гитлер чувствует себя так, как чувствовал себя Наполеон после поражения в России. Когда он понял, что удача и боги отвернулись от него и шел к своему Ватерлоо, как к спасительной пропасти.

– Вы запомнили то место в Антарктиде, в котором атланты выпустили вас на поверхность?

– Нет.

– Почему? – вдруг каким-то упавшим голосом спросил Гитлер.

– Просто так запомнить его невозможно было, ведь это происходило где-то в глубинах ледового континента, где нет никаких городов, маяков и прочих ориентиров. – почувствовал фон Риттер, что и в нем тоже накапливается раздражение, только его раздражение продиктовано его аристократической родовой гордостью.

Почему он, аристократ, ведущий свой род от крестоносцев, должен терпеть выходки этого… ефрейтора? Он совершил

беспрецедентную экспедицию в Антарктиду и в ее Внутренний Мир; его имя уже принадлежит истории, так почему, вместо славы, наград и чинов, на него сыплются непонятные упреки и подозрения?

– И дело тут не в моей памяти, – добавил барон, – а в том, что пилоты так и не смогли обнаружить потом этот климатический оазис Об этом вам доложит гауптштурмфюрер Крозетт, дожидающийся своей очереди в приемной.

– Ну да?! Что, там еще и этот коршун Геринга? – недовольно проворчал Гитлер.

* * *

И кто знает, чем закончился бы этот разговор, если бы вдруг на столе фюрера не ожил телефон правительственной связи

– Господин Шикльгрубер?

– Да, – нервы у фюрера напряглись до беспредела, когда он услышал в трубке голос Принца Шамбалы.

– Почему вы не направляете свои линкоры в район Новой Швабии, господин Шикльгрубер? Чем вызвана эта задержка? Чего вы ждете – пока в этом районе появятся корабли англичан, норвежцев и американцев, которые и так уже начали проявлять интерес к этому участку Антарктиды? Кроме того, мы ждем эскадру субмарин, которая бы обследовала входы во Внутренний Мир и, выдав их за свое открытие, Официально позволила бы начать великое переселение арийцев. Остальные инструкции контр-адмирал фон Готт получит в Антарктиде. Не забудьте подключить к этой операции сидящего у вас в кабинете капитана цур зее барона Риттера. До свидания, партайгеноссе - Шикльгрубер.

Когда этот, наваждению подобный, голос в трубке исчез, фюрер почти с минуту окаменело сидел в кресле, уставившись *в* какую-ту точку чуть выше двери. Лицо его как-то сразу посерело и заметно постарело. Все это время ему понадобилось для того, чтобы он вдруг понял, чем Принц Шамбалы сразил его на сей раз: он говорил с ним, подражая тону и тем интонациям, с которыми обычно говорил… Сталин!

Нет, говорил Посланник Шамбалы, естественно, на германском, но, готовясь к своим выступлениям перед массами, Гитлер множество раз прокрутил записи выступлений и бесед Сталина, в том числе и тайно записанных разговоров с

подчиненными. И теперь он не мог ошибиться: он прекрасно помнил манеру Сталина – правителя, истинного диктатора, у которого он как вождь германской нации уже многому научился и еще многому должен учиться.

Принц Шамбалы умышленно говорил с ним голосом Сталина – вот что больше всего поразило партайгеноссе Шикльгрубера! Его слова до сих пор чеканно отзванивали в голове фюрера, при этом он явственно видел перед собой фигуру Кровавого Кобы, в его традиционной полувоенной форме и с трубкой в руках.

И дело сейчас не в том, что Посланник Шамбалы и ученик Человека в Зеленых Перчатках опять позволил себе говорить с ним в приказном тоне. Вопрос заключался в том, почему он избрал тон и манеру Сталина? Что это – элементарное издевательство или же некий намек, некая подсказка?

Не находя ответа, он сорвал трубку и прокричал:

– Откуда мне только что звонили?! Что?! Почему невозможно установить? Вы обязаны устанавливать, откуда именно следует тот или иной звонок! Я хочу знать, каким образом этот человек, получил доступ к аппарату правительственной линии?!

Швырнув трубку на рычаг, фюрер удивленно уставился на барона фон Риттера. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, и происходило это до тех пор, пока фюрер не понял, что человек, сидевший по ту сторону стола (человек, которого он совершенно безнаказанно может просто так, из прихоти, разжаловать, сгноить в концлагере или пристрелить прямо здесь, в кабинете), не боится его! Хотя и не мог слышать, с кем и о чем он говорил по телефону. Мало того, этот капитан-полярник настолько потерял страх перед своим фюрером, что откровенно презирает его!

– Почему вы все еще сидите здесь, партайгеноссе Риттер? – мстительно ухмыльнулся фюрер, достигнув пика своих страстей й, подозрений.

– Как было приказано.

– Почему вы не говорите, что вам надо готовиться к следующей экспедиции в Антарктиду? - допытывался вождь,старательно придерживаясь интонации своего коллеги из Кремля. – Почему за всех вас должен думать руководитель страны?

– Простите, мой фюрер, – абсолютно ничего не понимая, поднялся со своего кресла командир «Шнабенланда»!, – если вы помните, я был вызван для доклада Вопрос очень важный, и я считаю, что.

– Почему получается так, партайгеноссе Риттер – не желал выслушивать его объяснения вождь нации, что по всем вопросам

вы обязательно обращаетесь к фюреру? Это неправильно. Партия, партайгеноссе Риттер, дала всем нам равные права и равную ответственность перед народом.

Фюрер говорил еще что-то; собственно, уже даже не говорил, а чревовещал, однако последние слова его фон Риттер дослушивал уже как в бреду, богоспасательно пятясь к выходу

67.

Ноябрь 1943 года.

Германия. Замок Викингбург на побережье Северного моря,

штаб секретного соединения субмарин «Конвой фюрера»и операции «Рейх-Атлантида».

Кабинет гросс-адмирала Карла Деница напоминал в этот день штаб осажденной крепости, собравший в своих стенах всех уцелевших офицеров, прекрасно понимавших, что за каждым их решением – жизнь гарнизона, исход завтрашнего штурма, судьба всей войны. И за ними действительно стоял гарнизон, но не этого, пока еще не знающего осады, замка, а «Базы-211», таинственных подземелий Рейх-Атлантиды, зарождавшейся во льдах Антарктики неизведанной страны -Новой Швабии.

Готовясь к совещанию, главнокомандующий Кригсмарине приказал занести в его кабинет еще четыре письменных стола и несколько кресел, а также установить пару дополнительных телефонов. Кроме того, на небольшом приставном столике потрескивала армейская рация, благодаря которой дежурный офицер мог поддерживать связь со всеми судами конвоя. Кажется, действительно все готово, все приглашенные прибыли, осталось дождаться фюрера, Дениц взглянул на часы: без пятнадцати одиннадцать.

Гросс-адмирал вышел на осадный, как он его называл, балкон, который действительно служил когда-то защитникам замка оборонительной галереей, и, поеживаясь на пронизывавшем северном ветру, всмотрелся в очертания бухты. Они пока еще проглядывались довольно четко, как и похожая на хребет динозавра, коса Утопленников. Однако зарождавшийся где-то на пространстве между западной оконечностью Норвегии и Шотландией спасительный туман, о котором сообщали метеорологи, вскоре должен был достичь Северо-Фризских островов, постепенно охватывая все Северное морей Английский канал.

Если бы эти прогнозы сбылись, «Фюрер-конвою» субмарин, четырем надводным судам и судам сопровождения удалось бы без особых потерь пройти проливы и достичь спасительной Атлантики. Туман парализовывал действия английской авиации, которая оставалась главным врагом конвоя, и Дениц специально подгонял его выход под сводки метеорологов, пообещав, что, в случае ошибки, развесит их на мачтах боевых кораблей для всеобщего устрашения.

Главком Кригсмарине вновь взглянул на часы и достал из внутреннего кармана кожаного пальто небольшую плоскую флягу, чтобы насладиться ее содержимым. Однако на втором глотке вдруг вспомнил, что его ждет встреча с фюрером, и решил не рисковать. С неуемной тоской взглянув на флягу, Дениц сунул ее в боковой карман и вновь взглянул на косу Утопленников, прикрывавшую вход в бухту, в которой, в чреве скалы, располагалась секретная база субмарин «Нордберг».

Он знал, что сейчас там идет последняя проверка списков экипажей, посадка на флагманскую субмарину особой конструкторской команды «Фау-зюйд» и доукомплектация всех прочих команд, составленных из людей, которые навсегда прощаются с рейхом.

Понятно, что никто из этих новоявленных мореходов понятия не имел, куда направляются их субмарины; даже мимолетные контакты с членами экипажей исключались, а любой намек на разглашение тайны карался расстрелом. В принципе гросс-адмирал должен был бы сочувствовать и сострадать этим людям, а он ловил себя на странном желании: войти перед самым отплытием в одну из субмарин и отдать приказ на погружение, не оплакивая потерь!…

По крайней мере, этим людям предстояло осваивать новый континент, закладывать новый город, сотворять невиданную доселе технику и вообще стоять у истоков новой нации; а возможно и новой цивилизации. А что ждало его здесь, кроме ежедневных сводок о потерях на всех морях да мрачных предсказаний штабистов вермахта относительно губительного зимнего наступления русских, как никогда рассчитывавших на гений своего «генерал-мороза»?

Мой гросс-адмирал, – услышал Дениц у себя за спиной голос адъютанта Фридриха Наубе, – из управления СД в Гамбурге сообщили, что самолет фюрера уже в небе.

– В небе, говоришь? – с полным безразличием переспросил гросс-адмирал и взглянул туда, где море сливалось с серым осенним поднебесьем, словно ждал, что самолет фюрера вот-вот материализуется где-то там$_{г}$ в глубинах предснежной туманности.

Не в силах больше сдерживаться, он отпил еще немного коньяку и благоразумно «сдал» флягу адъютанту. Как делал всегда, во спасение…

– Фюрер задержался, поскольку беседовал с только что прибывшим из Рейх-Атлантиды Отто Скорцени.

– О, так Скорцени все же вернулся?! – только теперь оживился главком Кригсмарине. - Даже оттуда этот проходимец

все-таки вернулся, ржавый якорь ему в брюхо?! Странно, что эти «крота» из Внутреннего Мира выпустили его, нарушив свою же заповедь: «Ни один человек в рейх вернуться не должен!»

– Самолет приземлится через десять минут, – продолжил доклад капитан-лейтенант Наубе. – Площадка подготовлена, машина ждет фюрера у пропускного пункта.

– Завидую фюреру – качнул головой Карл Дениц, – мне Скорцени не поведает и сотой доли той правды, которую поведает ему. А хотелось бы знать эту правду.

68

Ноябрь 1943 года.
Германия, Замок Викингбург,
штаб соединения субмарин "Конвой фюрера".

Фюрер появился как-то неожиданно, почти плечо в плечо с дежурным офицером, который обязан был доложить о прибытии вождя, но теперь уже так и не решился сделать этого. Окинув беглым взглядом штаб-кабинет Деница, он, мрачно глядя себе под ноги, прошел к предложенному ему креслу за рабочим столом гросс-адмирала и опустившись в него, вновь безрадостно осмотрел помещение.

– Штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени только что прибыл из Рейх-Атлантиды, – неожиданно бодро объявил он. И все молча повернули головы в сторону личного агента фюрера по особым поручениям, непринужденно стоявшею у одного из столов рядом с обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером, контр-адмиралом Вилли Штауфом и бригадефюрером СС Альфредом Ширнером. – Из его доклада следует, что в подземельях Новой Швабии уже создан поселок, налажена работа электростанции и сооружены цеха завода, на котором наши конструкторы и инженеры будут изготавливать секретное оружие возмездия. Это совершенно новые образцы оружия, в разработке которых нам помогут наши учителя, Высшие Посвященные Внутреннего Мира, и которое не имеет себе равных в нашем, наземном мире. Получив это оружие особого назначения, мы сумеем сокрушить любого врага, будучи абсолютно уверенными, что наши секретные подземные заводы и лаборатории не могут быть подвержены никаким атакам с моря или с воздуха. Как нет туда доступа и агентам иностранных разведок.

Фюрер сделал паузу и вопросительно взглянул на гиганта с изуродованным глубокими шрамами лицом.

– Мы уже создали там мощную подземную базу, – объяснил Скорцени, – расположенную в гигантских пустотах, по которым циркулирует теплый, достаточно хорошо наполненный кислородом воздух. Там благоприятный постоянный климат,хорошая земля и великое множество всяческих ископаемых, в – том числе Золота и всевозможных руд. Со временем и эта военная база, и созданный нами подземный город вполне смогут существовать самостоятельно, не нуждаясь в постоянной переброске с территории Германии топлива, техники и живой силы. В общих чертах это все, мой фюрер.

– А ведь еще в тридцать девятом, – не удержался гросс-

адмирал Дениц, едва дослушавший до конца сообщение Скорцени, – я докладывал вам, мой фюрер, что мои подводники обнаружили настоящий подземный рай. Германский подводный флот всегда будет гордиться тем, что на другом конце света он создает для вас, мой фюрер, неприступную крепость, обустраивая, таким образом, и недоступную для врагов часть великого рейха. [49]

– Спасибо, Дениц, – едва слышно проговорил Гитлер, как-то сразу же смазав весь пафос его доклада. – Все мы знаем это. Всех прошу сесть. А Дениц доложит нам о том, что собой, в конечном итоге, представляет нынешний конвой.

Выждав какое-то время, пока все разместятся, вновь помрачневший главком Кригсмарине взял в руки несколько бумажек с докладом, однако фюрер остановил его:

– Только не надо читать нам доклад, Дениц. Совсем коротко, и только о главном.

Гросс-адмирал недовольно покряхтел и исподлобья прошелся взглядом по присутствующим. Фюрер не воспринял его сообщения о подземной крепости и подземной рае; бестактно повелся, когда он взялся за текст доклада. Разлад с его предшественником, гросс-адмиралом Редером, тоже начинался у фюрера с таких же вот мелких колкостей.

– Конвой, который направляется в Антарктиду, – начал Дениц чуть дрогнувшим голосом, – состоит из двадцати шести основных субмарин, каждая из которых приспособлена для перевозки как можно большего количества грузов. При этом пять из них представляют собой субмарины больших размеров, специально созданные для транспортировки людей, различных грузов и вооружений. Кроме того, из «Норд-берга» выходят пять надводных судов, тоже до предела загруженных людьми, оружием, станками и строительными материалами. В районе французского острова Уэсан, уже перед выходом в открытую Атлантику к ним присоединятся еще пять грузовых судов, которые посланы нами ранее и дозагружались продовольствием и оружием в Бресте. Еще один конвой в, составе четырех субмарин и четырех надводных кораблей приближается в эти дни к берегам Уругвая, чтобы выгрузить там людей и грузы на базе неподалеку от Монтевидео. Освободившись от груза, который затем перебросят в Антарктиду, эта эскадра будет рейдировать в Атлантике, прикрывая конвой от возможных нападений американских или английских судов.

– А какое прикрытие у конвоя здесь, на участке между Германией и африканскими берегами? – не позволил ему передохнуть фюрер.

– До африканских берегов конвой пройдет в сопровождении

семи субмарин охраны. Кроме того, на всем пути вдоль берегов Франции мы будем подключать для его подстраховки имеющиеся там морские и воздушные силы. В районе Дакара, – подошел Дениц к висевшей на стене карте, – четыре субмарины охраны устроят заслон на тот случай, если англичане узнают о конвое и попытаются его преследовать. Остальные три будут сопровождать конвой до Антарктики. Они тоже максимально загружены оружием и боеприпасами. Командует конвоем присутствующий здесь контр-адмирал Вилли Штауф.

– Что вы можете добавить к уже сказанному гросс-адмиралом, Щтауф?

– Конвой к походу готов, мой фюрер. Несмотря на наличие большого груза, всем субмаринам приказано сохранять боеготовность. Основная часть экипажей – это моряки, которые уже ходили со мной к берегам Антарктиды, У меня все, мой фюрер.

– Все предельно ясно, – фюрер выдержал паузу, и добавил: – Господин вице-адмирал, – сделав ударение на приставке «вице»- А что вы скажете нам, Ширнер? Вам было приказано возобновить работу секретного Антарктического учебного центра.

– На линкоре «Штутгарт» уходит сто пятьдесят выпускников Центра, подготовленных по особой программе боевых действий в условиях Антарктики. – Лицо бригадефюрера СС было прыщевато-багровым, словно тоже недавно обожжено арктическими ветрами. – Причем пятьдесят из них предварительно прошли подготовку на Фридентальских диверсионных курсах и проинспектированы лично господином Скорцени.

– Жалко отдавать таких парней, – не удержался Скорцени, – они очень понадобились бы нам здесь, на Восточном фронте.

Фюрер перевел на него взгляд, однако сделать замечание не решился. Да и бригадефюрер СС поспешил завершить свой доклад;

– Еще сто молодых солдат было подобрано из подразделений, которые служили в Норвегии и Финляндии, и из полка горных егерей. В основном это солдаты, проходившие лечение в госпиталях после незначительных ранений, которые потеряли своих родителей и близких.

– Вы правильно поступили. Этих людей не должны связывать кровные узы с оставшимися здесь родственниками. По крайней мере, таких людей должно быть, как можно больше. Вы, Кальтенбруннер?

– Рейхсфюрер СС Гиммлер поручил мне доложить, что триста членов «Гитлерюгенда» обоего пола уже отправлены на кораблях,

которые ушли на Монтевидео, Еще триста уходят сейчас. Кроме того, двести двадцать молодых германок, ранее находившихся в Лебенсборнах, тоже сегодня взошли на один из надводных кораблей. Некоторые из этих женщин уже пребывают в ранней стадии беременности. Отцы их – офицеры частей СС с идеально-арийской родословной. Сорок из этих женщин имеют медицинскую подготовку.

– Потомки нынешних рейх-атлантов не смогут упрекнуть нас в том, что мы отобрали для них плохой генофонд, – проговорил фюрер, откинувшись на спинку кресла. – Там, именно там, в Рейх-Атлантиде, мы возродим чистокровную арийскую расу, которая со временем овладеет миром. Мощная техника, мощное, невиданное оружие и мощный поток арийской крови, круто замешанной на арийском духе, – вот то будущее, которое мы подготовили германскому народу.

– Когда-нибудь это оценят, мой фюрер, – заверил его бригадефюрер Ширнер.

Однако Гитлер взглянул на него с какой-то агрессивной подозрительностью, словно собирался обвинить в издевательстве. Ситуацию спасло неожиданное появление Гиммлера. «Расстреляв» фюрера и всех остальных собравшихся в зале свинцовыми вспышками своих очков-велосипедиков, он извинился перед вождем, сказав, что ради такого совещания он решил оставить все дела, связанные с переездом ученых из разгромленного Пенемюнде в подземный лагерь «Дора» [50] и прибыть сюда. Пусть даже с опозданием.

– Присаживайтесь, Гиммлер, – процедил фюрер, – хотя я дал вам четкие указания относительно того, чем вы должны в эти минуты заниматься. И мои распоряжения не позволено нарушать никому, в том числе и вам, рейхсфюрер СС, Тем более, когда речь идет о спасении бюро и лабораторий Пенемюнде.

– Я учту ваше замечание, мой фюрер, – вежливо обезоружил его своей покорностью Гиммлер.

69.

Ноябрь 1943 года,
Германия. Замок Викингбург,
штаб соединения субмарин «Конвой фюрера».

Выслушивая нотацию фюрера, все сочувственно смотрели на Гиммлера, и только Скорцени знал истинную причину гнева Гитлера: тот умышленно отстранил рейхсфюрера СС от участия в совещании, поскольку в последнее время в таких вопросах, как создание Рейх-Атлантиды, переставал доверять даже ему. Во всяком случае, фюрер убедился, что значительно легче заставить держать язык за зубами любого из низших чиновников рейха, нежели требовать этого от Гиммлера, Геринга или даже Канариса.

Перед отъездом в Антарктику вы. Скорцени, занимались командой «Фау-зюйд», О поездке на «Базу-211» вы уже доложили, причем очень подробно…

Уже? – разочарованно переспросил Гиммлер, обращаясь к своему ближайшему подчиненному Кальтенбруннеру, давая понять, что ведь и примчался-то он только ради этого доклада.

– Не здесь, – отрубил начальник Главного управления имперской безопасности.

– Где же? – еще тише поинтересовался Гиммлер. Но вместо ответа Кальтенбруннер лишь повел массивным квадратным подбородком в сторону фюрера.

– …Теперь столь же основательно, – продолжал тем временем Гитлер, – о команде «Фау-зюйд».

– Инженерно-конструкторская группа «Фау-зюйд» сформирована в составе пятидесяти двух профессионалов. В основном это инженеры и конструкторы из IV опытно-конструкторского центра СС, работавшие под патронатом общества «Черное солнце», в свою очередь, являющегося отделением тайного общества «Ложа света», или, как его еще называют, общества «Врил». Все они являются ведущими специалистами по различным аспектам секретного проекта «Хаунебу-2» [51], на которых мы возлагаем большие надежды. Возглавляет эту команду доктор Герман Шернер,

– Кто-кто?!

– Руководитель секретного проекта Герман Шернер, – повторил Скорцени.

– Разве он, этот, как его все называли, Пенемюнденский Умник, не погиб при массированном налете англичан на Пенемюнде в августе этого года?!

Скорцени молча, смотрел на фюрера, покачивался на носках

и, поигрывая желваками, молчал. Он давал фюреру возможность исправить свою ошибку, однако тот не понимал, что происходит, и требовал ответа.

Точно так же, хотя и молча, требовали от него ответа все остальные присутствовавшие здесь. Первым, у кого сдали нервы, был Кальтенбруннер, который, не зная, как помочь своему подчиненному, подсказывал выход:

– Вы, очевидно, перепутали фамилию, Скорцени, – и недоуменно ожидал его реакции.

– Так кто возглавляет группу, штурмбаннфюрер? – почти по слогам спросил его Гитлер, давая понять своему личному агенту, что он испытывает его нервы.

– Доктор Герман Шернер, – уверенно повторил Скорцени. – Если позволено будет раскрывать эту тайну, мой фюрер, то уточню, что официально и Шернер, и два десятка его коллег числятся погибшими, в числе тех, которые действительно погибли. Но у меня есть все основания считать, что налет более шестиста английских летающих крепостей стал результатом или прекрасной работы английской и польской разведок, или, же явного предательства в наших рядах. В любом случае англичанам и американцам уже прекрасно известно, и что производилось на Пенемюнде, и кто из специалистов там был задействован, что и где именно следует бомбить. Как ясно и то, что теперь наши противники начнут охоту на Вернера Брауна, Артура Рудольфа, Эберта Рееса, Вальтера Риделя, Вальтера Гиля, Гельмута Вальтера [52] и других конструкторов и инженеров, чьи имена уже достаточно хорошо известны англо-американцам, Причем охота эта будет продолжаться и после войны. Независимо от того, как она завершится,

– Так оно, очевидно, и будет, – неожиданно поддержал его вице-адмирал Штауф. – Я чувствую, как разведка англичан стаей шакалов вертится вокруг нашего конвоя.

Его замечание комментировать никто не собирался, но Штауф, похоже и не рассчитывал на особый интерес к нему

– Как офицер СД, – вернулся к своему докладу Скорцени, – которому вы, мой фюрер, поручили заниматься безопасностью операции «База-211» и проекта создания оружия особого назначения, я предлагаю следующее решение: названные мною люди, как и ряд других ученых, будут продолжать работать над созданием сверхсекретного оружия в центре «Дора» и всех остальных центрах. Если мы вывезем этих людей на «Базу-211», иностранные разведки и охотники за конструкторскими скальпами не угомонятся до тех пор, пока не выяснят, что же произошло с этими людьми, куда их девали. И неминуемо выйдут

на Рейх-Атлантиду, лишив нас запаса времени, необходимого для спокойного и тайного ее развития.

– Так-так, – заинтригованный ходом его мыслей, фюрер приподнялся, и какое-то время слушал стоя, упираясь кулаками в поверхность стола. – Продолжайте, Скорцени, продолжайте.

– Поэтому они будут работать здесь, но документацию, касающуюся всех наиболее серьезных открытий, мы будем немедленно переправлять в Рейх-Атлантиду. Именно там мы будем производить летающие диски и другие аппараты, способные помочь нам покорить мир. И если мы потерпим здесь поражение, враги найдут на пепелищах наших заводов ложные разработки и следы неудачных испытаний самой современной техники. При этом мы должны организовывать утечки информации об исследованиях Брауна и его группы, а также об их неудачах. Пусть наших врагов это успокаивает.

– Пусть, – недовольно проворчал Гитлер.

– А еще враги наши получат барона фон Брауна и нескольких других конструкторов, которые, оставаясь верными идеям национал-социализма, станут растягивать свои новые разработки на десятилетия. Тем более, что мы лишим их всей технической документации. Это тактика, которую я называю тактикой жертвоприношения.

– А ведь вы, Скорцени, совершенно не верите в нашу победу, – язвительно заметил Гиммлер, очевидно, раздосадованный тем, что фюрер слишком благосклонно и некритично воспринимает идеи первого диверсанта рейха.

– Я верю в победу, но кто сказал, что мы обязательно сумеем добиться ее в конце сорок четвертого или летом сорок пятого года? На нас ополчилась половина мира – притом, что у нас не осталось ни одного достойного союзника. И это реальность, конца 1913 года. Но мы начинаем жить иной реальностью. Мы не будем господствовать над русскими или англичанами, мы будем господствовать… над миром! И представлять нашу планету в сообществе инопланетных цивилизаций – Он умолк и, выдержав мимолетную паузу произнес: – Простите, фюрер, я немного отвлекся.

– Продолжайте, Скорцени, продолжайте, – вдруг вспомнились Гитлеру интонации сталинской речи. – Партия, как, впрочем, и СС, должны учиться выслушивать своих членов.

– Так вот, доктор Герман Шернер, которого даже его коллеги считают самым талантливым в своем кругу; доктор Артур Шварцвальд и многие другие из тех, кого мы переправляем в Рейх-Атлантиду, конечно же, будут объявлены мертвыми: убитыми во время бомбежек, сожженными в крематории,

погибшими в лагерях или на фронтах. А как привяжете скрывать переброску в Антарктиду нескольких десяткой тысяч военнопленных? Куда они девались? Ясное дело, погибли! Да – повинимся мы перед всем миром – извините, все эти военнопленные вымерли от голода и болезней и сожжены в крематориях, а посему, как говорит в таких случаях Сталин: «Нет человека, нет вопроса!»

При упоминании имени правителя Советского Союза Гитлер вздрогнул и, вспомнив, что он все-еще стоит, медленно, обессиденно сунулся назад в кресло.

– Это я говорил о команде, работающей над проектом «Хаунебу». Но еще одна команда, в составе ста человек, сформирована из специалистов Пенемюнде, работавших под началом доктора Брауна, собственно, над самими ракетами Фау. Кстати, все члены обеих команд, по моему приказу, на какое-то время были переведены в один из наших подземных заводов, чтобы привыкнуть к работе под землей. Большинство из них адаптировалось довольно быстро. Но двоих пришлось отчислить и… изолировать: ничего не поделаешь, психологические срывы.

– А в Рейх-Атлантиде подобные срывы бывают? – поинтересовался Гитлер.

– Там несколько иные условия, – там не штольни, а огромные пустоты, большие пространства. Но срывы все равно случаются, дает знать о себе ностальгия, С этим борются: одних подлечивают, других… изолируют. Но со временем появится новое поколение, которое не будут знать о существовании иного мира, кроме Внутреннего. И тогда все наладится.

– А что, это тоже интересно, – проговорил фюрер, как бы оправдывая свое вмешательство в доклад обер-диверсанта.

– И, наконец, последнее, – продолжал тот. – Я выяснил, что с производством оружия особого назначения связаны девять авиационных и прочих заводов. Предлагаю; как только станет ясно, что Германия может оказаться оккупированной, – слово «оккупированной» Скорцени произносил, повернувшись лицом к Гиммлеру, – оборудование восьми из них, вместе с ведущими специалистами, мы должны будем тайно перебросить в Рейх-Атлантиду, после чего сами корпуса, нашпигованные устаревшим оборудованием, подставить под налеты англо-амерйканцев. Или же разбомбить собственными силами, работая «под врагов». А вот один обязательно нужно будет сохранить и принести в жертву. Но уже без основных специалистов, без документации и с устаревшим оборудованием. Уверен, что операция «Жертвоприношение» окажется очень эффективной. У меня все, мой фюрер.

Скорцени сел, не дожидаясь разрешения, однако фюрер никак не отреагировал на это. Он молчал, все остальные тоже молчали, и так длилось бесконечно долго.

– Теперь вы понимаете, – проговорил, наконец, фюрер, – что я не ошибся, когда назначил ответственным за безопасность операции «База-211» штурмбанифюрера СС Отто Скорцени. – А что касается заводов… К осени следующего года восемь из них должны быть переброшены в Рейх-Атлантиду. Здесь должны остаться лишь двойники некоторых заводов, пригодные к акции «Жертвоприношение».

* * *

Стоя на осадной галерее замка Викингбург, Гитлер, гросс-адмирал Дениц и штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени молча наблюдали за тем, как из секретной подземной базы «Норд-берг» одна за другой появлялись огромные черные тела субмарин «Фюрер-конвоя». Похожие на истосковавшихся по океанской вольнице акул, они устремлялись за косу Утопленников и, формируясь в неудержимые воинственные стаи, уходили на запад, в сторону Атлантики.

Мюнхен – Берлин – Одесса

[1] **В подчинении начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера находились Управление зарубежной разведки СД, полиция безопасности (гестапо), служба безопасности СС (СД) и другие управления и службы, в том числе отдел диверсий, возглавляемый в 1943 году личным агентом фюрера по особым поручениям гауптштурмфюрером СС Отто Скорцени.**

[2]**Эрих Редер (1876-1960) – гросс-адмирал, командовавший в 1935- 1943 годах германским флотом (Кригсмарине). В конце января 1943 подал в отставку после того, как Гитлер заявил, что прикажет сдать на металлолом все крупные надводные корабли, поскольку полностью разочарован действиями надводного флота. До конца войны Редер сохранял за собой лишь почетный пост генерального инспектора флота. В мае 1945 года, в качестве военнопленного оказался в Москве, а осенью этого же года приговорен Нюрнбергским трибуналом к пожизненному**

тюремному заключению, хотя просил заменить его расстрелом. В январе 1955 года освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья. Подражая фюреру, описал свой жизненный путь и изложил свои взгляды в книге «Моя жизнь».

[3]О Редере его сослуживцы отзывались как о педанте с гипертрофированным чувством преданности офицерскому кодексу чести и уставу. Его не любили за склонность к мелочным и неуместным придиркам, в том числе и по отношению к женам офицеров, которым он специальным приказом запрещал носить короткие юбки, стричь волосы и красить ногти.

[4]Новой Швабией высшее руководство рейха называло территорию Антарктиды в районе Земли Королевы Мод (название «Земля Королевы Мод» стало официальным только в 1957 году), разведанную пилотами германских гидросамолетов и обозначенную ими специальными вымпелами. Решением фюрера Новая Швабия была объявлена административной частью Третьего рейха. Именно на этой территории Гитлер решил заложить основы сотворения Четвертого рейха, в котором предполагалось взрастить новую расу арийцев.

[5]Всего в «Конвое фюрера» (или «Фюрер-конвое») в разное время насчитывалось от 20 до 35 (к 1944 году) субмарин. Часть из них рейдировала у берегов Новой Швабии, перехватывая подлодки и надводные корабли противника; часть – использовалась для переброски людей и грузов из Германии в Антарктиду. Восемь субмарин этого типа по своим размерам были значительно больше обычных боевых подлодок и имели специальные отсеки для грузов и пассажиров.

[6]Командиром крейсера «Эмден» фрегаттен-капитан Карл Дениц был назначен в 1934 году, сразу после того, как вернулся из Англии, куда был командирован для совершенствования своего английского языка.

[7]Исторический факт. Фюрером подводных лодок Дениц был назначен 8 июня 1935 года, после того, как Гитлер уже не пытался скрывать своего намерения создать мощный подводный флот, который бы значительно опережал флот любой другой страны. До конца дней своих – а умер он в декабре 1980 года в возрасте 89 лет – Дениц гордился тем, что находился у истоков создания германского подводного флота.

[8] **Обер-фейерверкер – старший матрос корабельной**

артиллерии. В германском флоте корабельные артиллеристы имели свою, особую, шкалу чинов, отличавшуюся от шкалы остальных моряков. Однако чин обер-фейерверкера существовал в шкале чинов, действовавшей только до 1937 года. В 1937-1945 годы этот чин приобрел название «обер-маринеканонир»

[9] Чин капитана цур зее соответствует званию капитана первого ранга (полковника) в современном российском флоте. Если капитан цур зее находился на адмиральской должности, то он именовался коммодором. Соответственно фрегаттен-капитан приравнивается к капитану второго ранга (подполковник), а корветтен-капитан – к капитану третьего ранга (майор). Дальше, по нисходящей, следовали: капитан-лейтенант (армейский капитан); обер-лейтенант цур зее, то есть, в буквальном переводе, «старший лейтенант на море», лейтенант цур зее.

[10]СА – организация армейского типа, созданная в 1921 году как «От-ряд обороны и пропаганды» Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП). Первичное название этой организации – «Штурмовое отделение», имеется в виду отделение НСДАП. Штурмовики-коричневорубашечники СА, как правило, не были вооружены, и основной их целью было – пропагандировать идеи национал-социализма, распространять нацистскую литературу, срывать пропагандистские мероприятия своих политических противников и охранять мероприятия НСДАП. Кстати, формированием СА по личному поручению Гитлера занимался морской офицер, лейтенант цур зее Ганс Клинцш.

[11]Здесь освещаются исторические события, связанные с организованной по приказу Гитлера большой экспедицией к атлантическому побережью Антарктиды на специально обустроенном судне «Швабенланд» под командованием капитана Альфреда Ритшера (Рихтера, Ритше). Ледяного континента экспедиция достигла в январе 1939 года, В романе фамилия капитана как героя художественного произведения, по известным причинам, изменена. В течение какого-то периода действие романа будет развиваться в двух временных плоскостях: в конце 30-х годов и в 1943-1944 годах.

[12] Официально Раттенхубер был начальником одной из двух сопроводительных команд, в состав которых входило по одиннадцать специально отобранных и подготовленных эсэсовцев. Вторую команду возглавлял штурмбаннфюрер СС Гешке.

[13] Исторический факт. Во времена прихода нацистов к власти в Берлине действительно обитал тибетский лама, прозванный Человеком в Зеленых Перчатках, сумевший перед выборами трижды точно предсказать количество будущих депутатов рейхстага от НСДАП. Известно, что фюрер неоднократно встречался с ним и что отношения между ними в конечном итоге не сложились.

[14] Обе формулировки принадлежат автору.

[15] Название «духовная раса тор-ариев» принадлежит автору.

[16] Термины арийский нацизм (в отличие от германского) бого-арийский, космогонический нацизм и арийский космонанацизм, как и их толкования, принадлежат автору.

[17] Чина гросс-адмирала, с которым он вошел в историю Германии, Эрих Йохан Альберт Редер удостоился лишь 1 апреля 1939 года, то есть чуть позже описываемых событий, происходивших в январе этого же года, А до этого времени Редер был обладателем чина генерал-адмирал, присвоенного ему Гитлером 20 апреля 1936 года, в честь своего дня рождения (47-летия).

[18] По имеющимся данным, линкор «Дойчланд» действительно совершил разведывательный рейд в район острова Элсмир, и данные, которые были собраны пребывавшими на его борту учеными и членами экипажа, послужили основанием для создания там германской военной базы. По одной из версий, эта база просуществовала до конца Второй мировой войны, по другой – вплоть до 1950 года и была обнаружена и уничтожена с помощью спецгруппы, созданной англо-американцами на основе тайного иудейского ордена «Приорат Сиона». Архив базы, судя по всему, находится в руках американских спецслужб и до сих пор остается засекреченным. Располагалась же эта островная база неподалеку от Северного магнитного полюса.

[19] Гиммлер посещал Пенемюнде в конце апреля 1943 года и действительно заверил командование Центра, что берет на себя защиту его коллектива от диверсий и предательства. После этого армейские и абверовские заслоны были усилены заслонами сил СД. Но, как показали события, эти меры, скорее, способствовали усилению влияния и контроля штаба Гиммлера на Центр, нежели на его безопасность.

[20]Инженер Рудольф Небель был одним из первых германских ракетчиков, обладателем нескольких патентов. После того как он не захотел расстаться со своими изобретениями, был арестован гестапо и, после

шестимесячных экзекуций в берлинских застенках, закончил свои дни в концлагере Бауцен. В лагере погибла и его невеста.

[21] Швабией называется историческая область Германии, расположенная в современных землях Баварии, где существует административный район Швабия, и Баден-Вюртемберга. Однако в былые времена она охватывала также часть северной Швейцарии и Эльзаса. Объединены швабы особым германским диалектом и, по одной из версий, представляют собой потомков одного из германских племен или племенного союза. Территорию в Антарктиде немцы назвали Новой Швабией потому, что исследование ее проводилось с борта судна «Швабенланд».

[22]«Шутцштаффель» – германское название организации, известной нам под аббревиатурой СС.

[23] Аненербе» (Аннербе) – официально назывался Институтом военных исследований. Однако в его структуре существовали отделы, которые занимались проблемами определения чистоты расы, оккультными науками, связями с Высшими Неизвестными (Посвященными, пребывающими то ли в тибетской Шамбале, то ли еще где-то), а также развитием теории «полой Земли» исходя из которой и велись поиски входа во Внутренний Мир нашей планеты в районах Арктики и Антарктиды. Институт находился под обшим руководством рейхсфюрера СС Гиммлера. Непосредственным его руководителем был некий ученый Вольфрам Зиверс.

[24] Абвер – разведывательная служба Верховного командования вооруженными силами Германии. Летом 1944 года абвер был ликвидирован, а Канарис арестован как предатель рейха и весной 1945 года расстрелян по личному приказу Гитлера.

[25] Имеется в виду знаменитый английский вице-адмирал Горацис Нельсон (1758-1805), разгромивший в 1805 году испано-французскую эскадру в Трафальгарском сражении.

[26] В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) тридцатичетырехлетний гауптштурмфюрер (капитан войск СС) Отто Скорцени появился лишь в начале марта 1943 года. Доступ к столь секретным материалам он получил как начальник отдела диверсий Управления зарубежной разведки РСХА и личный агент фюрера, прекрасно зарекомендовавший себя во время операции по освобождению из-под ареста Бенито Муссолини.

[27] Исторический факт. Именно так «База-211» была закодирована операция по созданию германской базы в

подземельях Антарктиды.

[28] Эсэсовская дивизия «Дас рейх», в составе которой воевал Скорцени, была остановлена *в* нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы, Перед этим значительную часть своего состава дивизия потеряла в боях под Ельней.

[29] Имеется в виду германский орден «Рыцарский крест».

[30] В дивизии «Дас рейх» Скорцени начинал службу в чине унтер-шарфюрера СС, то есть унтер-офицера войск СС В этом чине весной 1940 года "он участвовал в походе на Францию и лишь спустя почти год был произведен в офицеры, получив чин унтерштурмфюрера (лейтенанта) войск СС.

[31] Флаг Германской империи.

[32] Штурмбаннфюрер СС – чин, приравниваемый к общевойсковому чину майора. Однако при встрече майор вермахта обязан был первым приветствовать штурмбаннфюрера СС.

[33] События, о которых здесь упоминается, описаны в романе автора «Странники войны», который входит в многотомную эпопею «Война империй».

[34] Речь идет о создании подземного центра «Дора», созданного в толще горы Конштайн осенью 1943 года после налета на Пенемюнде.

[35] Мало кто знает, что аббревиатурное название этого типа ракет происходит от первой буквы немецкого слова «Vergeltungswaffee», что в переводе означает «оружие возмездия».

[36] Так назывался ракетный полигон, расположенный на мысе Пенемюнде острова Узедом, недалеко от балтийского побережья Германии. До июля 1943 года, до массированного налета 600 «летающих крепостей», там располагались конструкторские бюро и завод по производству ракет. После этого завод был перенесен в подземный лагерь «Дора», располагавшийся на глубине 70 метров в горах Гарца, неподалеку от городка Нордхаузен. По имеющимся сведениям, на этом заводе работало около 30 тыс. военнопленных.

[37] Как предполагают исследователи, существовало (в стадии разработки) сразу три проекта данного вида летательных аппаратов: «Хаунебу- 1, 11 и 111», предполагавшие разные модификации двигателей, вес летающего диска, скорость полета, состав вооружения и другие технические характеристики.

[38] О довольно близких отношениях между Отто Скорцени

и Лилией Фройнштаг, участвовавшей в нескольких операциях, проводимых первым диверсантом рейха, вы можете узнать из романов автора «Черный легион», «Ветер богов», «Странники войны» и других, входящих в эпопею «Война Империй».

[39] речь одет об операции «Черный кардинал» по похищению папы Римского Пия XII, которую Скорцени готовил по личному приказу фюрера. Однако в последний момент, когда Скорцени и его люди уже провели соответствующую работу в Ватикане и готовы были к основной акции, Гитлер не решился (вернее, его отговорили) идти на эту авантюру, опасаясь гнева всего католического мира. Этой операции посвящен роман автора «Черный легион».

[40] Замок-монастырь рыцарского ордена СС Вебельсберг располагался неподалеку от города Падерборна, ныне – земля Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ

[41] То есть принадлежат к командной верхушке, к «высшим посвященным» СС; в отличие от зеленых СС, к которым принадлежали бойцы полевых дивизий СС, а также бойцы из охраны концлагерей.

[42] Первым руководителем охранных команд (Sturmstaffeln – ss) действительно был сотрудник купленной в свое время Гитлером и постоянно опекаемой Геббельсом газеты "Фелькишер беобахтер", которая со временем стала ведущим партийным изданием НСДАП. А сменил его на этом посту полицейский агент. В романе даны их настоящие имена. Гиммлер же в это время был владельцем небольшой и не очень прибыльной птицефабрики и за свою казавшуюся странной в верхушке партии и СС, привязанность к деревенскому способу жизни получил прозвище Гиммлер-навоз.

[43] Мало кому из историков Второй мировой, а тем более писателей известно, что самый высокий чин в войсках СС имел Гитлер. Он был оберст-фюрером СС (дер оберст фюрер дер Шутцштаффель). Но поскольку все обращались к нему – «мой фюрер», а официально он именовался фюрером Великогерманскою рейха, то о его эсэсовском чине, как правило, никто никогда не вспоминал. Мало того, в литературе можно встретить много утверждений о том, что носителем высшего титула СС являлся Гиммлер.

[44] Имеется в виду международная конференция, проходившая 29- 30 сентября 1938 года в Мюнхене, в результате которой руководители четырех государств –

Германии, Англии, Италии и Франции (Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье) подписали соглашение о передаче Германии Судетской области Чехословакии.

[45] Первый вариант «Зеленого плана» предусматривал захват Чехословакии еще к 1 октября 1938 года.

[46] Речь идет о резиденте абвера в Лиме Эрихе Гимпеле, который в то время действовал под видом торговца техническими товарами. В ноябре 1944 года, уже как агент СД, он был высажен из подводной лодки на побережье США, с тем чтобы навести на Нью-Йорк трансатлантическую германскую ракету, но был арестован.

[47] «Рассе унд Зидлунгсхауптамт» – Главное управление по делам поселения и рас. Кроме всего прочего, в обязанности этого управления входило определение расовой чистоты молодоженов. Именно его сотрудники выдавали эсэсовцам, особенно руководящему составу СС, разрешения на браки с их избранницами.

[48] Шауб, закончивший войну в чине обергруппенфюрера, был одним из наиболее доверенных лиц Гитлера и не раз выполнял самые от-ветственнйге поручения. Его близость к фюреру объясняется тем, что он участвовал в Мюнхенском путче в 1923 году и вместе с Гитлером сидел в Ландсбергской тюрьме, В конце войны именно ему фюрер поручил уничтожить свой мюнхенский архив.

[49] Здесь воспроизводятся слова гросс-адмирала Деница, которые тот действительно произнес в 1943 году, когда фюрер резко активизировал усилия по созданию Рейх-Атлантиды, а следовательно, налаживал более интенсивную переброску туда людей, техники, вооружения и прочих грузов.

[50] После массированного налета английской авиации на ракетный центр Пенемюнде на острове Узедом Гитлер приказал перенести его основные бюро и лаборатории, а также ракетный завод в специальные штольни, пробитые в горе Конштайн (массив Гарц) северо-западнее города Нордхаузена. Занимались строительством заключенные концлагерей, которыми ведал Гиммлер. Здесь был создан специальный концлагерь «Дора-Миттельбау». Вскоре весь подземный комплекс получил кодовое наименование «Дора».

[51] Проект «Хаунебу» предусматривал создание и испытание летающих дисков (кстати, термина «летающая тарелка» тогда еще не существовало). Первые, испытанные немцами летающие диски обозначались серией «Haunebu».

[52] Здесь названы действительные имена группы

конструкторов, занимавшихся разработкой ракетной техники в районе Пенемюнде.

[53]«Общество кайзера Вильгельма» включало в себя 30 секретных институтов, работавших в различных областях исследований, касающихся военно-промышленного комплекса.

[54] Полигон, располагавшийся в тридцати километрах от Берлина, на котором действительно проходили первые испытания ракеты «А-1», предшественницы Фау.

[55] Испытательная команда Норд была сформирована в 1939 году по личному приказу Гитлера. Выполняя этот приказ, главком сухопутными силами вермахта генерал-полковник фон Браухич отозвал из действующей армии, или освободил от мобилизации около 4 тысяч специалистов, имеющих инженерно-техническое образование. Именно члены этой команды стали работать над оружием особого назначения и усовершенствованием военной авиации.

[56] Военным руководителем центра, созданного в 1936 году, был назначен, тогда еще в чине майора, молодой ученый доктор Вальтер Дорнбергер, руководитель первого ракетного проекта фон Брауна.

[57] Вернер Браун начинал свое образование в Цюрихской высшей технической школе, продолжил в Берлинской, а завершил студентом Берлинского университета Фридриха Вильгельма.

[58] Рейхзихерхайтсхауптамт – германское название Главного управления имперской безопасности (РСХА). которое Рейнхард Гейдрих, имевший прозвища «Человек с железным сердцем» и «Козел» (за его высокий, с гундосиной, голос), возглавлял с 1939 года и до дня своей гибели от рук чешских партизан на окраине Праги 4 июня 1942 года.

[59] Общество «Туле» («Фуле») было основано в 1918 году, в Мюнхене, как одно из ответвлений Тевтонского рыцарского ордена. В том же году членом этого общества стал и Гитлер. Существует вполне оправданное предположение, что мистически настроенный Гитлер стал фюрером германских нацистов именно под влиянием идеологов «Туле», которые, используя свое влияние, помогали Гитлеру в его восхождении в фюреры.

[60] Коба – одна из кличек Сталина. Так называли его люди, которые были знакомы с ним еще со времен революции.

[61] Здесь цитируются слова Гитлера, сказанные им в июле 1942 года в ставке «Вервольф» под Винницей, которые он затем неоднократно, в разных интерпретациях, повторял.

Остров Мадагаскар упомянут был Гитлером неслучайно. В 1940 году на одном из секретных совещаний высшего руководства рейха обсуждался вопрос о полном переселении всех европейских евреев на этот остров. Однако в январе 1942 года, во время конференции высшего руководства рейха, НСДАП и СС с участием группы германских политиков и ученых в Ванзее была принята доктрина и выработан проект «окончательного решения еврейского вопроса» (строго секретный план «Endlosung»), согласно которому все европейские евреи подлежали уничтожению.

[62] Йорг Ланц фон Либенфельс выступал под псевдонимом Георг Ланц. Этот бывший монах во времена фюрера стал издателем журнала «Остара», на страницах которого обсуждались проблемы расовой чистоты. Понятие «хельдинги» происходило от слова «», то есть «герой», а «аффлинги», от слова «Affe», то есть «обезьяна». В начале своего восхождения Гитлер увлекался его публикациями.

[63] По имеющимся сведениям, у Гитлера было три официальных двой-ника, личности которых по понятным причинам не афишировались. С протокольной достоверностью известно, что труп одного из них был обнаружен представителями советского командования в мае 1945 года во дворе рейхсканцелярии. Именно это обстоятельство используется сейчас сторонниками версии о том, что на самом деле 30 апреля 1945 года в бункере покончил жизнь самоубийством не Гитлер, а один из его двойников.

[64] особые курсы, располагавшиеся в одном из пригородов Берлина, буквально в часе езды от Главною управления имперской безопасности, в охотничьем замке Фриденталь, по названию которого эти курсы еще порой называли Фридентальскими. Здесь готовили элиту германской диверсионной службы и руководителей повстанческих движений для различных стран и народов, в том числе и для республик СССР. Курсантом, а затем и руководителем их был Отто Скорцени.

[65] Город, расположенный на северо-востоке федеральной земли Северный Рейл-Вестфалия. Недалеко от этого города находится средневековый замок Вебельсберг, который незадолго до Второй мировой войны был реконструирован и использовался высшей верхушкой СС в качестве своего секретного штаба. Именно в этом замке проводились самые секретные совещания СС-элиты.

[66] В германском флоте существовало пять адмиральских

чинов: контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал, генерал-адмирал и гросс-адмирал. Чин гросс-адмирала соответствовал высшему чину вермахта – генерал-фельдмаршалу.

[67] Одна из многих заложенных автором в этом романе гипотез, предлагающих объяснение некоторых тайн нашей планеты.

[68] Одна из авторских гипотез, предлагающих объяснение некоторых тайн нашего бытия.

[69] По одной из версий, летающий диск инопланетного или какого-то иного происхождения действительно потерпел в 1936 году крушение в районе Фрейбурга, и германским ученым якобы удалось определить принцип работы двигателя и функционирования энергетической системы данного корабля.

[70] Такая элитарная организация – Союз межпланетных сообщений – действительно существовала в Германии уже в конце 20-х годов, и членами ее являлись Вернер Браун, Вальтер Дорнбергер, Рудольф Небель и некоторые другие известные ракетчики и самолетостроители.

[71] Исторический факт. Б Германии были созданы особые, курортного типа, пансионаты, в которых специально отобранные девушки-арийки обязаны были производить на свет детей, занимаясь любовью с отобранными, физически здоровыми, с хорошей арийской родословной, эсесовцами. Назывались эти закрытые пансионаты Лебенсборнами (то есть «источниками жизни»), а детей, которые в них рождались, именовали детьми рейха или даже детьми фюрера.

[72] Римское приветствие, которым во времена позднего Рима императора приветствовали его приближенные. Во времена нацистской Германии получило название германского приветствия. До 20 июля 1944 года, то есть до покушения на Гитлера, германское приветствие (правая рука с раскрытой ладонью, поднятая вперед и вверх) применялось только в вермахте и только лишь «как офицерское приветствие по отношению к фюреру». Однако 23 июля 1944 оно было введено как обязательное, уставное приветствие в вермахте, которым каждый военнослужащий должен был свидетельствовать о своей преданности Гитлеру.

[73] Исторически засвидетельствовано, что, становясь членом экипажа одной из субмарин «Конвоя фюрера», поддерживавшего связь между Новой Швабией и Германией, каждый военный моряк обязан был принимать обет вечного

молчания, нарушение которого каралось смертной казнью.

[74] «Хорст Вессель» – нацистский гимн, который в годы гитлеризма исполнялся на всех церемониях сразу же после национального гимна рейха.

[75] Здесь нашего героя подводят к мысли о том, что многие открытия арий-атланты «спускают» нашим ученым точно так же, как во сне «спустили» Менделееву его знаменитую таблицу.

[76] Исторический факт. В институте Германа Геринга действительно тайно прослушивали и записывали все междугородные разговоры Гитлера. Когда это открылось, Гиммлер пришел в ярость и попытался переподчинить институт ведомству Шелленберга. однако полностью сделать это так и не удалось. По мнению автора этих строк. Геринг вполне мог использовать технические возможности своего института, а также разведывательные радиоточки на юге Латинской Америки и Африки для связи с Новой Швабией. То есть вести собственную игру.

[77] Исторический факт. Такую операцию по созданию своего подво дного флота Гитлер действительно предпринял. Она была секретной поскольку, по условиям Версальского договора, подводившего скорбные для Германии итоги Первой мировой войны, эта страна не имела права обладать своим подводным и воздушным флотами.

[78] Такая закрытая, засекреченная конференция действительно состоялась в 1938 году в Берлине.

[79] Как свидетельствует в своих воспоминаниях бывший глава службы внешней разведки РСХА Вальтер Шелленберг, а также исходя из сведений от ряда других лиц и источников, к осени 1943 года Геринг утратил всякий авторитет в глазах Гитлера и германской верхушки. Падение его авторитета началось еще в 1942 года, после провала его плана воздушной войны и. в частности, воздушной блокады Англии. К тому времени сам Геринг, как многим казалось, потерял всякий интерес к событиям на фронте и увлекался в основном наркотиками и роскошной, далекой от военных тревог, жизнью чтобы выступать против фюрера и Гиммлера! А теперь еще и против героя нации Скорцени, в подчинении которого пребывают сейчас почти все отъявленные сорвиголовы рейха».

[80]Председателем Имперского совета по обороне главнокомандующий Военно-воздушными силами Германии Герман Геринг был назначен 30 августа 1939 года. А уже 1 сентября, Гитлер официально объявил его своим

преемником. Таким образом, Геринг стал вторым человеком рейха, наиболее влиятельным после фюрера, В июне 1940 года ему присвоен чин рейхсмаршала, самый высокий в люфтваффе.

[81]«Королем спекулянтов» Германа Геринга называл рейхсфюрер СС Гиммлер, который недолюбливал главнокомандующего люфтваффе за его склонность к праздному образу жизни, к обогащению и слишком уж бросающейся в глаза домашней роскоши.

[82] Исторический факт. Папа Карл – было одним из прозвищ Карла Деница.

[83] Из доклада начальника экспедиции известно, что в обшей сложности было осуществлено 15 полетов, и на 11 тысячах снимков запечатлено порядка 350 тыс. кв. км материка. Всего же было обследовано около 600 тыс. кв. км территории Антарктиды, на которую Германия хотя и неофициально, но все же претендовала, в то время, как Норвегия выдвинула официальные претензии.

[84] Имеется много указаний на то, что подобный тайный монашеский орден, нацеленный на сдерживание технократического и военного развития нынешней цивилизации, действительно существует. Как реальным историческим фактом является и существование огромного количества плит с зашифрованными на них знаниями, которые следует рассматривать как послания неизвестной нам, давно погибшей цивилизации – грядущим поколениям землян.

[85] Исторический факт. Именно в таком одеянии и с маршальским жезлом в руке и встретил Геринг начальника внешней разведки РСХА Вальтера Шелленберга, когда тот явился, чтобы провести с ним официальные переговоры о передаче научно-исследовательского института Германа Геринга в ведение VI управления РСХА.

[86] В своих послевоенных мемуарах «Лабиринт», анализируя отношения между фюрером и Герингом той поры, Шелленберг писал: «Геринг больше не пользовался авторитетом: его звезда закатилась после провала авиационного наступления на Англию. С той поры он, по-видимому, вообще потерял всякий интерес к военным делам. Одни приписывали это тому что он все чаше прибегал к морфию, другие – его губительному увлечению роскошной жизнью».

[87] Обергругшенфюрер (генерал-полковник) Шауб являлся личным адъютантом Гитлера и одним из наиболее

доверенных его лиц. Исключительная приближенность к фюреру объяснялась не столько его должностью, сколько тем, что, как участник нацистского путча 1923 года, он вместе с Гитлером сидел в Ландсбергской тюрьме. Известно, что в апреле *1945* года, исходя *из* секретного задания фюрера, Шауб вылетел в Мюнхен и лично уничтожил весь секретный архив, в частности стенографические отчеты проводимых Гитлером военно-политических совещаний, которые хранились в Мюнхене с 1942 года. Автор предполагает, что именно в этих архивах были похоронены и сведения, касавшиеся совместной сверхсекретной операции люфтваффе, Кригсмарине, СС и Главного управления имперской безопасности по созданию германской подземной колонии в Антарктиде, которую предпочитает автор называть Рейх- Атлантидой.

[88] В подобных штольнях, проложенных в скальном грунте в Балаклавской бухте Севастополя, находили укрытие советские подводные лодки.

[89] Вторым человеком, имевшим такой чин, был Эрих Редер (1876- 1960), являвшийся предшественником К. Деница на посту главкома Кригсмарине. С января 1913 года и до конца войны занимал почетную должность главного (генерального) инспектора флота.

[90] Ганс Раттенхубер был начальником сопроводительной коман ды фюрера, в которую входило еще одиннадцать подчиненных зсэсов цев. Команда была обязана сопровождать фюрера во время его поездок по стране и «выходов в народ», обеспечивая при этом его личную безопасность.

[91] В этой речи использованы высказывания Гитлера, засвидетельствованные различными историческими источниками.

[92] Вплоть до января 1944 года в войска СС принимали арийцев ростом не менее 175 см. Исключение делалось только для некоторых офицеров, которые были ветеранами партии и войск СС. В 1944 году, в связи с большими потерями на фронтах, ростовой барьер был снижен до 170 см.

[93] Исторический факт. Этот секретный учебный центр, располагавшийся в Судетах, на границе между Польшей и Чехией, готовил солдат для действий в суровых условиях Арктики и Антарктиды. Предполагается, что большинство его выпускников было направлено в Новую Швабию, где они использовались в качестве гарнизона «Базы-211»

[94] Речь идет о медали «Зимняя кампания», которой в

основном награждались участники боев под Москвой зимой 1941 года Гитлер требовал, чтобы этих солдат, а особенно офицеров, выделяли и всячески поощряли, поскольку считал их самыми стойкими и преданными.

[95] Ваффен СС или зеленые СС относились к первому, низшему классу Черного ордена СС, основу которого составляли эсэсовские армейские части и подразделения охранной службы. Девизом солдат Ваффен СС были слова: «Верить! Повиноваться! Сражаться!»

[96] Исторический факт. Такой город действительно создавался в обстановке особой секретности на территории современной Польши. Этой тайне Третьего рейха посвящен роман автора «Восточный вал», который будет издан в издательстве «Вече».

[97] Государство Франкония существовало во времена Карла Великого (742-814) из династии Каролингов. В состав Франконии входили части территорий современной Германии, Франции и Швейцарии. Гитлер планировал возродить Франконию уже как страну Черного ордена СС, в которой вся власть принадлежала бы высшему руководству СС и где Национал-социалистская рабочая партия Германии не имела бы никакой реальной власти. Подробнее об идее Франконии СС читайте в романе автора «Похищение Муссолини».

[98] Эти воспоминания позаимствованы из книги воспоминаний Отто Скориени «Geheimkommando Skorzeny» («Секретная Команда Скорцени») изд-во «Ганза»).

[99] Человек, вобравший в себя всепоглощающую энергию космоса – Вриль, как убеждали своих последователей адепты существовавшего в те годы в Германии Общества Вриля, способен становиться повелителем своего тела, своего общества и всего мира. Факты свидетельствуют, что именно адепты Вриля оказывали самое действенное влияние на формирование мировоззрения Гитлера и на его идею создания нового рейха на территории Новой Швабии.

[100]Исходя из тайного нацистского учения, а также из толкования адептов Общества Вриля, Высшие Посвященные должны восприниматься нами, как некие полубога, являющиеся духовными наставниками и земными патронами арийцев, воспитателями сверхчеловека. По версии автора, именно они открыли в 1939 году доступ германцам к тайнам Внутреннего Мира, к подземному раю Антарктиды и именно они выступают посредниками между рейх-атлантами Антарктиды и представителями галактической цивилизации,

давно установившей контроль над формированием новой расы землян, зарождающейся во Внутреннем Мире нашей планеты

[101] Речь идет о штандартенфюрере (полковнике) СС Гюнтере д'Алькене который являлся редактором эсэсовской газеты «Дас Шварце Кор» Один из немногих высших эсэсовских чинов, который отличался определенным вольнодумием, что, впрочем, никак не проявлялось на страницах его одиозной фанатичной газеты.

[102] Здесь автор предлагает версию появления в нашей действительности так называемых людей в черном, о действиях которых множество раз писали различные издания, однако никто и никогда не попытался более или менее аргументированно и убедительно объяснить происхождение и цели этой решительной когорты, этой касты таинственных незнакомцев.

[103] Гитлер действительно не раз демонстрировал ироничность своего отношения к Шелленбергу, однако она никогда не приводила к серьезным конфликтам между ними. К моменту прихода в 1933 году к власти национал-социалистов Шелленберг был безработным недоученным студентом, который проучился в Боннском университете всего три года, сменив при этом медицинский факультет на юридический, но и его тоже не окончил. Карьеру он сделал благодаря тому что, в свои 22 года, вступил сначала в нацистскую партию, а затем и в СС.

[104] Во время Нюрнбергского процесса Хауссер, в то время уже генерал-полковник войск СС, заявил: «Все знали, что Гиммлер служил в армии рядовым всего год и ничего не понимал в военных вопросах. Он недооценивал важность задач, стоявших перед военнослужащими. Он любил строить из себя человека с твердой рукой, подчеркивая свое превосходство и преувеличивая свои заслуги».

[105] Имеется в виду приказ рейхсфюрера СС Гиммлера от 28 октября 1939 гола, который прямо обязывал молодых эсэсовцев позаботиться о наследниках путем внебрачных половых связей, в том числе и в лебенс-борнах, куда, после надлежащего медицинского освидетельствования, направляли на два-три дня многих молодых эсэсовцев-фронтовиков, находившихся в отпусках.

[106] *СС* санитатетсхауптамт – Главное медицинское управление СС, от медико-психологических заключений которого во многих случаях зависело назначение того или иного члена СС на более высокую должность.

[107] Речь идет о ставке фюрера, располагавшейся в Баварских Альпах, в 160 км от Мюнхена, недалеко от австрийской границы, на окраине курортного местечка Берхтесгаден. В 1925 году Гитлер снял там для себя небольшой загородный дом, а уже в 1933-м, по его приказу, на окраине Берхтесгадена был возведен укрепленный замок, вошедший в историю как одна из ставок фюрера – «Бергхоф», или, как ее еще называли, «Орлиное гнездо».

[108] В начале тридцатых годов ставка «Бергхоф» действительно тайно возводилась под руководством рейхслейтера Мартина Бормана. В признательность за это фюрер появлялся в «Бергхофе», как правило в его сопровождении, что было предметом особой гордости заместителя фюрера по партии, который также считался и его личным секретарем.

[109] Помпезный особняк, возведенный по приказу Гитлера в Мюнхене в середине тридцатых годов. Фасад этого выкрашенного в коричневый цвет особняка украшала огромная свастика. В Коричневом доме располагался рабочий кабинет фюрера, так называемая Сенатская комната, в которой вокруг огромного стола стояли 24 кресла, обитые пурпурной кожей, а также рабочий секретариат вождя рейха.

[110] Исторический факт. Такая школа действительно существовала. Подробнее о ней вы можете узнать из романа автора «Ветер богов».

[111] Речь идет об особой команде «Дора», возглавляемой личным особым уполномоченным фюрера группенфюрером (генерал-лейтенантом) СС Гансом Каммлером, которая занималась разработкой ракет Фау, а также создавала первые образцы летающих дисков.

[112] Мария Отте была одним из талантливейших контактеров института «Аненербе». Благодаря ей, согласно существующей версии, германским конструкторам удалось получить по одному из космических каналов данные о техническом строении летающих дисков и принципах работы их двигателей.

[113] Бургами в Западной Европе в старину называли обведенные крепостными стенами рыцарские замки. Города, которые возникали у стен этих замкрв, как правило, носили названия, в окончании которых было слово «бург»: Люксембург. Страсбург, Питсбург…

[114] «Адлерсхорст» – «Орлиное гнездо». Одна из малоизвестных полевых ставок Гитлера, располагавшаяся в Западной Германии, неподалеку от границы с Францией.

Создана была специально для того,чтобы Гитлер мог командовать из нее войсками, сражавшимися на Западном фронте. В ноябре 1944 года Гитлер навсегда оставил свою главную ставу «Вольфшанце», располагавшуюся в Восточной Пруссии, поскольку к ней уже приближались советские войска, и перебазировался со своим штабом в «Орлиное гнездо». Как предполагалось, именно оттуда его должны были доставить самолетом в один из портов Германии, чтобы оттуда на субмарине «Фюрер-конвоя» переправить в Латинскую Америку. Однако, исходя из официальной версии, в середине января 1945 года он прибыл в Берлин и превратил в свой последний штаб бомбоубежище рейхсканцелярии.

[115] Речь идет о реальных исторических событиях, приведших к жестокой расправе Гитлера с сотнями своих соратников по партии, в том числе с руководством и активом СА (Sturmabteilungen- «штурмовые подразделения») в июне1934 года.

[116] В этой "Речи фюрера" используются политические и философские сентенции из истинных высказываний Адольфа Гитлера.